Аффасиаб

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Институт истории и археологии

Афрасиабская комплексная
археологическая экспедиция

АФРАСИАБ

Выпуск
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УзССР

Ташкент-1969

902 6
А94

Сборник посвящен истории археологических исследований на городище Афрасиаб, обзору работ, выполненных на городище экспедицией Института истории и археологии АН УзССР, задачам и методам исследования. В некоторых статьях освещены в основном вопросы хронологии — времени возникновения и развития поселения на Афрасиабе в плане изучения стратиграфии культурных наслоений. Сообщаются новые данные по истории и археологии древнего и средневекового Самарканда.

Сборник рассчитан на специалистов-археологов, преподавателей и студентов вузов и на всех интересующихся историей Средней Азии.

Ответственный редактор
академик АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ

В. А. Шишкин

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ САМАРКАНДА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Посвящается светлой памяти.
Василия Лаврентьевича
ВЯТКИНА

Два с половиной десятилетия назад появилась работа А. Ю. Якубовского[1], посвященная истории археологического изучения Самарканда. В ней подняты вопросы изучения и охраны архитектурных памятников, рассмотрены раскопки в Самарканде начиная с 70-х годов XIX в. Однако некоторые выводы и оценки А. Ю. Якубовского встречают возражения и требуют пересмотра. Статья ограничена данными за 30 лет нашего столетия и сейчас значительно устарела. Рост археологической науки в Средней Азии в послевоенное время заставляет заново пересмотреть накопившиеся материалы. Необходимо возможно полнее собрать и окинуть общим взглядом все добытое работами как дореволюционных, так и советских историков и археологов, любителей и специалистов. А материал этот, разбросанный в многочисленных, иногда трудно доступных в настоящее время изданиях, архивах, советских и зарубежных музеях, поистине огромен.

Предлагаемые обзор археологических работ о Самарканде и его окрестностях, конечно, не может претендовать на

---

[1] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, ТОВЭ, II, 1940, стр. 285—336. Критические замечания и поправки к этой работе см. в ст.: М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, ч. I, Труды САГУ, н. с., т. XXXI, историч. наука, кн. 12, Ташкент, 1956.

исчерпывающую полноту. Многие документы, особенно неопубликованные, по-видимому, утеряны и могут быть выявлены лишь благодаря счастливым находкам в архивах или частных собраниях. Хранящиеся в фондах музеев коллекции требуют специальных описаний и всестороннего исследования.

Автор ставит задачу, насколько это в его возможностях, разобраться и правильно оценить историко-топографические и стратиграфические данные археологических работ, производящихся в Самарканде и его окрестностях, проследить, как складывались и изменялись взгляды историков и археологов на историю образования и развития древнего города.

Огромные развалины по соседству с современным Самаркандом, множество разнообразных, иногда загадочных предметов, найденных кладоискателями и случайными посетителями, громады покрытых изразцами замечательных архитектурных сооружений, связанных к тому же с именем жестокого и грозного завоевателя Тимура, — все это вызывало неизменный интерес каждого, кто проезжал через Самарканд. Древности города описаны или упоминаются многими авторами, иногда весьма далекими от истории или археологии. Даже не искушенному в этих вопросах путнику они говорили о далеком блестящем прошлом города.

Первое описание Самарканда на территории бугра Афрасиаб встречается у известного марокканского путешественника Ибн Батуты, посетившего город в 1333 г. —сто тринадцать лет спустя после разгрома его Чингиз-ханом: «Самарканд является одним из крупных и красивых городов мира. Город расположен на речке стиральщиков белья (имеет в виду реку Сиаб), на которой поставлены водоподъемные колеса для орошения садов и насаждений. В городе много великолепных дворцов, больших зданий, большинство которых лежит в развалинах, преобладающая часть самого города также состоит из развалин. Город не имеет ни стен, ни ворот»[2]. Филипп Ефремов в 70-х годах XVIII в. писал: «Вид-

---

[2] Ибн Батута. تحفة النظار فى غرائب الامصار و عجائب الاسفار

т. II, Стамбул, 1333 г. хиджры, стр. 425—426.

но, что сей город был прежде немалый, а ныне разорен и против прежнего в третью часть меньше»[3].

О памятниках древности Самарканда написано огромное количество книг, статей и мелких заметок. Большая их часть принадлежит русским авторам, но немало издано и на европейских языках, а после Октябрьской революции — на языках народов среднеазиатских советских республик. Однако не вся литература имеет серьезное значение, большинство авторов ограничивается беглыми наблюдениями и впечатлениями. Немало дают они неверных сведений, полученных от неграмотных гидов, а порой перепутанных данных. Этим нередко грешили не только репортеры центральных и местных газет и досужие путешественники, но и авторы, считавшиеся в свое время серьезными исследователями. Особенно неблагополучно в этом отношении было в литературе, издаваемой за границей.

Можно смело сказать, что археологическое изучение Самарканда, как и всей Средней Азии, было делом русских и советских ученых. Они, пусть в начале с ошибками и неточностями, прокладывали первые пути исследования, уточняя постепенно методы исследования, ставя перед собой все новые и новые проблемы и частные вопросы, требовавшие разрешения.

Автор ограничивается в этой работе обзором того, что сделано в области исследования тех памятников, которые относятся к древнейшему периоду истории Самарканда и средневековому городу домонгольского времени, когда в результате разгрома ордами Чингиз-хана древний город в большей части был покинут жителями и возродился уже на новом месте, соответствующем дошедшему до нашего времени «старому городу».

Обзор не претендует на исчерпывающую полноту данных, предстоят еще поиски, возможно, сохранившихся кое-где документов и сведений. Автор не считает также окончательными и безукоризненными приводимые им характерис-

---

[3] Филипп Ефремов. Российского унтер-офицера, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим, СПб., 1786. Книга неоднократно переиздавалась, последнее издание — под ред. Э. Мурзаева, М., 1952, стр. 41.

тики тех или иных деятелей в области археологии Самарканда.

Наибольшее внимание автором уделено тем археологическим работам, которые не опубликованы или описаны в мало доступных и редких изданиях. Особенно это относится к археологическим работам В. Л. Вяткина, данные о которых можно было собрать лишь на основе отрывочных и очень неполных сведений, сохранившихся в архиве ученого.

Автор выражает надежду, что предлагаемые сведения по истории археологического изучения Самарканда будут полезны для современных и будущих исследователей далекого прошлого этого города.

Первые сведения о памятниках прошлого Самарканда

Первые достаточно обстоятельные и надежные сведения о Самарканде и его памятниках сообщили члены миссии горных инженеров К. Ф. Бутенев и Ф. Богословский, посланные в Бухарское ханство в 1841 г. В задачи этой миссии, кроме изучения горного дела, входил сбор научных сведений о Средней Азии. В работе участвовали натуралист Александр Леман и востоковед Н. В. Ханыков, тогда еще молодой, начинающий ученый[4].

Н. В. Ханыков описал стены и ворота города, цитадель, систему орошения, сообщил краткие сведения об архитектурных памятниках.

В прежние времена, по наблюдениям Ханыкова, город занимал большее пространство. Основанием для такого заключения послужило то, что верстах в четырех к западу от современного города находится стена, а с северной стороны все пространство почти до самого Зарафшана покрыто развалинами, называемыми Калаи-Афрасиаб. Как считает Ханыков, такое протяжение город имел до Тимура, «при нем же объем его был тот же, что и теперь, с тою разницей, что обработанность была несравненно более, чем ныне, потому, что и доселе за пределами обработанной земли попадаются

---

[4] Николай Владимирович Ханыков родился в 1822 г., умер в 1872 г.

остатки садов»[5]. Все это, конечно, не отличается большой точностью. Но точности и нельзя требовать: осмотр местности возможен был только беглый, а история Средней Азии в те времена была очень мало известна.

К книге Ханыкова приложен план Самарканда с окрестностями, составленный сопровождавшим миссию топографом Яковлевым. В трудных условиях работы Яковлев не только ухитрился охватить значительную площадь, но и нанести много подробностей. На плане ясно показана территория города с цитаделью, Регистаном, мечетью Биби-Ханым, мавзолеем Тимура, городищем Калаи-Афрасиаб к северу от города и Шахи-Зинда в его южной части. Вне города помещены «строение времен Тимурлянга» (в действительности — мавзолей Ишрат-хана второй половины XV в.) и могилы, соответствующие тому месту, где находится мазар Ходжа-Абди-Дарун; к югу от города — медресе Диван-беги (в сел. Ходжа-Ахрар, на плане не обозначенном). К западу от города нанесена часть упоминаемой Ханыковым стены, обозначенная как «развалины бывшей стены города Самарканда». Это — известная ныне в литературе древняя стена Дивари-Киамат, окружавшая некогда район Самарканда.

Более близкое знакомство археологической науки с Самаркандом и его древностями становится возможным только после присоединения города и области к Туркестанскому генерал-губернаторству в 1868 г. Тогда же начинается и накопление знаний о памятниках древности Самарканда. Сведения о них появляются и в периодической печати, и в книгах и очерках лиц, посещавших город. Началось и собирание древностей. Один из них, например, найденный штаб-ротмистром Терентьевым камень с эпитафией Шейбани-хана, поступили в государственные хранилища, в частности, в Эрмитаж, другие — в частные коллекции, третьи как редкости и «сувениры» расходились по рукам офицеров и чиновников и исчезали бесследно для науки.

Значительное внимание памятникам Самарканда уделил талантливый исследователь природы Средней Азии А. П. Федченко, человек весьма разносторонних интересов.

---

[5] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

В своем «Отчете» об экспедиции[6] и «Топографическом очерке Зеравшанской долины»[7] он описывает исторические памятники Самарканда.

Кратко упоминает А. П. Федченко и об Афрасиабе[8] — развалинах, окружающих город с северной стороны, которые он считает более обширными по площади, чем город его времени. По рассказам, которые слышал А. П. Федченко, весенние дожди вымывают в этой местности монеты и другие драгоценные вещи[9].

«Курганы», подобные афрасиабским, Федченко отметил и в других местах. Иногда они окружены валом, заметны следы ворот. Из этого он делает правильный вывод о том, что здесь были крепости, подобные «аркам» или цитаделям, сохранившимся еще в бухарских городах[10].

Описал исследователь и ряд интересных мест и сооружений в Ургуте, Дахбиде, Катта-Кургане и др.

В том же 1869 г., когда проводил свои исследования А. П. Федченко, Зарафшанскую долину посетил известный востоковед-тюрколог В. В. Радлов (1837—1918), раскапывавший перед этим курганы в Семиреченской области. В отчете об этой поездке[11] В. В. Радлов сообщает о виденных им в долине Зарафшана огромных насыпях, которые он принимает за древние курганы. «Осбеки, — пишет он, — на них устроили частью укрепления, но я думаю, что насыпи гораздо древнее, чем осбекское население в этих местах». Особенно интересно наблюдение В. В. Радлова относительно следов древнего орошения «в безводных местах между Яны-Курган и Самаркандом, которые по недостатку воды совершенно пусты».

---

[6] А. П. Федченко. Отчет Туркестанской ученой экспедиции Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 16 апреля 1869 г. по 15 апреля 1870 г.). В кн.: А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, М., 1950, стр. 74—125.

[7] Там же, стр. 126—148.

[8] У Федченко — «Афрозиаб».

[9] «Однако, несмотря на все мои старания, я не мог получить вещей, вымытых прошлой весной». А. П. Федченко. Топографический очерк, там же, стр. 146.

[10] Там же, стр. 146.

[11] Отчет о раскопках курганов, произведенных В. В. Радловым летом 1869 г., Архив Археологической комиссии, дело № 22, 1868.

Интерес к древнему городищу Афрасиаб проявляют многие лица, так или иначе попадавшие в Самарканд. Разнообразные находки приобретаются в качестве экзотических «раритетов» офицерами, чиновниками и другими лицами, попадавшими в Самарканд. Спрос на древние предметы вызвал появление антикварной торговли, а затем и усиление кладоискательства, следы которого многочисленны и в настоящее время.

Кладоискательство приняло такие размеры, что туркестанская администрация была вынуждена издать в 1871 г. специальное распоряжение о прекращении самовольных раскопок[12]. Однако это запрещение вряд ли сыграло особенно большую роль, поскольку никакой охраны памятников не было организовано[13]. В развалинах Афрасиаба продолжали рыться пастухи, могильщики выкапывали древние предметы на огромных кладбищах, занимавших южную часть городища. Копали Афрасиаб и кладоискатели с целью продажи находок, и любители, пытавшиеся добыть древние редкости своими силами. Характерно известие о полковнике князе Трубецком, напечатанное в «Сыне Отечества»: «Осматривая Афрасиаб, полковник встретил возвращавшихся вечером с работы мардикеров. За один рубль они согласились «покопать на удачу» где-нибудь в развалинах. Через полчаса была найдена статуэтка, изображающая полулежащего человека, охватившего правою рукою льва»[14]. Такие случайные раскопки «на удачу», надо полагать, предпринимались и другими лицами.

В 70-х годах в Самарканде было найдено немало интересных находок, сведения о которых не сохранились. Несомненно, большая часть таких предметов не попадала ни в музеи, ни в коллекции любителей, а оказывалась в руках людей, не способных их оценить и проявлявших к древностям Самарканда лишь временный интерес.

Много археологических предметов было собрано при прокладке через Афрасиаб дороги в Ташкент (по трассе со-

---

[12] «Туркестанские ведомости», 1871, № 12.

[13] Распоряжения с запрещением портить и разрушать памятники и производить самовольные раскопки неоднократно повторялись. См. М. Е. Массон. Краткий очерк..., стр. 9.

[14] «Сын Отечества», 1883, № 288.

временного шоссе, пересекающего городище в восточной части)[15].

С проведением этой дороги связана и первая едва ли не во всей Средней Азии находка кремневого нуклеуса, зарисовку которого сделал в 1881 г. геолог и писатель Д. Л. Иванов[16].

Интересно сообщение о находке между 1872 и 1878 гг. во рву Самаркандской крепости нескольких бронзовых образков длиной в один вершок, овальной формы с ушком для подвешивания. По определению А. Корчагина, у которого мы заимствуем эти сведения, на них были изображения архангела Михаила, Георгия Победоносца, христианских святых— Федора, Саввы и Марии. На образках были греческие надписи[17].

Возможно, с проведением дороги через Афрасиаб связана и находка здесь клада медных монет, определение которого сделано В. Г. Тизенгаузеном. Им установлены 11 монет саманидских, чекана 300—386 гг., и одна караханидская, битая в Фергане в 398 г.[18]

Находками с Афрасиаба, представляющими значительную историческую ценность, заинтересовались в Петербурге для пополнения коллекций Эрмитажа, а также местная и русская администрация. По приказу начальника Зарафшанского округа генерал-майора А. К. Абрамова начальник Самаркандского отдела майор Борзенков летом 1874 г. приступил к первым раскопкам. По-видимому, ему не удалось составить никакого отчета об этих работах, так как вскоре после рас-

---

[15] Дорога проложена по пониженной части городища, по которой проходил один из трех главных каналов, орошавших древний город.

[16] Д. Л. Иванов. По поводу некоторых туркестанских древностей, ИИРГО, т. XXI, вып. 5, 1885, стр. 177.

[17] А. Корчагин. Историческая судьба несторианства в Средней Азии, ПТКЛА, 3, 1897—1898, стр. 219. Автор считает возможным связать их с несторианами. Наличие греческих надписей и возможность такого легкого установления хорошо известных священнику Корчагину святых делает их определение как «несторианских» сомнительным. Более точных указаний на эту находку найти не удалось.

[18] Список медных монет, найденных на Афрасиабе. Архив Археологической комиссии, дело № 4, 1872 г.

копок он скончался[19]. Сведения о раскопках сообщил в своей статье М. Ростиславов[20].

Из этой статьи не совсем ясно, где производились раскопки. М. Ростиславов пишет, что начаты они были на одном из холмов, поднимающихся круто над Сиабом, в 2—3 верстах от Самарканда[21], на правом берегу. Однако этот «правый» берег характеризуется как высокий, лишенный растительности и неудобный для орошения, в противоположность «левому», который «и в настоящее время представляет на протяжении нескольких верст за городом один сплошной сад»[22]. Совершенно очевидно, что эта характеристика могла относиться только к правому берегу. Ростиславовым допущена явная ошибка. Следовательно, и раскопки Борзенкова производились не за Сиабом, как предположил А. Ю. Якубовский[23], а на территории самого городища Афрасиаб. По-видимому, Борзенков копал на северном краю городища, может быть в районе цитадели, где всхолмления наиболее значительны.

Раскопки, по заключению М. Ростиславова, «производились не особенно тщательно и без всякого заранее обдуманного плана двумя крест-накрест прорытыми коридорами»[24]. При раскопках обнаружены остатки построек в виде части пола из разноцветных глазурованных кирпичей, а также «остатки как бы лестницы из больших кусков дикого камня». Встречены только мелкие предметы: монеты, обломки сережек, перстней и пр. Автор статьи делает вывод, что место брошено жителями не внезапно, так как в противном случае находки были бы разнообразнее. Неосновательным, ви-

---

[19] В цитируемой ниже статье М. Ростиславова, датированной 12 июня 1875 г., о Борзенкове упоминается как о «покойном».

[20] М. Ростиславов. Об археологических изысканиях в Зеравшанском округе, «Туркестанские ведомости», 1875, № 27; перепечатано в ПТКЛА, год III, Ташкент, 1897—1898, стр. 144—149.

[21] Там же, стр. 144.

[22] Там же, стр. 145.

[23] А. Ю. Якубовский. Археологическое изучение Самарканда, стр. 287. «Начав раскопки на правом берегу Сиаба, он перешел на его левый берег, т. е. уже на собственную территорию городища». Из сообщения М. Ростиславова также не следует, что раскопки переносились на другой берег Сиаба.

[24] По свидетельству И. В. Мушкетова («Туркестан», № 1, стр. 365), при раскопках не велось журнала; планы и разрезы не составлялись. «Раскопка была благоразумно прекращена К. П. Кауфманом».

димо, следует считать соображение М. Ростиславова, что город не простирался до места раскопок и здесь находился всего только «наблюдательный пункт» над Сиабом.

Затем раскопки были перенесены на другой участок вдали от Сиаба в сторону новой ташкентской дороги, проложенной перед этим через городище. Здесь открыты «жилые помещения, состоявшие из нескольких комнат, с местом для огня, для приготовления пищи». Найдено много кувшинов, гончарных труб и других изделий из глины, что вызвало предположение о существовании здесь «гончарного завода». В статье, однако, не говорится ни о гончарных печах, ни о других признаках гончарных мастерских. Интересно сообщение о находке большого количества кирпичей крупного размера — «2 $^1/_2$ четверти длины и 1 $^1/_2$, если не больше, четвертей ширины» (44,5×26,7). По этому поводу Ростиславов замечает, что такой же кирпич использован при постройке уничтоженных во время устройства ташкентской дороги ворот Шахи-Зинда, северных ворот в городской стене Самарканда[25].

Большое количество стеклянных предметов — осколков чашек, блюдечек, склянок и трубочек, найденных при раскопках,—привели М. Ростиславова к правильному выводу о существовании на месте стекольного производства, но он приписывает его иностранным мастерам, жившим в Самарканде или попавшим якобы туда в качестве военнопленных.

Соглашаясь с мнением А. Ю. Якубовского, что при полной неподготовленности майора Борзенкова к археологическому исследованию Афрасиаба его работы преследовали в основном цель добычи интересных вещей[26], все же отметим, что его работы и публикации М. Ростиславова показали те большие перспективы, которые могут открыться перед исследователями Афрасиаба.

---

[25] Часть правой стороны пилона этих ворот сохранилась под поверхностью земли и вскрыта А. И. Тереножкиным в 1946 г. Размеры кирпича: 53×40×9, 42×20×9, 42×42×9 *см*. Там же найдены клинчатые кирпичи 48,5×36—26×8,5 (9) *см*. Они использованы в этой постройке вторично и происходят, по предположению А. И. Тереножкина и Б. Н. Засыпкина, из акведука Джуи-Арзиз. Отчет А. И. Тереножкина, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР.

[26] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, стр. 286—287.

Найденные при раскопках предметы хранились нерассортированными и неразобранными «в особо нанятом помещении». Где находятся эти предметы в настоящее время, установить едва ли возможно.

При поддержке генерала Абрамова и активном участии М. Ростиславова[27] в Самарканде делается попытка создания историко-археологического музея, для чего собираются различные предметы древности: монеты, рукописи, надгробные камни с надписями, домашняя утварь и т. п.

Со времени малоудачной попытки администрации произвести раскопки Афрасиаба прошло почти десятилетие. За это время, кроме отдельных находок, сведения о которых может быть еще сохранились в малоизученных архивах, существенных событий в изучении древностей Самарканда не произошло, если не считать посещения города иностранными специалистами — четой Уйфальви и Габриэлем Бонвало, напечатавшими в Париже довольно пространные отчеты о своих путешествиях[28]. Написанные поверхностно, с грубыми ошибками труды этих авторов получили значительную известность на Западе, но нового для изучения Самарканда, да и вообще Средней Азии они дали очень мало. Первую из этих книг подверг резкой критике Д. Л. Иванов[29].

Во второй половине 70-х годов Самарканд неоднократно посещал геолог И. В. Мушкетов. В капитальном труде «Туркестан» он дал подробное описание долины Зарафшана от его истоков до низовьев. Не ограничиваясь специальной сферой геологических исследований, И. В. Мушкетов уделил большое внимание самаркандской старине. Он описал и

---

[27] По отзыву Н. С. Лыкошина, мысль о необходимости устройства в Самарканде музея древностей впервые высказал печатно М. Ростиславов. (Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, «Среднеазиатский вестник», июль 1896 г., стр. 12).

[28] Ch. E. M. Ujfalvy de Mezo-Kövesd. Expedition scientifique français en Russie, en Siberia et dans le Turkestan, v. II — Le Syr-Daria, le Zeraſchane, le pays du Sept-Rivères et la Siberia occidentale, Paris, 1879; Madame de Ujfalvy-Bourdon, De Paris à Samarkand. La Ferganah, le Kuldja et le Siberie occidentales, Paris, 1880. G. Bonvalot. En Asie Centrale, Paris, 1884; Его же. Voyage dans l'Asie Centrale, Paris, 1885.

[29] Д. Л. Иванов. Рец. на кн. Уйфальви «Expedition scientifique francais en Russie...», «Туркестанские ведомости», 1881, № 1, 7—9, 11, 13, 14.

Афрасиаб, плоско-холмистая поверхность которого произвела на него впечатление естественной[30], упомянул также остатки стен, сообщил о раскопках 1873 г., производившихся майором Борзенковым. Кратко описал разрез через Афрасиаб, сделанный при прокладке дороги на Ташкент: здесь хорошо был виден характер насыпной почвы, в которой встречались кости человека, барана, лошади, всевозможный мусор и даже монеты, в разрезе — несколько прослоек перегноя[31]. Подробнее останавливался И. В. Мушкетов на описании пещер, вырытых в толще холма. Одна из них — пещера у арыка Ат-Чапар (на западной стороне городища) была им осмотрена и детально описана: она оказалась целым лабиринтом узких ходов, иногда образующих довольно значительные расширения[32].

Из многочисленных очерков и путевых дневников, в которых описываются или упоминаются древности Самарканда, отметим книгу Е. Скайлера, посетившего Самарканд в 1873 г.

Он кратко упоминает о городище Афрасиаб (Калаи-Афрасиаб), раскопках, которые там производились, дает некоторые весьма отрывочные справки по истории Средней Азии со времен Александра Македонского[33].

Работы по исследованию Самарканда в 80—90-х годах прошлого столетия

В 1883 г. была сделана новая попытка раскопать Афрасиаб, и на этот раз по приказу начальства — генерал-губернатора М. Г. Черняева, поставившего задачу расчистить «от сорных трав ниву»[34] после относительно «либерального» управления К. П. Кауфмана. Одно из его мероприятий в Туркестанском крае — упразднение богатой уже к тому времени Публичной библиотеки, в чем ему помогал занимавший

---

[30] И. В. Мушкетов. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г., т. I, СПб., 1886, стр. 364—366.

[31] И. В. Мушкетов. Туркестан.., стр. 365.

[32] Там же, стр. 366.

[33] Eugene Schuyler. Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kulja. Vol. I, London, 1876, pp. 233—257.

[34] Письмо М. Г. Черняева, «Новое время», 1885, № 3490.

должность чиновника для особых поручений подполковник В. В. Крестовский, реакционный писатель, автор бойко написанных произведений — «Петербургские трущобы», «Панургово стадо», «Две силы», появившихся в печати в 60-70-х годах[35].

Вот этому «чиновнику для особых поручений» и было предложено произвести новые раскопки на приобретшем уже большую известность городище Афрасиаб.

Крестовский до этого был в Самаранде проездом в составе дипломатической миссии к бухарскому эмиру, возглавленной князем Витгенштейном. Это путешествие подробно описано Крестовским в его книге «В гостях у эмира бухарского»[36]. Будучи в Самарканде (с 17 по 25 декабря 1882 г.), Крестовский осмотрел памятники, посетил Афрасиаб, попытался собрать и некоторые исторические данные о городе, расспросив, при посредстве судебного следователя Н. П. Султанова, бывшего городского казия Самарканда Низамиддин ходжу Абдулгафарходжаева. Крестовский перечисляет даже некоторые источники по истории Самарканда, конечно, со слов того же бывшего казия. Многое в его книге перепутано и изложено неточно. Однако он пришел к правильному выводу о древности города, отождествил Самарканд с Маракандой греческих авторов. По его предположению древний город находился на месте «современного мусульманского города», а Мараканда примыкала к нему с запада и юго-запада, здесь якобы находят «предметы греческого происхождения»[37].

На Афрасиабе, по его наблюдениям, «в древности был целый город». Им замечены остатки городских валов, подземные ходы, пещеры и погреба, вырытые в толще холма, на котором расположено городище, кратко описана цитадель — «замок царя Афрасиаба», могила Даниара. «Несом-

---

[35] Л. К. Ю. Эпизод из истории Туркестанской публичной библиотеки, основанной К. П. Кауфманом. В кн.: Кауфманский сборник, М., 1910, стр. 129—138. См. также: Ташкентская библиотека до и после Октября, Труды Государственной публичной библиотеки УзССР, т. I, Ташкент, 1935, стр. 8 и некоторые документы из истории библиотеки, там же, стр. 13—16. Библиотека была восстановлена преемником Черняева генерал-губернатором Розенбахом в августе 1884 г.

[36] В. В. Крестовский. В гостях у эмира бухарского, СПб., 1887, стр. 31—73.

[37] Там же, стр. 41.

ненно одно лишь, — пишет Крестовский, — что все городище Афрасиаб требует археологических исследований»[38].

Вероятно, его доклад Черняеву после возвращения из Бухары и надоумил генерала организовать раскопки для пополнения Ташкентского музея[39] предметами древности. В противоположность Публичной библиотеке, распространявшей, по мнению искоренителя кауфманского «либерализма», нежелательные идеи, занятия археологией считались в те времена делом благонамеренным. Наука археология была как бы аристократической, «наукой для богатых» (так ее назвал один из ведущих тогда деятелей в области археологии граф А. С. Уваров[40]). Знал генерал и об интересе, проявляемом к предметам древности при императорском дворе.

К археологическим раскопкам, да еще на Афрасиабе— сложном многослойном объекте, Крестовский, как и его предшественник майор Борзенков, был мало подготовлен. Однако, будучи достаточно образованным человеком, он подошел к делу значительно серьезнее, а главное — детально и подробно описал сам процесс работы, встреченные при раскопках предметы и опубликовал их, правда, в газете, а не в научном издании[41]. Таких обстоятельных отчетов, к сожалению, не оставили многие последующие исследователи.

В отчете Крестовского немало наивных заключений и выводов, но в целом он дает такие ясные описания, что на основании их можно, до известной степени, восстановить общую картину археологических наслоений в месте раскопок.

Раскопки, как он пишет, начаты на основании предписания генерал-губернатора от 30 сентября 1883 г. Рекомендовалось произвести осмотр Афрасиаба, а «если окажется воз-

---

[38] В. В. Крестовский. В гостях у эмира бухарского, стр. 34—35.

[39] Музей основан первоначально при Туркестанском статистическом комитете 12 июля 1876 г.

[40] Один из основателей Московского археологического общества и Московского исторического музея производил раскопки курганов во Владимирской и Московской губерниях, работал в Ольвии, Херсонесе, открыл Карачаровскую палеолитическую и Волосовскую неолитическую стоянки и т. п.

[41] Всеволод Крестовский. Самаркандские раскопки 1883 г., «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, № 32, 34, 35, 36 и 37. О его раскопках печатались заметки в «Туркестанских ведомостях» (1883, № 42, 1884, № 1), «Сыне Отечества» (1883, № 288), «Новом времени» (1883, № 2741).

можным», приступить к раскопкам. 8 октября Крестовский начал осмотр местности, а с 19 октября по 21 ноября того же года производил раскопки[42]. Место для них было выбрано по указанию инженера З. Э. Жижемского, прокладывавшего через Афрасиаб дорогу на Ташкент. Пункт находился на бугре, к востоку от дороги, на расстоянии около 100 сажен[43] от мечети Хазрат-Хызр. Высота бугра над уровнем дороги достигала 2 сажен (4,27 *м*).

Крестовский решил прорыть сначала до материка достаточно широкую (около 1 $^1/_2$ сажен — 3,2 *м*) траншею вдоль юго-восточной подошвы бугра, а затем разрезать его поперечными траншеями. Длина «центральной» траншеи 21 сажень (около 45 *м*). «Центральная» траншея показала, что древние остатки располагаются слоями. Это навело Крестовского на мысль о послойном вскрытии холма. План, как видим, весьма далек от современной техники раскопок, но для своего времени и для человека, не имевшего никакой предварительной подготовки, вполне логичен.

«Центральная» траншея была углублена на 6 *м*, прорезала сначала «щебеночный» слой (на глубине 1 аршина — 0,7 *м*), затем «помост» из чупанатинского ломаного камня (2 аршина — 1,4 *м*), могилы с «кровлями» из крупного сырцового кирпича, куски майолики, мраморные обломки, осколки посуды. Еще ниже (3 аршина — 2,1 *м*) найдены гончарные трубы, лежащие горизонтально, в направлении на северо-восток, «китайские» монетки[44], осколки стекла. На глубине 5 аршин (3,5 *м*) обнаружен угол фундамента из чупанатинского камня, а на глубине 6 аршин (4,20 *м*), по мнению Крестовского, встречены признаки «матерой почвы» — твердая глина, без культурных остатков[45].

Поперечная траншея вырыта перпендикулярно к «центральной». Ширина ее 3 $^1/_2$ аршина (около 2,5 *м*), длина 11 аршин (7,7 *м*). Глубина траншеи доведена до 12 $^1/_2$ аршин (8,8 *м*). Толщину холма, прорезанного траншеей, Крестовский делит на 10 слоев.

---

[42] «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, № 32.

[43] В действительности около 150 сажен. Место раскопок Крестовского обозначено на плане Афрасиаба, составленном в 1885 г.

[44] Возможно, согдийские, с квадратным отверстием.

[45] «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, № 34.

Первый — поверхностный слой с щебенкой и плитками изразцов, сходных с изразцами Шахи-Зинда[46]. На этом основании Крестовский датирует слой XIV—XV вв., с чем, конечно, нельзя согласиться, так как если это облицовочные плиты от зданий Шахи-Зинда, то они могли появиться здесь только в процессе разрушения зданий. Датировать слои они не могут.

Могилы (три их слоя, по Крестовскому) шли до глубины 4 1/2 аршина (3,2 *м*), четвертый слой обнаружен на глубине 7 1/2 аршин (5,3 *м*). Эти могилы обложены сырцовыми и жжеными кирпичами, продолговатыми и квадратными, разной величины. Еще ниже, на глубине 8 1/4 аршина (5,9 *м*), встречен один скелет, лежавший головой на северо-запад.

Эта могила оказалась ниже подошвы бугра, из чего Крестовский заключает, что «вся возвышенность» образовалась постепенно из могильных насыпей и «наносной земли».

В этом слое найдены «кирпичные жезлы и чурки» (явный признак близости гончарного производства), янтарные бусы и что-то вроде наконечников копий из перержавевшего железа.

В третьем слое (до 4 1/2 аршин) найдены мраморный осколок с куфической надписью, светильники и черепки с голубой поливой, конец оленьего рога с просверленной дыркой. Впервые стали попадаться осколки стекла, «производство которого в Средней Азии, ныне довольствующейся исключительно русским привозным стеклом, не существует уже так давно, что никто из мусульманских ученых, к кому я ни обращался, не мог даже приблизительно определить время, когда это производство исчезло»[47].

На глубине 5—6 аршин (3,5—4,3 *м*) в рыхлом слое с кирпичами, черепками и костями найдена половина «слезницы» (так Крестовский называет известные сфероконические сосуды) из плотной аспидно-серой глины, орнаментированной вдавленным узором из кружков, черточек и звездочек. Здесь же встречались бусы и «какие-то плоские, большей частью круглые, величиной с копейку лепешки с выдав-

---

[46] «Некоторые из кирпичей походили на плиты, длиной от 12 до 16 в., в ширину до 8 в. и были покрыты чрезвычайно изящною орнаментацией глубокого рельефа... некоторые из них сплошь, другие только контурно покрыты лазурно-голубой эмалью».

[47] «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, № 35.

ленными на них рельефными мелкими узорами и рубчатым бордюром. Как бусы, так и «лепешки» были сделаны из белой, фаянсовой, очень хрупкой глины, дававшей сахаровидный излом, и покрыты бледно-голубой глазурью». Крестовский правильно определяет их как «принадлежности ожерелья или сережные подвески». Кроме сердоликовых и одной сапфировой (?) бус, встречены три «куфические» монеты, много осколков стекла, черепки из плотной сырой глины с рельефным выпуклым узором, обломок большого котла из черной глины с крупным кварцевым песком.

Встречались и орнаментированные кирпичи, «кафли» и «наугольники» совершенно иного характера, чем кирпичи и плиты верхних слоев. В описании этих «наугольников», где рисунок нанесен на цилиндрическую вогнутую форму, легко узнаются «очажки», что подтверждается и детальным описанием мелкого орнамента, сделанного «тиснением».

Следующий слой — устья трех цилиндрических колодцев, правильно понятых Крестовским как «домашние сточные ямы». Здесь же и обычная принадлежность таких ям — большая корчага с пробитым дном. Эти ямы встречались при раскопках и в дальнейшем. Всего их оказалось на разных глубинах шестнадцать.

На глубине 6 $^3/_4$ аршина (около 4,8 *м*) снова найдены «слезницы» — одна целая и два обломка, два осколка большого белого блюда с голубым рисунком, сосудик в виде чернильницы, с красной поливой и белыми звездочками по горизонтально отогнутому венчику, обломки блюд со сливающейся зеленой и желтой поливой, зеленые светильники, сосуд в виде графина с узким длинным горлом из белой глины, две медные куфические монеты, темно-зеленый стеклянный пузырек.

Ниже, на глубине 7 $^1/_4$ аршина (5,2 *м*) встречены хорошо сохранившиеся черепки «фиалов» и «амфор» из темно-красной, очень плотной и прекрасно обожженной глины, но без всякой орнаментации. Там же — вылепленные из той же глины коньки, собачки, человечки, миниатюрная домашняя утварь, овальная камея, около 1 дюйма величиной, вырезанная на черном материале, который Крестовский не мог определить — не то кость, не то каменный уголь. На одной стороне изображена голова в профиль, напоминающая Гермеса, на другой — животное, похожее на слона. По поводу этой

теммы Крестовский замечает, что она «более приближается к греческому, чем к азиатскому характеру». Среди находок есть глазурованная посуда: голубой светильник на высокой ножке, горшки и кувшины, осколки блюд.

«Древними майоликами», как называет Крестовский поливную посуду, богаты и слои от $7^1/_2$ аршин (5,1 *м*) до $10^1/_2$ (7,6 *м*). Встречено светло-шоколадное блюдо с изжелта-зеленоватой надписью, сделанной «неизвестными письменами». На другом блюде — надпись буквами, «напоминающими греческие»[48]. Крестовский писал, что местные ученые не могли определить эти письмена[49]. Найдены стеклянные и одна сердоликовая бусы, осколок черного и зеленого стекла.

«Не беру на себя смелость утверждать положительно, но мне кажется, — заключал Крестовский, — что в седьмом и восьмом слоях мы имеем дело с греко-бактрийским и греческим периодами жизни этого края».

Здесь основная ошибка Крестовского: зная, что Самарканд — город древний, существовавший, по его предположениям, еще во времена Александра Македонского, он решил, что в его раскопе представлены все периоды от времени основания города до оставления его жителями. Соответственно этому он и разделил все наслоения, встреченные в раскопках, на периоды — от IV в. до н. э. до XIV—XV вв. н. э. Однако благодаря детальному, насколько он мог это сделать, описанию раскопок и собранных в них предметов картина получилась достаточно ясной: Крестовский прошел слои, относящиеся только к средневековью не раньше IX в. н. э.

Особенно интересна находка Крестовского, которая могла бы порадовать современного археолога, остатков мастерской по отливке предметов из меди или бронзы. На глубине $8^3/_4$ — $12^1/_2$ аршин (6,2—8,7 *м*) обнаружен «целый склад» (до 70 шт.) форм из глины. По определению Крестовского, это были формы для «флаконов, стаканов, фиалов, блюдец, треножников, опиравшихся на львиные лапки, медных украшений, вероятно для конской сбруи, три розетки — вероятно — крышки, две формы боевой булавы, ручки от боль-

---

[48] «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, № 35.

[49] Там же, № 36. Сейчас мы знаем, что это было просто арабское куфическое письмо, но очень трудно читаемое.

шого сосуда» и т. д. В земле было много золы и шлаков. В этом же слое найдены и изделия из бронзы: несколько наконечников стрел, веслообразная фигура или мешалка, нечто вроде долота или стамески, кольца, перстни, бубенчики, изделия из витой проволоки, серьги, браслет, несколько обломков сосудов и чашек, плоская круглая ложка и др.

Некоторые из сосудов (ложку, сосуд с дырочками, сосуды из беловатой глины) Крестовский, ссылаясь на книгу митрополита Хрисанфа, пытается отождествить с инвентарем богослужений у гебров-огнепоклонников. На той же глубине, где встретились формы из глины, найдено и несколько осколков бокалов, стопок и флакончиков из разноцветного стекла с рельефными узорами. Там же — пуговицы, бусы, женская головная шпилька с навершием в виде петушка из кости и рога. Снова встречаются «кафели» — возможно, те же самые «очажки», какие были выше — с узором в виде червонного туза (сердечко) с гвоздеобразными клинышками. Найдена и «китайская монета», подобная указанным выше[50].

Интересна находка глиняной плитки («верхней части кирпича») с изображением двух животных в виде львов с орлиными когтями, зажавшими что-то, «напоминающее скорпиона».

Закончив траншею, Крестовский решил снести и северо-восточный выступ бугра, оставшийся около ташкентской дороги.

Под несколькими ярусами могил были обнаружены остатки постройки — стена из сырцового кирпича, направленная на северо-восток. Удалось выяснить угол постройки.

Ниже — ступени узкой лестницы, ведущей в круглое в плане подземное помещение, вырытое «в матером грунте» на $12^1/_2$ аршин (8,7 *м*) ниже верхушки бугра. В нем найдены осколки сосуда, орнаментированного клинообразными знаками. Это навело Крестовского на мысль о возможности клинообразных письмен, однако он оговаривается: «тут нужно ученого специалиста».

В последнем слое (глуб. $12^1/_2$ аршин) найдены посуда из красной глины «без поливы и орнаментации», 9 грубо обточенных каменных ядер величиной с большое яблоко, бусы и «амулеты» из кирпича, кости, рога, мрамора, кремня, нефрита и других горных пород, роковины каури (sur-

---

[50] «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, № 36.

rea moneta), выпуклый с обеих сторон мраморный кружок, «вероятно, для метания», выточенная из камня швейная иголка (?) с ушком. Все это лежало уже на материковой почве. Монет и стекла на этой глубине не было.

Находки последнего слоя можно было бы отнести к иной культуре—кушанской или раннесредневековой, но наличие таких предметов, как «слезницы» (по-видимому, «сфероконические» сосуды) и «сережки» из хрупкой белой глины с сахаровидным изломом, покрытых голубой глазурью, весьма обычных в поздних средневековых слоях, заставляет в этом усомниться и оставить вопрос о датировке нижних наслоений открытым. Возможна перемешанность слоев ямами более позднего происхождения, в чем разобраться Крестовский не мог[51].

Несомненно, к числу древних предметов, не позднее начала н. э., из описанных Крестовским находок относятся бронзовые наконечники стрел, но они не служат достаточным доказательством наличия в этом месте даже «кушанского» слоя. Такие предметы, как нам пришлось неоднократно убедиться при раскопках, могут попадать и в более молодые наслоения (вместе с глиной, использовавшейся для изготовления кирпича, сооружения пахсовых стен и пр.).

В заключение Крестовский сообщает, что всего им собрано 564 предмета, составлен альбом из 40 снимков, один экземпляр которого он хотел отослать в Археологическую комиссию в Петербург, второй — в Московское археологическое общество[52].

---

[51] М. Е. Массон сообщает, что раскопками около мечети Хазрат-Хызр, произведенными в прошлом столетии (видимо, подразумеваются раскопки Крестовского), на глубине 8,5 *м* найден комплекс предметов, характеризующийся керамическими сосудами с подкошенным дном. (Периодизация древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 158). Из описания Крестовского заключить это трудно. Крестовский и не мог выделить эти сосуды из общей массы керамики. Однако находка таких сосудов вполне возможна — раскопками нашей экспедиции в 1964 г. они обнаружены недалеко от раскопок Крестовского.

[52] Было ли выполнено это намерение, нам неизвестно. Т. А. Довель (Обозрение коллекций фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, СА, XII, 1950) в числе коллекции, поступивших из бывшей Археологической комиссии, такого альбома не упоминает.

Коллекции добытых Крестовским предметов поступили в Ташкентский музей[53], часть находок, по-видимому, отправлена в Археологическую комиссию[54].

К сожалению, при многократных перемещениях и реорганизациях музея документальные данные о коллекциях утрачены: нет ни старого этикета, ни старых описей, по которым можно было бы распознать вещи, добытые Крестовским на Афрасиабе.

Д. И. Эварницкий, кроме работ на городище Афрасиаб, упоминает еще о каких-то раскопках Крестовского в «лагере Тимура», в 9 верстах от Самарканда, за Даргомом. Раскоп, «как говорят, раскрыл перед копателем фундамент какого-то здания очень древней кладки». Другие известия об этих раскопках нам неизвестны[55].

Неумелые дилетантские раскопки В. В. Крестовского, несмотря на всю фантастичность его датировок, имели определенный результат. Они показали сложность культурных напластований, отложившихся на протяжении многовековой истории города, а также богатство Афрасиаба интересными предметами древности, необходимость постановки на нем планомерных и достаточно широко развернутых раскопок.

Впрочем, идея археологического изучения Туркестанского края, в том числе и Афрасиаба, была не чужда Археологической комиссии и до раскопок Крестовского. Еще 2 февраля 1883 г. это учреждение обратилось с письмом к туркестанскому генерал-губернатору Черняеву, в котором выражало желание приступить к археологическим работам в Туркестане, а в качестве исполнителя выдвигало кандидатуру Н. И. Веселовского[56].

---

[53] В. Соколов. Заметка о Ташкентском музее, «Туркестанские ведомости», 1884, № 1; Н. С. Лыкошин. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, «Среднеазиатский вестник», 1896, июль, стр. 27—29.

[54] Отношение М. Г. Черняева председателю Археологической комиссии А. А. Васильчикову, 5 декабря 1883 г., за № 7288, Архив Археологической комиссии, 1883, д. 20.

[55] Д. И. Эварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях, Ташкент, 1893, стр. 110.

[56] Сообщением об этом письме автор обязан Б. В. Лунину.

Возможно, что это письмо и побудило генерала Черняева послать на предварительную разведку «своего человека» — В. В. Крестовского и тем самым опередить «императорскую» археологическую комиссию и «разжиться» заодно археологическими предметами для подготовлявшегося к открытию Ташкентского музея.

Такие самовольные, вопреки установленным правилам, без санкции Археологической комиссии, раскопки Афрасиаба вызвали недовольство и раздражение в среде петербургских ученых. Уже 1 ноября 1883 г. И. П. Минаев выступил на заседании Русского археологического общества с сообщением о раскопках Крестовского и настаивал на том, чтобы археологические работы в Туркестане велись под обязательным руководством специалиста, знакомого с историей и археологией края[57].

Специалиста же, «знакомого с археологией края», тогда вообще не было, поскольку более или менее значительных археологических работ никто не производил. Поэтому Археологическая комиссия свой выбор остановила, как сказано, на историке-востоковеде Н. И. Веселовском, занимавшемся наряду с другими работами и историей Средней Азии, но не имевшем еще тогда опыта археологических работ[58].

Задачи, поставленные перед Н. И. Веселовским Археологической комиссией, были многообразны: начать систематическое исследование Афрасиаба, произвести археологическую разведку в долине Ферганы, осмотреть развалины городов в долине Зарафшана, проехать в Бухару для описания предметов древности, ознакомиться с кладами, найденными в Туркестане, и коллекциями частных лиц[59].

---

[57] И. П. Минаев. О необходимости раскопки Афрасиабова городища лицом, специально знакомым с археологией края, ЗРАО, т. I, нов. сер., 1886, стр. XXV, XXXIV, XCII.

[58] Николай Иванович Веселовский (1848—1918), ученик В. В. Григорьева; известен как археолог по работам в Средней Азии, которую он посетил несколько раз, а также по раскопкам курганов на юге России (Солоха, Мелитопольский курган). О нем см.: В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский как исследователь Востока и истории русской науки, ЗВО, XXV, 1921, стр. 337—355; Б. Фармаковский. Н. И. Веселовский—археолог, там же, стр. 359—386.

[59] ЗИРАО, II, 1887, Протокол общего собрания от 11 февраля 1887 г., стр. XCI—CV.

В данной Н. И. Веселовскому инструкции в отношении работ на Афрасиабе рекомендовалось «ограничиться раскопкой одной какой-либо части городища, напр., цитадели, дворца, или того участка, который по ближайшему ознакомлению с местностью будет представлять почему-либо особенный интерес». Но зато следует произвести раскопки основательно, снять последовательно все наносные слои и постараться извлечь все содержимые в них предметы древности[60]. Таким образом, Н. И. Веселовскому, кроме программы работ, были даны некоторые указания методического характера.

В конце декабря 1884 г. Веселовский прибыл в Ташкент, а в Самарканд выехал в конце марта 1885 г. За четыре месяца, истекшие между этими датами, Веселовский развил бурную деятельность — осматривал коллекции, «курумы» или «Муг-хана» в Чустском уезде, производил раскопки в Той-тепа, Чарлак-тепа близ кишл. Намданак, на тепа в окрестностях Ашту, исследовал Пунук, Чадак, Чуст, копал в развалинах Ахсыкета, Касана, в Узгене, побывал в Оше и только «по недостатку времени» не мог заняться исследованием Муг-ханы.

Один только этот длинный перечень «раскопанных» Веселовским объектов настораживает и заставляет отнестись с большим недоверием к его «методам» работы, вернее — предположить совершенное отсутствие всякого метода. Веселовского интересовали только богатые и интересные вещи. Например, раскапывая городище в Той-тепа, где, по его словам, были остатки дворца владетеля и где «часто встречалась кладка стен на глиняном цементе», он прекратил работу, «так как **трехдневные** (выделено мною.—*В. Ш.*) раскопки не привели к благоприятному результату». Обнаруженная при раскопках битая глиняная и стеклянная посуда,

---

[60] Заметка к инструкции командируемому в Туркестанский край для археологических исследований доценту И. С.-Петербургского университета Н. И. Веселовскому. Архив Археологической комиссии, 1883, д. 20. В отношении Археологической комиссии Н. И. Веселовскому от 24 ноября 1884 г., № 605 (в том же деле) указывается также на необходимость «вести подробный журнал с указанием № находимых вещей».

светильники, сфероконические сосуды и медные хорезмшахские монеты явно его не удовлетворили[61].

Эта черта — интерес преимущественно к находкам и почти полное пренебрежение к условиям, в которых они обнаружены, — характерна для описания работ, произведенных на Афрасиабе.

Приехав в Самарканд, Веселовский прежде всего осмотрел городище, общим описанием которого предварил свой отчет Археологической комиссии и сообщение в заседании Археологического общества. Кроме цитадели и внешних стен, окружающих городище, он отметил и наличие внутренних стен, ограждающих отдельные участки, но никакого вывода из этого не сделал. Большое внимание уделено им описанию многочисленных подземных ходов и помещений, вырытых в обрывах Афрасиаба. Приведя некоторые исторические данные, Веселовский излагает свои соображения об основных этапах истории города. Он считает, что Мараканда времен Александра должна была находиться именно на месте Афрасиаба. Раскопки доказывают, по его мнению, что городище содержит несколько наслоений различных культур, так как под каменной мостовой, которую он обнаружил на глубине одного-полутора аршин от поверхности, оказались более древние помещения. Следовательно, город неоднократно разрушался и возрождался вновь. Время запустения Афрасиаба он относит к 1220 г., когда Чингиз-хан разрушил Самарканд. Вновь город возник уже не на старом месте, а дальше на юг, где существует и теперь. Это все, что сказано по истории Самарканда.

От определения времени возникновения города на месте Афрасиаба Веселовский воздерживался[62]: «Если когда-нибудь и явится у нас возможность, хотя приблизительно, определить время основания Самарканда, то только путем археологических исследований»[63].

---

[61] Донесение проф. Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовского об археологических исследованиях его в Туркестанском крае в 1885 г., Архив Археологической комиссии, 1883, д. 20. Краткие сведения о раскопках см.: ОАК за 1882—1888 гг.; СПб., 1891, стр. XII—XXIX.

[62] Как увидим дальше, этот вопрос оказалось возможным разрешить только нашими работами 40-х годов XX в.

[63] ЗИРАО, II, стр. XCVII.

Приступая к раскопкам, Веселовский сразу же отказался от соблюдения данной ему инструкции — сосредоточить раскопки в одном пункте. Мотивировал он тем, что данных для выбора места раскопок недостаточно[64]. Веселовский решил пройти по всему Афрасиабу, чтобы выбрать затем наиболее интересные места. Но, по-видимому, так их и не нашел. Начав работы к западу от цитадели, он прошел большим полукругом к могиле Данияра, закладывая множество траншей и шурфов, захватив также цитадель и отрыв небольшой раскоп уже вне городища на Буйро-базаре (базаре циновок), расположенном у юго-западного угла городища. Траншеи и шурфы Веселовского показаны на составленном при нем плане Афрасиаба. Подсчитав по этому плану, мы выяснили, что за четыре месяца работы было сделано 109 раскопов. Для такой работы, по современным нашим понятиям, требуется большой штат квалифицированных и опытных помощников и коллекторов, которого в распоряжении Веселовского не было. Отсюда понятен поверхностный характер описаний раскопок, полное отсутствие в отчетах наблюдений стратиграфического порядка. Из отчетов невозможно заключить, насколько соблюдалось Веселовским и требование полученной им инструкции — доводить раскоп обязательно до материка. Он упоминает только, что, «стараясь дойти до грунта», углублял раскоп иногда до 3 сажен (6,4 *м*). Но где он дошел до материка и где до него не добрался, в отчетах не указывается. Кроме того, пройдя в глубину более 6 *м*, исследователь неизбежно должен был встретиться с различным по времени археологическим материалом, на что невольно следовало бы обратить внимание, хотя бы так, как это сделал Крестовский. Однако никаких попыток расчленения слоев и материала Веселовский не делает.

В «донесении» Археологической комиссии Веселовский, описывая раскопки, перечисляет семь исследованных им участков. Указания о местоположении этих участков лаконичны и неясны. Только пользуясь упомянутым выше планом Афрасиаба, можно предположительно определить местонахождение участков.

---

[64] ЗИРАО, II, стр. XCVIII.

Первый участок — «на запад от крепости», находился, по-видимому, на западном и южном склонах возвышенности, на которой известны ныне остатки хорезмшахской мечети, раскапывавшейся позднее В. В. Бартольдом и В. Л. Вяткиным. Это предположение подтверждается и тем, что здесь найдено много изразцов. Здание, украшенное изразцовой облицовкой, едва ли не единственное на Афрасиабе, не считая мавзолеев Шахи-Зинда, находилось именно здесь — у юго-западного угла соборной мечети. На плане в этом месте обозначено 11 небольших раскопов. Кроме изразцов, Веселовский обнаружил на глубине 1—1 $^1/_2$ аршина мостовую из ломаного камня, а под ней — жженые кирпичи и жерновые камни; найдены «мусульманские» медные монеты.

Второй участок — «через овраг против первого», вернее через широкую лощину, которая проходит к югу от цитадели и так называемой первой стены, на возвышенности. На этом месте показано пять небольших раскопов. Никаких указаний на характер наслоений нет. Сообщается только о находке большого глиняного котла, внутри которого найдены горшок, бусы и медные монеты.

Несколько больше сказано о третьем участке, расположенном «прямо напротив крепости и на юг от нее», видимо, на возвышенности к югу от широкой лощины перед цитаделью, где на плане показан более значительный по площади раскоп. Он состоит из длинной траншеи с уширениями. Здесь Веселовский обнаружил несколько помещении со стенами, нижняя часть которых сложена из жженого кирпича. Из такого же кирпича настланы полы. В этом раскопе имелись колодцы для спуска нечистот, глиняные трубы, очаги, много глиняной и стеклянной посуды, медные «мусульманские» и «китайские» монеты.

Четвертый участок — в низменности, к юго-западу от предыдущего (к востоку от современной дороги на аэропорт, против раскопа 1925 В. Л. Вяткина). Вскрыт большой двор, обнесенный глинобитной стеной. На плане в этом месте показана траншея, ограничивающая с трех сторон прямоугольное пространство, а на всей площади — еще больше десятка маленьких раскопов. Кроме обычной битой посуды и медной монеты, в отчете упоминается одна золотая монета (газневидский динар) и глиняная ваза с красивым куфическим письмом.

Пятый участок — к востоку от предыдущего (вблизи от топографического центра городища, на возвышенности, к западу от лощинки большого канала). Интересны расчищенные Веселовским пять искусственных пещер — подземных помещений, назначение которых неизвестно[65]. В помещения вели лестницы, иногда выложенные кирпичом. Размеры наибольшего из этих подземных помещений: высота 2 аршина 9 вершков, ширина и глубина — 3 аршина 10 вершков, меньшего — высота и ширина 1 $^1/_2$ аршина, глубина — 1 аршин. Пещеры оштукатурены глиной и снабжены нишами в стенах. Интересно сообщение о находке на этом участке медного буддийского идола.

Седьмой участок (о шестом сведений нет) — «далее на восток», точнее, видимо, на юго-восток, на холмах, что к северо-западу от ташкентской дороги, против еврейского кладбища. Здесь была раскопана глинобитная постройка, состоящая из узких комнат-коридоров (Веселовский, неизвестно на чем основываясь, предположил, что это «тюрьма»). Недалеко от этой постройки — дом, стены которого оштукатурены белой, синей, красной и черной красками «с разводами». Поблизости—гончарная печь, сложенная из сырцового кирпича, диаметром 4 аршина 14 вершков. Здесь найдено много новой посуды, битой и целой, с арабскими надписями. Описывается ряд находок, из которых наиболее интересны два сердоликовых камня. На одном из них — погрудное изображение человека, на другом—«горельефное» изображение, «кажется, царя», с отбитой верхней частью.

Раскопки производились также у почтовой (ташкентской) дороги. Здесь найдены глиняные черепки с головками людей и изображениями животных. Из нескольких черепков Веселовскому удалось составить почти целый глиняный ящик, который он правильно определил как оссуарий[66].

Находки оссуариев в Средней Азии были и раньше. Еще в 1871 г. в Ташкенте в саду Джурабека найдены два оссу-

---

[65] Более подробно описано в ЗИРАО, II, стр. XCIX—CI, где даются конкретные сведения только по этому раскопу.

[66] ЗИРАО, II, стр. CII—CIII; ОАК, 1882—1888, стр. XXIX. Изображение лицевой стороны этого оссуария (с фигурами людей и животных) Веселовский издал в 1907 г. (ЗВО, XVIII, 1907, стр. 178). Там же сообщается, что один целый оссуарий, найденный в Самарканде при земляных работах, куплен Мирзой Бухариным, у которого Археологическая комиссия приобрела также крышку от овального оссуария.

ария. По свидетельству В. В. Бартольда, несмотря на свою догадку о «глиняных гробах», Веселовский «от археологического довода в пользу своего мнения (указание на аналогию с кавказскими глиняными гробами)... сам в последствии отказался», и находки 1885 г. не только не вошли в научный обиход, но были забыты настолько, что первой признавалась находка на усадьбе Ваулина в Ташкенте в 1886 г.[67]

Интересные предметы найдены Н. И. Веселовским в небольшом раскопе у Буйро-базара: наряду с черепками глиняной посуды здесь встречаются терракотовые фигурки: десять головок людей без туловища, отдельно—несколько туловищ без головок, кроме того, фигурки коней, верблюдов, львиные маленькие маски-налепы и т. п. Дополнив эти находки терракотовыми фигурками, купленными у жителей Самарканда, Веселовский составил значительную коллекцию терракот, хранящуюся ныне в Эрмитаже[68].

Терракоты, по мнению Веселовского, имели религиозное или символическое значение. Он решительно не соглашался с предположением, что это — лишь детские игрушки и относил их к домусульманскому времени.

Веселовский пытался классифицировать статуэтки по типу, а также по времени изготовления. В одной группе он усматривал греческое влияние; в другой — древнеперсидское, в третьей — сасанидское, в четвертой — китайское (к ним он относил «буддийские идолы»). Эту классификацию, основанную на влияниях, нельзя признать удовлетворительной[69], но выделение «греческих» статуэток свидетельствовало о древнем происхождении городища, восходящего ко времени

---

[67] В. В. Бартольд. К вопросу об оссуариях Туркестанского края. ИРКИСВА, № 8, 1908, стр. 5; Он же. Н. И. Веселовский как исследователь Востока.., стр. 349—350.

[68] C. Trever. Terracottas from Afrasiab. M.—L., 1934; Таблицы к этому изданию изготовлены еще при жизни Н. И. Веселовского для предполагавшейся его специальной работы о терракотах. См.: К. В. Тревер, стр. 11.

[69] И. Толстой и Н. Кондаков (Русские древности, вып. III, СПб., 1890, стр. 27—30) делят приведенные Веселовским терракоты на три эпохи: эллинистическую, времени падения греческой культуры и сасанидскую. Время же существования «Самаркандского городища» они определяют со II в. до н. э. по III в. н. э., как бы игнорируя и выделенную ими «сасанидскую» эпоху и множество предметов явно «мусульманского периода», по терминологии того времени.

греческого завоевания, а также позволило ему сделать вывод, что «искусство Средней Азии в древности стояло на значительной степени развития»[70].

Встретив при раскопках большое количество стеклянных сосудов и их осколков, Н. И. Веселовский пришел к заключению о существовании в Средней Азии развитого стеклоделия[71]. Впрочем, такую же мысль двумя годами раньше высказал Крестовский.

Ценным результатом работ Н. И. Веселовского в Самарканде было составление плана Афрасиаба в масштабе 1 : 2100. План в течение 5 месяцев составляли топографы Васильев и Кузьмин, специально командированные генерал-губернатором Н. О. Розенбахом, сменившим ретивого «искоренителя плевел» Черняева. На этом плане, вычерченном на четырех листах, обозначены, как сказано выше, раскопки Веселовского и Крестовского. Сведения о более ранних раскопках майора Борзенкова, по-видимому, были утрачены, и они на плане не отразились.

Результатами раскопок сам Н. И. Веселовский не был удовлетворен. «Не так давно нас старались уверить, — говорил он в своем докладе в Русском археологическом обществе, — что Афрасиаб — русская Помпея. Ни находки моих предшественников, ни результаты, мною полученные, не дают повода к такому смелому сравнению». Все же он отмечает важность полученных им материалов, особенно для домонгольского периода[72].

Позднее, в 1895 г. Н. И. Веселовский еще раз сделал попытку вернуться к раскопкам на Афрасиабе, но, по-видимому, в небольших размерах и без значительных результатов[73]. Отчета об этих работах в печати, насколько нам известно, не появлялось.

---

[70] ЗИРАО, II, стр CIV.

[71] Позднее Н. И. Веселовский специально останавливался на этом вопросе. См.: Заметка о стекольном производстве в Средней Азии, ЗВО, VIII, вып. I—II, 1893, стр. 137—138.

[72] ЗИРАО, II, стр. CII.

[73] Краткое сообщение в ОАК, 1895 г., стр. 48—49. А. Ю. Якубовский допускает неточность, заявляя, что раскопки, начатые в 1885 г., больше не продолжались (А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, стр. 298). Б. В. Лунин, наоборот, утверждает, что с 1885 г. «начинается многолетняя раскопочная деятельность Веселовского».

Кроме раскопок на Афрасиабе, в 1885 г. Веселовский совершил поездку в верховья Зарафшана и проехал вниз по Зарафшанской долине в сторону Бухары. Он описал «курганы», высказав догадку, что тепа, которые он видел, «были первоначально могильниками и уже потом, в мусульманский период, население придумало утилизировать их для стратегических целей»[74]. Позднее Веселовский отказался от этого явно неправильного предположения, убедившись, что тепа представляют собой развалины укрепленных замков. В печати же этого убеждения он не высказал[75]. Не заметил он и курганных могильников в Зарафшанской долине, хотя они достаточно многочисленны[76].

По сообщению Веселовского, местные жители настолько усиленно раскапывали «курганы» на удобрения полей, что, по его мнению, тепа скоро исчезнут и «уцелеют только занятые могилами»[77]. В окрестностях древнего городища Дабусия (между Дабусией и кишл. Ширин-Хатун) Веселовский обратил внимание на Ярым-тепа, половина которого срезана, но разрез не осыпался, так как пришелся по стене здания. Высота бугра 5 сажень (около 10,7 *м*). В окрестностях Катта-Кургана он осмотрел бугор Саросия (Сари Осиё) в 6 верстах к северу от города и Чаш-тепа — в 2 верстах. Неподалеку от Дурбиш (или Дервиш)-тепа, в 8 верстах от Катта-Кургана, найдены на пашне две серебряные головки. Они переданы Веселовскому уездным начальником Войцеховским. Затем, верстах в двух от Дурбиш-тепа, ближе к

(Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, стр. 29). В Средней Азии после 1895 г. Веселовский, по-видимому, раскопками не занимался.

[74] Н. И. Веселовский. Заметка о курганах Туркестанского края, ЗВО, II, вып. 3—4, 1888, стр. 224.

[75] Об этом см.: В. В. Бартольд. А. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, стр. 350.

[76] Заметка о курганах.., стр. 222: «Ни в Зеравшанской области, ни в Бухарском ханстве, от границы его до г. Катта-Кургана, таких кладбищ (типа Минг-тепе) не имеется».

[77] Это подтвердилось, в частности, на примере крепости Сары-Пуль, находящейся в окрестностях Катта-Кургана. При Веселовском она еще существовала, в 1940 г., когда эту местность посетили И. А. Сухарев и автор, от нее уже ничего не оставалось, кроме отдельных небольших холмиков.

Катта-Кургану осмотрена крепость Сары-Пуль[78], а севернее ее тепа Амон-Ходжа, Кара-бура и др.

Важным итогом разведок Веселовского явилось окончательное решение вопроса о так называемых «жилых курганах» как укрепленных поселениях и зданиях, вопреки всевозможным догадкам об их естественном происхождении (Миддендорф), «молотильных курганах» и т. п.

Оценка деятельности Н. И. Веселовского в археологической литературе весьма противоречива. А. Ю. Якубовский дает ему суровую характеристику. По его мнению, Веселовский интересовался только «поисками художественных изделий из драгоценных металлов» и, находясь на низком уровне понимания задач археологической науки, не заинтересовался Афрасиабом «как богатейшим источником феодального ремесленного города, а как историк Н. И. Веселовский даже и не дошел до этой проблемы»[79].

Еще раньше, в 1918 г., выступая с докладом-некрологом о Н. И. Веселовском, В. В. Бартольд также весьма сдержанно отозвался о его раскопках в Самарканде: результатам раскопок Веселовский «посвятил впоследствии ряд статей и докладов, но не сделал их предметом исчерпывающего исследования; не был опубликован также атлас находок, сделанных на Афрасиабе и впервые установивших факт существования в домонгольском Туркестане искусства, находящегося под влиянием греческого»[80].

Невысоко ценит В. В. Бартольд и Н. И. Веселовского-историка, так как он не владел в достаточной мере источниками[81].

Другого характера отзыв о деятельности Веселовского дает Б. В. Фармаковский[82]. По его мнению, Веселовский в Самарканде «обнаружил остатки культур древнегреческой,

---

[78] Крепость известна тем, что при ней в 1501 г. произошло сражение между войсками Шейбани-хана и Бабура, закончившееся полным поражением Бабура. Крепость существовала и позднее. В настоящее время остатки крепости почти полностью уничтожены.

[79] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, стр. 298—299.

[80] В. В. Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, стр. 349.

[81] Там же, стр. 344—350.

[82] Б. Фармаковский. Н. И. Веселовский—археолог, ЗВО, XXV, 1921, стр. 359—386.

древнеперсидской, китайской». «Недоброжелательные люди называли Н. И. кладоискателем», — пишет Б. В. Фармаковский и протестует против такого опорочения деятельности Веселовского. Признавая «разного рода упущения в его раскопках», он находит объяснение в том, что «той точности наблюдения, которую показали критские раскопки Evans'a и которая теперь является обязательной для каждого исследователя, до 1900 г. не было ни у кого»[83].

Несколько неожиданна характеристика Н. И. Веселовского, данная в Большой советской энциклопедии: «В Средней Азии их (раскопки) удачно провел в 1885 г. Н. И. Веселовский; он при этом открыл **города восточных эллинистических царств** (выделено мною. — *В. Ш.*), что никому до того не удавалось»[84]. Оговоримся, что от «удачи» в этом отношении был далек и Н. И. Веселовский.

Истину надо искать где-то посередине. Конечно, Веселовский никаких городов «восточно-эллинистических царств» не открыл, результаты его работ были много скромнее. А. Ю. Якубовский, безусловно, прав, когда говорит, что Веселовский не пытался разрешать исторические проблемы, а раскопки его походили на кладоискательство. Но надо учесть и состояние археологической буржуазной науки того времени. Хотя еще в 20-х годах XIX столетия И. А. Стемпковский перешел к систематическим раскопкам городов на юге России, уделяя внимание культурным наслоениям и топографии, но даже значительно позднее на археологию смотрели то как на добычу художественных предметов и материалов для художников (А. Н. Оленин), то как на способ «благоприятствовать укреплению религии и нравственности» (Стурдза и др.). Несмотря на то, что в середине и второй половине XIX в. в русской археологии выдвинулось немало энтузиастов, талантливых людей, посвятивших себя изучению памятников далекого прошлого (И. Е. Забелин, А. А. Спицын, Д. Я. Самоквасов, Д. Н. Анучин и др.), в ней царил медленно и с трудом изживавшийся дух любительства и дилетантства.

В методику археологических исследований такие деятели, как И. Е. Забелин, А. А. Спицын и Д. Н. Анучин, внесли

---

[83] Б. Фармаковский. Веселовский — археолог, стр. 383.

[84] БСЭ, 2-е изд., т. 3, «Археология», стр. 170 (статья написана А. В. Арциховским).

новые уточненные научные методы раскопок, фиксации и использования получаемых раскопками материалов, но в целом археология оставалась на низком уровне. Это относится, впрочем, не только к русской археологии, но и к археологическим исследованиям западных ученых, так как по-настоящему современная техника раскопок, как правильно указывает Б. Фармаковский, создана трудами Флиндерса Петри и Эванса, работавших в Египте и на Крите (конец XIX — начало XX в.), а в России — Б. В. Фармаковского и других младших современников Н. И. Веселовского, деятельность которых приходится уже на первые десятилетия XX в.

Оценивая деятельность Веселовского, все это необходимо учитывать. Он был типичным представителем «дворянской археологии» и в силу этого не мог подняться до постановки больших исторических проблем и понимания археологического материала как ценнейшего исторического документа.

Следует учесть и то, что работы 1884—1885 гг. в Туркестанском крае были первыми археологическими работами Н. И. Веселовского. До этого он никаких раскопок не вел и, естественно, не имел никакого практического опыта в подобных исследованиях.

Кроме того, как бы мы ни относились к Веселовскому-археологу, нельзя не признать, что деятельность его имела большое значение для первоначального ознакомления с древностями Самарканда, с археологическим материалом, поступавшим затем в государственные хранилища. Веселовскому удалось установить прочные связи с местными деятелями и случайно находимые ими археологические предметы передать в Археологическую комиссию. Так им была приобретена ценнейшая коллекция вещей, собранная местным самаркандским коллекционером-любителем Мирза Бухариным.

Мирза Бухарин[85] оказал немалые услуги в деле изучения истории Самарканда. Веселовский приобрел у него

---

[85] Мирза Абдулла Бухарин — владелец шелкоткацкой мастерской в Самарканде. Время рождения и смерти неизвестно. Первое упоминание о его собирательской деятельности относится к 1883 г., последнее—к 1892 г. Участник сельскохозяйственных выставок в Ташкенте (1878) и Харькове (1887), откуда он приехал в Москву и Петербург, где осматривал музеи

1202 предмета: монеты, печати и пр. Упоминается, что из 10 греко-бактрийских монет, содержавшихся в этой коллекции, семь найдены на Афрасиабе. Им же в 1889 г. были представлены в Административный кабинет императора 43 предмета: из них 7 серебряных греко-бактрийских и одна сасанидская монеты, также найденные на Афрасиабе. 3 июня 1888 г. Археологическая комиссия просила через Туркестанского генерал-губернатора переслать на рассмотрение комиссии коллекцию Бухарина. Последний согласился на это при условии выдачи ему вознаграждения по усмотрению Археологической комиссии. В коллекции насчитывалось более 5700 предметов, значительная часть которых была приобретена комиссией[86]. Для составления таких внушительных коллекций, кроме свободных средств, которыми располагал купец, необходима была и глубокая заинтересованность древностями и их собиранием. Знакомство с Н. И. Веселовским, несомненно, сыграло в этом значительную роль.

Н. И. Веселовский посещал Самарканд и позднее 1885 г. В 1895 г. он сделал еще одну попытку распознать Афрасиаб. Но основные его работы были связаны в дальнейшем с исследованием архитектурных памятников[87], надписей на надгробиях[88] и т. п. Ему обязаны мы изданием таджикского текста важного источника по истории Самарканда — труда

и другие достопримечательности, участвовал в одном из заседаний восточного отделения Русского археологического общества. Описание этой поездки, составленное самим Мирза Бухариным, см.: «Туркестон вилаетинг газетаси», 1888, № 4—7; перевод в кн.: Н. П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы, изд. 2, Ташкент, 1896, стр. 235—242. О знакомстве М. Бухарина с поэтом Фуркатом см.: И. М. Муминов. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане в конце XIX и начале XX вв., Ташкент, 1957, стр. 116.

[86] Архив Археологической комиссии, фонд Веселовского, д. 18, л. 1—4.

[87] 1895—1898 гг. — исследование совместно с архитекторами П. П. Покрышкиным и А. В. Щусевым и художником С. М. Дудиным мавзолея Гур-Эмир (см.: «Самаркандские мечети», вып. 1, Гур-Эмир, СПб., 1905) и мечети Биби-Ханым. В работе по Биби-Ханым участвовал архитектор Щербина-Крамаренко. (По развалинам Средней Азии, ж. «Зодчий», 1896, стр. 22—38; По мусульманским святыням Средней Азии, СКСО, VI, 1896, стр. 56—60).

[88] Н. И. Веселовский. Дагбид, ЗВО, т.III, вып. I—II, 1888, стр. 321—335; Он же: Памятник Ходжа-Ахрара в Самарканде, «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 321—335.

Абу Тахира Ходжи «Самария»[89]. Н. И. Веселовский не порывал связей со Средней Азией и местными исследователями, неоднократно откликался своими рецензиями на появившиеся в местной печати работы по истории и археологии Средней Азии.

* *
*

Раскопки Крестовского и Веселовского оживили интерес к памятникам древности не только среди офицеров и чиновников Туркестанского края, но и некоторой части местного населения[90].

Д. И. Эварницкий, кроме Мирза Бухарина, упоминает также некоего Гафиза, собрание древностей которого купил у его наследников капитан Л. С. Барщевский[91]. Серьезно, а не только как собиратель ценностей и редкостей, заинтересовался памятниками старины самаркандец Мирза Барат[92], каллиграф и художник, собиравший надписи на памятниках Самарканда, в Джизакском ущелье и т. д., а также делавший зарисовки фасадов древних зданий[93].

Немало, вероятно, из древностей Самарканда вошло в большую коллекцию ташкентца Акрам Палвана Аскарова, часть которой поступила в Эрмитаж, все же остальное после смерти собирателя попало к казиям и бесследно исчезло для науки.

Следует упомянуть и самаркандца Муллу Абдурахмана, участвовавшего еще в 1870 г. вместе с А. Л. Куном в известной Искандеркульской экспедиции, в которой он вел дневник,

---

[89] «Самария». Сочинение Абу Тахира Ходжи, таджикский текст, подготовленный к печати Н. И. Веселовским, СПб., 1904.

[90] Местным коллекционерам-собирателям посвящена статья: Г. Чабров. Узбеки-археологи дореволюционного Туркестана, «Звезда Востока», 1957, № 1, стр. 144—147.

[91] Д. И. Эварницкий. К вопросу об учреждении в Самарканде музея древностей, «Окраина», 1893, № 86.

[92] О нем сообщает еще В. В. Крестовский в ст.: «В гостях у эмира бухарского», стр. 71—72.

[93] Рисунки Мирза Барата (один из них — фасад медресе Улугбека — хранится ныне в Институте истории и археологии АН УзССР) экспонировались на Туркестанской выставке 1886 г. в Ташкенте. За них он был награжден «почетным халатом». Мирза Барат перевел также на узбекский язык сочинение Абу Тахира Ходжи «Самария». См.: Г. Н. Чабров. Узбеки-археологи.., стр. 145.

отмечал в нем сведения о различных археологических и эпиграфических памятниках[94].

Возросший спрос, особенно со стороны путешественников, приезжавших в Самарканд, породил торговлю древностями: монетами и разными археологическими предметами и даже подделку их[95].

Иностранные и русские путешественники, часто посещавшие Среднюю Азию, в том числе Самарканд, в конце XIX в., не оставили глубокого следа в истории его археологического и исторического изучения. Их то беглые, то более подробные, но почти всегда путаные и неточные описания памятников имеют обычно только библиографический интерес.

Список путешественников, посетивших Туркестан в 80—90-х годах прошлого столетия и так или иначе отобразивших в литературе свои наблюдения и впечатления, весьма значителен. Объясняется это тем, что недавно присоединенный к России нетронутый край сильно интересовал иностранцев с политической и коммерческой стороны, как возможный рынок сбыта и место приложения капитала. Среди путешественников-иностранцев встречались и ученые, но в большинстве преобладали публицисты, коммерсанты, а иногда и просто состоятельные туристы, желавшие посмотреть на загадочную Азию.

Из них отметим лишь тех, кто имел более или менее близкое отношение к городищу Афрасиаб. Е. Блан даже произвел на Афрасиабе небольшие поверхностные раскопки, в процессе которых он якобы нашел (а может быть и приобрел у местных жителей) бактрийские и индо-скифские монеты[96].

---

[94] Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР, М.—Л, 1955, стр. 100—102.

[95] Н. И. Веселовский в статье «Существуют ли в Средней Азии подделки древностей?» (ЗВО, I, вып. 2, 1886, стр. 110—114) отрицает возможность подделок, ссылаясь на неумение «туземцев» и на недостаточный спрос на древности. По-видимому, это скоро изменилось: в 1896 г. Археологическая комиссия возвратила некоему Кахраману Малик-Мурадову поддельную тетрадрахму Антиоха, изготовленную самаркандским заргаром Ходжи (Архив Археологической комиссии, д. 194, 1896 г., Письмо на имя Мелик-Мурадова от 12 августа 1897 г.).

[96] E. Blanc. Notes de voyage en Asie Centrale, Revue de deux Mondes, 1895, CXXIX; см. Compte—Rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles Lettres, 1896, pp. 272—273, 302—303. Сообщение о поездке Блана, без упоминания его имени («одного из французских путешественников») см. в «Правительственном вестнике», 1893, № 93, 97, 98, 110, 115, 123, 124.

Посетила Самарканд небезызвестная в археологии прошлого столетия П. С. Уварова, сообщения которой также весьма далеки от точности. Об Афрасиабе она сообщает только, что производившиеся здесь раскопки вскрыли два слоя: мусульманский и более древний — бактрийский; жалуется на расхищение местными жителями древностей Афрасиаба, которые всегда можно купить в Самарканде. Отмечает сходство этих вещей с теми, «которые добываются в нескольких верстах от Бухары в местности, занесенной песками и называемой Ходжи-Обон»[97].

К 1894—1895 годам относится путешествие француза Шаффанжона, оставившего по себе недобрую память недопустимыми приемами[98] раскопок, которые он пытался применить на Афрасиабе. Целью «научной миссии» Шаффанжона, финансированной лионскими коммерсантами Манжини, известными любителями древностей, была добыча интересных вещей. В своем кратком отчете о работах на Афрасиабе Шаффанжон говорит: «Будучи уполномочен произвести раскопки на месте Афрасиаба, я намеревался сначала производить их методически, но результаты оказались настолько мало удовлетворительными, что я начал рыть галереи, до некоторой степени случайные, надеясь найти место благоприятное для правильных раскопок. Повсюду одно и то же, повсюду разрушения заставили меня понять, что этот город несколько раз разрушался и вновь отстраивался. На каждом шагу встречались три или даже четыре различных вида построек и наслоений. Различия в предметах, которые встречались, в их стиле и в их происхождении показали, что на Афрасиабе жили разные народы, различного происхождения»[99]. Шаффанжон отмечает также, что собранные им коллекции и археологические предметы находятся в музее азиатской этнографии (Музей ГИМЭ)

---

[97] П. Уварова. Поездка в Ташкент и Самарканд, «Русская мысль», 1891, кн. XI, стр. 15. Ходжа-Обон — окрестности Варахши, исследовавшейся нами в 30—50-х годах.

[98] Посредством пороховых взрывов. См.: М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, стр. 12.

[99] M. J. Chaffanjon. Rapport sur un mission scientifique dans l'Asie Centrale et la Siberie, Archives des missions scientifiques, 4-me série, IX, 1899, pp. 57—58.

в Париже[100]. Это все, что сообщается в его отчете о раскопках на Афрасиабе.

Из русских ученых, посетивших в этот период Туркестан, можно отметить Д. И. Эварницкого — украинского археолога, известного больше как историка Запорожской Сечи[101]. В результате поездки им составлен «Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях»[102]. Книга Эварницкого, претендовавшего на роль специалиста по археологии, не поднимается над средним уровнем историко-археологической литературы того времени. Историю Средней Азии он знает лишь по вышедшей за 20 лет до того книге А. Вамбери[103] и потому допускает много неправильных дат и имен.

Упоминается Эварницким и Афрасиаб, по поводу которого он повторяет, со ссылкой на Толстова и Кондакова, мнение о двух эпохах: «греко-восточной» и эпохе Тимура и сообщает о раскопках Веселовского в «лагере Тимура»[104].

Обратимся к некоторым событиям в жизни Самарканда и его окрестностей, имеющим отношение к археологии.

В одном из донесений Самаркандского областного правления на имя самаркандского военного губернатора Н. Я. Ростовцева (от 14. III 1896 г. № 186)[105] имеется интересное сообщение об обнаружении топографом Г. Косценичем в 1887 г. древней крепости Урдакан, хорошо известной ныне под

---

[100] Предметы, добытые Шаффанжоном на Афрасиабе, были осмотрены Н. И. Веселовским. По его заключению, это черепки, обычно выбрасывавшиеся при раскопках; цел только один грубый кувшин. Из той части коллекции, которая, видимо, должна была остаться в России, Веселовский отобрал несколько серебряных монет илеков, обломок сфероконического сосуда с голубой поливой и «четырехугольную алебастровую форму неизвестного назначения с четырьмя вставленными в нее стеклянными стаканчиками». Все остальное он рекомендует не отправлять в Петербург, а оставить в Самарканде для предполагаемого музея (Архив Археологической комиссии, д. 240, 1894).

[101] Дмитрий Иванович Эварницкий (Яварницкий) род. в 1855 г., ум. в 1940 г.; с 1929 г. академик Академии наук УССР; долгое время был директором краеведческого музея в Днепропетровске (Екатеринославе).

[102] Издан на средства, ассигнованные Туркестанским генерал-гуоернатором, Ташкент, 1893. Самарканду посвящена глава IV, стр. 62—112.

[103] А. Вамбери. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего, т. I, СПб., 1873.

[104] Д. И. Эварницкий. Путеводитель.., стр. 109—110.

[105] ЦГИА УзССР, ф. Самаркандского областн. правл., оп. 1, д. 5879, л. 9, письмо.

названием городища древнего Пянджикента. Сообщается, что в этом месте много бугров, заметны следы улиц и что несколько веков назад в Урдакане жил богатый народ, якобы «урус». На распоряжение расследовать это городище участковый пристав донес 3 мая 1896 г., что Урдакан, по словам местных жителей, существовал 800 лет назад, и городище занимает территорию около 50 танапов. Местные жители делали попытку раскопок на склоне горы, где был спуск-лестница из правильно уложенного тесаного камня (30 ступеней); когда камень начали вынимать, показалась вода — раскопки прекратили.

Это было то самое городище древнего Пянджикента, которое ныне получило широкую известность благодаря раскопкам Таджикской археологической экспедиции.

Большое значение для изучения Самарканда и Самаркандской области имело, несомненно, образование областного статистического комитета, объединившего местные культурные силы и, в частности, начавшееся в 1893 г. издание «Справочных книжек Самаркандской области». Если первая книжка (на 1893 г.) содержала в себе только адрес-календарь и ряд справочных сведений о городе, то начиная со второго выпуска (на 1894 г.) «Справочные книжки» приобретают характер сборников, где, кроме статистического справочного материала, печатаются статьи краеведческого характера: о природных условиях, по экономике и сельскому хозяйству, сообщаются сведения по истории, археологии и этнографии. Авторами статей были М. М. Вирский, М. С. Андреев, Н. Н. Щербина-Крамаренко, Ю. О. Якубовский[106] и др., а начиная с 1896 г. в них систематически печатает свои работы Василий Лаврентьевич Вяткин, с именем которого связано историко-археологическое изучение Самарканда в течение следующих трех с половиной десятилетий.

Работы В. В. Бартольда и В. Л. Вяткина по изучению домонгольского Самарканда.

В. Л. Вяткин (1859—1932), сын семиреченского казака, получил образование в Ташкентской учительской семинарии, которую окончил в 1894 г. После окончания семинарии недолгое время работал учителем в Самарканде, а затем за-

[106] Отец известного советского историка А. Ю. Якубовского.

нимал различные должности в Самаркандском областном правлении. Вяткин прекрасно владел не только местными языками — узбекским, таджикским и казахским, но и литературными — арабским и персидским. Сразу же после назначения в Самарканд, он, заинтересовавшись историей древнего города, приступил к ознакомлению с доступными историческими источниками. Об этом свидетельствуют его переводы из «Бабур-намэ», «старой неизвестной персидской рукописи» («Легенда о завоевании Самарканда персидским царем Самаром»), напечатанные в Справочной книжке[107].

В следующем году в том же издании появляются его «Самаркандские легенды»[108] и перевод из «Рисоля» Кырк Мухаммед Салиха (XVIII в.), содержащий топографическое описание Самаркандского вилайета[109]. В 1899 г. печатается перевод сочинения Абу Тахира Ходжи «Самария», снабженный предисловием и комментариями переводчика[110].

В примечаниях к переводу В. Л. Вяткин, кроме персидских и арабских толковых словарей, использует большое число средневековых исторических и географических сочинений. В ссылках мы находим и «арабских географов», и персидский перевод Табари, труды историков времени Тимура и Тимуридов — Хафизи Абру, Шарафаддина Язди, Мирхонда и Хондемира, «Абдулла-намэ» Хафизи Таниша и др. Привлекаются вакуфные документы, эпиграфический материал и топографические данные. При этом необходимо учесть, что письменные данные по истории Средней Азии тогда не были известны и столь доступны, как позднее после появления трудов В. В. Бартольда, особенно его капитального свода письменных источников домонгольского времени «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Правда, в комментарии В. Л. Вяткина не все безукоризненно. Так, приведя сведения Хафизи Абру и Хафизи Таниша о стенах «Хисари-бала», как назывался в XV—XVI вв. Афрасиаб, В. Л. Вяткин не сумел связать это сообщение с Афра-

---

[107] СКСО, вып. IV, за 1896 г., Самарканд, 1896.

[108] СКСО, вып. V, за 1897 г., Самарканд, 1897, стр. 224—240.

[109] Самаркандский вилайет, СКСО, вып. V, стр. 240—244.

[110] «Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Перевод В. Л. Вяткина, СКСО, вып. VI, за 1898 г., Самарканд, 1899, стр. 153—259.

сиабом. По его мнению, поскольку «мусульманских монет, насколько известно, до сего времени находимо не было... в период ислама Афрасиаб был уже в развалинах и не возобновлялся»[111].

Интересна работа В. Л. Вяткина «Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета»[112], в которой использованы в основном вакуфные документы XV—XIX вв. Статья содержит большой материал для отождествления средневековых топонимических терминов с существующими топографическими пунктами. В. Л. Вяткин об Афрасиабе, которому впоследствии уделил много сил и времени, здесь высказывается иначе, чем в комментариях к «Самарии». «Уместно будет указать на то, — говорит он, — что так называемое Афрасиабово кладбище, как видно по некоторым документам, в старое время было просто под именем «Хисари Кухна», «Калаи Кухна» — старая крепость, а современное его наименование встречается лишь при мангытах»[113].

В этот же период В. Л. Вяткин опубликовал много статей, главным образом в «Туркестанских ведомостях»[114]. Они посвящены вопросам истории Средней Азии, в основном Самарканда, биографии исторических лиц, исторической топографии Самаркандской и Ташкентской областей, рецензиям на некоторые появлявшиеся в печати работы и т. п.

Собственно раскопочными археологическими работами В. Л. Вяткин до 1904 г. не занимался. Во всяком случае, никаких указаний на такие работы, если даже они и предпринимались в небольших размерах, нигде, насколько известно, не сохранилось. Но и в этот период он, несомненно, не был чужд и археологии, так как в 1896 г. ему было поручено заведывание вновь открывшимся Самаркандским музеем, в который вошли археологические коллекции, скопившиеся в Самаркандском областном правлении. Талантливый

---

[111] Между тем, как видно из изложенного выше, при раскопках Афрасиаба, которые, по высказыванию В. Л. Вяткина, «ничего ценного в археологическом отношении не дали», Крестовский и Веселовский нашли наряду с другими и «мусульманские» монеты.

[112] СКСО, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 1—83.

[113] Там же, стр. 43.

[114] Полный список работ В. Л. Вяткина, составленный Е. К. Бетгером, см.: Труды ТашГУ, Археология Средней Азии, вып. V, Ташкент, 1960, стр. 124—127.

историк-краевед, прекрасно ориентировавшийся в письменных источниках, энтузиаст, восполнявший упорной и энергичной работой недостатки полученного в семинарии образования, В. Л. Вяткин обратил на себя внимание ученых кругов Петербурга, в частности В. В. Бартольда. В. В. Бартольд высоко оценил работу В. Л. Вяткина по исторической географии Самаркандского вилайета[115], а Восточное отделение Русского археологического общества присудило ему в 1910 г. за работы в этой области золотую медаль.

Открытие Самаркандского музея состоялось 21 июля 1896 г. в 6 часов вечера, как полагалось тогда, после «торжественного молебствия» и речи, произнесенной военным губернатором области Н. Я. Ростовцевым.

Вначале музей был невелик и временно разместился в церковном доме. Создавался он в значительной мере на частные средства, путем сбора пожертвований[116]. Государственные средства на такие цели ассигновывались чрезвычайно скупо.

По этой причине не только из Самарканда, но и из России уплыла ценная археологическая коллекция капитана Л. С. Барщевского, собранная им в Самарканде и других районах Средней Азии. В коллекцию входили предметы из керамики, металла и стекла, камень и терракотовые статуэтки, монеты, бронзовое зеркало, фибула и «два миниатюрных кельта», орудия из камня — два ножа и один скребок[117]. Л. С. Барщевский обратился к военному губернатору области Н. Я. Ростовцеву с предложением уступить коллекцию городу Самарканду «за самую ничтожную цену в силу только того обстоятельства, что сам лично сочувствую прекрасной идее создания местного музея в Самарканде... чтобы лучшие вещи не уходили за границу»[118]. Однако на хода-

---

[115] В. В. Бартольд. Рец. на «Справочную книжку» Самаркандской области, вып. VI, за 1898 г., ЗВО, XII, 1900, стр. 0122—0125.

[116] Летопись Самаркандской области. По записям графа Н. Я. Ростовцева, составил М. Вирский, СКСО, вып. V, стр. 260—261. Там же сообщается, что во время торжественного открытия музея на его устройство было собрано 112 руб., а с 21 июля по 31 декабря «поступило денежных пожертвований 903 р. 73 коп. и много различных предметов».

[117] ЦГА УзССР, фонд Канц. Туркестанского генерал-губернатора, отд. 3, арх. № 1060, д. 52, 1894—1895 г., л. 2—4.

[118] Там же, л. 9—10.

тайство Ростовцева генерал-губернатор Вревский ответил отказом[119]. Патриотические чувства, выраженные Барщевским к письме к Ростовцеву, не помешали ему в следующем году продать коллекцию лионскому коммерсанту Манжини, на средства которого подвизалась тогда в Самарканде экспедиция Шаффанжона[120].

Из археологических открытий, сделанных в Самарканде в конце XIX столетия, упомянем вызвавшую оживленный обмен мнений находку шести оссуариев в еврейском квартале города. Находка сделана в 1889 г. при рытье сточного колодца на усадьбе Баба Махсума Фузайлова. Раскопки на месте находки произвел А. А. Половцев. В том же дворе была найдена золотая хорошо сохранившаяся монета, оказавшаяся брактеатом «варварского» типа. Изображение на монете определялось как бюст византийского императора Феодосия II (408—450)[121].

Условия, в которых находились «глиняные гробы», выяснены недостаточно, так как раскопки развернуть было невозможно. Однако все же установлено, что все оссуарии стояли в одну линию на протяжении 6 $^1/_2$ аршина. За последним из оссуариев замечена корчага, около которой лежала верхняя часть человеческого черепа и были видны следы угля. Около одного из гробов найдена часть металличес-

---

[119] ЦГА УзССР, фонд Канц. Туркестанского генерал-губернатора, отд. 3, арх. № 1060, д. 52, 1894—1895 г., л. 14. Коллекция была оценена в 1800 руб.

[120] ЦГА УзССР, фонд Канц. Туркестанского генерал-губернатора, отд. 3, № 1060, д. 52, 1894—1895 гг., л. 17. Археологическая комиссия, узнав об этой продаже, вынесла решение принять особые меры для устранения продажи древностей за границу. По этому поводу в 1889 г. последовало «высочайшее повеление» («Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1889, № 43, стр. 352) и циркуляр Министерства внутренних дел от 4 мая 1891 г. за № 10. Циркуляр, отмечая случаи расхищения и вывоза за границу предметов древности, рекомендует допускать раскопки, «как частными лицами, в особенности иностранными учеными, так равно членами и сотрудниками археологических обществ», «только при условии получения открытых листов Археологической комиссии». Серьезным поводом для этого распоряжения послужили, несомненно, хищнические раскопки упомянутого Шаффанжона.

[121] М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношении Византии и Средней Азии по данным нумизматики, Труды САГУ, вып. XXIII, гуманитарные науки, кн. 4, 1951, стр. 97.

кого браслета. Рядом с гробами, а также над ними и под ними, в очень плотной глине лежали человеческие кости[122].

Один из найденных оссуариев отправлен на Всемирную выставку в Париже, другой рассыпался; три из них хранились в Самаркандском музее.

Заслуживают внимания и сообщения археологического характера, сделанные военным топографом Н. Ф. Ситняковским: описание «кяриза» Кафир-Мури на Даргоме[123] и первая весть о Тали-Барзу, ставшем благодаря раскопкам Г. В. Григорьева в 30-х годах нашего столетия одним из наиболее известных археологических памятников Самаркандской области[124].

В Самарканде деятельность любителей археологии и истории края, а также коллекционеров, составлявших иногда очень большие и ценные собрания, была неорганизованная. Здесь не был создан, как в Ташкенте или несколько позднее в Ашхабаде, археологический кружок, который мог бы объединить работу по изучению края. Правда, попытка такого рода была сделана. По инициативе одного из деятелей Туркестанского кружка любителей археологии — военного инженера И. Т. Пославского — 29 декабря 1895 г. состоялось собрание Самаркандского областного статистического комитета, на котором и был поставлен вопрос об организации филиала Туркестанского кружка или самостоятельного археологического общества. На втором заседании, 18 апреля 1896 г., было решено, воздержавшись от присоединения к Туркестанскому кружку, продолжать работу по сбору и изучению древностей Самарканда в организацион-

---

[122] Об обстоятельствах находки сообщил М. Вирский (Древние глиняные гробы. Из последних раскопок в Самарканде, ПТКЛА, год IV, 1899, стр. 154—162); в археологическом обществе доложил Н. И. Веселовский (ЗВО, XIII, 1901, стр.II—IV); затем последовали посвященные оссуариям статьи П. Комарова (К вопросу о найденных в Самарканде глиняных гробах, ПТКЛА, год VI, 1901, стр. 44—45), В. В. Бартольда (Еще о самаркандских оссуариях ЗВО, XIII, 1901, 099—0104; К вопросу о самаркандских оссуариях, ИРКИСВО, 1908, № 8), И. Т. Пославского (К вопросу о глиняных гробах, ПТКЛА, год VIII, 1903, стр. 40—41) и др. Термин «оссуарий» для обозначения «глиняных гробов» предложен Н. И. Веселовским.

[123] Н. Ф. Ситняковский. Кафир-Мури (Из письма И. П. Остроумову), ПТКЛА, год V, 1900, стр. 45—48.

[124] Н. Ф. Ситняковский. Кафир-Мури.., стр. 35. Бугор принадлежал местному волостному управлению, которое собиралось его срыть.

ных рамках статистического комитета в виде его исторического отдела[125]. Насколько известно, все ограничилось этими двумя заседаниями и изданием проекта программы «исторического отдела»[126].

Начало XX столетия ознаменовалось в области изучения истории Средней Азии крупным событием — выходом в свет капитального труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»[127], выдвинувшим молодого ученого в число крупнейших востоковедов своего времени. Этот труд — результат кропотливого критического исследования огромной массы средневековых письменных источников — дал впервые хорошо документированную, подробную и обстоятельную картину исторических судеб Средней Азии за период от начала арабского проникновения в страну до монгольского завоевания. Оставаясь историком буржуазной школы, что было вполне естественно в то время, В. В. Бартольд принадлежал к прогрессивной группе ученых. Восстанавливая со скрупулезной тщательностью исторические события, он интересовался и проблемами социального порядка, развитием хозяйственной жизни, считая, «что в Европе и Азии действуют одни и те же законы исторической эволюции»[128], в чем сказался ученый-гуманист, чуждый племенных и расовых предрассудков, широко распространенных на Западе. Труд В. В. Бартольда блестяще выдержал испытание временем. Несмотря на то, что он появился больше шестидесяти лет назад, и сейчас, как и в начале столетия, он остается настольной книгой историка или археолога, занимающегося историей Средней Азии с VII по XIII вв. н. э.[129]

---

[125] М. Е. Массон. Проблемы изучения цистерн-сардоба. Материалы Узкомстариса, вып. 8, Ташкент, 1935, стр. 7; Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения, стр. 48—49.

[126] И. Т. Пославский, Б. Н. Кастальский, Л. С. Барщевский, П. Рейхель, В. Л. Вяткин. Проект программы исторического отдела Самаркандского областного статистического комитета по описанию памятников старины гор. Самарканда и его ближайших окрестностей. Организация работ в Самаркандской области, Самарканд, 1896.

[127] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I — тексты, СПб., 1898; ч. II — исследование, СПб., 1900.

[128] Слова самого В. В. Бартольда, См.: ЗВО, XI, 1899, стр. 355.

[129] О большом интересе к труду В. В. Бартольда свидетельствуют два издания его в английском переводе (Turkistan down the Mongol invasion), вышедшие в Лондоне в 1928 и 1953 гг. Переиздан в собрании сочинений В. В. Бартольда, т. I, М., 1963.

При написании своего труда В. В. Бартольд[130], как он сам говорит в предисловии[131], чувствовал недостаточность имевшихся сведений для составления историко-географического очерка. Он указывает, что, с одной стороны, «столичные специалисты» нуждаются в данных предварительных работ местных туркестанских деятелей, с другой, как это отмечалось в местной туркестанской печати, местные деятели нуждаются в ученых трудах, которые помогли бы избежать ненужной работы и ошибок, что дало бы возможность «ориентироваться в деле»[132].

В. В. Бартольд высказывает дальше надежду, «что его книга до некоторой степени даст местным деятелям возможность «ориентироваться» в истории Средней Азии до смерти Чингиз-хана и что со своей стороны местные деятели доставят материал как для исправления погрешностей книги, так и для дальнейших изысканий». Таким образом, устанавливается необходимость тесной связи между кабинетным ученым, изучающим историю по письменным источникам, и местными «любителями», исследующими вещественные остатки прошлого непосредственно на местах. Эту связь В. В. Бартольд поддерживал путем неоднократных посещений Средней Азии и личным контактом с местными работниками. Он живо интересовался всем, что происходило в области изучения Средней Азии, советовал, помогал, глубоко огорчался, когда те или иные из местных исследователей вместо полезной работы по изучению Средней Азии, пускались в псевдонаучные рассуждения, иногда шовинистически-миссионерского пошиба, когда делались «мировые» открытия, подобные «открытию» некоего фон Эгерта, «прочитавшего» орнаменты на оссуариях. В таких случаях

---

[130] Характеристику работ В. В. Бартольда см.: И. И. Умняков, В. В. Бартольд (по поводу 30-летия профессорской деятельности), Бюллетень САГУ, Ташкент, 1926, № 14; А. Ю. Якубовский. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда, Вестник ЛГУ, Л., 1947, № 12; И. И. Умняков. Значение трудов акад. В. В. Бартольда. Первая всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы, Ташкент, 1957, стр. 227—233; Б. В. Лунин, Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, стр. 206—239.

[131] В. В. Бартольд, Туркестан, ч. II, стр. II—III; Соч., т. I, стр. 40—41.

[132] Здесь В. В. Бартольд цитирует заметку В. Л. Вяткина, «Туркестанские ведомости», 1899, № 87.

В. В. Бартольд, невзирая на дружеские отношения, прямо высказывал свое отрицательное мнение[133].

Впервые В. В. Бартольд посетил Среднюю Азию в 1893 г., когда по поручению Академии наук и Петербургского университета производил археологическую разведку в Семиречье. К этому времени и относится установление связей с местными работниками, все больше укреплявшихся в дальнейшем.

В 1902 г. В. В. Бартольд был в Самарканде, где по поручению факультета восточных языков ознакомился с рукописями. Им осмотрено и подробно описано «богатое собрание рукописей, преимущественно исторического и мистического содержания», принадлежавшее В. Л. Вяткину. Из особо важных рукописей были сделаны выписки, опубликованные в отчете об этой командировке[134]. Там же В. В. Бартольд сообщает, что В. Л. Вяткин занимается изучением вакуфных документов, хранящихся в Самаркандском областном правлении, «с целью извлечения из этих документов историко-географического материала», в значительной части уже использованного им «в его превосходной работе» по исторической географии Самаркандского вилайета, вследствие чего сам он от рассмотрения этих документов воздержался[135].

Первым же последствием ознакомления В. В. Бартольда с состоянием памятников древности Самарканда явилась просьба Археологической комиссии к военному министру[136] об организации охраны памятников Самарканда: назначении смотрителя памятников и ежегодном ассигновании 500—600 руб. на их поддержание[137]. По запросу генерал-губернатора военный губернатор Самаркандской области Медынский рекомендовал на должность смотрителя делопроизводителя областного правления Вяткина «как лица, изучающего историю Средней Азии по мусульманским источникам и, по-

---

[133] См., например, письма В. В. Бартольда к Н. П. Остроумову, выдержки из которых опубликованы Б. В. Луниным (Из истории русского востоковедения.., стр. 230 и сл.), и его многочисленные рецензии.

[134] В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, ЗВО, XV, 1904, стр. 176—219.

[135] Там же, стр. 219.

[136] Администрация Туркестанского края находилась в ведении Военного министерства

[137] Архив Археологической комиссии, д. 693, 1895 г. Письмо Археологической комиссии военному министру от 12 ноября 1902 г., № 2019.

путно, вопросы по истории памятников, строительного искусства, а главное, как лица, знающего разговорный и письменный язык местных туземцев». Об этом, как и о наличии средств на поддержание памятников, генерал-губернатор известил Археологическую комиссию[138]. Назначение В. Л. Вяткина «смотрителем древности» со скромным окладом 600 руб. в год и правом привлечения к ответственности лиц, виновных в порче памятников, состоялось в апреле того же года[139]. Так, В. Л. Вяткин был официально признан специалистом по изучению древностей Самарканда; репутацию лучшего знатока истории и археологии Самарканда он сохранил до конца своих дней (умер в 1932 г.).

В 1903 г. Русский комитет по предложению В. В. Бартольда решил приступить к историко-монографическому изучению Самарканда, для чего предполагалось: составить точную топографическую съемку и нивелировку всех остатков стен и городищ, окружающих Самарканд, снять точный план Самарканда с нанесением на этот план всех мечетей, нанести на карту все памятники древностей в окрестностях этого города. Выполнение работы было поручено В. Л. Вяткину, который исследовал сохранившиеся остатки стены протяженностью около 40 *км* и собрал некоторые данные о ней из письменных источников[140].

В следующем году Русский комитет получил 105 листов полуверстной съемки Самарканда с окрестностями, позднее еще 8 листов, на которых была нанесена стена Дивари-Кыямат[141], окружавшая Самарканд.

Исследование топографии Самарканда до эпохи Тимура, «когда определились его нынешние границы», предложил в 1904 г. сам В. В. Бартольд, командированный Русским ко-

---

[138] Архив Археологической комиссии, д. 693, 1895 г. Письмо генерал-губернатора Археологической комиссии, 29—31 марта 1903 г., № 3756.

[139] ЦГИА УзССР, ф. Самаркандского областного правления, оп. 1, д. 6434, л. 1, Постановление Самаркандского военного губернатора от 18 апреля 1909 г., № 147.

[140] СКСО, VIII, 1906, стр. 277—279 (примечание В. Л. Вяткина к его переводу «Кандии»).

[141] А. Ю. Якубовский. Из истории изучения Самарканда, стр. 302—303.

митетом[142]. Начал он с непосредственного ознакомления с Афрасиабом. Осмотрев его, В. В. Бартольд пришел к окончательному убеждению, что Афрасиаб — это не что иное, как «внутренний город» — «шахристан» Самарканда, описанного географами X века, а городище — первоначальное поселение «домусульманского происхождения»[143]. Заинтересовался В. В. Бартольд и весьма существенным вопросом о снабжении города водой. По его просьбе Н. П. Петровский[144] произвел нивелировку, наглядно показавшую, что «водопроводная труба была проложена, по всей вероятности, из местности близ нынешнего мучного базара (около мавзолея Биби-Ханым.— *В. Ш.)* к мечети Хазрети-Хазр на Афрасиабе»[145].

Затем В. В. Бартольд приступил к своим первым и последним в жизни раскопкам[146]. Как видно из его отчета, производились они в нескольких местах. По-видимому, это были небольшие разведочные шурфы. Основные же работы были сосредоточены к западу от цитадели, где по предположениям Бартольда, сделанным на основании данных средневековых географов и результатов раскопок Н. И. Веселовского, находилась соборная мечеть города. Множество обломков жженого кирпича, синих и белых изразцов, как он считал, подтверждали существование в этом месте мечети. В раскопках были обнаружены глинобитные стены, а к концу раскопок — и остатки капитального сооружения в виде четырехугольника длиной 2 сажени 10 $^1/_2$ вершка, шириной 2 сажени 6 вершков (4,73×4,54 *м*) и высотой 1 сажень 3 вершка, сложенного из жженого кирпича, поразившего исследователя своими размерами (45,5×37,5×7 *см*). Кирпич был сложен на гипсовом растворе. Выше, над этим сооружением, находилось другое, квадратное в плане — 5×5 аршин (3,6 *м*), высотой 15 $^1/_2$ вершка (0,69 *м*). Оно было сложено

---

[142] Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. командированного Русским комитетом проф. В. В. Бартольда, ИРКИСВА, № 4, ноябрь 1904 г., стр. 21—24.

[143] Там же, стр. 22.

[144] Инженер, заведывавший ирригацией Самаркандской области.

[145] В. В. Бартольд. Отчет.., стр. 22. См. также: В. В. Бартольд. Джу-и-Арзиз (К вопросу об истории ирригации в Туркестане), «Туркестанские ведомости», 1904, № 45.

[146] И. И. Уменяков. В. В. Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности), Бюллетень САГУ, 1926, № 14, стр. 185.

из такого же кирпича и выступало за пределы нижней кладки. Рядом с верхним сооружением обнаружена небольшая глинобитная стенка.

На кирпичах из раскопок В. В. Бартольд обнаружил куфические надписи: «Ихшид», «Мусейяб», «Иштихан» и др. Первое слово он считает титулом доарабских правителей Согда, второе — собственным именем, а третье — названием известного селения в Согде. По характеру письма он датирует их временем не позже X в. На то же время указывают и найденные им монеты IX—X вв.

Что представляло собой открытое сооружение, ни сам В. В. Бартольд, ни местные жители, ни «русские знатоки края» догадаться не могли. Одни предполагали, что раскопками открыта дахма — гробница, другие — основание минарета, третьи — один из устоев входной арки мечети[147]. Работа осталась незавершенной. В. В. Бартольду пришлось досрочно, по семейным обстоятельствам, выехать в Петербург. Публикация же результатов раскопок ограничилась цитируемым здесь кратким отчетом. «Ход и результаты работы я предполагаю, — писал В. В. Бартольд, — изложить более подробно в отдельной книге, в связи с разбором письменных известий о прошлом Самарканда»[148]. Однако это намерение выполнено не было.

В. В. Бартольд приобретал предметы древности у местных жителей: куски оссуариев, терракотовые фигурки, металлическую, глиняную и стеклянную утварь, а также собирал сведения о торговле древними предметами[149].

Во время раскопок на Афрасиабе сказалась основная черта В. В. Бартольда-ученого: исключительно глубокий знаток письменных известий, крупнейший для своего времени историк Востока, он был преимущественно кабинетным ученым. «Вполне в своей сфере я чувствовал и чувствую себя только во время кабинетной работы над письменными источниками», — писал он сам в автобиографии[150]. По его признанию, разведка 1893 года, проведенная им «под влиянием Радлова», и «более сложная археологическая задача, воз-

---

[147] В. В. Бартольд. Отчет.., стр. 23.

[148] Там же, стр. 24.

[149] По этому вопросу В. В. Бартольд написал статью, помещенную в газ. «Самарканд», 1904, № 37.

[150] «Огонек», 1927, № 40 (236).

ложенная на меня в 1904 году, также не без влияния Радлова — производство раскопок в Самарканде» показали ему, что он лишен необходимых качеств для так называемых работ «в поле» над «вещественными памятниками истории». В этом признании — и скромность необычайно взыскательного к себе, до скрупулезности честного большого ученого, и неудовлетворенность результатами работы.

Помощник В. В. Бартольда В. Л. Вяткин в том же году продолжил раскопки самостоятельно, но не на самом городище Афрасиаб, а к западу от него — Намазгах[151]. Судя по «Кандии», здесь некогда находилось место праздничной молитвы. В 1868 г. это был неорошаемый пустырь с могильными холмиками, буграми и остатками каких-то зданий[152]. Площадь предполагаемой Намазгах (длина 200 сажен, или 427 *м* и ширина 150 сажен, или 320 *м*) имела вид четырехугольника, вытянутого с юга на север, была окружена глинобитной стеной толщиной не меньше 3 аршин (несколько больше 2 *м*) в основании. Раскопом (диаметр около 4,25 *м*, доведен до глубины 2,8 *м*), начатым ближе к юго-восточному углу прямоугольника, обнаружены какая-то кладка из чупанатинского камня и довольно большое количество различных предметов быта из глины, стекла и железа (заржавевшее копье). Не удовлетворившись результатами, В. Л. Вяткин перенес раскопки к середине западной стены, на холмики, состоявшие из остатков строительного материала.

Надежда найти здесь остатки большого здания не оправдалась, хотя были обнаружены следы какой-то постройки: пол из жженого кирпича, кирпичная кладка «на основании из ломаного камня», изразцы бирюзового, темно-синего, зеленого и белого цветов. Часть их имела выпуклую поверхность, из чего можно было заключить, что над зданием был купол, украшенный изразцами. Изразцовое убранство, по мнению В. Л. Вяткина, было «беднее по количеству и рисунку, чем на самаркандском медресе». Между камнями

---

[151] В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках, произведенных в октябре 1904 г. в местности Намазгах близ г. Самарканда, ИРКИСВА, СПб., декабрь 1907, № 7, стр. 12—13.

[152] В настоящее время вся площадь занята постройками.

основания найдено несколько кусков больших «кирпичей с орнаментом», видимо, от более древнего здания. От всего этого сохранились, должно быть, незначительные остатки, так как, по наблюдениям В. Л. Вяткина, кирпич и камень выбраны жителями, на что указывали вырытые здесь канавы.

Третий раскоп заложен на восточной стороне. Здесь также обнаружены остатки постройки, несколько лучше сохранившиеся: узкий коридор, часть помещения и устои «основной части здания». Наибольшая высота сохранившейся части устоя около 1,5 *м*. Упоминается основание из глыб ломаного камня на ганчевом растворе и кирпичный пол из мелкого квадратного кирпича.

Найдены и изразцы, «такие же, как и на Намазгахе», т. е. в здании, остатки которого раскапывались у западной стены.

Характер этого второго здания ни по описанию В. Л. Вяткина, ни по приложенному планчику, сделанному не очень умело, представить нельзя. Но, судя по размерам устоя — 6 аршин на 6 аршин 6 вершков, это было, несомненно, достаточно капитальное сооружение.

Позднее В. Л. Вяткин высказывал предположение, что «Намазгах была основана на месте «бегар» — буддийского храма, так как она находилась против западных ворот Афраснаба, носивших название Наубехарских[153]. Однако это предположение носит скорей умозрительный характер, ибо раскопками В. Л. Вяткина оно не подтвердилось. Все описанное им в «Отчете» может относиться только к «мусульманскому» средневековью.

Раскопки 1904 г. были прекращены В. Л. Вяткиным «за истощением средств». Возвращался ли он позднее к раскопкам в этой местности, неизвестно. Возможно, здесь производились еще какие-то работы, в результате которых близ Намазгаха «были найдены в нескольких местах кучи битого стекла и кучки бракованных стеклянных изделий по соседству с кучами золы и остатками печи». На основании этого Вяткин предположил, что здесь находились остатки стек-

---

[153] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, Самарканд, 1927, стр. 18.

лоделательных мастерских[154]. В своем отчете 1904 г. об этих находках он не упоминает.

Раскопки В. В. Бартольда на Афрасиабе (на том же месте в соборной мечети) продолжал в 1905 г. В. Л. Вяткин[155]. Работы производились по поручению и на средства Русского комитета. Обратив внимание на то, что на месте предполагаемой мечети заметно прямоугольное пространство, окруженное валами, В. Л. Вяткин по аналогии с соборными мечетями Бухары и Самарканда правильно решил, что мечеть включала в себя обширный прямоугольный двор и главное здание мечети находится в западной части этого пространства. Решив оконтурить площадь двора, исследователь прошел вдоль трех стен изнутри траншеей. Стена оказалась глинобитной, местами из крупного сырцового кирпича. Обнаружены три входа. Широкий проход, шириной в 1 сажень (чуть более 2 *м*) выявлен в южной стене ближе к юго-восточному углу, а второй узкий проход шириной около 1 *м* — в той же стене, но у юго-западного угла. Третий вход также шириной около 1 *м* — ближе к середине фасада, в северной стене. Стена оказалась весьма мощной, толщина ее равнялась 3 $^1/_4$ аршина (2,27 *м*). В траншее вдоль стены обнаружена прослойка углей, среди которых встречены «крупные куски, с резным растительным и линейным орнаментом» и большими гвоздями. Стены местами обожжены — это явный след большого пожара. Таким образом, вопрос о соборной мечети, сожженной в 1220 г. при взятии города войсками Чингиз-хана, был решен.

Открытые стены в западной части позволили В. Л. Вяткину определить общую площадь, занимаемую мечетью: 60 × 36,5 сажен (около 128 × 78 *м*). Она могла вместить, следовательно, несколько тысяч молящихся.

В западной части прямоугольного пространства, определенного как площадь мечети, имелись значительные всхолмления. Именно здесь, недалеко от северной стены, В. В. Бартольд раскопал «столб» из крупного жженого кирпича. Решив исследовать эту часть, В. Л. Вяткин прошел ее широкой траншеей от места раскопок В. В. Бартольда почти прямо на юг, до

---

[154] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 61.

[155] В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г., ИРКИСВА, СПб., 1908, № 8, стр. 1—15.

юго-западного угла. Явных следов здания мечети не обнаружено. Траншея проходила через завалы строительного мусора, в котором встречались угли и зола. Ниже, неясно, с какого уровня, найдены остатки строений, предшествовавших сооружению мечети. Почти в середине траншеи раскопано помещение размером 9 × 10 аршин (7 × 6,4 *м*), построенное из сырцового кирпича. С восточной стороны помещение не имело стены и, видимо, представляло собой нечто вроде айвана. В противоположной, западной, стене имелась ниша, обрамленная колонками, сохранившими следы голубой и красной краски. Стены помещения оштукатурены глиной.

В южном конце траншеи раскопан целый жилой комплекс, состоявший из нескольких помещений с глинобитными и каркасными стенами, полами, выложенными из жженого кирпича и оштукатуренными сверху ганчем. В этом месте обнаружен колодец, закрытый сверху круглой каменной плитой с отверстием; глубину колодца замерить не удалось, так как веревка длиной 80 аршин (около 57 *м*) оказалась слишком короткой. В одном из помещений обнаружен ход в подземелье — обычную для Афрасиаба «чилля-хану»[156], в которую вел узкий ступенчатый ход; сама камера «чилля-ханы» округла в плане, высота около 3 аршин, ширина 3 1/2 аршина. Из другого помещения вход вел в подземную камеру, но настолько низкую, что в ней можно двигаться только с трудом. Второе подземелье более раннее, чем сами постройки, так как вход в него обнаружен только благодаря просадке в полу помещения, построенного над ним.

О находках, сделанных при раскопках этих помещений, В. Л. Вяткин упоминает бегло, не описывая их. Интересны найденные в одном из помещений восемь саманидских фельсов и монета с у-образным знаком «в венке из листьев с одной стороны», в которой можно угадать одну из согдийских монет (венок из листьев, надо полагать, — остатки согдийской легенды)[157]. Вторая такая монета найдена в раскопке у восточной стены мечети[158].

---

[156] В литературе часто — «сардоб-хана».

[157] Позднее В. Л. Вяткин пишет: «С двумя строками письма в виде веточек по ободку, иногда с изображением двух голов». Датирует он их, по-видимому, IV—V вв. н. э. См. В. Л. Вяткин. Афрасиаб., стр. 19.

[158] М. Е. Массон, указав, что монеты с тамгой в виде буквы «у» и согдийской легендой относятся к VII в., отметил, что они найдены в

Во втором подземном помещении найдено много черепков глиняной посуды (к сожалению, более точных сведений об этой посуде В. Л. Вяткин не приводит) и камни — речные гальки, обломанные, по его словам, и обточенные по одному из краев.

При раскопках в западной части мечети и у ее восточной стены найдены «столбы». Самый большой из них раскопан еще В. В. Бартольдом. Назначение его для исследователя осталось неясным. А. Ю. Якубовский придерживается мнения, что это — основание минарета старой саманидской мечети. «Так, по крайней мере, заставляет нас думать наличность штампа на кирпичах со словом «ихшид»[159]. Это было бы возможно в том случае, если саманидская мечеть находилась на месте караханидской и имела совсем иной план, так как вряд ли минарет мог стоять внутри мечети. Два столба расположены к западу от «столба Бартольда», шесть — в южном конце широкой траншеи, там, где обнаружен жилой комплекс с подземными помещениями. По описанию В. Л. Вяткина, основанием их служил глинобитный конус диаметром 6 аршин и высотой на три-четыре слоя кирпича малого формата, ниже окружающих стен комнат. На глинобитном основании сложены колонны из жженого кирпича, на ганче (3×3 аршина). «До устройства столбов, видимо, известная площадь над постройками была сравнена с прилегающей более высокой местностью для увеличения площади новых построек». И уже на этой новой площадке, скрывшей под собой остатки жилых построек, были выкопаны ямы для устройства оснований под столбы до глубины бывшей поверхности.

Ориентировка этих столбов, как и «столба Бартольда», была иная, чем у хорезмшахской мечети. Если мечеть была

подземных помещениях, и датировал самые помещения VII в. н. э. (М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 164). Согласиться с этим нельзя. Во-первых, как указывает В. Л. Вяткин, находки найдены не в подземных помещениях. Во-вторых, практика наших работ на Афрасиабе показала, что согдийские монеты часто встречаются в слоях X века и более поздних. Следовательно, датировать помещения по этим монетам, которые могли попасть в них совершенно случайно, невозможно. Кроме того, в данном случае (Отчет В. Л. Вяткина, стр. 9) эта монета найдена в одном помещении с саманидскими фельсами.

[159] А. Ю. Якубовский. К истории археологического изучения Самарканда, стр. 305.

ориентирована «на зимний закат», т. е. на ЗЮЗ, то столбы — почти прямо на запад. В. Л. Вяткин не без основания предполагает, что столбы — остатки здания, предшествовавшего постройке хорезмшахской мечети. Непонятным остается неправильная, на разных расстояниях, расстановка этих оснований.

Другая группа столбиков «из жженого кирпича малого формата» обнаружена в траншее, проходившей недалеко от восточной стены, параллельно последней. Столбики, сохранившиеся на высоту около одного аршина, также расположены на разных расстояниях друг от друга. Это, видимо, остатки галереи, пристроенной к восточной стене. С какой-то другой постройкой, возможно более поздней (?), связаны остатки стенок, построенных под углом к стене мечети.

В целом картина достаточно ясная: мечеть, сгоревшая в 1220 г., имела деревянное перекрытие, покоившееся, по-видимому, на деревянных столбах. Перекрытие было богато украшено разным орнаментом[160]. Здание это построено на месте совершенно уничтоженного более старого, возведенного в саманидское или караханидское время. Вероятно, это также была мечеть типа обширного двора с айванами. «Саманидская» или «караханидская», назовем ее так условно, мечеть в свою очередь построена на территории, полностью или частично занятой жилыми постройками, относившимися к IX—X вв. В. Л. Вяткин предположил, что «чилля-хана» могла относиться к более раннему времени, но, как показали наши раскопки, подобные помещения связываются с постройками именно IX—X вв. Бесспорно, более древним объектом, раскопанным и описанным В. Л. Вяткиным, можно считать только второе низкое помещение, в котором найдены расколотые камни и фрагменты керамики. Определить дату этих находок, неизвестных нам ни в подлиннике, ни по описаниям, невозможно.

Несмотря на неопытность В. Л. Вяткина, его раскопки и отчет выгодно отличаются от того, что дал Н. И. Веселовский. Перед В. Л. Вяткиным стояла определенная задача, которую он и постарался разрешить с возможной тщательностью, не упуская ничего, что, по его мнению, заслуживало внимания.

К сожалению, это — первый и последний отчет В. Л. Вяткина о раскопках на Афрасиабе. В дореволюционное время

---

[160] Несколько фрагментов углей с остатками орнаментальной резьбы найдено и нами при раскопках части двора мечети в 1959 г.

он производил и другие раскопочные работы, о которых мы знаем очень мало, а иногда совершенно ничего не знаем.

В книге «Афрасиаб — городище древнего Самарканда», о которой подробнее будет сказано ниже, он упоминает кратко только об одной из своих раскопок, произведенной «лет 20 тому назад»[161] на холме цитадели. Ему удалось установить при этом, что холм искусственного происхождения, сооружен в несколько приемов. Следов стен вокруг цитадели не обнаружено. На юго-восточном углу сохранились, однако, остатки круглой башни из сырцового кирпича, построенной на склоне холма «в полугоре». Здесь же, на южной стороне, на уровне башни, раскрыты две «казарменного типа» постройки с узкими окошечками в южную сторону. Из этих небольших построек на поверхность холма вели ступеньки. Другая башня обнаружена в северо-восточном углу.

Кроме того, раскрыто небольшое помещение с сырцовыми стенами против въезда с восточной стороны да около десятка «бадрабов» глубиной до 20 *м*. Пересекающимися траншеями, доведенными до глубины 3 *м* (они изрезали всю поверхность холма и хорошо видны в наше время), не удалось обнаружить ни построек, ни слоев строительного мусора, ни археологических предметов[162].

Раскопки цитадели явно разочаровали и самого В. Л. Вяткина и опекавшего его работы В. В. Бартольда. Еще в 1927 г. В. В. Бартольд «предостерегал от исключительных работ в цитаделях, которые дают очень мало материала»[163].

Следующей археологической работой, по которой имеется печатный отчет В. Л. Вяткина, были раскопки обсерватории Улугбека, сведения о которых мы здесь опускаем.

Через два года после раскопок обсерватории в 1912 г. В. Л. Вяткин вернулся к работам на Афрасиабе — к исследованию одного из трех бугров, расположенных на западном краю промоины, вдоль которой проходила дорога в сел. Хальваи (соответствующая современной дороге в аэропорт). Холмы расположены недалеко от того места, где В. Л. Вяткин

---

[161] Книга издана в 1927 г., следовательно, раскопки производились около 1907 г.

[162] В. Л. Вяткин. Афрасиаб., стр. 10—11.

[163] Известия Средазкомстариса, вып. III, стр. 264. Это было сказано на заседании Научно-организационного отделения ГАИМК 18 октября 1927 г., где обсуждались планы работ Средазкомстариса.

предполагал местонахождение Наубехарских ворот города. Нигде в печатных работах В. Л. Вяткина эти раскопки не упоминаются. Не говорится о них и в его обобщающей работе «Афрасиаб — городище древнего Самарканда»[164]. Первые сведения об этих работах В. Л. Вяткина сообщил В. В. Бартольд в своем отчете о командировке в Среднюю Азию[165].

Будучи около двух недель в Самарканде, В. В. Бартольд осмотрел места раскопок на Афрасиабе. В его отчете упоминается конкретно только то место, где в 1912 г. было раскопано здание с алебастровыми резными панелями, а в 1913 г. — фрагмент стенной живописи, которую не удалось сохранить, так как краски осыпались. Представление о ней можно получить теперь только по акварельной зарисовке художника Б. Ф. Ромберга. Зарисовка сделана в уменьшенном виде и не вполне отвечает требованиям научной фиксации[166]. Во взглядах на назначение здания, богато украшенного живописью и прекрасным резным алебастром, В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин разошлись. Вяткин считал это здание дворцом Тамгач-хана Ибрагима, о котором есть упоминание в источниках. Бартольд нашел, что это «остатки обширного здания, по-видимому, буддийской или манихейской обители», связав эту обитель с местоположением около Наубехарских ворот[167].

Таковы те скромные сведения о раскопках интересного объекта, которые проникли в печать.

В «Афрасиабе» В. Л. Вяткин бегло упоминает несколько пунктов, где им производились в разное время раскопки, не называя даты выполнения работ[168]. Не исключена возможность, что некоторые из них были осуществлены уже в послереволюционное время.

---

[164] За что В. Л. Вяткина упрекнул в свое время В. В. Бартольд (рецензия на упомянутую книгу в сб.: Иран, II, 1928, стр. 184).

[165] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 г., ИАН, 1916, стр. 1239—1242.

[166] Краткое и неточное описание фрагмента живописи по копии Ромберга сделал Б. П. Денике (Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, стр. 199); М. М. Дьяконов опубликовал штриховую прорисовку фрагмента (Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, стр. 92). См. также: А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Скульптура и живопись древнего Пянджикента, М., 1959, стр. 45.

[167] В. Л. Вяткин полагал, что обитель находится за Наубехарскими воротами, вне города, в местности Намазгах. См.: Афрасиаб.., стр. 18.

[168] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 16.

Упоминаются им развалины бани, которая находилась к ЮЮВ от цитадели, на южном берегу широкой низины, проходящей к югу от первой внутренней стены. Остатки бани расположены у южного конца дамбы, по которой был проложен канал, снабжавший водой северную часть города. Она была построена из жженого кирпича. «От нее под слоем в два метра уцелела часть стены с тремя отверстиями в виде арочек, ведущих в помещение для топок»[169]. Топки, как и в позднейших банях, расположены ниже уровня двора, замощенного булыжником. Зола сбрасывалась в овраг, туда же стекала вода. Пол в бане (над топкой, как, вероятно, не совсем точно пишет В. Л. Вяткин) был из «кира»[170]. Рядом с баней найдено много посуды: светильники, чашки, блюда и кувшинчики преимущественно с голубой поливой; по предположению В. Л. Вяткина, здесь шла торговля посудой.

Второй пункт, бегло описанный там же, — место гончарного производства с дворами гончаров и гончарными печами, где изготовлялась и обжигалась поливная посуда. Этот квартал занимал территорию между второй и третьей стенами, к востоку от главного канала, пересекавшего город с юга на север.

По другую сторону арыка, к западу от него в том же пространстве между стенами обнаружены печи для обжига сферо-конических сосудов (В. Л. Вяткин считает их «бомбами), светильников и прочих изделий. Пространство, занятое этими печами, выходило за южную стену. Сообщает В. Л. Вяткин и об обширном квартале гончаров, расположенном южнее, в районе западного большого канала, проходившего по направлению современной дороги в аэропорт.

Интересное сооружение — большая воронкообразная яма, узкая вверху и расширявшаяся книзу, обнаружена у запад-

---

[169] По-видимому, мы здесь встречаемся с той системой отопления бани, когда дымоходы проходят под полом, нагревая его. Эта система существует до сего времени в местных банях Узбекистана, зафиксирована она в бане XI—XII вв. на городище Ахсикета.

[170] Известь с примесью камышовой золы. Этот раствор, обладающий гидравлическими свойствами, широко применялся при постройках бань, подземных сточных каналов — «тазар», мостов, оснований зданий и т. п., подверженных воздействию воды и солей.

ной внешней стены. Глубина ямы 6 *м*, диаметр пола 3,2 *м*. В. Л. Вяткин высказал предположение, что это был зиндан[171].

Часть комнаты раскрыта «случайно пробоем» у южного склона большой котловины почти в центре городища, которую В. Л. Вяткин называет «большим хаузом». В этой комнате найдены гипсовые матрицы для отливки монет саманидского типа, штамп для чеканки монет монгольского времени и монгольские недочеканенные монеты. В «Афрасиабе» и специальной статье, посвященной этой находке[172], В. Л. Вяткин высказывает предположение, что здесь находился монетный двор, функционировавший в течение нескольких веков. Исследователем допущена серьезная ошибка: хорошо известные, как он сам говорит, саманидские дирхемы Ахмеда б. Исмаила 297 г. хиджры, как и вообще все монеты этого времени, чеканились штампом, но не изготовлялись способом отливки. Тем более было бы странно использование для этой цели непрочной гипсовой матрицы, которая едва ли могла служить больше одного раза, если вообще была пригодна для этой цели[173]. Эти гипсовые матрицы не могли относиться к инвентарю саманидской монетной мастерской. Они могли быть изготовлены или фальшивомонетчиком, или, еще вероятнее, для отливки монетоподобных жетонов для женских украшений, поскольку найдены они вместе со штампом монгольского времени, когда изготовление монет саманидского типа не имело смысла[174].

Сомнительно и местонахождение на Афрасиабе монетного двора в 630 г. хиджры (1232—1233). Сомнения в этом внушает и сам медный штамп, сделанный отливкой, да еще в непра-

---

[171] Эту яму автор видел в 1925 г. Она была расположена почти у самой стены напротив «здания с алебастровыми панелями». Возможность зиндана в этом месте, относительно слабо обжитом, как показали наши раскопки, весьма сомнительна. Зиндан должен был находиться ближе к административному центру, которым, конечно, являлся арк-цитадель.

[172] В. Л. Вяткин. Матрица и штамп из Самарканда, Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926, стр. 71—75.

[173] Температура плавления серебра 960,5°; гипс же теряет свою кристаллизационную воду и переходит в порошкообразное состояние при температуре около 200°. Отливаться могли, следовательно, только кружки из легкоплавких металлов, типа оловянных сплавов, температура плавления которых ниже 200°.

[174] Эти матрицы не имеют, конечно, никакого отношения к матрице для отливки жетона с благочестивым изречением, сделанным не из гипса, а из камня, опубликованным В. И. Сарианиди (Новая матрица Самаркандского музея, ЭВ, XII, 1958, стр. 107—110).

вильной форме, весьма похожий на торопливое произведение рук фальшивомонетчика.

Есть к книге В. Л. Вяткина некоторые, к сожалению, также очень скудные, упоминания об отдельных местностях вне Афрасиаба[175]. «Следы былой заселенности» он обнаружил на пространстве к западу от Афрасиаба до местности Намазгах, где он производил раскопки в 1904 г., и к югу от нее.

Кратко упоминается местность Джагар-дива, расположенная в черте современного «старого города», смежно с европейским кварталом, где находилось укрепление Джагар-диза, которое уже в XI в. было занято, судя по могильным камням, большим мусульманским кладбищем с мазаром шейха Мансура Матыриди[176]. Раскопок здесь не было, но при рытье могил выбрасываются черепки, такие же, как и на Афрасиабе. Встречаются они и восточнее Джагар-диза, по берегам арыка Оби-Машад.

Сообщается и о крепостце в 200 саженях к северу от могилы Ходжа Даниара, на которой и далее на север также встречается посуда типичная для Афрасиаба.

Значительная работа проделана в конце XIX и начале XX столетий по выявлению и исследованию письменных источников, относящихся к истории Средней Азии. Первое место здесь, бесспорно, принадлежит В. В. Бартольду, многие труды которого дают ценнейший материал по истории Самарканда. Из числа его многочисленных работ можно назвать «Туркестанский край в XIII веке», в котором разбираются известия китайского путешественника Чан Чуня, прибывшего в Самарканд в конце 1221 г., вскоре после разгрома, учиненного Чингиз-ханом. Весьма содержателен доклад «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии»[177], в котором автор едва ли не первым в историографии Средней Азии пытается разобраться на основании письменных источников в общественном строе населения времен арабского завоевания и последующих веков, в частности — определить социальную значимость дехканства (землевладельческой аристократии),

---

[175] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 18.

[176] Ныне не существует, как и кладбище. Вся местность застроена жилыми домами.

[177] Среднеазиатский вестник, июнь 1896 г., стр. 3—16. Доклад прочитан в Туркестанском кружке любителей археологии 3 июня 1896 г.

денежной аристократии, купцов, участвовавших в международной торговле «великого шелкового пути». Специальные работы посвящены им истории религиозных культов[178], выступлению населения Самарканда в 1365 г. в период междоусобной борьбы монгольских правителей[179] и др.

Особенно большую ценность и для современного исследователя-археолога представляет его сводка письменных источников по истории ирригации Средней Азии, в которой значительное место уделено бассейну Зарафшана[180]. Собственно истории возникновения и первоначального развития ирригации и орошаемого земледелия в этой книге мы не найдем. Поднять этот сложный вопрос в то время было невозможно. Бартольд как историк прекрасно понимал важность изучения этой проблемы, но конкретного археологического материала, без которого нельзя подойти к ее разрешению, тогда еще не было. Однако материалы преимущественно из письменных источников собраны и изложены им с обычной для этого ученого полнотой и тщательностью.

Сделал свой вклад в источниковедение по истории Самарканда и В. Л. Вяткин. Им переведено на русский язык и снабжено подробным комментарием извлечение Мухаммеда ибн-Абдуджалила ас-Самарканди из труда Абу Хафса Омара ан-Насафи (ум. в 537—1142/3 г.), известное под названием «Кандийя-и Хурд» («Кандия малая»)[181]. В работе над этим источником В. Л. Вяткин сличил 10 доступных ему рукописей. В примечаниях он отчасти использовал результаты своих работ на Афрасиабе, дал ряд топографических сведений как о городище, так и о некоторых местностях в области Самарканда.

Заслуживает внимания энергичная борьба В. Л. Вяткина и В. В. Бартольда за сохранение Афрасиаба как ценнейшего памятника прошлого и объекта дальнейшего изучения. Городище к началу его исследования находилось в весьма запу-

---

[178] О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей), ЗВО, VIII, вып. I—II, 1893, стр. 1—32; также о христианском селении в Самаркандском вилайете: По поводу христианского селения Визкерд, «Туркестанские ведомости», 1894, № 21.

[179] Народное движение в Самарканде в 1865 г., ЗВО, XVIII, вып. II—III, стр. 2—9.

[180] К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, Об области Самарканда см. стр. 103—118.

[181] Кандия малая. Перев. В. Л. Вяткина, СКСО, VIII, 1906, 235—276; комментарии — стр. 277—280.

щенном состоянии. В юго-западном углу и к западу от дороги в сел. Хилваи было свалочное место. Почти вся южная и восточная часть заняты кладбищами. Несмотря на неоднократные распоряжения властей, продолжались любительские и кладоискательские раскопки, а с раскопанных Бартольдом и Вяткиным зданий расхищались кирпичи. По этому поводу печатались заметки в газетах[182], писалось много казенных бумаг[183], но сдвига не было. Только незадолго до революции удалось добиться решения о переносе на другое место кладбищ, запрещения загрязнять городище и назначения сторожа, который следил бы за порядком.

Приведенные сведения об историческом и археологическом изучении Самарканда — это все, что нам удалось извлечь из доступных публикаций и документов. Данные не всегда полны и точны, но они создают достаточно определенное и ясное представление о большой работе, проделанной исследователями, особенно в деле привлечения средневековых письменных источников, выполненном в основном В. В. Бартольдом и В. Л. Вяткиным, отчасти Н. И. Веселовским. Несколько иное приходится сказать о собственно археологических работах. Несмотря на участие в изучении Самарканда археолога и историка Востока Н. И. Веселовского, исключительно широко эрудированного востоковеда академика В. В. Бартольда и талантливого «автодидакта»-энтузиаста, посвятившего свою жизнь исследованию и охране исторических памятников В. Л. Вяткина, археологические работы в Самарканде, как и вообще в Средней Азии, до революции не вышли за рамки предварительного накопления материала и не создали археологической школы.

Примитивно и по-любительски проводились раскопки: беспорядочно разбросанными траншеями, шурфами, а то и туннелями-норами. Разработанные к концу XIX и в начале XX вв. усовершенствованные методы археологических исследований и в отношении полевых работ, и последующей обработки полученных материалов не нашли в Самарканде отражения. Если в раннем отчете В. Л. Вяткина о раскопках на территории Соборной мечети можно уловить некоторое внимание

---

[182] «Самарканд», 1904, № 109 и др.

[183] ЦГИА, ф. Самаркандского областного правления, оп. 1, д. 6088, л. 5, 7; д. 6137, л. 1, 4, 5; д. 7342, л. 8 и др.

к стратиграфии, последовательности накопления культурных наслоений, то в дальнейшем (о чем можно судить по «Афрасиабу») стратиграфические наблюдения не только не получили дальнейшего развития, но как бы и совсем игнорировались. Исследователя интересовали только верхние наслоения, а раскопки производились в таких местах, которые в виде бугров выделялись на окружающей местности. Основным оставалось накопление интересных в археологическом отношении предметов, особенно отличавшихся по форме, материалу или художественной обработке.

В. В. Бартольда, не принимавшего после 1904 г. непосредственного участия в археологической работе, но постоянно связанного с ней, интересовали разнообразные вопросы не только истории, но хозяйства, культуры, быта. По его собственным словам, «без вещественных следов нельзя понять письменных известий, и наоборот». Однако археологический источник использовался недостаточно, а в проведении археологических работ в Самарканде нигде не чувствовалось целеустремленной установки разрешить какие-либо из интересующих исследователей исторических задач.

Большая вина В. Л. Вяткина — в отсутствии публикаций о раскопках. Кроме упомянутых выше трех отчетов, о всех остальных работах, проводившихся им на протяжении двух с половиной десятилетий, он не опубликовал ни одного, даже предварительного сообщения. Едва ли можно сомневаться, что ученый не оставлял мысли об опубликовании всех своих работ по Афрасиабу[184], надеясь на записи и прекрасную память, но не успел этого сделать. Неожиданная смерть прекратила деятельность этого крепкого, обладавшего редким здоровьем, всегда бодрого и подвижного человека.

Но было бы неправильным отрицать и положительное значение археологических исследований дореволюционного времени в Самарканде. При всем методическом несовершенстве они показали богатство старинной культуры Узбекистана, возбудили интерес к прошлому среднеазиатских народов и наглядно продемонстрировали, что перед археологическими работами в Узбекистане открываются большие перспективы.

---

[184] Насколько помнится, он именно так говорил автору в конце 20-х годов.

Годы интервенции и гражданской войны, хозяйственная разруха, преодоление которой требовало больших усилий, не способствовали развитию археологических исследований. Но и в эти героические годы укрепления Советской власти в Самарканде группа энтузиастов продолжала деятельность по охране архитектурных памятников. Особую тревогу любителей старины вызывал северо-восточный минарет медресе Улугбека, катастрофически наклонявшийся в северном направлении.

В порядке частной инициативы уже в 1918 г. В. Л. Вяткин, инженеры М. Ф. Мауэр и Б. Н. Кастальский образовали комиссию по разработке средств для поддержания этого наклонившегося минарета[185]. Комиссии удалось получить необходимые средства и укрепить минарет тросами, привязанными к деревянным якорям, что спасло минарет от падения[185]. В 1919 г. была образована уже постоянная комиссия под председательством художника О. Татевосяна, которая провела некоторые практические мероприятия по обследованию технического состояния и охране памятников.

Большим событием в деле организации охраны памятников явился декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 10 октября 1918 г., подписанный В. И. Лениным. Этот декрет устанавливал необходимость государственной охраны всех предметов, имеющих музейное и научное значение. Для организации этого дела тогда же был создан Главный комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Главмузей РСФСР).

Начало налаживаться дело охраны памятников и в Туркестанской республике. 30 января 1920 г. по инициативе уполномоченного Главархива РСФСР Д. И. Нечкина при

---

[185] Верх минарета, достигавшего высоты 36 *м*, отошел к этому времени от вертикали на 1,8 *м*. Д. И. Нечкин. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы в Средней Азии, Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926, стр. 9.

[186] М. Е. Массон. Краткий очерк.., стр. 14—15.

Центральном управлении архивным делом Туркреспублики организована Комиссия по охране памятников старины и искусства. Вскоре последовала и организация третьей по времени возникновения Самаркандской комиссии.

Туркестанская комиссия по охране памятников, состоявшая сначала при Центральном управлении архивным делом, выделена в 1921 г. в специальное учреждение — Туркестанский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис)[187] во главе с Д. И. Нечкиным. Самаркандская комиссия вошла в Туркомстарис в качестве его местного филиала.

После национального размежевания республик Средней Азии в 1925 г. Туркомстарис переименован в Средазкомстарис. На него возложена работа по охране памятников и их исследованию во всех вновь образованных советских республиках Средней Азии[188]. Средазкомстарис существовал до 1928 г., когда вместо него был создан республиканский орган — Узбекистанский комитет по охране памятников старины (Узкомстарис), о чем будет сказано ниже.

Таковы организационные формы, в которые облеклось дело охраны и изучения памятников древности в Туркреспублике, а затем в Узбекистане.

Возвратимся к исследовательским работам по изучению древнего Самарканда.

Необходимо отметить ту трудную обстановку, в которой велась работа Самаркандской комиссии. На планируемые меры по поддержанию памятников и их исследование не хватало ни средств[189], ни достаточно подготовленных людей. Поэто-

---

[187] Декрет Совета Народных Комиссаров Туркреспублики от 23 мая 1921 г., № 127.

[188] Декрет ЦИК и СНК Туркестанской республики от 7 мая 1925 г., № 70 и «Инструкция о применении на местах декрета» от 26 августа 1925 г. См.: Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926, стр. 305—307; А. М. Миронов. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (бывш. Туркомстарис) за пятилетие его существования, Там же, стр. 18—26; И. В. Янковский. К вопросу о законодательном оформлении Средазкомстариса, Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 257—261.

[189] Для характеристики материальных возможностей комиссии интересный факт сообщает В. В. Бартольд. На одном из своих заседаний комиссия обсуждала вопрос о приобретении карандашей: трехцветных, двух химических и шести «Кохинор». Отчет о командировке в Туркестан, август—декабрь 1920 г., стр. 9.

му, естественно, наиболее дорогие и сложные работы проводились медленно, а зачастую откладывались. Мешала и обстановка, в которой работали тогда члены комиссии. Против наиболее выдающихся ее представителей ополчились клерикальные и националистические группы, недовольные секуляризацией вакуфных имуществ, прекращением деятельности медресе Регистана. Возникла даже целая кампания в местной печати, направленная против деятельности комиссии и ее членов. В. Л. Вяткин, отдававший свои силы и знания сохранению памятников древности, предотвративший своей настойчивостью гибель таких драгоценных памятников зодчества, как Шахи-Зинда, Ишратхана и др., объявлялся «расхитителем самаркандских древностей», «миссионером», «врагом мусульман»[190]. Появлялись и карикатуры на Вяткина, где его изображали сваливающим минарет медресе Улугбека[191]. Характерен случай, рассказанный М. Е. Массоном, когда на головы работников комиссии, находившихся в глубоком шурфе на Регистане, была сброшена недоброжелателями куча кирпичей[192]. Что же касается работ вне города, то они были связаны с опасностью встреч с басмачами, появлявшимися в окрестностях города.

Первая известная нам археологическая работа в Самарканде после революции, упоминание о которой мы встречаем в печати, — это продолжение в 1919 г. на Афрасиабе раскопок здания с панелями, раскапывавшегося В. Л. Вяткиным в 1912—1913 гг. М. Е. Массон при участии местного художника-любителя, коллекционера и реставратора древностей М. В. Столярова раскопал большое помещение (12,5 × 6 *м*), стены которого украшены алебастровой резной панелью. Панель была по частям перенесена в музей и смонтирована там в большое панно. На основании найденных в помещении саманидских монет М. Е. Массон датировал панель IX в. Вопреки мнению В. Л. Вяткина, считавшего здание остатками дворца Тамгач-хана Ибрагима (XI в.), и В. В. Бартольда и С. Ф. Ольденбурга, видевших в нем буддийскую или манихейскую обитель, М. Е. Массон относит здание к дворцу Самани-

---

[190] По терминологии того времени, «местного населения» вообще.

[191] «Зарафшон» (на узб. яз.), 20 января 1923, № 14; 25 января 1923, № 15 и др.

[192] М. Е. Массон. Краткий очерк.., стр. 17.

дов, который, по письменным источникам, «находился внутри Самаркандского шахристана в квартале Асфизар»[193].

В 1920—1922 гг. выполнена большая работа по исследованию фундаментов медресе Улугбека и отрыты шурфы у медресе Ширдор. Были получены, по-видимому, немаловажные материалы, охватывавшие большой период истории древнего города. К сожалению, они пока недостаточно отражены в печати. Из кратких замечаний, сделанных М. Е. Массоном в его работах, мы можем почерпнуть лишь самые общие сведения.

В брошюре «Регистан и его медресе», вышедшей в свет в 1926 г., сообщается, что в «исследовательских колодцах» у северо-восточного минарета медресе Улугбека на глубине 9,8 *м* обнаружена ямка-очаг, наполненная золой. Вокруг — кости птиц и мелких млекопитающих. Здесь же найдены окатанные водой небольшие гальки. Остатки отнесены к жизни доисторического человека[194].

В работе, написанной много лет спустя, сообщается, что шурфов было заложено 25 и они доходили до глубины 12 *м*, а древнейший обнаруженный в них слой определялся как неолитический без более точных указаний. Нечего и говорить, насколько важно было бы точное описание сделанных в этом слое находок, так как очаг с костями и окатанные гальки еще не дают права отнести раскопанные остатки к какому-либо определенному историческому этапу.

Раскопками установлено, что через теперешний Регистан с юго-востока на северо-запад проходил крупный канал, в X в. это место было населено еще слабо, а в XI—XII вв. в канал сбрасывался брак керамических мастерских и мастерских стеклодувов, находившихся, по-видимому, по соседству. Более интенсивная жизнь в этом месте наступила после монгольского

---

[193] М. Е. Массон. Краткий очерк.., стр. 15. См. также: В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.), ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 11, где сообщается, что это то же здание, в котором в 1913 г. была найдена «буддийская фреска» и что В. Л. Вяткиным «оно без достаточного основания названо дворцом Тамгач-хана», находившимся, по Ауфи, в квартале Гурджамин или Керджумин, местоположение которого остается неизвестным.

[194] М. Е. Массон. Регистан и его медресе, Ташкент, 1926, стр. 1.

разгрома[195], когда опустела древняя часть города на холме Афрасиаба.

Остается выразить надежду, что эти исследования, имеющие первостепенное значение для истории города, будут подробно опубликованы, тем более, что они фиксировались подробными чертежами-развертками, о которых сообщает производивший их М. Е. Массон.

В 1920 г. Самарканд посетил В. В. Бартольд, детально ознакомившийся с производившимися там работами по археологии и охране и реставрации памятников и с деятельностью Самаркандского музея.

В. В .Бартольд отмечает также запущенное состояние городища Афрасиаб: в северо-западной части — свалочное место; кладбища, мусульманское и еврейское, расположенные в юго-восточной части, продолжают расти, значительная часть городища занята богарными посевами пшеницы. Сейчас «. . . уничтожены, — как он пишет, — все обязательства прежних властей», запретивших в свое время использование городища под кладбище и свалку мусора.

Самаркандская комиссия обсуждала в это время вопрос о раскопках на Афрасиабе. Считая, что «решение вопроса о раскопках на Афрасиабе не подлежит компетенции данной комиссии», было постановлено ограничиться небольшими разведочными раскопками в трех пунктах: там, где было раскопано здание с панелью; с южной стороны цитадели, где найдены следы бани, и на площадке с северной стороны соборной мечети, «ввиду предположения, что на этом месте находился базар города». По мнению же В. В. Бартольда, главный базар должен был находиться не в шахристане, а у его южных ворот; в шахристане же мог располагаться только отдельный небольшой базар[196].

---

[195] М. Е. Массон. Регистан и его медресе, стр. 1; Он же. Самаркандский Регистан, Труды САГУ, нов. сер., вып. XI, гуманитарные науки, кн. 5, Ташкент, 1950, стр. 76; Он же. Краткий очерк., стр. 20. В. В. Бартольд, посетивший Самарканд в конце 1920 г., когда, видимо, шурфы еще не были доведены до конца, пишет, что в раскопках у медрее Улугбека найдена посуда не «ранее времени последних чингизидов», т. е. конца XIV в. На этом основании В. Л. Вяткин сделал вывод, что Регистан был заселен только в этот период, с чем В. В. Бартольд не согласился по соображениям исторического порядка (Отчет о командировке в Туркестан, ИРАИМК, II, стр. 4—5).

[196] В. В. Бартольд. Отчет.., ИРАИМК, II, стр. 12.

Отчеты Бартольда содержат и другие сведения, в частности, о кайраках на не существующем теперь кладбище Джакардиза[197] и несторианских надписях в ущелье около Ургута.

В окрестностях Самарканда в остатках окружавшей его в древности стены, известной под названием Дивари-Кыямат, обнаружено весьма своеобразное сидячее погребение в специально устроенной камере, аналогий которому пока, кажется, неизвестно. Это погребение, для датировки которого нет достаточных данных, так как найденные при нем сосуды утрачены, обнаружено вследствие разрушения части стены, подмытой протекавшим здесь арыком, орошавшим сад. Погребение осмотрено и описано М. Е. Массоном, который считает его очень древним[198].

* *
*

Общую характеристику работ по археологическому изучению Самарканда в первые годы Советской власти до 1924 г. дал А. Ю. Якубовский[199], считавший, что в этот период по археологическому изучению было сделано мало и «ни проблематика, ни методика изучения не изменились».

Отмечает он и положительные стороны деятельности комиссии: «В методике ремонтных работ — введение раскопочного момента, стремление превратить ремонт в археологическое исследование, главным образом по линии изучения техники строительного дела».

Слабость развития в этот период собственно археологических исследований отмечалась и в других обзорах археологических работ[200].

---

[197] Приводится текст и перевод на надгробном кайраке богослова Мухаммада б. Са'ида ал-Хусайни ат-Тихами, умершего 22 рамазана 584 года хиджры (15 ноября 1189 г.)

[198] М. Е. Массон. Могила с одиночным погребением в сидячем положении в стене «Дивари-Кыямат» в Самарканде, ИТОРГО, XVII, Ташкент, 1924, стр. 161—163.

[199] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, стр. 321.

[200] В частности: С. П. Толстов, В. А. Шишкин. Археология, в сб.: 25 лет советской науки в Узбекистане, Ташкент, 1942, стр. 261—262. Автор склонен признать, что фраза об «одностороннем увлечении» самаркандских деятелей того времени, действительно, выглядит неудачной.

М. А. Массон возразил против характеристики, данной А. Ю. Якубовским, основанной «на неверных суждениях о подлинной действительности первых лет революции и неправильных оценках значимости проводившихся тогда работ»[201].

Нельзя не отметить, что советская научная общественность, в том числе и А. Ю. Якубовский, была мало осведомлена о работах, производившихся в то время в Самарканде. О многих из них, например, о проводившемся М. Е. Массоном обследовании ближайших окрестностей Самарканда и составлении альбома средневековой посуды стало известно только в 1956 г. после опубликования им обзорной статьи[202]. О других работах, производившихся в Самарканде, в печати появились лишь краткие упоминания, не дающие достаточного представления ни о их характере, ни о полученных при этом результатах.

Автор далек от мысли, что все эти исследования, проведенные с 1917 по 1924 гг., были бесполезны для науки. Они в значительной мере использованы потом самим М. Е. Массоном и отчасти его учениками как в брошюрах, посвященных отдельным памятникам, так и в работах по исторической топографии преимущественно тимуридского Самарканда. Эти работы и могли появиться только в результате знаний, накопленных в течение рассматриваемого периода. Важно и то, что это был период исканий в методике археологических работ, связанных в основном с охраной и реставрацией архитектурных памятников. Пусть эти работы еще не были совершенны по технике исследования и научной фиксации получаемого материала, но это были поиски новых путей. Дореволюционная археология Средней Азии, как в Туркестанском кружке любителей археологии, так и в лице деятелей, работавших в Самарканде (здесь можно упомянуть не только майора Борзенкова или В. В. Крестовского, но и таких исследователей, как Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин), не выработала никакой методики работ. Это в равной степени относится к раскопкам городища Афрасиаб и к изучению архитектурных памятников. В первом случае дело ограничивалось

---

[201] М. Е. Массон. Краткий очерк.., стр. 13.

[202] М. Е. Массон. Краткий очерк.., стр. 14. Из перечисленных здесь работ опубликована панель Ишратханы в ст.: М. Е. Массон. Ишратхана и фрагмент ее панели, в сб.: В. В. Бартольду, Ташкент, 1927, стр. 171—178.

траншеями и шурфами, которые даже не фиксировались, по-видимому, на плане городища, где вскрывались преимущественно верхние, средневековые наслоения, а исследователей больше интересовали найденные в раскопках предметы и в меньшей степени — здания и сооружения. В области изучения памятников архитектуры основное внимание исследователей привлекал декор с единственными в своем роде майоликами и мозаиками. Конструктивная сторона вызывала изредка интерес с точки зрения угрожающих деформаций, грозящих падением той или иной части здания.

В рассматриваемый период выдвигаются новые специалисты-археологи, в первую очередь М. Е. Массон, но рост кадров на первых порах идет медленно и существенные перемены в этом отношении наступают позднее, только в 30-х годах.

Учитывая это обстоятельство, а также исключительно трудные условия работы в период становления и укрепления Советской власти, гражданской войны и героически преодолеваемой хозяйственной разрухи, нельзя ни переоценивать работы, выполненные в Самарканде, ни тем более недооценивать их, так как (на это правильно указывает М. Е. Массон) они явились подготовительным, но необходимым этапом дальнейшего развития советской археологии в Средней Азии. Следует также подчеркнуть, что в других районах Средней Азии за все эти годы было сделано несравненно меньше, чем в Самарканде[203].

* *
*

В 1925 г. после национально-государственного размежевания Средней Азии Самарканд на некоторое время стал столицей Узбекской ССР. Значительно оживилась и деятельность самаркандской комиссии по охране памятников. Молодая республика сумела выделить некоторые средства на поддержание памятников и исследовательские работы в области археологии.

---

[203] Упоминаемые М. Е. Массоном неорганизованные раскопки С. А. Кукурышникова в окрестности Термеза и В. Э. Эгерта под Ташкентом в силу неподготовленности авторов ничего существенного для науки дать не могли (М. Е. Массон. Краткий очерк., стр. 14). Только в 1924 г. были организованы экскурсии и экспедиции с целью описания и фиксации состояния архитектурных памятников, а иногда и целых районов. В них приняло участие большое число исследователей: Б. П. Денике, А. А. Семенов, А. З. Шмидт, Б. Н. Засыпкин, Д. Д. Букинич и др.

Раскопки В. Л. Вяткина на Афрасиабе (1925—1930 гг.)

Работы на Афрасиабе В. Л. Вяткин возобновил после длительного перерыва в 1925 г. В основном его раскопки были сосредоточены в развалинах комплекса зданий в западной части городища, где он обнаружил в прошлом алебастровые резные панели и остатки стенной живописи, и в районе около раскопанной в 1905 г. соборной мечети. Раскопки были значительными по объему земляных работ и охватили относительно большую территорию. Однако описаний этих работ и более или менее подробных отчетов о них В. Л. Вяткин не оставил.

Здесь уместно сказать несколько слов об архиве В. Л. Вяткина. Бумаги и тетради исследователя только через несколько лет после его смерти были приобретены директором Термезского областного музея Г. В. Парфеновым и увезены в Термез, где и лежали неразобранными, без описей и соблюдения правил хранения научных материалов[204]. Позднее, в 1947 г., архив В. Л. Вяткина был изъят из Термезского музея и передан в Центральный государственный архив УзССР[205]. Однако, как это выяснилось позднее, музеем была сдана только часть архива и притом не самая важная[206]. В музее, неизвестно с какой целью, оставлены более десятка тетрадей и блокнотов с рабочими дневниками В. Л. Вяткина и несколько сотен листов, остававшихся неразобранными (различного рода заметки, наброски, выписки из источников, документы личного характера и т. д.).

---

[204] Документы из этого архива не имеют никаких номеров или других пометок, которые свидетельствовали бы об их археографической обработке или хотя бы составлении простой описи.

[205] Изъятие архива из музея произведено на основании постановления СНК СССР от 29. III. 1941 г. за № 727 распоряжением Комитета по делам культпросветучреждений при Совете Министров УзССР от 20 ноября 1947 г. за № 4014; Опись архива В. Л. Вяткина, составленная при его передаче Сурхандарьинскому областному архиву от 7 ноября 1947 г. (Термезский музей).

[206] См. путеводитель по отделу фондов Октябрьской революции и социалистического строительства, Ташкент, 1960, стр. 277; личные документы, документы о научной и общественной деятельности В. Л. Вяткина, переписка о состоянии и ремонте памятников Самарканда и пр.

В мае 1962 г. автор настоящих строк, с любезного согласия временно исполняющего в это время обязанности директора музея В. А. Козловского, составил краткую опись оставшейся части архива, а бумаги передал на хранение в Центральный государственный архив УзССР, где они включены в фонд В. Л. Вяткина[207].

Ознакомление с архивом В. Л. Вяткина в том виде, в каком он сохраняется в Центральном архиве, приводит почти к тому же заключению, которое сделал А. Ю. Якубовский и против которого возражал М. Е. Массон, что после В. Л. Вяткина остались только разрозненные бумаги[208]. Однако среди них обнаружены и тетради с дневниками, но для исследователя, занимающегося древним городищем, они дают очень немного. Записи, как правило, лаконичны и неполны. Они производят впечатление заметок на память, с очень неясными топографическими указаниями, не закончены и оборваны явно задолго до конца работ. Так, записи о раскопках 1925 г., начатых 19 мая, доведены только до 23 мая, хотя раскопки продолжались еще и в июне. Некоторой компенсацией лакуны служит описание (на 10 страницах) помещений, раскопанных в конце мая—июне. Записи, относящиеся к осенним раскопкам того же года, не обнаружены. При отсутствии более полных данных о раскопках эти тетради В. Л. Вяткина, исписанные мелким, четким почерком, являются драгоценным источником.

Раскопки 1925 г. производились в той части городища Афрасиаб (к западу от современной дороги в аэропорт), где в 1912—1913 гг. были найдены алебастровые панели и фрагмент стенной живописи; отсюда же М. Е. Массоном в 1919 г. была вывезена алебастровая панель, хранящаяся ныне в Самаркандском музее. Севернее, недалеко от холма, где сдела-

---

[207] Автор располагает, однако, надежными сведениями, что некоторые документы из архива В. Л. Вяткина (например, адресованные ему письма В. В. Бартольда) находятся в частных руках. Не разысканы до сего времени и некоторые рукописи В. Л. Вяткина.

[208] М. Е. Массон. Краткий очерк., стр. 25.

ны эти находки, расположен второй холм, значительно возвышавшийся над окружающей местностью[209].

В. Л. Вяткин продолжал считать раскапываемые развалины остатками дворца Тафгач-хана, на что указывал и в своем дневнике.

Отрывочные заметки из дневника не дают возможности установить взаимное расположение раскапывавшихся помещений. Как указано, была расчищена комната № 1 («с западной стороны от дороги») с земляным полом и сырцовыми стенами, оштукатуренными глиной, по которой нанесен тонкий слой ганча. Панелей и росписей в этом помещении не обнаружено. На холмах «в западной части двора» обнаружена северная стена комнаты также с ганчевой обмазкой.

Где-то рядом с раскопками 1912—1919 гг. найдена комната с «красивой рельефной панелью из ганча». Панель сохранилась на всю высоту в восточной части помещения, но и здесь с большими разрушениями. На полу, обмазанном ганчем, найдено много кусочков росписи по глиняной и алебастровой штукатурке. Краски яркие: синие, красные и желтые; орнамент, по-видимому, прямолинейный, геометрический. Есть и рельефная резьба по ганчу, с окраской.

Толщина стены, сложенной из сырцового кирпича, 2 аршина (около 1,5 *м*). По другую сторону стены имелось также помещение с остатками резной ганчевой панели, сильно разрушенной поздней могилой. Пол помещения выложен шестиугольными плитками, полученными стесыванием углов продолговатого жженого кирпича.

Раскопки на западном холме оставлены, так как их расширению мешали посевы еще неубранной пшеницы.

На третий день раскопок, 21 мая, заложена траншея посредине северного холма, прорезавшая его с запада на восток. Выяснено, что в центре холма, в его наиболее возвышенной части, находится квадратное помещение. Найденные остатки углового паруса свидетельствовали о том, что помещение имело купольное перекрытие.

---

[209] Третий холм, расположенный западнее первого, стал объектом раскопок позднее. Все три холма составляли как бы части одного комплекса. Именно так на них смотрел, по-видимому, и В. Л. Вяткин, так как впадину между ними в своем дневнике он назвал «двором».

На этом ежедневные записи В. Л. Вяткина кончаются. С 24 мая непосредственное наблюдение за раскопками и ведение дневника было поручено автору этих строк, командированному Средазкомстарисом в качестве практиканта в распоряжение В. Л. Вяткина[210].

Дальнейшее описание раскопок этого сезона основано на дневнике автора[211] и отчасти на общем кратком описании раскопанных сооружений, которое содержится в той же тетради В. Л. Вяткина, где имеется и его незаконченный дневник.

Помещение, обнаруженное В. Л. Вяткиным на северном холме, приблизительно квадратное в плане, имело внутренние размеры около 4,3×4,3 *м*. Стены его выведены из трех рядов пахсы (на высоту 1,85 *м*). На этих глинобитных стенах покоилось купольное перекрытие из сырцового кирпича размером 46×30×8 *см*.

Купол производит впечатление весьма архаического. Диаметр основания купола приблизительно на 0,60 *м* больше стороны квадрата помещения. Поэтому при кладке купола поверх глинобитных стен были оставлены сегментные полочки, наибольшая ширина которых 28—29 *см*. Это позволило значительно уменьшить размеры угловых тромпов, сложенных как бы перспективными арочками, напуском рядов кирпича. Нижняя часть купола почти на высоту тромпов сложена выступающими (приблизительно на 80 *см*) рядами кирпича. Выше идет нависающий уступ-карнизик и только после этого начинается кладка собственно свода. Свод сильно разрушен, частично уцелели только его основание, один из тромпов и остатки других трех. Стены помещения оштукатурены в несколько слоев глиной с саманом[212]. Пол выстлан жженым кирпичом, который сохранился только в юго-восточном углу. Помещение заполнено мягкой землей и строительным мусором. В нижней части завала, под полом, встречались фрагменты поливной и неполивной глиняной посуды. Так, около южной две-

---

[210] Автор, тогда студент восточного факультета САГУ, участвовал в раскопках в порядке учебной практики и впервые получил возможность включиться в работу по археологии Средней Азии.

[211] Переписанный начисто дневник был передан В. Л. Вяткину. См. также: В. А. Шишкин. Из археологических работ на Афрасиабе (Раскопки В. Л. Вяткина в мае — июле 1925 г.), Известия Узбекистанского филиала АН СССР, 1940, № 12, стр. 63—70.

[212] Нами насчитано до 8 слоев штукатурки.

ри найдена «саманидская», как определил ее В. Л. Вяткин, поливная чаша. В полу обнаружено круглое отверстие диаметром около 0,5 *м*, под которым оказалось подземное помещение глубиной 2,2 *м* и таким же диаметром. Помещение имеет форму свода, выкопано в земле. Стены его гладко оштукатурены глиной с саманом. Здесь найдены фрагменты поливной и неполивной посуды «саманидского» типа, серебряная ушная серьга и стеклянный флакончик. По мнению В. Л. Вяткина, это был подвал-кладовая.

В северной и южной стенах описываемого купольного помещения были две небольшие ниши и три дверных проема. Первый из них очень широкий, находился примерно в середине южной стены. Когда-то он был уменьшен кладкой из сырца, а позднее заложен сырцовым кирпичом. Другой проем, в западной стене, очевидно, пробит позднее, а не во время постройки. Он также заложен. Наконец, третий, в северной стене, непосредственно у северо-восточного угла, вел в другое помещение (№ 2), составлявшее с помещением № 1 как бы одно целое, с общими глинобитными стенами[213]. В проеме сохранились незначительные остатки завершавшей его арочки и отверстия в стенах для притолки и порога. Эта дверь была также заложена сырцовым кирпичом. При этом закладка сделана на накопившемся к тому времени слое мусора. Дверь заложена, вероятно, после того, как северное помещение было использовано в качестве склепа для обнаруженных здесь четырех погребений. Положение костяков наглядно показывает, что покойники помещены здесь еще в то время, когда помещение было цело и имело перекрытие; находятся они на значительном слое мусора.

Помещение разгорожено стенками в один кирпич, положенный плашмя, на три отсека. Перегородки доходили до свода. Именно благодаря этому сохранились значительные его фрагменты, лежавшие на перегородках. Использование поме-

---

[213] В. Л. Вяткин (запись в указанной тетради) был склонен даже считать, что первоначально эти два помещения составляли одно, с балочным потолком. Основания для такого вывода автору неизвестны. Предположение едва ли можно считать вероятным: северная стена помещения № 1 такая же пахсовая, как и другие стены, такой же толщины и в смыкании с западной стеной не имеет заметного шва. Помещение № 1 В. Л. Вяткин считал жилым: «В стенах есть дырки для колышков, на какие вешают одежду».

щения для погребения началось с западной стороны, где отсек для него был значительно шире; в среднем отсеке лежало два скелета; в последнем по времени погребение находится у восточной стены, против двери. Пространство для этого погребения оставалось несколько недостаточным, и для него была подрублена восточная стена. Все погребения совершены по мусульманскому обряду — головой на север, не имели никакого инвентаря, что затруднило отнести их к определенному времени. Однако, судя по закладке проемов в первое помещение, они появились задолго до монгольского разгрома.

К первоначальной постройке относится, видимо, и помещение, примыкающее к описанным с восточной стороны (пом. «в»). Оно сохранилось не полностью, его юго-восточный угол разрушен большой вырытой здесь ямой. Установлено, что в восточной стене этого большого помещения были два проема. От южного из них сохранилась только одна сторона; северный, шириной около 1,5 *м*, прослеживается полностью. Помещение было перекрыто сводом из сырцового кирпича, фрагмент которого сохранился в северо-западном углу. Сохранность его объясняется тем, что в этом месте к западной стене помещения примыкал массив, по-видимому, ремонтной кладки, доведенной до свода. Кладка этого свода отличается некоторыми особенностями. На глинобитном массиве стены положены с некоторым напуском внутрь помещения два ряда сырцового кирпича. Выше идут два ряда кирпича, положенные по два углом, создавая своего рода зубчатку. Над нею — два ряда кирпича плашмя, один ряд — ребром и снова три ряда кирпича плашмя. Все это создает основание свода, образованное постепенно увеличивающимся кверху напуском кирпичей. На него положен собственно свод из такого же сырцового кирпича, коробовый, вертикальными отрезками. Ширина помещения, перекрытого сводом, 3,75 *м*.

Пол помещения глиняный, находился на одном уровне с полом купольного помещения № 1.

В северной стене имеются две ниши. Одна из них (восточная) начинается на уровне пола. Высота ее 2,4 *м*, ширина 0,9 *м*, глубина 1,5 *м*, перекрыта сводиком из четырех рядов сырцового кирпича, положенного плашмя. В нише — колодец, заполненный мусором (обломки кирпича, черепки от посуды и пр.), глубиной 4,7 *м*.

Западнее ее — другая, маленькая ниша высотой 0,70 *м*, шириной 0,60 *м*, перекрытая подобным же образом кирпичом плашмя.

К востоку и юго-востоку раскопаны фрагменты еще трех помещений. Полностью конфигурации их установить не удалось. Их глинобитные и отчасти сырцовые стены сильно разрушены. Значительное по площади прямоугольное помещение расположено к юго-востоку от помещения с куполом. Удалось установить его западную стену, значительную часть южной с дверным проемом в ней и западную часть северной, общей со стеной купольного помещения, но продолжающейся дальше к востоку.

В какой-то период к западной стене помещений № 1 и № 2 была вплотную приложена массивная стена (толщина ее 0,8 *м* в южном конце и 1,4 *м* в северном) из сырцового кирпича. Первоначально было высказано предположение, что эта стена сложена для укрепления стен помещений № 1 и № 2, но в дальнейшем от этой мысли пришлось отказаться, так как на ней обнаружены очень незначительные остатки купольного свода конструкции, аналогичной своду помещения № 1. Следовательно, эта стена была восточной стеной другого купольного помещения, пристроенного вплотную к помещению № 1. Оно возведено позднее, так как при его постройке заложен западный дверной проем помещения № 1. Что представляло собой это помещение и какое место занимало оно в комплексе построек, установить невозможно, так как остальные его стены при дальнейших перестройках, по-видимому, уничтожены. При этом с западной стороны приложена новая стена толщиной 1,20—1,30 *м*.

К западу от этой стены имеется продолговатое, вытянутое с юга на север помещение шириной около 2,50 *м*. С запада оно замыкается очень толстой стеной (свыше 2,50 *м* толщиной). Пожалуй, оно скорей производит впечатление не замкнутого помещения, а открытого дворика, так как у него нет южной стены.

Дворик имел хозяйственное назначение. Здесь найдены тандур, большой хум, горшок, черепки поливной и неполивной посуды, а также медная саманидская монета.

Западнее этого дворика, в 3 *м* от стены, обнаружена параллельная ей дорожка, как бы тротуар, выложенный из кусков ломаного чупанатинского сланца. Ширина дорожки около

1 *м*. У южного конца западной стены находился глубокий (до 20,8 *м*) колодец, закрытый сверху большим камнем. В колодце оказалась хорошая питьевая вода.

Позднейшая стена с двумя широкими нишами примыкает также и к северной стене помещения № 2. Эта стена в отличие от всех описанных оштукатуренных глиной или оставленных без штукатурки, покрыта тонким слоем алебастра, по которому довольно грубо процарапана острым орудием арабская надпись: بسم الله الرحمن الرحيم قل هو الله احد представляющая собой начало суры «Ихлас»: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, скажи: Он — Аллах единый...» (Коран, сура 112, ст. 1). Надпись не закончена. Выполнена она прямолинейным, архаическим куфи и вместе с найденной там же, на полу, саманидской монетой весьма определенно указывает на X век н. э. Пол против этой стены замощен тщательно уложенными глыбами ломаного чупанатинского сланца.

С описанной группой построек связано весьма обычное для Афрасиаба подземное помещение, вход в которое обнаружен в одной из траншей к юго-востоку от купольного помещения. В него ведет наклонный ход с крутой лестницей и высеченными в земле ступеньками. Помещение представляет собой неправильный круг диаметром около 2,5 *м*. Верх вырублен в виде свода почти эллиптического сечения. Прямо против входа и по обеим сторонам имеются небольшие нишки в форме полукруга. Такие же нишки, но несколько меньшего размера, устроены на лестнице, по обе стороны перед входом. Стены и земляной свод тщательно оштукатурены глиной с мелкой соломой. Ниши обрамлены вдавленным в стену валиком с ромбовидной фигурой в замке. Таким же валиком, проходящим горизонтально по основанию сводика, и перекрестьем валиков, пересекающимся под прямым углом в центре, украшен верх помещения.

Помещение было настолько хорошо закрыто, что оно оказалось засыпанным землей лишь на небольшую высоту около входа. В одной из ниш обнаружен обломок глиняного светильника.

По предположению В. Л. Вяткина, такие помещения служили для пребывания во время летней жары или связаны с культовыми потребностями, как и позднейшие чилля-хана, в

которых особо ревностные мусульмане проводили сорокадневие («чилля») поста и молитвы.

Упомянем еще о десяти погребениях, обнаруженных в разных частях раскапывавшейся площади. В отличие от четырех, описанных выше, занимающих северное помещение, все остальные относятся к тому времени, когда развалины строений превратились уже в холмы, на поверхности которых нельзя было видеть стен и помещений, так как могилы оказывались вырытыми то в пространствах между стенами, то врезались в глинобитную массу стен полностью или частично. Девять из них — погребения взрослых людей и одно — детское. Все погребения совершены по мусульманскому обряду — головой на север. Могилы перекрыты крупными продолговатыми сырцовыми кирпичами, поставленными в виде крыши, и засыпаны землей. Могильные холмики ко времени раскопок не обнаружены.

Перейдем к описанию южной части раскопок, на значительно более пониженной поверхности. Если в северной части исследовано несколько помещений, что позволило выявить характер построек, то здесь, по указаниям В. Л. Вяткина, вырыто большое количество траншей без всякого плана. Эта часть раскопок носила характер поиска, но не планомерных раскопок.

Траншеями кое-где вскрыты поверхности стен, преимущественно из сырцового кирпича. В одном случае траншея прошла по узкому коридору (ширина около 1,20 *м*). В других — обнаружены углы помещений, дверные проемы, но ни одно из помещений не раскопано полностью. Внутри помещений найдено большое количество фрагментов поливной и неполивной «саманидской» посуды. В одной из траншей обнаружен фрагмент штукового декора с мелким растительным орнаментом, лежавший в завале земли. Повсюду встречались мелкие фрагменты глиняной штукатурки с остатками росписи синей, красной и разных оттенков желтой.

Стены почти всех вскрытых на этом участке помещений оштукатурены глиной с саманом или алебастром. Полы выстланы небольшими, тщательно пригнанными обожженными плитками или покрыты алебастром по настилу из жженого кирпича.

По внутренней отделке группа помещений в южной части раскопа резко отличалась от купольного и других окружав-

ших его помещений. Это может указывать или на различное назначение помещений, или на разновременность их возведения. Однако несомненно, что это — части одного и того же комплекса.

Наиболее неясно время возведения купольного и смежных с ним помещений. Высказывалось предположение о домусульманском происхождении этой группы построек: однако ясных доказательств в процессе раскопок не найдено. Сырцовый кирпич того же формата мог использоваться и в VIII в. и позднее. Неясна и последующая история памятника. В какой-то момент был заложен единственный дверной проем в помещение № 1, находившийся на южной стороне. Вместо него был пробит вход на северной стороне, но и он был затем закрыт пристроенной к нему массивной стеной. Помещение № 1 оказалось лишенным входа. Можно было бы предположить, что это произошло тогда, когда помещение № 2 было использовано как склеп: туда были положены четыре покойника, а проход между двумя помещениями заложен сырцовым кирпичом. Иначе закладку двух помещений, когда они стали недоступными, трудно объяснить.

Затем последовали новые сооружения: пристройка помещения с куполом, следы которого сохранились на западной стороне, позднее — явно ремонтные кладки в виде толстых стен, одевших, как футляр, первоначальную группу помещений с северной, западной и южной сторон.

По характеру встречавшегося при раскопках археологического материала, который теперь невозможно детально анализировать, так как выделить его из коллекций В. Л. Вяткина и музея нельзя, видимо, даже наиболее поздние постройки относятся ко времени не позднее XI в. (саманидские монеты, почерк надписи на северной стене и т. п.). Следовательно, все переделки и перестройки здания укладываются в относительно небольшой срок от IX до XI в. включительно.

Впрочем, надежность хронологических выводов весьма относительна, так как автор во время этих раскопок был еще новичком и многое воспроизводит по памяти через сорок лет.

Раскопки на этом месте были продолжены В. Л. Вяткиным осенью того же года при участии научного сотрудника музея В. Р. Чейлытко. Сведения, которыми автор располагает об этих работах, ограничиваются только записями в дневнике,

сделанными при посещении Самарканда в 1926 г., после беглого осмотра раскопок и беседы с В. Л. Вяткиным.

Осенние раскопки расширили исследовавшуюся площадку на запад и юго-запад. Отчасти выяснены некоторые детали в помещениях, раскопанных весной, но в основном работы сосредоточены на холмике к юго-западу от места весенних раскопок. В. Л. Вяткин сообщил, что было раскопано там около 10 комнат. Во всех комнатах полы выстланы кирпичом и обмазаны алебастром. В одном из помещений обнаружена прекрасно орнаментированная ниша-михраб.

Михраб не сохранился, он кем-то разбит или рассыпался при попытке взять его. Сохранились только фотографии, по которым этот интересный памятник древнего искусства неоднократно описывался[214].

В этом же раскопе, видимо, обнаружены на стенах большие фрагменты резного штукового декора (панели), известные ныне также только по фотографиям[215].

В Самаркандском музее некогда были какие-то чертежи, относящиеся к осенним раскопам 1925 г., но наши попытки разыскать их не увенчались успехом. Вместо них найдены только краткие записки, составленные В. Р. Чейлытко, представляющие собой пояснения к этим чертежам[216]. Один из чертежей, как следует из записки, изображал комнату с алебастровой панелью, почти точно ориентированную по странам света. «Внутренние стороны южной и западной стен,— говорится в записке,— были покрыты панелью в два ряда по горизонтали. Южная и западная стены, по-видимому, имели пролеты, но были ли это двери и окна, не установлено, как не установлен и характер стен в их внешней части». Не выяснены и размеры комнаты. Пол помещения кирпичный; размеры кирпича 21,5×21,5×4,5 *см*. Сообщается также, что «в земле,

---

[214] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии, «Вопросы реставрации», т. II, стр. 247; Б. П. Деникe. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 42, рис. 26 и 27; Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана.., стр. 134, рис. 36.

[215] Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент.., стр. 137—146.

[216] Записки датированы 1 сентября 1933 г.

заполнявшей траншеи», найдены куски краски и окрашенной штукатурки, а также саманидская монета[217].

На другом чертеже представлен разрез, очевидно, той же «комнаты с панелью». Записка к нему содержит еще меньше полезных сведений. В ней сообщается только, что стена сложена из глины, блоками пахсы с незаполненными швами. Кладку пахсы подстилает кирпичная кладка пола.

Приведенные данные — это все, что удалось нам собрать об осенних раскопках 1925 г.

Хуже обстоит дело с последующими раскопками. О многих работах В. Л. Вяткина на Афрасиабе с 1926 до 1932 гг. (до его смерти) нам не удалось узнать ничего, так как ни в печати, ни в архивном фонде никаких следов нет.

Вопрос о продолжении раскопок обсуждался на заседании Средазкомстариса в Ташкенте 21 мая 1927 г. с участием приезжавшего в Ташкент В. В. Бартольда. В. Л. Вяткин предполагал производить раскопки в двух местах: у соборной мечети и в комплексе зданий у Наубехарских ворот (где производились раскопки 1925 г.). По мнению В. В. Бартольда, раскопки комплекса не закончены и требуют завершения. Так, решение о раскопках на Афрасиабе было принято[218].

Однако раскопки на Афрасиабе в 1927 г. не производились, ибо В. Л. Вяткин был привлечен в качестве археолога к участию в Термезской экспедиции Московского музея восточных культур[219].

Некоторые археологические наблюдения сделаны В. Л. Вяткиным в этот период в окрестностях Самарканда. При строительстве аэропорта недалеко от города был снесен большой холм в местности Чонгуль. Холм оказался развалинами боль-

---

[217] Точно определить место, где находилось это помещение, затруднительно из-за ошибочного указания в записке В. Р. Чейлытко, что оно раскопано «при участии В. А. Шишкина». При раскопках, проведенных в присутствии автора, такого помещения не обнаружено.

[218] Судя по сохранившемуся черновику журнала заседания.

[219] По-видимому, указание М. Е. Массона на раскопки 1927 г. на Афрасиабе ошибочно (см. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 164). И. И. Умняков в обзорной статье «Археологические и ремонтно-реставрационные работы Средазкомстариса в 1927 г.» (Известия Средазкомстариса, вып. III, 1928, стр. 273), говоря о задачах археологического изучения Средней Азии, замечает: «Лишь летом 1925 г. произведены небольшие раскопки в Самарканде, на Афрасиабе, под руководством В. Л. Вяткина», не упоминая о каких-либо работах 1927 г.

шого здания со многими комнатами, коридорами и остатками лестниц, свидетельствующих о несохранившемся втором этаже. Стены сырцовые, оштукатуренные алебастром с росписью «желтого, синего и темного тонов». При раскопках найдены монеты Улугбека. Здание расположено в саду, окруженном глиняной стеной, площадью около 80 десятин. По мнению В. Л. Вяткина, это была усадьба очень богатого человека или один из многочисленных дворцов Тимура[220].

Для археологии Самарканда домонгольского времени весьма интересно сообщение В. Л. Вяткина, что при «многолетних пробных раскопках» на Афрасиабе он ни разу не встретил намогильные камни от окатанных валунов, так называемые «кайраки», основная масса которых относится к XI—XII вв. н. э.[221]

В. Л. Вяткин сообщает также об осмотре им вместе с В. Р. Чейлытко «курганов» (тепа) в окрестностях Самарканда, Талли-Барзу и Фарахшин, в которых найдены большие хумы, а в Фарахшине, кроме того, «обнаружены свод входа внутрь «кургана» (на северной стороне) и стена с росписью, ведущая внутрь кургана (с южной стороны)»[222].

Кроме лаконичности этого сообщения, обращает на себя внимание, что у В. Л. Вяткина, считавшегося в то время авторитетным специалистом по археологии Средней Азии и особенно Самарканда, не было еще ясного представления о происхождении таких огромных искусственных бугров, как Талли-Барзу, раскапывавшегося в 30-х годах Г. В. Григорьевым. Но даже для того времени весьма неожиданно заключение В. Л. Вяткина: «Обследование показало, что курганы являлись, повидимому, первоначальным местом погребения»[223].

В. Л. Вяткин здесь возвращается к догадке Н. И. Веселовского, высказанной им еще в 1888 г.: «Не были ли все курганы

---

[220] В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника, Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 278—279. Упоминаемый им план здания разыскать не удалось. См. также: М. Е. Массон. Рец. на статью А. Ю. Якубовского «Образы старого Самарканда», там же, стр. 206, прим. 7.

[221] В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника, стр. 277—278. Сообщается, что В. Л. Вяткин прочитал почти все кайраки Самарканда « в количестве свыше 250».

[222] Там же, стр. 279.

[223] Там же, стр. 279.

могильными и уже потом, в мусульманском периоде, население придумало утилизировать их для стратегических целей»[224]. Впоследствии, как сообщает В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский сам отказался от этой явно неверной точки зрения и «убедился, что курганы должны быть признаны остатками замков дехканов»[225].

Сам В. В. Бартольд, очевидно, считал курганы (тепа) именно остатками дехканских замков. Во времена Веселовского более правильный взгляд на происхождение курганов не раз высказывали даже не специалисты в археологии, такие как Бурнашев[226], Крестовский[227]; о тепа Туркестана, как об остатках древних поселений или укреплений замков дехкан, высказывались Е. Т. Смирнов[228], А. Калмаков[229] и др.

Раскопки на Афрасиабе В. Л. Вяткину удалось возобновить только в 1929 г. Незадолго перед этим он издал книгу «Афрасиаб — городище былого Самарканда»[230], в которой как бы подвел итог всему, что было тогда известно о древнем городище. В. Л. Вяткин дает подробное описание поверхности городища, его внешних и внутренних стен, сохранившихся в виде валов с остатками башен, останавливается на вопросах водоснабжения, отмечает кварталы расселения гончаров с их мастерскими и обжигательными печами, некоторое внимание уделяет окрестностям в пределах древней стены Дивари Кыямат и т. д.

Многолетние раскопки и разведки дали В. Л. Вяткину материал и для суммарного, почти без конкретных примеров, описания улиц и застройки города. О своих раскопках он упоминает лишь однажды, говоря о цитадели, которую иссле-

---

[224] Н. И. Веселовский. Заметки о курганах Туркестанского края, ЗВО, II, 1888, стр. 224.

[225] В. В. Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и истории русской науки, ЗВО, XXV, 1921, стр. 350.

[226] «Сибирский Вестник», 1818, ч. I, стр. 64.

[227] В. В. Крестовский. В гостях у эмира бухарского, СПб., 1887, стр. 9—11. Автор делит «курганы» на «могильные», «жилые», «молотильные».

[228] ПТКЛА, год V, стр. 178.

[229] А. Д. Калмаков. Основные вопросы среднеазиатской археологии. Мечеть, ПТКЛА, год XIV (1909), стр. 107.

[230] Без указания места и времени издания. Дата составления в конце книги: «г. Самарканд, 1 ноября 1926 г.» Вышла в Самарканде в 1927 г.

довал «лет 20 тому назад»[231]. Кроме этого, никаких сведений о раскопках нет.

Говоря о городе, его территории, а иногда и об изменениях, происходивших на протяжении столетий, В. Л. Вяткин нигде не приводит и не использует имеющихся письменных источников. Такая односторонность в данном случае не вполне понятна, так как значительная часть источников была вполне доступна автору, достаточно хорошо владевшему восточными языками.

Поэтому история не только возникновения, но и развития города, даже в эпоху «мусульманского» средневековья, основана только на археологическом материале, далеко еще недостаточном и в значительной части непонятном и недатированном.

Возникновение города на Афрасиабе В. Л. Вяткин относит к IV в. н. э. Основанием для этого он считает находки монет, из которых наиболее ранние, по его мнению, монеты Варахрана V. «По монетным данным,— заключает он,— культура Афрасиаба устанавливается с IV—V и почти по конец XIII века». Правда, он делает оговорку, что «в дальнейшем более обширные раскопки, надо полагать, дадут материал, который позволит удлинить период жизни на Афрасиабе»[232].

Распространенное в литературе отождествление Самарканда с Маракандой IV в. до н. э. он решительно отклоняет, так как, по его мнению, «оно является простым предположением, основанным на созвучии имен»; раскопки убеждают его, «что город здесь основался не в столь отдаленное время, и что Мараканду надо искать в другом месте, а не на Афрасиабе»[233].

Через три года В. Л. Вяткин значительно изменил свои взгляды на возраст города на Афрасиабе.

Вторая, большая часть работы посвящена описанию отдельных предметов, найденных на городище: терракотовых статуэток, оссуариев, поливной и неполивной глиняной посуды, предметов из стекла и т. д. Описания обстоятельны, свидетельствуют о хорошем знании материала, но только как бы с внешней стороны. В тех случаях, когда делается попытка

---

[231] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 10.
[232] Там же, стр. 19.
[233] Там же, стр. 4.

классифицировать предметы по времени, Вяткин допускает грубые ошибки. Причина — недостаточное владение методом археологии, невнимательное отношение к стратиграфии наслоений и иногда предвзятое отношение к отдельным предметам, якобы заимствованным и принесенным на Афрасиаб.

Только пренебрежением к стратиграфии можно объяснить отнесение к «трипольской» культуре сосудов, находимых, как он сам пишет, «в разных слоях почвы и даже в отхожих местах первых веков ислама»[234]. Дата бытования их, вопреки высказанному выше мнению о позднем возникновении поселения, определяется «за три-четыре тысячелетия до нашего времени»[235].

Не удалось дать и удовлетворительной классификации знаменитой поливной керамики Афрасиаба, определить ее место хронологически. Отказавшись от прежнего названия этой керамики «саманидская», Вяткин считает теперь, что она «появилась не в период высокого развития и расцвета техники и искусства при Саманидах, а раньше, и подготовительный период в производстве этих изделий протекал где-то в другом месте». Поэтому проследить развитие этой посуды можно только где-то «в более древних, чем Самарканд с его Афрасиабом, местах»[236]. Иными словами: поливная посуда появилась и достигла высокого технического совершенства в период более ранний, чем предполагаемое исследователем возникновение Самарканда в IV—V вв. н. э.

Примеры такого рода ошибок, совершенно искажающих историю древнего города, многочисленны.

В наше время, когда археология в Средней Азии сделала большие успехи, ошибки В. Л. Вяткина очевидны. Но и в свое время, когда вышла в свет его книга, она вызвала неодобрительный отзыв В. В. Бартольда, внимательно следившего за всем, что делалось в области истории и археологии Средней Азии. В. В. Бартольд отмечает, что книга В. Л. Вяткина «посвящена предмету, которого никто не знает, как он», и она представляет «значительный шаг вперед по сравнению с тем, что было написано об этом городище до сих пор». По его мнению, главы, содержащие описание отдельных находок,

---

[234] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 39.
[235] Там же, стр. 40.
[236] Там же, стр. 41.

«написаны с исключительным знанием дела и содержат много-много подробностей, которых не мог бы сообщить никто другой»[237]. Однако работа В. Л. Вяткина не удовлетворила В. В. Бартольда.

Рецензент желал бы видеть в книге «более отчетливое изложение доступного автору литературного материала, со ссылками хотя бы на некоторые источники, и более отчетливые сведения о том, что и как было найдено при раскопках, с приведением хотя бы некоторых данных о ходе археологических работ»[238].

Более суров отзыв А. Ю. Якубовского, появившийся более чем через десятилетие после выхода в свет работы В. Л. Вяткина[239]. По мнению рецензента, «позиция В. Л. Вяткина, замкнувшегося в описании того, что можно увидеть или найти на городище, есть шаг назад от положений В. В. Бартольда, который еще в своем «Туркестане» поставил, хотя и не во всей полноте, вопрос о социальном характере среднеазиатских городов в начале завоевания Средней Азии арабами». Отмечается вообще отсутствие подлинно исторической постановки исследования; обвиняется В. Л. Вяткин и в вещеведческом, формалистическом подходе к материалу в главах, посвященных типовым группам предметов.

Многое здесь верно. Однако, как нам кажется, Якубовский смотрел на работу с точки зрения, установившейся к концу 30-х годов, когда впервые были поставлены на разрешение такие вопросы, как социальная природа городов, генезис и развитие феодализма и т. п. К тому же многие из сложных проблем, затронутых в отзыве А. Ю. Якубовского, далеко не разрешены и теперь, в 60-х годах, а выяснение классовой природы той или другой части древнего домонгольского Самарканда окажется под силу только большому коллективу при длительном многолетнем систематическом исследовании, а не одиночке, располагавшему весьма ограниченными возможностями, каким был В. Л. Вяткин.

Обратимся к описанию последних раскопок В. Л. Вяткина, производившихся им в 1929—1930 гг. Отчет об этих рабо-

---

[237] В. В. Бартольд. Рец.: В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб, в сб.: Иран, II, Л., 1928, стр. 181.

[238] Там же, стр. 183.

[239] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, стр. 327.

так, как и о многих более ранних раскопках, не составлен. В кратком «Отчете о деятельности Узкомстариса за 1929/1930 год», экземпляр которого хранится в Государственном архиве УзССР, содержатся лишь сжатые и скупые сведения, которые мы и приводим.

«Раскопки были начаты еще до революции,— говорится в нем,— но тогда они носили несистематический характер и только начиная с прошлого года (т. е. 1929 — *В. Ш.*), они входят в русло плановости. Последнее явилось ни чем иным, как результатом суммирования и обработки всех ранее полученных материалов археологом Узкомстариса В. Л. Вяткиным в его книге «Афрасиаб», вышедшей в свет в 1927 г. Все раскопки на Афрасиабе производятся под руководством В. Л. Вяткина».

«В прошлом году раскопки производились в древней части Афрасиаба — в северной, где находилась соборная мечеть, следы которой были найдены еще в 1904 году. Этими раскопками был обнаружен ряд помещений и отдельных стен, а также мостовая. Открыто много черепков глиняной посуды и один монетный клад саманидской эпохи (X век)».

«Фрагменты глиняной посуды с (поверхностью — *В. Ш.*) перетертой красной краской и лощеные установили период культуры в этой части Афрасиаба, относящийся ко II—III вв. н. э.».

«Раскопками 1930 года обнаружена была постройка соборной мечети, воздвигнутой при Караханидах. Это первое здание караханидской эпохи в Самарканде».

«С этого места было добыто большое количество украшений из резной терракоты».

«В этой части открыты были предметы эпохи Караханидов, черепки, монеты, облицовочный кирпич и большой водопровод, которым орошалась эта часть Афрасиаба».

Мы приводим полностью эту выписку из документа, касающуюся раскопок, как имеющую серьезное значение для истории изучения Самарканда.

Кроме цитированного отчета, мы располагаем тетрадями дневников В. Л. Вяткина по раскопкам 1929—1930 гг., хранящимися, как указано выше, в Государственном историческом архиве УзССР.

Первый из этих дневников занимает 112 страниц. Из него мы узнаем, что раскопки начаты 28 апреля 1929 г. и велись

с перерывами в течение 46 дней. Подневные записи велись до 24 июля, но дневник явно не доведен до конца раскопок, что не дает возможности определить точную дату окончания работ»[240]. После дневных записей, кончающихся на стр. 81 под заголовком «Раскопки на Афрасиабе в 1929 году», идут отдельные заметки, не связанные между собой общим планом.

Топографически место раскопок определяется по записи 28 апреля, из которой видно, что оно находилось между соборной мечетью и обрывом Сиаба. В дневнике есть сделанные на скорую руку кроки отдельных траншей, без указания их размеров и взаимного расположения. Составляется ли общий план раскопок, неизвестно.

В основном описываются три большие траншеи. Записи крайне лаконичны и отрывочны, нередко неясны.

Траншея I вырыта вдоль обрыва Сиаба в направлении с запада на восток с боковыми ответвлениями, доходившими до самого обрыва.

На поверхности до раскопок обнаружено много фигурных кирпичиков от архитектурного декора и небольшие фрагменты керамики неполивной и с зеленой и голубой поливой. Отмечается, что поливной «согдийский» черепок в поверхностных сборах почти совершенно отсутствовал.

Сверху в траншее шел мягкий, перепаханный слой, так как эта часть городища издавна служила местом богарных посевов пшеницы. Хотя вспашка производилась на глубине более 6 вершков, она постоянно нивелировала поверхность, на которой перед раскопками не было ни бугров, ни ям.

Ниже, на глубину до 1 *м*, шел мягкий слой, в котором встречались снова элементы архитектурного декора: «Фигурные кирпичики, бантики, аканф, изогнутые полоски, столбики».

Местами вскрыты могилы, по типу погребения — мусульманские.

В более глубоких слоях (до 2 1/2—3 *м*) раскопками выявлены глинобитные и сырцовые стены, кладки из жженого кирпича (в одном случае указаны размеры кирпича — 24×11×4 *см*, явно караханидского времени). Раскрыто помещение с двумя хумами и угол другого, оштукатуренный тонким

---

[240] Следы этих раскопок в настоящее время видны в виде лабиринта траншей, не имеющих общего направления.

слоем алебастра. В помещении с хумами — ровный земляной пол. Встречались обычные при всех раскопках на Афрасиабе ретирадные колодцы и «обризы», тануры, не отличающиеся размерами от современных, водопроводные трубы-кубуры и т. п.

Не больше известно и о траншее II, также с ответвлениями, вырытой, очевидно, где-то рядом с первой. Здесь встречена стенка из жженого кирпича (27×15×4 *см*), два столбика из того же кирпича, выявленные в верхнем слое, непосредственно под пахотным. В траншее найден голубой изразец. «Это первый изразец, выкопанный мною на Афрасиабе»,— замечает по этому поводу В. Л. Вяткин.

Наиболее интересной в раскопках была, по-видимому, траншея II «в краю обрыва восточнее от места раскопок». К сожалению, описания и здесь крайне неясны.

По краю обрыва обнаружен какой-то настил из булыжника и рваного камня, уходящий под откос слишком круто для того, чтобы служить мостовой. Сверху — черепки неполивной посуды, под которыми найдена монета Мухаммада б. Текеша (1200—1220 гг.).

Дальше, на юг, выявлен угол здания в виде выступающей на 3/4 окружности, как бы «части минарета». Он сложен из сырцового кирпича на глинобитном основании. На некотором расстоянии от выступа, в западном направлении, отходила стена с дверным проемом, за которым было расчищено почти квадратное помещение. Внутри, у северной стены, стоял хум, а над ним — кувшин без дна. В отверстие кувшина входила лежавшая горизонтально труба. В хуме были земля, угольки и зола. Края хума покрыты красным налетом. Под корчагой лежали черепки очажка, а рядом — медный ковшик. Из этого описания видно, что В. Л. Вяткин встретился здесь с каким-то сооружением производственного назначения.

При раскопках помещения найдены голубые и зеленые черепки. В верхнем слое — могилы.

Восточнее этого помещения раскрыто другое, отделенное от него стеной, обозначаемое у В. Л. Вяткина как «комната с кубурами». «Ни дверей, ни окон в стенах не оказалось. В юго-восточном углу сырцовая лестница, по которой проникали в комнату». В. Л. Вяткин предположил, что это помещение — нижний этаж, над которым мог находиться верхний — каркасный. «В верхнем помещении было место для слива

воды, которая скатывалась по кубурам». Под кубурами внутри помещения находился сливной колодец. Пол помещения оказался на одном уровне с полом соседнего.

Раскопки продолжены за восточной стеной «комнаты с кубурами», где открыта стена какого-то другого сооружения, имеющая вид пахсы, так как на ней заметны швы. Пространство между двумя стенами, сужающееся вниз, заполнено тонкой пахсовой стенкой, прилегающей к стене «комнаты с кубурами», и кладкой из сырцового кирпича.

Дальнейшее описание (записи от 18—24 июня) ничего конкретного не дает. Упоминаются стены из пахсы со швами, какое-то четырехугольное возвышение, обложенное кирпичами «на-попа», оштукатуренное алебастром, колодец, заполненный золистой землей, чилля-хана (более подробные сведения о ней отсутствуют).

В колодце найдены голубая ваза, поливная тарелка с узором в виде плетенки, зеленые и другие черепки.

В этом же раскопе обнаружен клад саманидских монет, лежавших в горшочке. О составе клада и обстоятельствах его находки можно судить по записи в другой тетради.

Сообщается, что найден он при раскопках 1929 г. между соборной мечетью и обрывом Сиаба. Находились они «в кубышке», прикрытой квадратным кирпичом. Сосуд стоял на полу, в углу развалившейся каркасной комнаты, на глубине около 1 аршина. Монеты аккуратно сложены в столбики по 20 шт., завернуты в бумажки, часть столбиков развалилась. Монеты положены в хлопчатобумажный белый мешочек, на котором сверху лежала единственная серебряная монета.

Дальше следует описание монет. Медные монеты относятся к чекану Насра ибн Ахмада (301/914—331/943). В кладе представлены монеты чекана годов: 304 (Ахсикет, Фергана), 305 (Фергана, Бухара, Самарканд), 306 (Бухара, Самарканд), 309 (Самарканд), 312 (Тункет, Илак), 314 (Фергана), 315 (Фергана, Бухара), 316 (Бухара), 318 (Фергана), 320 (Ахсикет), 327 (Фергана), 330 (Ахсикет, Фергана). Единственная монета — дирхем Нуха б. Насра (331/943—343/954); дата на нем не прочитана.

Общее число монет не указано. Поэтому сведения о кладе недостаточно полны.

За подневными записями в тетради 1929 г. следуют, как сказано выше, отдельные замечания, относящиеся к раскопкам.

В остатках строений установлено четыре «строительных периода».

1. Нижние строения с мощными пахсовыми стенами. Построены они на рыхлом культурном слое, который не исследован[241]. Таким образом, общая толщина культурных наслоений раскопками не установлена. О назначении строений В. Л. Вяткин говорит, что «едва ли они были частного значения — слишком капитальны стены».

2. Сырцовые стены.

3. Мостовая из булыжников и ломаного чупанатинского сланца.

4. Кладка столбиков из жженого кирпича.

По мнению исследователя, между существованием первого, второго и третьего периодов в жизни города были перерывы. При этом «каждый раз происходила перепланировка города. Это возможно было только после перерыва жизни здесь, когда старые постройки находились в таком состоянии, что их надо было убирать».

Так, в частности, он ставит вопрос — «не была ли эта часть города при Саманидах заброшенной и оживлена только при хорезмшахах, когда Мух(аммад) построил здесь соборную мечеть? По крайней мере, часть этой местности с (запада) и с (севера) одно время была занята кладбищем. Не в течение ли двух периодов здесь хоронили?»

В погребениях он усматривает два различных типа: 1) в грунтовых могилах, причем «погребений в нишах» (подбоях — В. Ш.) здесь не обнаружено; 2) в ящиках, выложенных из сырцового кирпича «со сводчатым перекрытием» и дном, обложенным сырцом. Все могилы устроены по-мусульмански, погребения — головой на север. Нет ни признаков гробов, ни вещей в могилах, ни камней с надписями. Для датировки кладбища важно замечание, что в некоторых местах погребения разрушены постройками.

---

[241] По мнению В. Л. Вяткина, «уровень материка можно считать установленным в чилля-хане... Этот уровень от современного горизонта расположен на глубине 4 *м*».

Следовательно, по наблюдениям Вяткина, возникновение кладбища в этом месте в домонгольское время можно считать несомненным. Это важно потому, что других данных для датировки погребений нет. Кирпич, использованный для устройства могил, мог быть собран с ранее разрушенных построек.

Задает себе вопрос В. Л. Вяткин и о городских стенах по северному краю городища. «До сего времени,— пишет он,— стены городища не были подвергнуты тщательному обследованию в северной части, где сохранились они в виде остатков валов. Не были ли построены они из двух параллельных стен с забутовкой между ними насыпкой земли, комков и пр.? Несмотря на то, что с этой стороны высокий обрыв, стена могла быть. Возможно, что откосу в овраг, где протекает Сиаб, придан был вид вертикального обрыва путем наращивания по откосу глинобитной и кирпичной кладки, следы чего здесь имеются».

О водоснабжении этой части города говорится в связи с обнаружением гончарных труб, направление которых «показывает, что вода проходила с востока. По-видимому, канал обходил с востока двор соборной мечети».

Прочие заметки В. Л. Вяткина касаются отдельных предметов, найденных при раскопках: керамики, в том числе котелков, узкогорлых и широкогорлых кувшинов; поделок из кости (гребень из слоновой кости, игральные кости, лощилка, бусы, пуговицы), металлических изделий (медная орнаментированная чашка, колечки), стекла («ряд незначительных находок»), тануров с остатками топлива (бурьян и хворост).

Остатки пищи характеризуются находками большого количества бараньих костей, реже — других животных, в том числе лошадей, птичьих, рыбьи кости не найдены.

Интересно описание бокалов или кубков, заставивших В. Л. Вяткина изменить прежнюю датировку времени поселения на Афрасиабе. К ним он возвращается дважды. «До сего времени,— читаем мы,— эта керамика известна была в римских древностях и датировалась I—II вв. после Р. Х. В нижних слоях Афрасиаба она довольно обычна... Наличие этой посуды в изобилии на Афрасиабе указывает на ее туземное происхождение. Является вопрос, когда она была усвоена здесь и когда бытовала? Она как-то существовала особняком, так как никакая другая посуда красным или черным лощением или ангобом не покрывалась или покрывалась редко.

Затем эта керамика отпала, не переходя в другие формы, и техника эта с лощением не сохранилась.... Это указывает на разрыв культуры».

Через несколько страниц он высказывается решительнее: «Ныне проблема связи Средней Азии, за Аму-Дарьей, с Римом находит свое подтверждение в раскопках. Бокалы для местной археологии имеют глубокий интерес, так как аналогичные бокалы находятся в римской археологии I и II веков и указывают на культурную связь археологии Средней Азии с Римом. Бокалы, возможно, сосуществовали с широкогорлыми кувшинами, но вышли из употребления раньше последних. Приведение в систему обнаружен(ных) на Афрасиабе бокалов **дает основание отодвинуть культуру здесь на два-три столетия вглубь»** (выделено нами.—*В. Ш.*).

С точки зрения наших современных познаний в археологии Средней Азии многое в цитированном отрывке кажется несколько наивным. Чувствуется, что исследователь идет еще ощупью, только намечает пути выявления древней культуры Афрасиаба. Но в отнесении некоторых типов древнейшей посуды к первым векам н. э. В. Л. Вяткин явился, в сущности, пионером[242]. Он отказался здесь от высказывавшихся раньше соображений, по которым возникновение города датировалось IV—V вв. н. э.[243].

Таковы результаты работ 1929 г.

Перейдем к раскопкам 1930 г. Основным источником сведений здесь также является дневник В. Л. Вяткина. Раскопки начаты 11 мая, последняя запись в дневнике датирована 9 июня. Дневник и на этот раз не закончен. Описывая дневник 1929 г., мы отмечали его крайнюю лаконичность, отрывочность и даже некоторую как бы случайность записей, но и здесь дело обстоит не лучше. Топографические указания отсутствуют. Нумерация трех траншей, заложенных первоначально, доведена только до 16 мая. Дальше, в записях от 19—22 мая, номера траншей не вписаны (оставлены белые места). Записей от 22—27 мая нет вообще, а с 28 мая введено буквенное обозначение траншей. Схематические чертежи-

---

[242] Приурочение афрасиабских сосудов с красным и черным лощением к кушанскому периоду М. Е. Массон относит к 1933 г. (см. М. Е. Массон. Краткий очерк.., стр. 37). Цитированный здесь отчет Узкомстариса и записи в тетради В. Л. Вяткина вносят в это существенную поправку.

[243] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 40.

ки (л. 7а и 8) не дают никакой возможности связать все это в одно целое.

Ясно только, что раскопки 1930 г. являлись продолжением раскопок 1929 г. и производились, как и те, рядом с соборной мечетью, раскапывавшейся в 1904—1905 гг., видимо, к северу и югу от нее, где можно ныне проследить много длинных траншей.

Из записей с 11 по 18 мая возможно уяснить только, что в одной из траншей обнаружены два слоя каменной мостовой; нижняя на 1 *м* ниже верхней. В яме под верхней мостовой найдены светильник, кувшин и обломки посуды. По-видимому, в этой же траншее 19—20 мая над «полом», гладко и плотно выстланным чупанатинским сланцем (по ширине можно предположить, что это был мощеный двор), обнаружены куски резной терракоты с орнаментом в виде звезд, растительных узоров, элементов букв. Здесь же встречаются куски голубых кирпичиков, плитки «с голубыми и фиолетовыми фальшив(ыми) кирпичиками». На одной плитке есть остатки надписи: (ل)رسو . На изнанке некоторых сохранился алебастровый раствор. 21 мая, явно в том же месте, продолжаются находки фрагментов архитектурного декора. В. Л. Вяткин высказывает мысль, что «до постройки соб(орной) меч(ети) хорезмшахом здесь была мечеть караханидов, украшенная резной терракотой и изразцами».

Судя по скоплениям терракот и изразцов, сюда можно привязать и «район А» по записям, начинающимся с 28 мая. Продолжаются находки терракоты и цветных изразцов, в том числе белых.

Отмечается интересная находка фрагмента чаши «с изображением трех женщин — одной, стоящей посредине, и двух, стоящих по сторонам». Масса черепка кашинная... «Употреблено много золота в виде сетки на костюмах и пятен на фоне и на шапках фигур». Находилась чаша под каменным настилом и должна датироваться более ранним временем, чем фрагменты архитектурного декора.

Фрагменты в виде элементов обрамлений из «сосочков» и завитушек, кусков с частью надписей и пр. встречались и в следующие дни, до 9 июня, когда была сделана последняя запись.

Найдены и фрагменты стен из жженого кирпича. 7 июня обнаружено особенно много крупных и мелких фрагментов резной терракоты. В. Л. Вяткин записал, что ему удалось установить ширину полосы надписи, несомненно, проходившей по правому устою портала, так как надпись начинается со слова هـذا , за которым должно дальше следовать بنا и т. д. Говорилось, что по вскрытому фундаменту определяется ширина устоя портала.

Словом, был найден устой, видимо, только фундамента капитального здания. К сожалению, никаких размеров строений, хотя бы и самых приблизительных, в дневнике нет. Нет указаний и на ориентировку строения по странам горизонта.

В. Л. Вяткин считает, что монументальные сооружения на городище если и были, то как исключение. До раскопок 1930 г. ему был известен только «минарет» на месте соборной мечети. Теперь же открыты остатки другого сооружения, построенного из жженого кирпича и украшенного изразцами[244].

В. Л. Вяткин открытое им здание считал мечетью, построенной при Караханидах. М. Е. Массону, собравшему, как он пишет, фрагменты надписи, удалось установить, что здание представляло собой мавзолей над могилой одного из караханидских правителей, как он предполагает, Ибрахима ибн Хусайна (1186—1199)[245]. Большие фрагменты надписи хранятся ныне в Самаркандском музее. Наша попытка собрать над-

---

[244] В настоящее время остатки ряда сооружений домонгольского времени выявлены также в ансамбле Шахи-Зинда, расположенном в юго-восточной части Афрасиаба. Однако в домонгольском Самарканде, судя по обилию терракотовых плиток, находимых как на Афрасиабе, так и на территории современного города, более или менее монуметальных зданий было много. Исчезновение их можно объяснить тем, что кирпич тщательно выбирали, даже из фундаментов, на новые постройки.

Терракоты и изразцы, обнаруженные В. Л. Вяткиным (мы также находили их в отвалах раскопок 1930 г.), происходят, надо полагать, не из одного здания. Они резко отличаются друг от друга и едва ли могут быть одновременны.

[245] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 164; Л. И. Ремпель (Архитектурный орнамент Узбекистана, стр. 164), поместивший в своей книге реконструкцию одного из крупных фрагментов (фронтиспис и рис. 79 на стр. 165), неправильно назвал Ибрахима сыном Хасана, и уже не предположительно, как это сделал М. Е. Массон, а как факт, окончательно установленный, здание считается мавзолеем.

пись была малоуспешной, так как фрагментов, которые подходили бы один к другому, почти не осталось. Есть терракотовая плитка со словом هذا. Оно, по мнению В. Л. Вяткина, представляет собой начало надписи. На четырех больших фрагментах, которые удалось сложить вместе, читается [عا] دل لاعظم اسـ..., что, несомненно, является частью титула лица, построившего здание или погребенного в мавзолее. Кроме того, сохранились отдельные слова; ابو — начало оставшейся неизвестной кунии и موید тоже несомненная часть титула. Всего этого для больших выводов, на наш взгляд, недостаточно[246].

Записи о раскопках, где встречены остатки караханидского здания, занимают в дневнике основное место. Остальные траншеи (до № 7) лишь бегло упоминаются без указаний на то, что в них вскрыто. Только в одном из раскопов встречается упоминание о «кубурах больших размеров» под верхним настилом мостовой на глубине 3/4 *м* от него. Протяжение трубопровода—на юго-запад. «Такие большие кубуры,—пишет В. Л. Вяткин,— могли быть только для воды. При продолжении раскопа кубуры повернули на восток, оставаясь на той же глубине. Открыто приблизительно аршин 12 трубопровода» (записи от 20, 21 и 28 мая). Связан ли трубопровод с таким же сооружением, открытым в 1929 г., не указано.

О прочих говорится очень кратко. В одном случае упоминается обычный поглощающий колодец, в другом — находки керамических изделий. Иногда записи ограничиваются фразой «ничего существенного нет».

К раскопкам 1930 г. относится хранящаяся в архиве Самаркандского музея пояснительная записка к неразысканному чертежу «Участок с остатками караханидской мечети», составленная участвовавшим в раскопках В. Р. Чейлытко.

Из записки видно, что на плане показаны стены траншей, место находки голубых изразцов и упомянутого выше донышка чашки с изображением женских фигур, «обозначен фундамент — цоколь устоя, возможно, того здания, которому могло принадлежать терракотовое украшение (растительный орнамент с арабскими письменами)».

---

[246] Не исключена возможность, что нам удалось разыскать не все фрагменты надписи, которые видел М. Е. Массон.

Дальше сообщается[247], что глазурованные кирпичики стали попадаться в траншее с глубины 1 *м*, но основная масса бордюра с надписью найдена ниже кирпичной кладки. Размеры кирпича от 21,5×21,5×4,5 до 22×22×5 .

Этими работами, которые В. Л. Вяткин считал лишь началом систематического изучения Афрасиаба, фактически закончились его многолетние исследования городища. Однако, несмотря на значительный опыт, накопленный за длительный период, острый глаз и наблюдательность, его работы по методике производства остались прежними. Они сохраняли характер поисков, основным методом раскопок оставалась траншея. Каких-либо определенных задач исследования, очевидно, не было и здесь. Во всяком случае, ни в дневниках, ни в заметках, помещенных в тех же тетрадях, этого нет. «Длинных траншей,— пишет В. Л. Вяткин,— не проводилось сразу, так как прежде всего ставилось целью отыскать стены жилищ, а затем по стенам выяснить комнаты, дворы и от них уже распространять дальше раскопки»[248]. Правда, выше, в той же тетради он говорит, что первая траншея в 1929 г. проложена «для получения профилей культурных слоев», но на деле раскопки и на этот раз продолжались «вширь» в стремлении охватить возможно более обширную территорию, изрезав ее вдоль и поперек узкими траншеями. Только в двух или трех местах («комната с кубурами» и соседнее помещение в 1929 г.; место караханидского здания в 1930 г.) раскопки расширились. Что же касается «профиля культурных слоев», то и на этот раз нижние слои не исследованы, дело ограничилось констатацией факта, что они есть, и не совсем убедительным замечанием, что чилля-хана, обнаруженная при раскопках, вырыта уже в материковом слое.

Нет никаких оснований оценивать деятельность В. Л. Вяткина как археолога с современной точки зрения. Нельзя забывать о состоянии археологической науки того времени, делавшей в Средней Азии первые и робкие шаги как в отношении техники производства раскопочных работ, так и методов использования их результатов. Едва ли справедливо было бы требовать от В. Л. Вяткина, как это делает А. Ю. Якубов-

---

[247] Записка составлена 1 сентября 1933 г.
[248] Тетрадь № 2, стр. 106.

ский[249], попыток «разобраться в том, что такое шахристан с точки зрения его социальной, вернее классовой структуры», или вопроса о «социальном характере среднеазиатских городов в начале завоевания Средней Азии арабами». Такого рода вопросы только начали выдвигаться в советской историографии, а к настоящей постановке проблемы социальной структуры города и смены социально-экономических формаций советские историки и археологи подошли позднее, не раньше второй половины 30-х годов. Нельзя забывать и того, что В. Л. Вяткин был энтузиастом-самоучкой, талантливым и способным, но ограниченным недостаточностью полученного им систематического образования, не отрешившимся к тому же от старых дореволюционных взглядов на ход исторического процесса.

В 1931 г., насколько нам известно, раскопки на Афрасиабе не продолжались, а 26 июня 1932 г. В. Л. Вяткин скончался — прервалась неутомимая деятельность историка и археолога Самарканда, заботливого хранителя исторических памятников города.

Еще раньше, 19 августа 1930 г., скончался и В. В. Бартольд, постоянно поддерживавший В. Л. Вяткина в его исторических и археологических исследованиях.

О том, насколько неясны были в Самарканде представления об археологическом материале, да и вообще об истории страны даже после раскопок 1929—1930 гг., может свидетельствовать состояние Самаркандского музея, осмотренного автором в декабре 1931 г. В так называемом «историческом отделе», которым заведовала тогда Питошина, блюда и чаши с мутно-белым фоном и расплывчатым узором, выполненным зеленовато-голубой краской, а также две чаши с черно-коричневой росписью по белому фону и несколько блюд с расплывчатой зелено-желтой поливой, фигурировавшей под названием «яичницы с луком», оформлены как «домусульманская» керамика. Не лучше обстояло дело и в «отделе доистории» (организатор отдела — В. Р. Чейлытко). Сюда были отнесены керамика, ошибочно сближенная с «трипольем», коллекция очажков и один оссуарий. Предметы, действительно относя-

---

[249] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, стр. 327.

щиеся к доклассовому обществу, представлены только выпускавшейся в то время массовым порядком с целью антирелигиозной пропаганды коллекцией гипсовых слепков орудий.

Работы по археологическому изучению Самарканда и его окрестностей в 30-х — начале 40-х гг.

В 1932 г. после смерти В. Л. Вяткина Узкомстарис, оставшийся без главного научного руководителя, был переведен из Самарканда в Ташкент. Перевод этого учреждения в столицу Узбекской республики[250], по справедливому отзыву М. Е. Массона, усилил Узкомстарис, возобновивший после переезда и публикацию своих работ[251]. Однако на археологических работах в Самарканде это усиление Узкомстариса отразилось мало, так как археологические работы 1934—1940 гг. производились в основном не Узкомстарисом, а по инициативе и на средства других учреждений (Эрмитаж, ИИМК АН СССР, Самаркандский музей).

В Самарканде остался филиал Узкомстариса, который начиная с этого времени занимался только вопросами охраны, реставрации и исследования архитектурных сооружений, не предпринимая самостоятельных археологических работ.

После смерти В. Л. Вяткина исследование Афрасиаба — городища древнего Самарканда не производилось вплоть до 1945 г., когда Институт истории и археологии АН УзССР организовал в городе постоянную археологическую базу, существовавшую до 1950 г.

Единственное, известное нам, мероприятие, относящееся непосредственно к Афрасиабу,— археологические наблюдения, проводившиеся при земляных работах, связанных с прокладкой шоссейных дорог к аэропорту. Дорога эта, существующая в настоящее время, начинается от Ташкентской улицы, входит на территорию Афрасиаба западнее мечети Хазрат-Хызр и пересекает западную часть городища, спускаясь с него к Сиабу в месте, обычно определяемом как место Бухарских ворот

---

[250] Правительственные учреждения Узбекской ССР первоначально находились в Самарканде и переведены в Ташкент, ставший республиканским центром, в 1930 г.

[251] М. Е. Массон. Краткий очерк.., стр. 24—25.

древнего города. Трасса дороги проходила в основном по узкой ложбинке — овражку, которому должен был соответствовать один из трех главных каналов, орошавших городище.

О результатах археологического наблюдения можно судить по дневнику сотрудника музея П. В. Лифиренко[252]. Работу П. В. Лифиренко закончить не удалось в связи с призывом его в армию. В дневнике перечисляются некоторые находки, преимущественно керамика. Расчищено несколько обычных на Афрасиабе ретирадных ям, тануров, гончарных печей. Из последних несколько подробнее описана двухъярусная печь, с куполообразным топочным ярусом, перекрытие которого подпирается столбом. Печь оказалась в разрезе дороги, севернее здания, раскопанного в 1925 г.

Интересно упоминание об одном из тануров с черепками, которые датируются, со ссылкой на И. А. Сухарева, XV в. К сожалению, в описаниях редко указываются размеры объектов и почти отсутствуют более или менее точные топографические указания, в чем сказалась недостаточная опытность автора «дневника»[253].

Интенсивная работа по археологическому изучению самаркандского Согда возобновилась в 30-х годах, но не на Афрасиабе, а на других объектах в окрестностях города, где стратиграфически определенный материал получить было легче, чем на огромном, сильно разрушенном и разрытом Афрасиабе.

Силами работников Самаркандского музея (официальное название — Республиканский музей культуры узбекского народа) в 1935—1936 гг. предпринята широкая разведка многочисленных тепа, городищ и других археологических объектов в самаркандской группе районов, расположенных к югу от Зарафшана (районы: Самаркандский сельский, Ургутский, Пастдаргомский и частично Каттакурганский). Работы в основном производились молодым археологом музея И. А. Су-

---

[252] Петр Васильевич Лифиренко, незадолго перед тем окончивший среднюю школу, участвовал в качестве коллектора в проводившемся в 1940 г. археологическом надзоре на строительстве Каттакурганского водохранилища, под руководством автора настоящей работы. Проявил большой интерес к археологии, отличался аккуратностью и исполнительностью. По окончании работы на водохранилище был принят в качестве научного сотрудника в Самаркандский музей, где работал до призыва в армию. Погиб в Великую Отечественную войну.

[253] Архив Самаркандского музея, № 298. Дневник начат 10 октября и доведен до 21 октября 1941 г.

харевым[254] и фотографом В. И. Котовским. В 1936 г. в обследовании памятников принял некоторое участие научный сотрудник ИИМК Г. В. Григорьев.

С наибольшей полнотой, но еще далеко не исчерпывающей, учтены городища и тепа Самаркандского района, где в полосе оазиса и в пустынной Задаргомской степи в настоящее время зарегистрировано 45 памятников. Памятники Пастдаргомского и Ургутского районов также находятся в Задаргомской степи. «Отчет» И. А. Сухарева[255] содержит сводку литературных данных, после чего приводятся некоторые восточные источники X—XII вв. В описании тепа и городищ он делает попытку их классифицировать, подразделив на несколько групп по планировке и общему виду.

I («кешк») — городища, представляющие собой четырехугольную застройку («карре»), с внутренней более или менее обширной площадью, посредине которой возвышается холм — цитадель. Эти городища того же типа, что и известный по публикациям Г. В. Григорьева Талли-Барзу, а также Кафыркала, о которой будет сказано ниже. Таких памятников на обследованной территории насчитано двенадцать.

II — отнесены девять «бесформенных» тепа. Это холмы-цитадели с примыкающим к ним поселением, расположенным полукругом.

III — «укрепление»: возвышающийся на 3—4 *м* квадрат с понижением в середине и с холмом в одном из углов, представляющим собой остатки башни.

IV (31 памятник) — назван И. А. Сухаревым «жилыми курганами». Это различной величины и формы холмы без следов поселений при них.

Разведкой учтены, наконец, многочисленные бугры, являющиеся в значительной степени уничтоженными древними городищами и поселениями («останцы»). Их больше сорока.

---

[254] Иван Александрович Сухарев (1909—1942), научный сотрудник, затем заместитель директора и заведующий археологическим кабинетом Самаркандского музея — талантливый и энергичный работник, погиб под Воронежом в Великую Отечественную войну.

[255] В архиве Самаркандского музея хранятся тезисы доклада И. А. Сухарева «Работа над составлением археологической карты Самаркандской группы районов» (№ 347), «Отчет об археологической разведке в Самаркандской группе районов, 1935—1936» (№ 252), составленные им паспорта на некоторые памятники и другие материалы.

Первый из перечисленных типов И. А. Сухарев считает остатками дехканских замков, отмечая, что при осмотре их находили керамический материал, датируемый IX—X вв. н. э. и даже XI—XIII вв., указывающий на время, до которого жили эти поселения.

Несмотря на явную условность классификации памятников, а также неточность терминологии, попытка разделить тепа на определенные группы заслуживает, несомненно, большого внимания.

В «Отчете» уделяется внимание остаткам древней стены, известной под названием Дивари-Кыямат, нескольким памятникам-развалинам тимуридских дворцов (Давлат-абад, Боги-Шифа и др.), группам могильных курганов у подножия Каратепинских гор (от Агалыка до к. Аксай), описывается интересная каменная плотина Хышт-банд в ущелье Аман-дара того же хребта, каменоломни, где вырабатывались мельничные жернова (ущелье Илансай) и свыше 20 пунктов, где обнаружены наскальные изображения[256].

Работы И. А. Сухарева в этом направлении продолжались и в последующие годы. В 1937 г. вместе с В. И. Котовским он обследовал два больших городища в окрестностях Самарканда — Кундуз-суфи и Кызлар-тепа[257]. Особое внимание было уделено городищу Кафир-кала (вернее его окрестностям), расположенному на берегу Даргома, в 12 *км* от Самарканда. Здесь И. А. Сухарев вместе с Н. Н. Забелиной в 1938 г. произвел небольшие раскопки, обнаружившие район гончарных печей с характерной, «кафиркалинской», как теперь мы ее часто называем, керамикой, поверхность которой посыпана мелкими чешуйками слюды с целью придать сосудам вид металлических. Это — кружки с ручками, блюда и узкогорлые кувшины, украшенные, кроме того, штампами или налепами. Керамика эта, образцы которой были известны раньше на Афрасиабе, датирована исследователями V—VII вв.[258]

---

[256] И. А. Сухарев. Наскальные изображения Илан-сая, «Социалистическая наука и техника» (СОНАТ), Ташкент, 1938, № 8, стр. 61—67.

[257] Архив Самаркандского музея, № 265 — в папке хранятся материалы по нивелировке, планы и профили городищ.

[258] Н. Н. Забелина и И. А. Сухарев. Керамическое производство городища Кафир-кала. Архив Самаркандского музея, № 312. Более правильная дата этой керамики—VII—начало VIII вв. н. э.

Там же в апреле — мае 1938 г. производились раскопки наусов, содержавших оссуарные погребения, датированные по монетам Тархуна и Гурека — правителей Самарканда времен арабского завоевания. Постройку этих наусов И. А. Сухарев датирует VII в.[259]

Работы на Кафир-кале позволили И. А. Сухареву выяснить ошибочность определения этого памятника как одного из загородных дворцов Тимура[260]. В действительности, как правильно определил И. А. Сухарев, дворец Тимура находился на расстоянии около полукилометра от Кафир-калы. Развалины его представляют собой квадратный холм, известный под названием Хишт-кала, окруженный прямоугольной оградой большого парка[261].

Исследование Кафир-калы и некоторых других памятников, в которых сохранились остатки культуры VIII — начала IX вв,. привели И. А. Сухарева еще к одному выводу, немаловажному как для истории культуры средневекового Согда, так и для практики дальнейших археологических работ. Ему удалось выявить наиболее раннюю группу самаркандской поливной керамики, отличающуюся грубым толстым черепком, мутно-белой поливой фона и несколько расплывчатым линейным орнаментом, включающим иногда краткие арабские надписи. Вспомним, что в описаниях афрасиабской керамики у В. Л. Вяткина она попала в третью группу[262], а от датировки этих групп В. Л. Вяткин отказался.

И. А. Сухареву удалось поставить этот вид керамических изделий хронологически на свое место, датировав их VIII—IX вв. н. э.[263] Дату можно считать правильной и теперь, с той поправкой, что блюда и чашки этого типа существовали на-

---

[259] И. А. Сухарев. Отчет по раскопам зороастрийских наусов городища Кафир-кала. Архив Самаркандского музея, № 278. Здесь также необходимо уточнение: Тархун правил до 710 г., а Гурак с 710 до 737 или 738 г. Следовательно, правильнее было бы датировать половиной VIII в. н. э.

[260] М. Е. Массон. О местонахождении сада Тимура Давлат-абад. Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 43—48.

[261] И. А. Сухарев. Дворец-сад Тимура Давлат-абад, Труды УзГУ, нов сер., 11, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 1—10.

[262] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 47.

[263] И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, нов. сер., 11, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 9—16, с приложением 8 стр. иллюстраций.

ряду с другими значительно дольше, по-видимому, до XI в. включительно.

В те же годы И. А. Сухарев пишет популярные «Очерки по истории Самарканда», ведет работу по учету и собиранию различных археологических памятников (могильных камней, в том числе «кайраков», фрагментов терракотовых, майоликовых и мраморных облицовок древних зданий и т. п.), разбросанных на территории «старого города» Самарканда[264].

Серьезный вклад в археологию Самарканда внес Г. В. Григорьев[265], принявший деятельное участие в разведках окрестностей Самарканда, в течение нескольких лет занимавшийся раскопками городища Талли-Барзу и другими работами.

Наиболее значительна и известна его работа на Талли-Барзу[266]. Раскопки городища доставили богатый и разнообразный археологический материал, позволивший исследователю впервые в истории археологии Средней Азии представить достаточно полную стратиграфическую картину за период, продолжавшийся больше тысячелетия, и разработать первую относительную хронологию керамических и других

---

[264] В архиве Самаркандского музея хранится составленный Сухаревым схематический план города с указанием места расположения этих памятников и с приложением карточек.

Об энергичной деятельности талантливого молодого археолога свидетельствуют и многочисленные отчеты его о поездках в Фергану, Коканд, Ташкент, Бурчмуллу, Бухару, Шахрисябз и Яккобаг (архив Самаркандского музея, № 9, 52, 257, 240), участие в 1936—1937 гг. в работах Термезской археологической экспедиции, а в 1940 г. — в археологическом надзоре на строительстве Каттакурганского водохранилища. В 1941 г. он вел раскопки обсерватории Улугбека, что сочетал с текущей работой музея, сдачей экстерном экзаменов в УзГУ (в свое время он не смог получить высшего образования) и чтением в том же университете лекций по археологии и истории Самарканда.

[265] Георгий Васильевич Григорьев (1898—1942), научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР, хорошо знавший Среднюю Азию, как ее уроженец, кроме упоминаемых ниже его работ в окрестностях Самарканда, известен своими работами в Ташкентской области (раскопки городища Каунчи-гепа, разведки в Чирчикском районе и Келесской степи и др.). Занимался также некоторыми вопросами этнографии. Погиб в Ленинграде во время блокады города.

[266] Г. В. Григорьев. Талли-Барзу. Археологическая разведка 1936 г. СОНАТ, 1938, № 2—3, стр. 74—88; Городище Талли-Барзу, ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 87—104; Поселения древнего Согда, КСИИМК, IV (1940), стр. 24—34; К вопросу о древнем ремесле домусульманского Согда, КСИИМК, 12 (1946), стр. 94—103; Талли-Барзу как памятник домусульманского Согда, КСИИМК, 13 (1946), стр. 150—153.

материалов, встреченных при раскопках. Надо сказать, что памятник для исследования в этом смысле был выбран чрезвычайно удачно.

Правда, абсолютные даты слоев, предложенные Г. В. Григорьевым, вскоре потребовали значительных поправок, так же, как и в случае с раскапывавшимися им же Каунчи-тепа в Ташкентской области. Но вряд ли в этом можно винить исследователя. Нельзя забывать, что хронологическая шкала для археологического материала до Г. В. Григорьева для Самарканда вообще отсутствовала, а для других районов Средней Азии только намечалась.

За небольшой период, истекший со времени смерти В. Л. Вяткина, в какой-то мере «опознавшего» керамику кушанского времени, были сделаны первые шаги. В 1933 г. М. Е. Массон произвел разведку на городище Айртам и полученный комплекс материала ориентировочно датировал также кушанским временем[267].

Материал же, относящийся ко времени до начала нашей эры, был тогда неизвестен. Не лучше обстояло дело в начале работ Г. В. Григорьева и с определением вещей раннего средневековья.

Однако работы Г. В. Григорьева проводились в иной обстановке, чем та, которая существовала во времена В. Л. Вяткина. Вторая половина 30-х годов ознаменовалась значительным оживлением, организацией ряда экспедиций. Началось интенсивное накопление материала, получаемого притом не старыми «кустарными» методами археологов-одиночек, не имевших к тому же и необходимой научной подготовки, а коллективами научных работников, объединенных в таких учреждениях, как Институт истории материальной культуры АН СССР, Эрмитаж, а на территории Узбекистана — в Узкомстарисе. Значительно совершенствуется методика производства полевых работ. Перед археологией уже не стоит вопрос, нужно ли копать «вширь» или «вглубь», по которому в свое время разошлись мнения В. В. Бартольда и В. Л. Вяткина. Одной из основных задач выдвигается исследование стратигра-

---

[267] В отчете «Керамика Айртама времени кушанов» М. И. Вязьмитина (Труды АН УзССР, сер. 1, Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 35), производившая раскопки в 1927 г., отмечает, что о глиняных изделиях кушанского времени ей «неизвестно ни одной работы ни в нашей, ни в зарубежной литературе».

фии всех культурных наслоений памятника, а также изучение исторической топографии не только городищ, но и больших районов с их ирригационными системами, оборонительными сооружениями и т. п. в их историческом развитии.

Советская археология не только в Узбекистане, но и во всей стране отказывается от проведения раскопок с целью простого коллекционирования. Постановка тех или иных археологических работ, как правило, тесно увязывается с необходимостью решения больших исторических проблем. Археология этого времени вместе с исторической наукой все увереннее преодолевает буржуазно-идеалистические взгляды на движущие силы истории, усваивая и развивая основные положения марксистско-ленинского исторического материализма.

Положительные результаты не замедлили сказаться уже к началу 40-х годов.

Естественно, что работы Г. В. Григорьева и возглавляемого им коллектива[268] на Талли-Барзу проходили на более высоком уровне.

Нет необходимости пересказывать ход работ по исследованию Талли-Барзу. Достаточно сослаться на хорошо известные публикации Г. В. Григорьева. Остановимся лишь на его выводах, преимущественно имеющих значение для стратиграфии и характеристики археологических наслоений.

Г. В. Григорьев в памятнике определил шесть слоев. Древнейший из них (ТБ I) отнесен на основании далеко неточных аналогий с предметами из Анау и также неправильно датированных им материалов из Каунчи-тепа к концу первой половины первого тысячелетия до н. э. Второй слой (ТБ II) — к «ахеменидскому» времени — V—IV вв. до н. э. Третий (ТБ III), названный «эллинистическим»,— к III—II вв. до н. э.; четвертый, «кушанский», датирован I в. до н. э.— I в. н. э.

Переходя к пятому слою (ТБ V), Григорьев отметил, что верхняя часть этого наслоения была пустой и не содержала сколько-нибудь серьезных остатков культуры. Это привело к заключению о каком-то длительном перерыве в жизни поселения, продолжавшемся в течение двух-трех столетий. Самый

---

[268] В работах участвовали А. М. Беленицкий, А. Я. Борисов, В. А. Ильинская и др.

же пятый датирован V—VII вв. Последний — шестой, с согдийскими монетами Тархуна и одной монетой типа «бухар-худатов», отнесен к началу VIII в.

Эти хронологические определения Г. В. Григорьева приняты несколькими авторами, упоминавшими о Талли-Барзу в своих работах. Среди них А. Ю. Якубовский[269], М. Е. Массон[270], К. В. Тревер[271], А. А. Фрейман[272]. Только Т. Н. Книпович, изучавшая уже в военное время некоторые типы древней среднеазиатской керамики, высказывалась осторожно о трудности датировки и отметила, что «основываться на аналогиях, послуживших Г. В. Григорьеву опорными точками, очевидно, рискованно, особенно учитывая большую условность этих аналогий»[273]. При этом она замечает, что «близость материала слоев Талли-Барзу II, III и IV говорит против возможности растянуть весь период их существования на слишком продолжительное время». Это нарушает все построения Г. В. Григорьева с периодом в семь столетий, когда, по его мнению, существовали три ранних этапа в жизни Талли-Барзу.

О неправильности датировок Г. В. Григорьева писал и С. П. Толстов. По его мнению, материал ТБ I — ТБ IV близок к кушанскому слою Термеза и к комплексам кангюйского и кушанского периодов из Хорезма[274].

Детальную переоценку датировок Г. В. Григорьева дал А. И. Тереножкин. Он решительно отверг датировку слоя ТБ I «доахеменидским» временем, отнеся его к II—I вв. до н. э. Следующие два слоя датированы им кушанским временем — I—IV вв. н. э., ТБ IV отнесен уже не кушанскому периоду, а ко времени эфталитской гегемонии или даже к началу господства тюркского каганата, т. е. к V—VI вв. Слой ТБ V А. И. Тереножкин на основании известных к сороковым

---

[269] А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г., стр. 65—66.

[270] М. Е. Массон. Археологические исследования в Узбекистане, в кн.: Наука в Узбекистане за XV лет, Ташкент, 1939, стр. 114.

[271] К. В. Тревер. Гопатшах — Пастух-царь, ТОВЭ, II, 1940, стр. 71.

[272] А. А. Фрейман. Древнейшая согдийская надпись, ВДИ, 1939, № 3, стр. 135—136.

[273] Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода, КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 75.

[274] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 86, прим. 3.

годам больших комплексов с Афрасиаба и из Пянджикента отнес к VII — началу VIII вв.[275]

Предложенная А. И. Тереножкиным периодизация памятников материальной культуры Согда далека от совершенства. Многое уже теперь в ней требует существенных поправок, но в целом исследователь, отказавшись от преувеличенно заглубленных датировок Г. В. Григорьева, поставил наслоения Талли-Барзу во времени на свои места.

Однако следует еще раз отметить, что решительная переоценка датировок Г. В. Григорьева была возможна только в 40-х годах, когда в результате работ в Таджикистане, Хорезме, Южной Туркмении, а также исследований А. И. Тереножкина на Афрасиабе и в Ташкентской области, накопился новый, хорошо датированный материал, которым еще не мог располагать Г. В. Григорьев.

Основной же заслугой Г. В. Григорьева было установление основных черт стратиграфии наслоений Талли-Барзу, а также и относительной их хронологии, что явилось, в известной мере, отправной точкой для последующих археологических работ не только в Согде, но и в соседних областях.

Хронологические сдвиги, «заглубление» открытых археологических слоев в древность вызвали ошибки и в исторических построениях. Возникновение поселения, остатком которого является Талли-Барзу, отнесено к слишком раннему времени, а так как это поселение наряду с другими развалинами того же типа связывается Г. В. Григорьевым с организацией орошения, в частности с проведением канала Даргом[276], ошибка распространяется и на историю Самаркандского Согда в целом.

Предположенный Г. В. Григорьевым большой перерыв в жизни поселения между ТБ IV и ТБ V привел его к другому ответственному, но также неверному заключению. Грешат отчеты Г. В. Григорьева о раскопках в Талли-Барзу и всевозможными «влияниями» — сначала «ахеменидским», затем «мидийским», эллинистическим, сасанидским, не устанавливается несомненная теперь для нас преемственность культур, их местные среднеазиатские корни. Впрочем в те годы

---

[275] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, Автореферат канд. дисс., КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 156—161.

[276] Г. В. Григорьев. Поселения древнего Согда, стр. 25.

Г. В. Григорьев был в этом отношении не одинок. Пережитки прежних, еще дореволюционных воззрений на культуру среднеазиатских народов не были преодолены и многими другими исследователями.

Положительная сторона работы Г. В. Григорьева как археолога и в том, что он не ограничивается описанием раскопок и добытого вещественного материала. Его интересует и окружающая местность, гидрография и орошение. Используя доступные ему письменные источники, он старается восстановить и некоторые элементы исторической топографии местности (длинные стены, окружавшие самаркандские районы, с их воротами[277]), приводит некоторые данные об области Маймург, столицу которой Ривдад отождествляет с Таллй-Барзу.

Работами Г. В. Григорьева и И. А. Сухарева впервые в Согде выдвигается ряд исторических вопросов, разрешимых только путем археологических исследований.

Одна из интересных находок Г. В. Григорьева вызвала появление статьи К. В. Тревер «Гопатшах — Пастух-царь»[278], посвященной изображению человека-быка, сделанного на плечике большого сосуда из слоя ТБ II. Работа К. В. Тревер, кроме обстоятельного анализа образа человека-быка, распространенного в искусстве Востока, и его значения, содержит сводку данных о географических терминах «Согд», «Гава», «Эранведж». Выводы автора часто гипотетичны, требуют дальнейшего изучения, но представляют несомненный интерес для всех исследователей археологии и истории долины Зарафшана.

В слое ТБ IV найден фрагмент хума с процарапанной на нем согдийской надписью, изданной А. А. Фрейманом[279]. В надписи прочитано одно слово: «r′m′nt» — «всегда, постоянно». К сожалению, А. А. Фрейман, как и К. В. Тревер, введен в заблуждение датировкой слоя и отнес надпись к I в. до

---

[277] С выводом Г. В. Григорьева, что «длинные стены возникают в первые столетия арабского владычества» (Поселение древнего Согда, стр. 33), согласиться, по-видимому, нельзя. Стены, остатки которых еще кое-где сохранились, требуют новых исследований.

[278] К. В. Тревер. Гопатшах — Пастух-царь, ТОВЭ, II, 1940, стр. 71 и сл.

[279] А. А. Фрейман. Древнейшая согдийская надпись, ВДИ, № 3, стр. 135—136.

н. э. В действительности она, видимо, относится к кушанскому времени (первые века н. э.).

В 1939 г. отряд в составе Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК продолжил начатые И. А. Сухаревым исследования на Кафир-кала. Работы были сосредоточены в ранее обнаруженном И. А. Сухаревым квартале гончаров. Раскопано несколько гончарных печей, собрано большое количество различных сосудов, в том числе и характерной керамики, обильно посыпанной слюдой, как бы имитирующей блеск металла. В отчете об этих раскопках Г. В. Григорьев снова повторил свою хронологическую ошибку. Несмотря на то, что при раскопках найдены согдийские монеты Вархумана (Вахшумана), Тархуна и Гурека (Урака), со ссылкой на смещенность слоев, печи и найденный инвентарь датированы V—VI вв. (вместо VI — начала VIII вв.)[280].

Г. В. Григорьев особое внимание уделяет найденным при раскопках терракотовым фигуркам, налепам и оттискам с изображением людей на глиняных сосудах. Установив наличие в них лиц «арийского» и тюркского типов и ритуальное значение статуэток (на что указывалось уже раньше), Г. В. Григорьев ставит вопрос «о месте Согда в искусстве, а вместе с тем и вообще в культуре и искусстве Передней и Центральной Азии». Здесь он отказавшись от распространенных раньше примитивных объяснений исследуемых явлений в искусстве древней Средней Азии «заимствованиями», приходит к выводу, что Согд — «один из центров, где художественная промышленность достигла высокого развития и влияла в свою очередь на окрестные страны». Последнее заключение связано с высказываемым Г. В. Григорьевым предположением о возможном согдийском происхождении тканей из Ноин-Ула и некоторых серебряных сосудов, найденных в Приуралье, считавшихся «сасанидскими»[281].

Об интересе Г. В. Григорьева к одному из важнейших вопросов среднеазиатской археологии — истории искусственного орошения—свидетельствует небольшая неизданная его работа, рукопись которой хранится в архиве Самаркандского музея[282].

---

[280] Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, КСИИМК, XII, 1946, стр. 96.

[281] Там же, стр. 102—103.

[282] Г. В. Григорьев. Древнейшая система орошения городищ типа Талли-Барзу, рукопись, Архив Самаркандского музея, № 324.

Наиболее интересное наблюдение Г. В. Григорьева касается основного магистрального канала Самарканда — Даргома. Русло Даргома пересекается Яманджарсаем, начинающимся от гор и продолжающимся по другую сторону канала в виде сая Раванак. Вопреки высказывавшимся раньше предположениям о естественном происхождении канала, как одного из протоков Зарафшана, Григорьев считает его искусственным. При проведении Даргома, по его мнению, местами были использованы и русла естественных саев. Предположение Г. В. Григорьева кажется вполне обоснованным, так как при крутом уклоне местности от Каратепинских гор в сторону Зарафшана естественный проток едва ли мог здесь существовать — его направление было бы перпендикулярным уклону местности.

Проведение такого мощного канала выполнимо только при высоком уровне ирригационной техники. Как же могло быть организовано искусственное орошение в более раннее время? Правильный ответ, очевидно, можно дать на основе другого интересного наблюдения Г. В. Григорьева: Яман-джар в верхней части начинается «веером поперечных низинок», которые наблюдаются в предгорной зоне почти у всех саев, идущих от гор по направлению к Даргому. Долины при этом перегорожены дамбами, что свидетельствует, по мнению Г. В. Григорьева, о существовании водохранилищ, собиравших вешние воды, используемые для орошения Задаргомской степи, сохранившей (в виде многочисленных тепа) следы весьма интенсивной оседлой жизни.

Запустение Задаргомской степи объясняется тем, что глубокий каньон Даргома, прорытый быстро текущей водой, способствовал осушению Задаргомской степи и исчезновению родников. Это поставило жизнь в данном районе в невыгодные условия и вызвало запустение: жители переселились в те районы, которые более обильно и надежно орошались каналами из Даргома.

Таковы, в общих чертах, наблюдения Г. В. Григорьева, касающиеся истории орошения присамаркандских районов. Здесь нельзя не отдать должного наблюдательности Г. В. Григорьева, прошедшего, надо полагать, не один раз по описанным им саям и каньонам Даргома. Выводы его требуют еще уточнения и проверки, но, несомненно, заслуживают внимания.

Г. В. Григорьев предполагает, что значительного развития Даргом достиг в кушанский период. Это, видимо, ориентировочно правильное заключение, возможно, с некоторым преувеличением возраста. Однако требует уточнения и, пожалуй, существенных поправок связь времени возникновения городищ типа Талли-Барзу с додаргомским периодом в развитии искусственного орошения. В решении этого сложного вопроса Г. В. Григорьеву, несомненно, мешали принятые им неверные хронологические определения культурных слоев Талли-Барзу.

В 1939 г. сделаны два открытия, относящиеся к каменному веку: находка мустьерского остроконечника на Овражной улице в Самарканде[283] и второе, еще более важное,— обнаружение стоянки времени верхнего палеолита на территории парка «Комсомольское озеро»[284]. Вторая находка сделана Н. Г. Харламовым, который произвел разведку в марте 1939 г. на правом берегу небольшого потока «Сиобча» (у Н. Г. Харламова — «Старица»). В трех шурфах собран материал в основном в виде каменных отщепов. Н. Г. Харламов определил раскрытые им наслоения как остатки стоянки времени позднего палеолита[285], что вполне подтвердилось раскопками Д. Н. Лева, начатыми в 1958 г.[286]

В том же году, осенью, разведку части долины Зарафшана и предгорий Каратепинского хребта производили М. В. Воеводский и В. В. Шумов. Разведка существенных результатов, в смысле поисков новых памятников каменного века, не дала. Ими же произведены небольшие раскопки стоянки, открытой Н. Г. Харламовым. «Обнаружены кострища, окруженные обломками костей животных, по преимуществу дикой лошади, и небольшое количество каменных осколков и орудий». Несмотря на незначительные размеры[287] и плохую сохранность,

---

[283] Найден Г. В. Григорьевым. Г. В. Григорьев. Находка мустьерского остроконечника в Самарканде, КСИИМК, VIII, 1940, стр. 89—90.

[284] В то время парк «Динамо», до революции — Ивановский парк.

[285] Рукопись отчета Н. Г. Харламова «Самаркандская палеолитическая стоянка» находится в Архиве Самаркандского музея (№ 297); туда же поступил и собранный им материал (коллекция А-17).

[286] Д. Н. Лев. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследования 1958—1959 гг. Труды Самаркандского Государственного университета им. А. Навои, нов. сер., вып. 135, Самарканд, 1964, стр. 5—109.

[287] Последующие исследователи показали, что стоянка весьма значительна и по площади, и по мощности культурных наслоений.

стоянка представляет, по заключению М. В. Воеводского, большой интерес, являясь «первым позднепалеолитическим поселением, открытым на территории Средней Азии»[288].

Эта стоянка была первой стоянкой каменного века на территории всей Зарафшанской долины и прилегающих областей. Правда, еще в 1930 г. смутно упоминалось о находке неолитической стоянки на берегу Даргома[289], но более точными данными о ней мы не располагаем.

Упомянем вкратце археологические наблюдения на строительстве Каттакурганского водохранилища, сделанные специальным отрядом под руководством автора, при участии И. А. Сухарева и работавших в качестве коллекторов А. Н. Богданова и П. В. Лифиренко. Работы проводились с 25 февраля по 1 апреля 1940 г.[290] и заключались почти исключительно в осмотре берегов канала и сбора находок, сделанных колхозниками, а также в беглой разведке окрестностей. Тем не менее по трассе подводящего канала, прорезавшего или затронувшего несколько городищ (Булакчи, Мушкиль-ата, Мелик-ходжа, Рабати-Шурок и др.) был собран весьма значительный материал в виде разнообразной керамики, предметов из металла, стекла и камня. Находки и осмотр обрезов канала показали, что высокие лессовые обрывы, составляющие коренной левый берег Зарафшана, были заселены не позднее начала н. э. Наиболее же обильные сборы с городищ относятся к IX—XIII вв. Большая часть их затем была заброшена, возможно, в связи с монгольским разгромом (вдоль Зарафшана прошли монгольские полчища, направлявшиеся от разоренной Бухары к Самарканду). После этого население поселилось внизу, под обрывом, в открытых селениях-кишлаках, вокруг которых уже не возводилось укреплений и стен.

---

[288] М. В. Воеводский. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г., ВДИ, 1940, № 2, стр. 80. Рукопись отчета В. В. Шумова («Самаркандская стоянка первобытного человека») находится в Архиве Самаркандского музея (№ 293).

[289] М. Е. Массон. Археологические исследования в Узбекистане, стр. 111.

[290] Предварительное сообщение: В. А. Шишкин. Археологические наблюдения на строительстве Каттакурганского водохранилища, Известия УзФАН, 1940, № 10, стр. 14—20; И. А. Сухарев. Каттакургон райони тарихидан бир парча, «Гулистон», 1941, № 6, стр. 21—23.

Кроме укрепленных селений, расположенных над обрывом коренного берега, много небольших городищ, часть которых дожила до начала XII в., а некоторые и до XVII—XVIII вв., расположено на нижних террасах.

На верхней террасе выявлены погребальные курганы. Одно из погребений разрушено при постройке канала. В нем найдены железный кинжал и кувшин, позволившие отнести погребение ко времени около начала н. э.

Разведка показала, что на пространстве между Каттакурганом и Карадарьей (левый рукав Зарафшана) разбросано много тепа. Несколько небольших городищ и могильников зафиксировано также на возвышенностях древнего берега к западу от Каттакургана.

Западнее этого района осмотрено сильно разрушенное городище Ходжа-Корзам[291]. Это — остатки древнего селения Карзан, упоминавшегося еще Якутом и Сам'ани[292]. Еще дальше внизу по каналу Нарпай (Нахри-Пай) осмотрено значительное по размерам городище Кафир-кала, развалины которого, возможно, соответствуют древнему селению Пай, также упомянутому Сам'ани, как селение между Кушанией и Иштиханом (в форме Фай)[293]. Именно это селение дало название большому магистральному каналу Нахри-Пай, доходящему до Кермине.

Интересные наблюдения сделаны и при осмотре этого канала. Установлено, что русло его неоднократно изменяло свое положение: оно передвигалось неоднократно частями к югу, в сторону лессовых холмов в верхней терассе реки. Выявлена также и незавершенная попытка спрямления русла Нахри-Пая там, где он делает большую излучину, огибая лессовый мыс. Следы этой попытки—глубокая выемка-ров, известная у местного населения под названием Чим-Загора.

В результате археологического надзора, проводившегося в сложной обстановке ускоренной народной стройки, собран

---

[291] Мы слышали также произношение этого названия в форме «Ходжа-Карзан», что, по всей вероятности, является народной этимологией — попыткой осмысления древнего непонятного названия. В современном селении на городище есть мазар, называемый также Ходжа-Кардзан.

[292] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., 1963, стр. 177.

[293] Там же, стр. 184.

значительный материал для археологической карты не исследованной ранее части долины Зарафшана[294].

В 30-х годах чрезвычайно оживилась собирательская деятельность Самаркандского музея, усиленно пополнялись археологические коллекции. В 1933 г. в музей поступила большая и разнообразная, но к сожалению, не паспортизированная коллекция В. Л. Вяткина, а через год — коллекция М. В. Столярова [295]. Музей пополнился большим количеством нумизматического материала — отдельных монет и целых кладов из Самарканда и его окрестностей. От разных лиц поступило немало терракотовых фигурок, гемм-печаток, керамики, стекла и пр.[296] Работниками музея, главным образом И. А. Сухаревым, собрано на территории города много могильных камней-кайраков и различного рода строительных фрагментов и деталей: терракотовые плитки, куски майолики, обломки мраморных украшений и т. д.

Заканчивая обзор основных археологических работ в Самарканде и его окрестностях, выполненных до 1941 г., следует отметить, что трудами Г. В. Григорьева, И. А. Сухарева, Н. Г. Харламова и других исследователей было сделано немало. Главное то, что археология Самарканда за последнее предвоенное пятилетие была сдвинута с мертвой точки устарелых целей, методов и приемов исследования. Прояснились некоторые аспекты исторической топографии присамаркандских районов, впервые получена, хотя и не вполне точная, неправильно датированная стратиграфическая характеристика археологического материала. Открыт, наконец, и памятник очень далекого прошлого — верхнепалеолитическая стоянка, оказавшаяся ныне, по данным экспедиции Института истории и археологии АН УзССР и Самаркандского университета, остатками большого и долговременного уникального поселения древнего человека.

---

[294] Археологическая карта обследованного района составлена И. А. Сухаревым, хранится в Самаркандском музее.

[295] Художник-самоучка, коллекционер, реставратор, неоднократно продававший коллекции археологических предметов, собранных им в Самарканде и окрестностях.

[296] Значительная часть этих предметов поступила от любителей, среди них значатся В. В. Букинич, С. П. Кипарисов, В. Г. Смирнов, Г. П. Снесарев и др. Часть вещей приобретена у гуркабов (могильщиков) и пастухов.

Тяжелые годы войны прервали успешно начатую работу. Погибли во время войны и энтузиасты-археологи И. А. Сухарев, Г. В. Григорьев, П. В. Лифиренко, строившие планы дальнейших углубленных исследований, о чем они неоднократно беседовали с автором данного обзора.

Возобновились исследования древнейших и древних периодов домонгольского Согда только после окончания войны, когда в 1945 г. была организована Самаркандская археологическая база, руководителем которой был назначен А. И. Тереножкин.

В. А. Шишкин

КАЛ'А И АФРАСИАБ

Работы Института истории и археологии АН УзССР по изучению домонгольского Самарканда (1945—1956 гг.)

Бугристая местность к северу от современного Самарканда, на которой до монгольского времени располагалась основная и древнейшая часть города, получила у местного населения название «крепость Афрасиаб». Происхождение городища связано с именем героя древнего эпоса Афрасиаба, могучего владыки Турана, страны, противопоставляемой и враждебной Ирану, одного из главных героев знаменитой «Книги царей». По изысканиям В. Л. Вяткина, занимавшегося исторической топографией Самарканда и присамаркандских районов, это название появляется в письменных источниках только в XVII в. Двумя столетиями раньше, когда стены и рвы древнего города в какой-то мере сохраняли свой вид, развалины назывались «Старой крепостью» («Хисари-кухна» или «Кал'а-и-кухна»). Теперь же в научной литературе и в устной речи городище называют просто Афрасиаб[1]. Этим сокращенным названием будем пользоваться и мы.

[1] В. А. Лившиц объясняет название городища из таджикского Парсиаб (согд. Паршваб) — «над черной рекой» Сиёхоб (Сиоб), омывающей городище с северной стороны. Позднее, как он считает, население по-своему осмыслило это название, связав его с легендой о царе Афрасиабе, герое древнего народного эпоса (В. А. Лившиц. Надписи на фресках Афрасиаба. Тезисы докладов на сессии, посвященной истории живописи стран Азии, Л., 1965, стр. 5). Однако с именем Афрасиаба связано несколько городищ на территории Средней Азии; в частности, Минг-урюк в Ташкенте, называвшийся еще «кухня Афрасиаба», Шахнишин-тепа в том же городе — «трон (Афрасиаба)», городище древнего Китаба и ряд других, и ныне носящих название Афрасиаб.

Попытки исследовать городище имеют значительную историю[2]. Однако, несмотря на многочисленные раскопки, связанные иногда с большим объемом земляных работ (майор Борзенко, В. В. Крестовский, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд и особенно В. Л. Вяткин), сведения о древнем городе, остатки которого погребены под буграми Афрасиаба, оставались крайне скудными. Ни время его возникновения, ни структура городской территории в разные периоды существования не были раскрыты.

Между тем было ясно, что огромное городище хранит в толщах своих наслоений важный материал по истории и истории культуры долины Зарафшана, особенно драгоценный для тех периодов, о которых молчат письменные источники. Поэтому сектор археологии Института истории и археологии АН УзССР в своих рабочих планах на первое место поставил изучение этого городища. Одним из немаловажных стимулов ускорить работу по исследованию Афрасиаба было и то, что городище, занимающее площадь свыше 200 *га*, расположено вплотную с современным быстро растущим городом. Местные организации неоднократно возбуждали вопрос о немедленной застройке той или иной части городища. Проекты застройки опротестовывались и не приводились в исполнение, но тенденция использования «свободной» площади городища в качестве резервной существовала в среде некоторой части местных работников довольно долго.

Первые работы по исследованию Афрасиаба начаты Институтом истории и археологии в 1945 г., когда была организована Самаркандская археологическая база, заведывание которой и проведение археологических работ в Самарканде было возложено на А. И. Тереножкина. Мизерные средства, выделенные в те годы на содержание базы, ее штата и земляные работы, определили характер исследований. Они сводились к разведкам путем зачистки обнажений культурных слоев, небольших шурфов и лишь в отдельных случаях ограниченных по размеру раскопов. При этих условиях только энергия и настойчивость А. И. Тереножкина позволили ему

---

[2] Обзор археологических исследований, производившихся в Самарканде и прилегающих районах до 1945 г., см.: В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей; статья помещена в данном сборнике.

за четыре года работы (до 1948 г. включительно) собрать и обработать большой и разнообразный археологический материал[3], привести его в некоторую систему. Поскольку сведения о работе А. И. Тереножкина содержатся в опубликованных им статьях, остановимся лишь на некоторых его выводах и историко-археологических построениях.

Уже в первый год работы на Афрасиабе А. И. Тереножкин обратил внимание на большую сложность и своеобразие размещения культурных наслоений, зависящие от сильно пересеченного рельефа городища, изрезанного глубокими впадинами. Наиболее ранними слоями, прослеживающимися, по его словам, на всей территории Афрасиаба, он считает те, археологический материал которых соответствует нижним слоям раскопанного Г. В. Григорьевым городища Талли-Барзу[4]. Однако с датировкой Григорьевым этих слоев А. И. Тереножкин не согласился. Вместо явно заглубленной датировки нижнего слоя Талли-Барзу первой половины первого тысячелетия до н. э. он относит его к III—I вв. до н. э.[5] Таким образом, древнейшие слои, которые могли бы соответствовать Мараканде греческих авторов, отождествляемой обычно с Самаркандом, не были выявлены. Но сомнения в том, может ли Афрасиаб хранить в своих недрах вещественные свидетельства столь отдаленной поры, «рассеялись» в следующем году после приобретения печатки явно ахеменидского времени, найденной пастухом[6]. В то же время в работе, посвященной исследованиям 1946 г., он отмечает, что культурные наслоения ахеменидского времени на городище еще не обнаружены[7]. Керамические и прочие находки, найденные в большом зольнике около ансамбля Шахи-Зинда, им самим, а затем и другими специалистами отнесенные именно к ахеменидскому или

---

[3] Вещественный материал, собранный А. И. Тереножкиным, хранится в Республиканском музее истории культуры Узбекистана в Самарканде, в Музее истории и Музее искусств в Ташкенте.

[4] Г. В. Григорьев. Городище Талли-Барзу, ТОВЭ, т. II.

[5] А. И. Тереножкин. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г., КСИИМК, XVII, 1946, стр. 116—121; Он же. Археологические работы в Самарканде, Бюллетень АН УзССР, 1945, № 11—12, стр. 45—46.

[6] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4, стр. 127—128.

[7] А. И. Тереножкин. Вопросы.., стр. 129.

даже доахеменидскому времени, он датировал тогда «греко-бактрийским периодом».

В той же работе А. И. Тереножкин намечает и следующие культурные слои: раннекушанский, отличающийся, по его мнению, большой мощностью и распространенный в пределах всего городища, кушанский и гунно-эфталитский (до середины VI в.), который якобы археологических материалов на Афрасиабе не дает[8]. Затем следует период тюркского каганата, мест с культурными слоями которого «открыто немного»[9], и, наконец, верхние слои, накопившиеся уже после арабского завоевания, отнесенные им по времени к середине VIII—X в., так как слои предмонгольского Самарканда (XI — начало XIII вв.) им не были выделены или их было так мало, что их еще недостаточно даже для самых общих определений своеобразия культуры этого периода[10].

Статья А. И. Тереножкина вызвала серьезные критические замечания у М. Е. Массона, упрекнувшего А. И. Тереножкина в игнорировании производившимися до него исследованиями городища, изменившими то представление о нем, которое сложилось в свое время у В. Л. Вяткина, а также в недостаточном использовании письменных источников и материалов, собранных в разное время на городище и хранящихся в музеях. Отсюда — субъективный подход исследователя к периодизации истории Самарканда, основанной только на небольших по объему собственных разведках.

Далее М. Е. Массон указывает на неправильную датировку предметов из зольника около ансамбля Шахи-Зинда, отнесенного к периоду Греко-Бактрийского царства, так как в действительности они «явно более старого времени, захватывающего и пору вхождения города в состав ахеменидской Персии». Не убедительным считает М. Е. Массон и мнение А. И. Тереножкина об отсутствии на Афрасиабе материалов кушанского и гунно-эфталитского времени и опирающийся на это заключение тенденциозный вывод об отсутствии генетической связи культуры «арабского» времени с древней культурой Афрасиаба. М. Е. Массон настаивает именно на «наличии

---

[8] А. И. Тереножкин. Вопросы..., стр. 131.
[9] Там же, стр. 132.
[10] Там же, стр. 135 .

прочих местных культурных традиций». Решительно отвергается и заключение А. И. Тереножкина о незначительности материалов XI—XII вв. В действительности, указывает М. Е. Массон, этими материалами «забиты полки археологического собрания местного музея»[11].

Все эти замечания, сделанные известным знатоком древностей Самарканда, немало потрудившимся над их изучением, бесспорно правильны. Можно было бы также указать и на известную примитивность той историко-археологической периодизации, которую дал А. И. Тереножкин в своей работе. Однако следует подчеркнуть, что на два года раньше появления в печати статьи М. Е. Массона А. И. Тереножкин защитил кандидатскую диссертацию[12], в которой многие недочеты и промахи, отмеченные рецензентом, были уже исправлены.

Здесь он располагает несколько большим материалом, добытым на Афрасиабе, и привлекает сравнительный материал из Чача (в значительной мере результат собственных исследований автора) и других районов Средней Азии. Несомненно, полезно было и знакомство с хорошо датированным материалом из Пянджикента, в раскопках которого автор принимал непосредственное участие[13]. Все это расширило конкретную базу исследования и отразилось на новой обобщающей работе А. И. Тереножкина.

Значительно изменилась номенклатура периодов, на которые А. И. Тереножкин подразделяет разновременные слои Афрасиаба, с которыми связано теперь обозначение культурных наслоений с I по IV. Благодаря разделению весьма отличных один от другого «кушанского» и «эфталитского» периодов периодизация приняла более четкий характер.

Оставляя в стороне период поздней бронзы, представленный единственной и неубедительной случайной находкой бронзового топора из района Пянджикента, отметим, что тот слой, где в большом зольнике встречены цилиндро-конические бан-

---

[11] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 156.

[12] 28 апреля 1948 г. А. И. Тереножкин. Согд и Чач, Автореферат канд. дисс., КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 152—169.

[13] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента, Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции, т. I, М. — Л., МИА, № 15, 1950, стр. 81—93.

ковидные сосуды, котлы, лепленые вручную из грубой глины на матерчатом шаблоне, и другие предметы, отнесенные им в более раннем сообщении к «греко-бактрийскому» периоду, датируется теперь «сако-ахеменидским» временем — VI—IV вв. до н. э. (Афрасиаб I). При этом, сопоставляя некоторые типы посуды с материалами из поселений Чирчикского района (Бургулюк II)[14] на севере и соответствующими материалами юга (Южная Туркмения, Над-и Али), он находит в материалах из этого слоя культурные проявления как севера, так и юга (у А. И. Тереножкина — «востока» и «запада», что, конечно, неверно).

Основываясь, видимо, на том, что керамические изделия «сако-ахеменидского» периода обнаружены им не только у мазаров Шахи-Зинда, но и на противоположном краю городища, над обрывом Сиаба — к западу от открытой В. В. Бартольдом и В. Л. Вяткиным в 1904—1905 гг. соборной мечети, А. И. Тереножкин делает вывод, что город сложился сразу на всей огромной территории городища, раскинувшегося на площади свыше 200 *га*[15].

К «сако-эллинистическому» периоду (IV—II вв. до н. э., Афрасиаб II и III) отнесены материалы, датированные им раньше «раннекушанским» временем. Они характеризуются, по А. И. Тереножкину, более тонкой и изящной посудой, появлением отчетливой формы кубков, кувшинов, мисочек с ломаным профилем края, полосатым лощением, красным ангобом хорошего качества и красным лаком[16].

Следующий по времени период назван «кангюе-юэджийский» (II—I вв. до н. э., Афрасиаб IV и Талли-Барзу I). Отмечается ухудшение керамических изделий, смена стадий Афрасиаб IV культурой Талли-Барзу I с дальнейшим огрублением керамики, в которой ведущей формой становится сосуд в виде широкой вазы на высокой устойчивой ножке. К этому периоду отнесены начало применения в строительстве жженого кирпича, обжиг алебастра и извести, появление стеклянных сосудов[17].

---

[14] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, Известия УзФАН ССР, 1940, № 3, стр. 32—33.

[15] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 155—156.

[16] Там же, стр. 156.

[17] Там же, стр. 157.

Материалов для «кушанского» (I—IV вв.) и «эфталитского» и даже «тюркского» периодов А. И. Тереножкин и теперь на Афрасиабе не находит, замещая получившийся огромный разрыв с I в. до начала VIII в. н. э. культурными слоями из раскопок Талли-Барзу Г. В. Григорьева (Талли-Барзу II, III, IV и V). На этом основан и весьма ответственный вывод, что «Самарканд при кушанах находился в упадке»[18]. При этом А. И. Тереножкин ссылается на мнение В. В. Бартольда, что первенство в Согде до V в. н. э. принадлежало не Самарканду, а княжеству Маймург с городом Ривдад, где находились замки «согдийских ихшидов»[19].

В отношении «эфталитского» периода у А. И. Тереножкина мы не находим ничего, кроме ссылки на недостаток материалов с оговоркой, что к этому времени, возможно, относится слой Талли-Барзу IV, но и этот слой автор больше склонен датировать раннетюркским временем.

Более определенно отнесен к «тюркскому» времени слой Талли-Барзу V— к VII—началу VIII вв. (у Г. В. Григорьева VI—VII вв). Здесь А. И. Тереножкин находит достаточно твердую опору в материалах Пянджикента, датированных по согдийским монетам. Характерная форма для этой культурной стадии — относительно большая кружка с петлевидной ручкой, поверхность которой обсыпана мелкими чешуйками слюды.

«Мусульманский период», как его называет А. И. Тереножкин, делится по характеру материала на четыре стадии, также не вполне соответствующие предложенным им раньше этапам «арабского» периода. Уделяется некоторое внимание и XI—XII вв.— последним в жизни города на Афрасиабе, но только в «Таблице периодизации археологических материалов Согда и Чача», в тексте же автореферата о них почти ничего не сообщается.

Результатом энергичных поисков А. И. Тереножкина явилось множество самых разнообразных керамических форм, сведенных им в «Таблицу периодизации археологических ма-

---

[18] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 160.

[19] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, кн. I, стр. 188—189 и прим. Б. Ставиского на стр. 189, где говорится о неточности, допущенной В. В. Бартольдом, отождествляющим Мими китайских источников с Маймургом, что «не позволяет говорить о преобладании Маймурга над Самаркандом в V—VI вв.»

териалов». Это первая попытка такой систематизации, никем до А. И. Тереножкина не проделанная, и как первый опыт, естественно, не окончательная и не совершенная. В свете новых данных, накопившихся уже после работы А. И. Тереножкина, можно сказать, что им впервые правильно определены верхняя и нижняя хронологические границы поселения на Афрасиабе.

Следы культуры середины первого тысячелетия до н. э. выявлены им впервые и вполне убедительно; на достаточно большом и выразительном вещественном материале доказана древность поселения. Дальнейшие работы могут, по-видимому, лишь уточнить предложенную им дату. Не вызывает теперь ни сомнений, ни возражений и верхняя дата — разрушение и оставление жителями находившейся на Афрасиабе части города после монгольского завоевания.

Значительно хуже с определением средних этапов, где имеются различные неточности. Как уже сказано, огромный отрезок времени, с I по VIII вв. н. э., в таблице заполнен исключительно материалом из раскопок Г. В. Григорьева. В действительности культура кушанского времени, эфталитского и особенно предарабского, представлена и мощными наслоениями, и большим количеством предметов. В значительной мере это те же самые типы, которые показаны в таблице, но датированные неверно и попавшие не в те хронологические разделы, где их следовало поместить. Значительно более поздним окажется, по-видимому, все, что отнесено к «кангюеюэджийскому» периоду. Предметы, определяемые как кушанские (Талли-Барзу III), в частности весьма характерные горшки с трубчатым коротким сливом и маленькой ручкой, прикрепленной к венчику сосуда с противоположной стороны, типичны не для I—IV, а для IV—VI вв. Это подтверждается материалами из усадьбы около городища Кафир-кала, нижнего слоя Пянджикента и др.[20] Приведенные примеры свидетельствуют о том, что археологическая периодизация, намеченная А. И. Тереножкиным, явилась определенным шагом

---

[20] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, ИМКУ, вып. 2, 1961, стр. 208, 212, рис. 209; Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг., Труды Таджикской археологической экспедиции, т. IV, МИА, № 124, 1964, стр. 242, рис. 23.

вперед в деле изучения древностей Афрасиаба, хотя требовала еще значительных поправок и уточнений[21].

Схема, предложенная А. И. Тереножкиным, отражает состояние знаний в области археологии Средней Азии, которое существовало к началу 1948 г. В начале работы Самаркандского археологического отряда она в известной мере служила основой для хронологических определений встречавшегося археологического материала и лишь постепенно уточнялась и исправлялась. Возможность для этих исправлений давали не только материалы самого Афрасиаба, но и широко развернувшиеся археологические работы во всей Средней Азии. В условиях исключительно интенсивного накопления материала и углубления археологических знаний в послевоенное время работы, выполненные немногим более полутора десятилетий назад, нередко представляются устаревшими. И это не вина исследователя, его труды мы должны оценивать не по тому, в чем он оказался неправ, а по тому, что он дал положительного для развития науки.

Позднее А. И. Тереножкин издал еще одну работу[22], посвященную раскопкам на Афрасиабе в 1948 г. Раскопки этого года производились на западном берегу оврага, опускающегося к Сиабу у известного мазара Ходжа-Даниар. Здесь А. И. Тереножкин получил большой и интересный материал в виде остатков инвентаря мастерской оружейника XI или XII вв., керамического комплекса VIII в., найдены клад сасанадских драхм, редко встречающихся на Афрасиабе, и обычные для этого городища согдийские медные литые монеты с квадратным отверстием в середине.

Самым интересным и обильным материалом оказался нижний раскопанный слой (продолжать раскопки ниже А. И. Тереножкину не удалось). В нем обнаружены остатки гончарной мастерской, собран большой керамический материал, большие ручные зернотерки, найдены весьма интересные терракотовые фигурки, изображающие, видимо, женское божество (Анахита). Исследователь относит материал мастерской в соответствии с разработанной их схемой к стадии Талли-Барзу I. По принятой им схеме этот слой датируется II—I вв.

---

[21] Сложная работа по уточнению археологической периодизации Самарканда ведется теперь большим коллективом.

[22] А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаб, КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 136—140.

до н. э. Несколько отступая от схемы, он как стадию Таллп-Барзу I, так и синхронный слой Каунчи II, относит к рубежу нашей эры, хотя, на наш взгляд, следовало бы говорить о кушанском периоде в более широких рамках (I—III вв. н. э.).

Деятельность А. И. Тереножкина в Самарканде закончилась в связи с его переездом на Украину. Работами 1948 г. завершился и первый этап исследования Афрасиаба силами Института истории и археологии АН Узбекистана. Работы по исследованию Афрасиаба прекратились и потому, что В. Д. Жуков, к которому перешло заведование базой, в значительной мере был заинтересован в изучении более поздних памятников послемонгольского Самарканда и в разведке Придаргомской степи, оставшейся незавершенной, так как археологическая база в Самарканде была вскоре упразднена.

Кроме исследований А. И. Тереножкина и В. Д. Жукова, следует упомянуть производившиеся в 1948 г. раскопки обсерватории Улугбека. Они позволили выяснить план нижнего этажа этого замечательного памятника культуры прошлого и определить до некоторой степени его структуру и назначение отдельных частей[23].

Значительным событием было открытие в 1947 г. Д. Н. Левом палеолитической пещерной стоянки Аман-Кутан, исследовавшейся им же на протяжении нескольких лет.

Пещера Аман-Кутан служила убежищем для человека весьма продолжительное время; культурные остатки найдены как под толстым слоем натечного известкового туфа, образование которого, как замечает Д. Н. Лев, могло потребовать несколько тысячелетий, так и сверху, над туфом. При этом характер найденных изделий из кварца, кварцита, диорита и кремния не претерпел существенных изменений. Это наглядное свидетельство чрезвычайно медленной культурной эволюции на ранних стадиях развития первобытного человечества.

Исследования показали, что пещера служила местом обитания человека в мустьерское время, как и открытая А. П. Окладниковым пещера Тешик-Таш[24].

---

[23] Обсерватория Улугбека, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. V, Ташкент, 1953; В. А. Шишкин. Самаркандская обсерватория Улугбека, в сб.: Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, 1965, стр. 200—226.

[24] См. работы Д. Н. Лева.

В те же годы Д. Н. Лев проводил обширные разведки на территории Самаркандской, Кашкадарьинской и отчасти Бухарской областей.

С последующими периодами первобытного общества дело обстояло значительно хуже. Здесь можно назвать только сборы А. П. Окладниковым, а затем Д. Н. Левом некоторого количества обработанных кремней на возвышенности Чупан-ата. Один тщательно сделанный лавролистный наконечник стрелы был случайно найден у кишлака Аксай и доставлен Д. Н. Леву. Разведкой, произведенной Д. Н. Левом на месте находки, было найдено также несколько мелких черепков грубой посуды, не имеющей следов какой-либо орнаментации. Кремневые изделия с Чупан-ата мало типичны и могут быть отнесены, по мнению Д. Н. Лева, к концу палеолита, мезолиту или началу неолита[25]. Лавролистный наконечник стрелы из Аксая по сходству с подобными же изделиями, найденными у озера Заман-баба, может быть отнесен ко времени бронзы.

В 1956—1957 гг. Институт истории и археологии АН УзССР организовал работы по изучению весьма интересного в археологическом отношении района, расположенного между магистральным арыком Даргом и предгорьями Каратепинского хребта. Эта относительно ровная местность, пересеченная кое-где оврагами, представляет собой в настоящее время степь, полого понижающуюся к югу, к Даргому. Некогда она была достаточно плотно населена, о чем свидетельствуют многочисленные остатки поселений и замков, рассеянные по всей степи. Одно из наиболее крупных поселений этой местности — Кафир-кала возвышается на берегу Даргома.

В 30-х годах И. А. Сухарев, Н. Н. Забелина и Г. В. Гаврилов производили работы по изучению гончарных печей и погребальных сооружений — наусов. Однако само городище этими работами не затронуто. В 1956—1957 гг. раскопки производил О. В. Обельченко; они носили предварительный характер и заложены в западной части мощного вала, окружающего центральный холм сооружения. Вал образован развалинами жилых сооружений. От верхнего слоя, датируемого по найденным остаткам XI—XII вв. н. э., сохранились лишь незначительные остатки, не давшие возможности определить характер построек. В следующем слое открыто несколько жи-

---

[25] Д. Н. Лев. Новые данные по палеолиту Узбекистана, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 7, 1955, стр. 28.

лых помещений V—VI вв. н. э. Встречались в самом верхнем слое также фрагменты керамики XIV—XV вв. Но они, несомненно, относятся к периоду, когда городище было уже заброшено, а появление их объясняется тем, что рядом, на расстоянии около полутора километров, в той же степи был расположен Давлатабад—один из загородных дворцов Тимура, а высокий холм Кафир-калы, вероятно, использовался в качестве удобного пункта для караула.

Тем же отрядом полностью раскопан отдельный бугор, расположенный в нескольких сотнях метров от Кафир-калы. Холм, раскопанный Г. В. Шишкиной, оказался развалинами здания, построенного из сырцового кирпича и пахсы[26]. Оно отличается симметричной планировкой, сходной с планировкой подобного же сооружения Аул-тепа, раскопанного С. К. Кабановым в долине Кашкадарьи[27]. В существовании здания отмечаются три периода: в первых двух оно являлось, по-видимому, жилым домом-усадьбой, в последнем использовалось в качестве науса для помещения оссуариев[28].

Против такого определения первоначального назначения здания возразил В. А. Нильсен, ссылающийся на необычность такого симметричного расположения помещений в жилых зданиях, а также на наличие своеобразных продухов в стенах, устройство которых пока нигде в древних зданиях не зафиксировано[29]. По его мнению, это здание является дахмой, в которой происходило очищение костей умерших[30]. Однако, принимая во внимание отсутствие человеческих костей на полу помещений, стратиграфию их заполнения землей и му-

---

[26] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом, ИМКУз, вып. 2, 1961, стр. 192—222.

[27] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан), СА, 1958, № 3, стр. 144—151.

[28] О краниологическом материале из этого здания см.: В. Я. Зезенкова. Черепа с городища Кафир-Кала под Самаркандом, ИМКУз, вып. 6, 1965, стр. 124—138.

[29] Совершенно аналогичные по величине и форме продухи встречены нами в недавних сельских постройках: например, в развалинах домов сел. Газилы, оставленных жителями в связи в переселением в 30-х годах на новое место. Они служили для вентиляции помещений, в которых хранились развешенные гроздья винограда. Продухи в раскопанном здании использовались как вентиляторы в период летнего пребывания в нем.

[30] В. А. Нильсен. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафир-Кала под Самаркандом, ИМКУз, вып. 6, 1965, стр. 116—123.

сором, обилие фрагментов бытовой керамики, различной по времени на полу и той, которая связана с остатками оссуариев, предположение В. А. Нильсена кажется неубедительным. Ссылка же на необычность симметричной планировки опровергается примером упомянутого сооружения Аул-тепа, сходство с которым почему-то считается только «формальным».

В тех же 1956—1957 гг. работники Эрмитажа (Б. Я. Ставиский) и Самаркандского музея (М. Х. Урманова) при некоторой финансовой поддержке Института истории и археологии производили раскопки городища Кулдор-тепа[31], отождествленного Б. Я. Стависким с упоминаемым в Таншу городом Босидэ — резиденцией владетеля большой области Ми (Мимо, Мимохэ)[32]. Некоторые авторы[33] предполагали, что области Маймург, с которой отождествлялось княжество Мими китайских источников, до V в. н. э. принадлежало первенство и только позднее оно перешло к Самарканду. Единственным основанием для такого предположения послужило сообщение Бейши о посольстве в 452 г. в Китай из княжества Мими[34], тогда как о посольстве из Самарканда в это время упоминаний нет. Отождествление Мими с Ми, Мимо или Мимохэ, как передавалось китайскими летописцами название Маймург, решительно отвергается Б. Я. Стависким, приводившим при этом достаточно, на наш взгляд, убедительную аргументацию[35]. Поскольку приходится признать, что Мими не Маймург, отпадают и соображения, на основании которых делается вывод о политическом преобладании этой небольшой области до V в. н. э.

Кулдор-тепа, которое Б. Я. Ставиский предположительно считает остатками главного города Маймурга, представляет

---

[31] Б. Я. Ставиский, М. Х. Урманова. Городище Кулдор-тепе (Работы 1955 г.), СА, 1958, № 1, стр. 231—235; Б. Я. Ставиский. Раскопки городища Кулдор-тепе в 1956—1957 гг., СА, 1960, № 4, стр. 113—121. Этим работам предшествовала разведка на Кулдор-тепа, производившаяся в 1953 и 1954 гг. В. И. Сарианиди.

[32] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т, II, М.—Л., 1950, стр. 115.

[33] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Соч., т. II, кн. 1, стр. 188—189.

[34] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений . . , т. II, стр. 260.

[35] Б. Я. Ставиский. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины (до арабского завоевания), История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, 1959, стр. 81—93.

собой относительно крупное городище с цитаделью и мощными стенами. Город существовал, как показали раскопки, продолжительное время. Нижние наслоения датируются исследователями временем близким к началу н. э.; верхние, сравнительно маломощные, слои содержат керамические материалы IX—XII вв. Очевидно, как и многие другие города и поселения Средней Азии, Кульдор-тепа не пережило монгольского нашествия.

Перечисленные работы дали немало материала для реконструкции прошлого Самарканда и его сельского окружения. Однако множество совсем не затронутых или недостаточно выясненных историко-археологических проблем при огромном количестве разнообразных археологических памятников, настоятельно требовало не только продолжения исследований, но и их расширения и углубления. С этой целью Институт истории и археологии в 1958 г. создал специальный Самаркандский археологический отряд, руководство которым было поручено автору. Кроме научных сотрудников и научно-технического персонала сектора археологии Института[36], в работе постоянно участвовали Самаркандский Государственный университет им. Алишера Навои[37], а в некоторые рабочие сезоны и сотрудники Самаркандского музея[38], Института искусствознания[39] и Главного управления по охране памятников Министерства культуры УзССР[40].

История среднеазиатского города уже давно привлекает внимание советских историков и археологов. В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский, М. Е. Массон, С. П. Толстов, В. Л. Воронина, Б. А. Литвинский, В. А. Лавров и др. достигли в этом отношении значительных успехов. Но в целом проблемы сложения и развития городов, их социальная структура, планировочная организация городской территории, городского бла-

---

[36] В работах отряда в разное время принимали участие научные сотрудники сектора археологии Т. Р. Агзамходжаев, Л. И. Альбаум, А. Аскаров, И. Ахраров, Д. П. Вархотова, Н. С. Гражданкина, В. Д. Жуков, В. Я. Зезенкова, С. К. Кабанов, В. А. Нильсен, О. В. Обельченко, М. Пачос, В. И. Спришевский, М. Н. Федоров, М. И. Филанович, Г. В. Шишкина, лаборанты Л. Г. Брусенко, А. Исламов, Р. И. Кривошей и др.

[37] Доцент университета Д. Н. Лев и лаборант Е. Н. Амарцева.

[38] Научные сотрудники Я. Крикис и М. Х. Урманова.

[39] Научный сотрудник Ш. Ташходжаев.

[40] Научный сотрудник Н. Б. Немцева.

гоустройства и т. п. еще далеки от разрешения. Основной задачей экспедиции была попытка раскрыть историю города, поскольку она отразилась в сохранившихся остатках. При этом город не мыслился, как нечто изолированное. В плане исследования предполагалось археологическое изучение и тех многочисленных и разнообразных по характеру и времени возникновения объектов, которые сохранились в ближайших окрестностях, начиная с древнейших памятников первобытного общества. Основные же работы должны были сосредоточиться на городище Афрасиаб, на котором, как давно уже предполагалось и подтвердилось работами А. И. Тереножкина, находилось древнейшее поселение, возникшее, по-видимому, около двух с половиной тысяч лет назад.

Первая и основная задача, с которой связаны и все остальные аспекты истории города, — изучение его топографии в различные периоды существования: определение территории города с его границами в ту или иную историческую эпоху, выявление главнейших центров, социальной структуры и т. п. Задача эта, как и надо было ожидать, оказалась исключительно сложной[41].

Вопросам изучения топографии города и стратиграфии городища Афрасиаб было уделено основное внимание экспедиции в 1958—1966 гг. По всей площади заложено 26 раскопов, преимущественно небольших, разведочного характера.

Раскоп 1 заложен в юго-западной части городища близ четвертой, по В. Л. Вяткину[42], городской стены. Мощность

---

[41] Здесь рукопись В. А. Шишкина обрывается. 18 октября 1966 г. в Самарканде во время полевых работ руководитель экспедиции скоропостижно скончался. Плана продолжения данной статьи в письменном виде В. А. Шишкин не оставил. Известно, что она предназначалась в качестве вводной к первому сборнику трудов экспедиции. Статья осталась прерванной на очень ответственном месте—при переходе к освещению раскопочных работ Самаркандского отряда на городище Афрасиаб в 1958—1966 гг. Нет слов, никто лучше В. А. Шишкина не справился бы с этой задачей. Решено было продолжить ее в виде обзора: перечислить все раскопки и привести о них краткие сведения; обзор закончить некоторыми выводами историко-топографического порядка.

При работе использованы краткие справки сотрудников, в небольшой мере — архивные материалы. Текст окончания статьи по поручению сектора составил С. К. Кабанов. *(Примеч. отв. ред.).*

[42] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб.., стр. 5—6.

культурных наслоений здесь 1,5—2 *м*. Нижние слои монетой Вархумана (650—696) и керамикой датируются VII—VIII вв. К IX в. можно отнести остатки стен из сырцового кирпича и ташнау (водопоглощающий колодец). Выделены также наслоения X и XII вв. Работы на раскопе проведены весной 1958 г. Г. В. Шишкиной.

Раскоп 2 — также в юго-западной части городища, в одной из глубоких котловин, определяемых как хаузы[43] или ямы для сточных вод. Раскоп доведен до глубины 11 *м*, но стерильный грунт так и не был достигнут. Выявлены наносные отложения и завалы с керамикой XI—XII вв.[44] Характер отложений подтверждает вывод о назначении котловин как водоемов.

Раскоп 3 находится в северной части городища, возле северо-западного угла цитадели, он заложен с целью обследовать низину, примыкающую к цитадели с севера, затем — сохранившиеся остатки башни на восточном краю этой низины и прилегающую к ней с востока более возвышенную часть городища, между цитаделью и потоком Сиаб. Площадь раскопа доведена до 800 $м^2$. Выявлено четыре культурных слоя—с VII—VIII по XIII—XIV вв. От самого древнего слоя (VII—VIII вв.) сохранились пахсовые стены помещений в верхней части раскопа; в низине этот слой не обнаружен. В наслоениях IX—X вв. также раскрыты пахсовые стены; к этому же времени относятся подземные помещения. Башня и прилегающие здания выстроены в XI—XII вв. От верхнего слоя (XIII—XIV вв.) сохранились выстилки полов и основания стен зданий; в этом слое обнаружена дотимуровская — люстровая и кашинная — керамика. Максимальная толщина культурных наслоений в пределах раскопа 3 *м*.

Раскопы вел О. В. Обельченко с 1958 по 1963 г. (с перерывами) при участии Л. Г. Брусенко (1958—1960), Е. Б. Пругера (1962) и К. И. Бирюлиной (1963).

Раскоп 4 — в юго-западной части городища, на небольшом бугре между раскопом 1 и старым раскопом В. Л. Вяткина. Раскоп вели М. Пачос и Г. В. Шишкина осенью 1958 г.,

---

[43] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб.., стр. 14—15.

[44] В. Д. Жуков. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд), ОНУ, 1961, № 4, стр. 54—57; В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР, ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 38—39.

в 1959 г. работу продолжали М. Пачос и Я. Крикис. Выяснилось, что толщина культурного слоя здесь — до 3,5 *м*. В верхних наслоениях (X—XII вв.) раскрыты остатки трех помещений; наиболее древние слои — VIII в. Результаты раскопок опубликованы[45]. Верхние наслоения нарушены более поздним (видимо, XV в.) кладбищем.

Раскоп 5 заложен В. Д. Жуковым к востоку от исследованного им «хауза», на территории квартала гончаров. Открыты остатки двух гончарных мастерских последнего периода существования города на Афрасиабе (XII—XIII вв.) с гончарными печами и помещениями; собран комплекс керамики этого времени[46]. В работах участвовал Ш. Ташходжаев.

Раскоп 6 — в северной части городища, в пределах первого укрепления, на склоне между возвышенностью и прилегающей к ней с запада ложбиной. Первоначальной задачей было вскрытие здания, обнаруженного здесь А. И. Тереножкиным в 1947 г., однако уже в ходе работ возникла более общая задача стратиграфического изучения данного участка. В течение пяти полевых сезонов площадь раскопа доведена до 1200 *м*², включая и раскоп А. И. Тереножкина. Вскрыты здание, датированное первыми веками н. э., и руины древней крепостной стены первых веков до н. э. Наибольшая глубина культурных наслоений 6 *м*, в них выделены напластования шести культурно-исторических периодов — с середины первого тысячелетия до н. э. и до монгольского завоевания.

Работы велись под руководством С. К. Кабанова, с участием Д. П. Вархотовой (1959), М. И. Филанович (1959—1961), В. Я. Суровенкова (1962) и М. С. Саадиева (1966).

Раскоп 7 является продолжением раскопа В. Л. Вяткина при участии В. А. Шишкина в 1925 г.[47] При стратиграфическом изучении участка выяснилось, что нижние наслоения в раскопе относятся к первым векам до н. э. Выявлено небольшое количество керамики первых веков до н. э. Установ-

---

[45] М. Пачос. Стратиграфический раскоп в западной части Афрасиаба, НРС, 4, Ташкент, 1961, стр. 282—290.

[46] В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая..., стр. 39; Ш. Ташходжаев. Поливная керамика Самарканда второй половины XII — начала XIII в., НРС, 5, Ташкент, 1962, стр. 197—211.

[47] В. А. Шишкин. Из археологических работ на Афрасиабе, Известия УзФАН СССР, 1940, № 12, стр. 63—70; Он же. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР, стр. 38.

лены некоторые ранее неизвестные детали планировки здания IX—X вв. Развалины здания и прилегающий участок городища перекрыты поздним кладбищем. Раскоп вела Г. В. Шишкина.

Раскоп 8, порученный М. Пачосу, заложен осенью 1959 г. на четвертой (наружной) стене Афрасиаба; раскоп в основе представлял собой зачистку края пролома, где предположительно локализуются западные (Наубехарские) ворота (по В. Л. Вяткину). Стена, по мнению М. Пачоса, построена на материковом лессе, ширина у ее основания 12 *м*, высота 8 *м*. На высоту до 2,5 *м* стена сложена из пахсы, затем следует пояс кладки из сырцового кирпича также высотой 2,5 *м*, выше — ремонтные кладки. Под стеной обнаружена подземная комната, соединенная проходом со второй комнатой, находившейся по внутреннюю сторону стены. На полу этих комнат обнаружена поливная и неполивная керамика X в.

Результаты работ были особенно существенны для датировки самого крепостного сооружения и выяснения его структуры. Вообще это первый раскоп на Афрасиабе, посвященный исследованию его крепостных стен. Естественно, что работы были продолжены и исследование крепостных сооружений городища стало предметом специальных исследований М. Пачоса[48] в 1959—1965 гг. За это время им заложено 26 раскопов, преимущественно в виде разрезов, 13 шурфов и большое количество зачисток обнажений.

Крепостные стены Афрасиаба, видимые на поверхности, впервые описаны В. Л. Вяткиным[49], определившим эти стены как средневековые, что и подтвердилось в результате раскопок М. Пачоса, однако уже с необходимыми уточнениями в датировке. Кроме того, установлены многие новые факты, касающиеся структуры и планировки оборонительных сооружений; мы приведем здесь лишь некоторые из них.

В юго-восточной части первой стены, ограничивающей наиболее раннюю, северную, часть средневекового города, отмечено место въезда — ворота, укрепеленные двумя башнями; видимо, были и вторые ворота — западнее цитадели. Стена выстроена из однородной пахсы, в ремонтных кладках встречается и кирпич-сырец. В пахсе найдена керамика, наиболее

---

[48] М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореферат канд. дисс., Ташкент. 1966.

[49] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб.., стр. 5—10.

поздняя — IV—VII вв. н. э. Сопоставляя этот материал с данными письменных источников, исследователь время постройки первой стены определяет IV в. н. э. Однако наиболее поздние из найденных в пахсе стены материалов — чашевидные кубки (все, конечно, в фрагментах) и кринки со сливом под венчиком — широко известны в памятниках Согда лишь V—VI вв. Возможно, первую стену следовало бы датировать VI в.

Первая стена включает в себя южную стену цитадели, стены которой также исследованы путем заложения нескольких разрезов; выяснилось, что они современны первой стене.

В пределах IV—VII вв., по данным М. Пачоса, выстроена и вторая стена Афраснаба, охватывающая большой участок городища, длиной около 3 *км* (примерно вдвое больше первой стены). Если в определении планировки первой стены данные В. Л. Вяткина и М. Пачоса совпадают, то при изучении остатков второй и третьей стен выявилось много нового. Выяснилось, что это была одна стена — двойная. Лишь в последний период жизни города при подготовке к отражению нашествия Чингиз-хана на небольшом участке, почти в центре городища, к двойной стене была пристроена третья. В это же время проводятся крупные работы по восстановлению и ремонту всех оборонительных сооружений Самарканда.

Во многих местах исследована и четвертая — внешняя стена шахристана Самарканда, длиной около 5 *км*. Установлена структура стены: у основания — однородный пахсовый массив, на который сверху наложены перемежающиеся кладки из прямоугольного сырцового кирпича, забутовки, заливки. Только на небольшом участке, восточнее мавзолеев Шахи-Зинда, обнаружена стена с коридором, сложенная из крупного квадратного кирпича. М. Пачос объясняет это отличие тем, что, если в других местах накануне монгольского завоевания стены лишь ремонтировали, то здесь ее выложили заново. Однако, как известно, при подготовке к осаде стены приводили в исправность в срочном порядке и вряд ли в такой спешке стали возводить кирпичные стены, да еще с коридором. Необычны и размеры кирпича. Объяснение М. Пачоса неубедительно, видимо, здесь потребуются дальнейшие исследования.

Раскоп 9 заложен в западной части городища, севернее раскопа 7. Работы велись с 1959 по 1964 г. Г. В. Шишкиной

при участии Л. Г. Брусенко, Р. И. Кривошей, К. И. Бирюлиной.

Осенью 1960 г. ввиду реконструкции дороги через городище, около которой заложен раскоп, все сотрудники отряда работали на этом раскопе[50].

В верхних отложениях обнаружены руины средневекового городского квартала. Архитектурный комплекс жилого назначения возник здесь в начале IX в., от него сохранилось несколько хозяйственных помещений с тандырами (печи для выпечки лепешек), бадрабы (ретирадные ямы), ташнау; раскрыты и жилые комнаты.

В середине IX в. комплекс сильно перестроился, изменилось его назначение. Большое количество ванн, огромный резервуар для воды, топки, жаропроводные каналы — все это заставляет думать, что данное сооружение было баней.

В конце IX — начале X вв. бани перестали функционировать и их помещение заняли ювелиры или литейщики. В помещениях построены суфа (возвышение из глины) и маленькие печки для плавки металла, об этом свидетельствует их особое устройство с углублением и сильно оплавленной от высоких температур поверхностью.

В середине X в. место литейщиков заняли пекари. Перестройки незначительны, но поставлено много тандыров.

К X в. часть квартала разрушилась. Видимо, предполагались ремонтные работы или перестройки, для чего заготовлены большие партии кирпича-сырца, так и оставшегося неиспользованным, возможно, в связи с начавшейся борьбой Саманидов и Караханидов.

В конце X в. — первой четверти XI в. квартал осваивается гончарами: в помещениях обнаружены заготовленные, но еще необожженные изделия, две печи специально для обжига жаростойкой посуды. К началу XIII в., видимо, еще до прихода монголов квартал был оставлен.

Так восстановливаются черты жизни квартала средневекового города, видимо, типичные и для других частей, заселенных ремесленным людом.

---

[50] В. А. Шишкин. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г., ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, стр. 11—12; Я. Крикис, М. Пачос, Ш. Ташходжаев, М. Федоров. Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афрасиаба, НРС, 7, Ташкент, 1963, стр. 224—236.

Более древние наслоения, под развалинами средневекового квартала, в раскопе раскрыты лишь на узких площадках.

В VII—VIII вв. исследуемый участок городища интенсивно обживался. Здесь найдены согдийские и халифатские монеты; конструктивных же остатков этого времени в раскопе не обнаружено.

К рубежу н. э. относятся руины монументального сооружения из крупного квадратного сырцового кирпича. Замечены признаки более поздних пристроек и переделок[51].

Как показали раскопки, данный участок городища обживался, без больших перерывов, с первых веков до н. э. до XI в. Площадь раскопа была доведена до 6000 *м*².

Раскопы 10, 10-а, 10-б заложены для исследования третьей крепостной стены в ее западной и центральной частях. Работы вел М. Н. Федоров в 1959—1961 гг. Установлено, что в западной части стена сложена из пахсы, толщина ее у основания 8—10,5 *м*, в высоту она сохранилась до 13,5 *м*. В одном месте расчищен цоколь стены. В кладке обнаружена керамика III—VI вв., видимо, стена построена в VII в., накануне арабского завоевания. В X—XII вв. стена временно заброшена, о чем свидетельствуют обнаруженные на ней ямы с керамикой этого времени.

Несколько иная структура стены выявлена в ее середине, где в разрезе обнаружена кладка узких (15—20 *см*) слоев плохо трамбованной, местами комковатой структуры, глины с прокладкой из камыша. В глине встретилась керамика XI—XII — начала XIII вв.; надо полагать, что в этом месте стена срочно ремонтировалась перед монгольским нашествием.

Раскоп 11 заложен почти в центре «плато», расположенного западнее цитадели, в месте, где в 1904 г. В. В. Бартольд, а в 1905 г. В. Л. Вяткин вели раскопки соборной мечети[52]. Раскоп был поручен Я. Крикису.

В верхних слоях расчищен пол мечети XI—XIII вв., под полом выявлена капитальная раннесредневековая стена из пахсы. Обнаружена стена помещения с росписью. На глу-

---

[51] Сообщение Г. В. Шишкиной о вскрытии древнейших наслоений на этом раскопе публикуется в данном сборнике.

[52] В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая.., стр. 41.

бине 10 *м* от поверхности раскрыта часть обжигательной печи первых веков н. э.

Раскоп 12 заложен с целью выяснения структуры и датировки городской стены первого укрепления Афраснаба в северо-западной ее части, над Снабом. Работы вела М. И. Филанович весной 1960 г.

Выявлены три периода строительства и ремонтов стены. Первый — на естественный возвышенный лессовый останец наложен слой камня и песка, служивший, видимо, фундаментом для пахсовой стены, сохранившейся в высоту на 3,5, в ширину — на 9 *м*. Второй период — стена отремонтирована с применением квадратного крупного сырцового кирпича. Третий период в использовании стены устанавливается по находке обвалившегося кирпича у южной поверхности стены.

По керамике из кладки и тела пахсовой стены I и II периоды относятся к III—II вв. до н. э. Видимо, здесь обнаружено продолжение кладки стены, выявленной в расположенном восточнее раскопе 6. Третий период относится к раннему средневековью, скорее всего к VIII в.

У подножия стены, с южной ее стороны, обнаружено мусульманское кладбище X—XII вв.; это же кладбище отмечено и в верхних наслоениях, вскрытых в раскопе 6.

К югу от раскопа 12, почти в середине ложбины, М. И. Филанович заложила шурф[53] глубиной 10,5 *м*. Стратиграфия нижних 7,5 *м* этого шурфа обнаружила в низине три последовательно сменявших друг друга резервуара для воды. Судя по керамическому материалу из заполнения, резервуары функционировали с VII по IV вв. до н. э.

Раскопы 12-а, 12-б, 13, 14, 15 (по условной нумерации) — исследования стен М. Пачосом.

Раскоп 16 заложен на краю оврага возле мазара Ходжа Даниара, южнее раскопа А. И. Тереножкина (1948 г.). Верхние наслоения — XI—XII вв. На глубине 3 *м* вскрыты четыре керамические печи V—VII вв. с большим комплексом керамики. Раскоп вел Е. Б. Пругер (1963 г.)[54].

Раскоп 18 заложен Ш. Ташходжаевым возле восточного фаса древней крепостной стены.

---

[53] Сообщение М. И. Филанович о работах над шурфом публикуется в данном сборнике.

[54] Сведения о раскопке 17 смотрите ниже.

Раскоп 19 (стратиграфический шурф) заложен М. Н. Федоровым в восточной части городища, примерно в 250 *м* к западу от мавзолея Ходжа-Даниара. Площадь шурфа 12 *м*², максимальная глубина 6,5 *м*. Верхние слои в основном накоплялись в XII—XIII вв. Выявлены наслоения V—VIII вв. Нижние слои отчетливо датируются керамикой первыми веками до н. э. и свидетельствуют об обживании и восточной части городища в согдийско-эллинистическое время[55].

Раскоп 20 (стратиграфический шурф) вел Т. Акзамходжаев в 50 *м* к северу от цитадели, в глубокой впадине. Шурф доведен до глубины 10 *м*, во всей толщине установлены наслоения X—XII вв. На самом дне выявлены илистые наслоения, прослеженные в глубину на 0,5 *м*. По-видимому, здесь в X—XII вв. был водоем.

Раскоп 21, порученный М. Н. Федорову, представлял собой два полных разреза на центральном магистральном арыке домонгольского Самарканда. Этот канал в южной части по направлению совпадает с современной кладбищенской аллеей. Установлено, что здесь совмещены два русла арыка: древнее — широкое и мелководное, относящееся к началу н. э., и средневековое — IX в.

Раскоп 22 заложен у юго-западного угла цитадели с целью выяснения вопроса о водоснабжении цитадели и мечети домонгольского Самарканда. Через котловину перед цитаделью и мечетью возведена дамба, а от нее, в сторону цитадели — перемычка. На этой перемычке выполнен разрез длиной 18,5 *м* и шириной 2 *м*. Максимальная глубина разреза 9,5 *м*. В южной части разреза обнаружен трубопровод из глиняных кубуров, прослеженный в длину, в сторону цитадели, на 18,5 *м*; далее трубопровод уходит под многометровую толщу стены цитадели. Трубопровод выходил из хауза-отстойника, расположенного к западу от разреза. Удалось выявить и начало трубопровода, снабжавшего водой мечеть. Работы вел М. Н. Федоров осенью 1962—1963 гг.

Раскоп 23 — почти в центре городища, в пределах третьей крепостной стены. Здесь обнаружены признаки квартала гончаров, часть которого вскрыта Ш. Ташходжаевым в 1961—1962 гг. Вскрыты семь гончарных печей, предназначавшихся для обжига поливной посуды, примыкавшие к ним жи-

---

[55] Сообщение о работах над шурфом помещено в настоящем сборнике.

лые и производственные помещения, а также участок прилегающей дороги[56].

По определению Ш. Ташходжаева, печи относятся к XI — первой половине XII вв. Более поздние работы над раскопом позволили уточнить датировку печей; они построены и использовались в X — начале XI вв.

Как выяснилось, одна из печей прорезала стену более древней постройки, на поверхности которой обнаружена роспись. Вскрытие росписи было отложено до весны 1963 г., но возвратились к этой работе лишь весной 1965 г., причем при чрезвычайных обстоятельствах.

Весной 1965 г. было начато строительство дороги через все городище Афрасиаб с северо-востока на юго-запад. Строительство не было согласовано ни с органами охраны памятников, ни с Институтом истории и археологии. Трасса дороги прошла через раскоп 23. Немедленно после получения известия о строительстве дороги из Ташкента выехали археологи для наблюдения. Работы вскоре были приостановлены, но к этому времени роспись в одном месте была сильно повреждена.

Раскоп стал самым крупным, центральным раскопом экспедиции в 1965—1966 гг., площадь его была доведена до 1 *га*. Руководил работами В. А. Шишкин, в раскопках участвовали А. Аскаров, В. И. Спришевский, Л. И. Альбаум, А. Агзамходжаев, Д. П. Вархотова, Л. Г. Брусенко, Г. В. Шишкина, М. Н. Федоров, М. И. Филанович, А. Исламов, Г. Дадабаев, Архитектурную фиксацию вел В. А. Нильсен.

Основным объектом, вскрывавшимся в раскопе, было крупное здание VII в. (уже вскрыто 20 помещений), условно названное «дворцом ихшида»; некоторые его помещения и были украшены росписью[57]. Исследовались также остатки более поздних наслоений — X — XI вв., прикрывавшие развалины дворца.

Раскоп 24 — близ трассы предполагавшейся дороги, примерно в 50 *м* к северу-востоку от раскопа 23. Отдельный небольшой бугорок оказался, как выяснилось, развалинами

---

[56] Материалы раскопок использованы в кандидатской диссертации Ш. Ташходжаева «Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII вв.» (1964 г.).

[57] В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница древней культуры, стр. 12—22.

дома X—XI вв.; в одном из его помещений была раскрыта сброшенная на пол алебастровая облицовка купола с богатой резьбой. Работы на раскопе были поручены И. Ахрарову.

Раскоп 25 заложен в низине, к востоку от раскопа 23. Раскрыты резервуары и топки бани (?), землянки. Взят комплекс керамики X в. Раскоп вели Г. В. Шишкина и Т. Кулик.

Раскоп 26 — к северо-востоку от раскопа 11, также на территории развалин соборной мечети; в дальнейшем их предполагалось соединить.

В раскопе обнаружена поверхность двора последней мечети и основания трех рядов колонн галереи с мощным фундаментом, которая окружала двор мечети. Уточнена толщина стены двора — 2,7—3 *м* (а не 2,2 *м* по данным В. Л. Вяткина). При расчистке двора взяты фрагменты резных деревянных балок и панно с орнаментом.

Судя по выясненным элементам плана, раскапываемая джума-мечеть XI—XII вв. была громадных размеров — 127×75 *м*.

В пределах раскопа заложены два шурфа: в одном выяснено, что стена двора опущена на руины раннесредневекового здания. В другом выявлена свита слоев, свидетельствующих об обживании почти без перерывов территории последней соборной мечети с IV в. до н. э. по 1220 г.

Раскоп 17 был заложен осенью 1966 г. в 100 *м* к западу от раскопа 23, на выделяющемся в рельефе бугорке. Цель раскопа — выявить конструктивные остатки и стратиграфию.

Верхний слой монетами и керамикой датируется XI—XII вв., в нем раскрыты три комнаты из сырцового кирпича. В пределах раскопа заложен шурф. На глубине 3,5 *м* обнаружен слой VI—VII вв. Шурф углублен до 6 *м*, культурные наслоения продолжаются и ниже. Работы вел М. Пачос.

В заключение обзора археологических работ на городище Афрасиаб отметим раскопки Н. Б. Немцевой по обследованию группы мавзолеев Шахи-Зинда в 1959—1966 гг. Эти работы дали много ценного материала для изучения стратиграфии южной части городища. Выявлены наслоения с V—VI вв. до н. э. до монгольского завоевания и соответствующие им комплексы керамики, конечно, с неодинаковой степенью полноты. Особенно интересен факт обнаружения в трех местах стерильных наслоений VI—IV вв. до н. э. и в не-

скольких местах — перемешанных с более поздними материалами. Выявлено русло древнего (II—I вв. до н. э.) канала.

В 1958—1966 гг. продолжены работы и в окрестностях Самарканда. В 1959—1960 гг. В. А. Шишкин совершил ряд рекогносцировочных выездов в район Ургута, к юго-востоку от Самарканда; результаты поездок зафиксированы лишь в дневниках исследователя. Осенью 1961 г. С. К. Кабанов обследовал группу памятников — развалины древних поселений, расположенных в Придаргомской степи, западнее Кафир-калы. Несколько сезонов О. В. Обельченко исследовал курганные погребения, также в Придаргомской степи[58]. Обследован могильник эпохи бронзы в Ургутском районе: предварительно в 1964 г. Д. Н. Левом, осенью 1966 г. А. А. Аскаровым проведены раскопки этого могильника. Т. Агзамходжаев и В. А. Нильсен обследовали стены Дивари-Кыямат, окружавшей в древности земледельческий оазис Самарканда. В самом Самарканде систематические раскопки палеолитической стоянки вел Д. Н. Лев[59].

* *
*

Многолетние и довольно большого объема раскопки на городище Афрасиаб, как видно из приведенного обзора, были в основном разведочными. Значение разведочных превышают лишь раскоп 9 со значительной вскрытой частью квартала средневекового города IX—XII вв.; раскоп 23 с монументальным зданием VII в.; раскоп 6 со вскрытым отрезком древней городской стены и руинами здания II—III вв. н. э., исследование средневековых оборонительных сооружений в целом.

В результате исследования получен материал, который позволит существенно дополнить сведения об истории Самарканда. Конечно, до опубликования материалов было бы преждевременно подводить общие итоги работ, однако отметить некоторые выводы или данные по истории города здесь уместно.

---

[58] О. В. Обельченко. Могильник Акджар-тепе, ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, стр. 57—70; Он же. Сазаганские курганы, ИМКУ, 7, Ташкент, 1966, стр. 66—81.

[59] Д. Н. Лев. Самаркандская палеолитическая стоянка, ИМКУ, Ташкент, 1965, стр. 22—29.

Наслоения середины первого тысячелетия до н. э.— времени возникновения города — впервые установлены А. И. Тереножкиным. На основании своего еще очень ограниченного материала А. И. Тереножкин сделал весьма ответственный вывод, что Самарканд «сложился сразу как огромный город» из родового поселения[60]. Эту концепцию он противопоставил концепции В. Л. Вяткина, согласно которой город развивался от небольшого поселения концентрическими окружностями по направлению к югу[61].

Теперь выясняется, во-первых, что противопоставление этих концепций неправомерно, поскольку В. Л. Вяткин выдвигал концепцию развития средневекового города и она в основном подтверждается, это видно из результатов исследования, особенно М. Пачоса. Древнейший город оставался еще неизвестным для В. Л. Вяткина.

Во-вторых, не подтвердилось предположение о сплошной застройке города в древнейший период его истории. В течение примерно 1700 лет (до монгольского завоевания) город развивался на одном месте, что и обусловило сильную разрушенность его наслоений Правда, отдельные обломки керамики «ахеменидского» типа встречаются на городище довольно часто, но наслоения этого времени большими массивами отмечены пока лишь в двух местах — в южной части городища, возле группы мавзолеев Шахи-Зинда, преимущественно в нижних слоях шурфов (указанное месте занято кладбищем, и раскопки там возможны только на очень узких площадках), в целом на довольно большой территории, примерно в 6 *га,* и в северной части городища (в трех местах), причем в раскопе 6 эти наслоения прикрыты более поздней, но также почтенного возраста городской стеной II в. или даже конца III в. до н. э. Итак, пока не ясно, была ли застроена вся площадь городища в древнейший период, который можно назвать древнесогдийским, или же отдельные участки, но и они, как выясняется, достаточно внушительны по площади и все известное о них подтверждает уже давно принятую в науке идентификацию Самарканд — Мараканда.

Однако сотрудник нашей экспедиции М. Пачос, которому было поручено исследование стен городища, высказывает со-

---

[60] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 156.
[61] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. ., стр. 5—6.

мнение в правильности этой идентификации[62], но при этом он пренебрегает многими данными, характеризующими древнейшие и древние периоды истории города. В частности он утверждает, что древнейшие «находки» выявлены лишь на небольших участках, да и то в «смешанных» слоях, тогда как выше мы уже отметили стерильные наслоения древнесогдийского времени на двух крупных участках городища. Их площадь довольно значительна и в целом равна крупному городищу. Хотя на протяжении 1700 лет более поздние жители разрушили древний город, но оставшихся признаков вполне достаточно, чтобы не сомневаться в названии исследуемого нами города, которое древними греками произносились как Мараканда. Действительно, отмечает М. Пачос, в долине Зарафшана много городов [63], но такого по размерам города, как тот, развалинами которого является Афрасиаб, не было. Не было такого города и в долине Кашкадарьи. А размеры городов — важный признак, в данном случае решающий, потому что древние авторы отмечали город как наиболее крупный в Согде.

Получены некоторые материалы, характеризующие следующий период в истории города — III—I вв. до н. э., который можно назвать согдийско-эллинистическим. Впервые на городище Афрасиаб открыты[64] крепостные стены этого времени — упомянутый выше отрезок стены длиной 60 *м* в раскопе 6. Собраны и значительные комплексы керамики, причем не только около древней крепостной стены в северной части городища, но и в его южной части, возле мавзолеев Шахи-Зинда (раскопки Н. Б. Немцевой), в западной (раскопки Г. В. Шишкиной) и восточной (стратиграфический шурф М. Н. Федорова). Следовательно, можно сделать вывод, что в III—I вв. до н. э. Афрасиаб сплошь или почти сплошь был заселен. Правда, отложения этого времени во многих местах не обнаружены, особенно в юго-западной части городища, но отдельные находки этого времени были и там; не исключено, что наиболее ранние наслоения здесь не сохранились. Наличие мощной крепостной стены, а также высокое качество керамиче-

---

[62] М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаб, СА, 1967, № 1, стр. 71.

[63] М. К. Пачос. К изучению . . , стр. 73.

[64] В указанной статье М. Пачоса эта стена даже не упоминается.

ских изделий дают основание думать, что вскоре после разрушения Мараканды Александром Македонским[65], город был восстановлен и в течение примерно трех столетий переживал период подъема.

Для изучения топографии древнего города существенно наблюдение А. И. Тереножкина о том, что к западу от цитадели в рельефе выделяется возвышенное «плато» с прилегающей к нему с запада ложбиной, общей площадью 9 *га*. Эту часть городища он определил как «первое укрепление»[66] в отличие от В. Л. Вяткина, который в первое (древнейшее) укрепление включал также и цитадель. В этой связи весьма существенен факт отсутствия древних культурных наслоений в лощине между цитаделью и «плато», установленный в раскопках 3 и 20. Можно предположить, что и здесь древние культурные наслоения разрушены, но уж слишком глубоко залегают средневековые наслоения. Вероятно, в древности цитадель и «плато» были отдельными частями города и лишь в раннем средневековье они были объединены одной общей стеной. Раскопки М. Пачоса на краях цитадели не выявили древних наслоений, однако о ее древности может свидетельствовать кладка из крупного квадратного кирпича, обнаруженная М. И. Филанович в одной из подбоин-пещер.

Однако цитадель и расположенное к западу от него «плато» не составляли всего города: к югу от них на обширной площади городища, как уже указывалось, обнаружены наслоения III—I вв. до н. э. Видимо, вся территория Афрасиаба уже в то время была окружена стеной[67]. Но этому выводу противоречат результаты исследований М. Пачоса: по его данным, внешняя городская стена построена лишь в VIII—первой половине IX в.[68] Однако эта стена относится к эпохе средневековья и могла быть построена на месте разрушенных древних стен. Приведем две записи из дневника В. А. Шишкина. Первая — от 8 июня 1964 г.: «Из-за болезни Пачоса остались невыполненными некоторые проверки, кото-

---

[65] Страбон. География, кн. XI, 4.

[66] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. Опыт археологической периодизации, Л., 1948, стр. 18—19. Площадь первого укрепления А. И. Тереножкин несколько преуменьшил, определив ее в 7 *га*.

[67] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, стр. 158.

[68] М. К. Пачос. К изучению.., стр. 69.

рые я планировал провести для исследования гипотетического древнего вала вокруг холма Афрасиаб. До этих проверок, во всяком случае, нельзя с полной уверенностью говорить, что укрепления Афрасиаба возникли только около IX века, как это выясняется в результате раскопок Пачоса. Возможно, был и субстрат этой стены, относящийся к весьма отдаленному времени, пока невыясненный»[69].

Вторая запись — от 12 июня 1964 г.: «Утро. Афрасиаб. Продолжали расчистку песчаной прослойки у первого раскопа Пачоса. Ни в «материке» стены, ни на поверхности прослойки никакого археологического материала нет. «Материк» при ближайшем рассмотрении оказался не совсем однородным: местами плотная глина с растительными остатками, местами слой становится песчанистым и более мягким. Проследить какую-либо закономерность в этом не удалось»[70].

Наблюдения В. А. Шишкина показывают, что нельзя с полной уверенностью отвергать возможность существования древних стен по внешним очертаниям городища. Необходимы дальнейшие исследования.

Кушанские наслоения — I—III вв. н. э. — на городище Афрасиаб, видимо, представлены слабее наслоений предшествующего времени; например, их нет или почти нет в раскопе 9. Качество керамических изделий несколько ухудшилось: одни керамические формы изменили облик, другие — совсем исчезли. Совокупность признаков, характеризующих материальную культуру этого времени, не может подтвердить вывод М. Е. Массона о том, что именно это время было «эпохой наибольшего развития Самарканда» в древности[71]; пожалуй, в этот период город в своем развитии был отброшен назад по сравнению с согдийско-эллинистическим периодом.

Из памятников архитектуры, относящихся ко времени кушан, раскопками выявлены руины только одного довольно большого здания, построенного особняком; вскрыто оно в раскопе 6. Возможно, такие отдельно стоящие здания были характерным элементом планировки города времени кушан.

---

[69] В. А. Шишкин. Дневник, тетрадь 73, стр. 50—51.
[70] В. А. Шишкин. Дневник, стр. 72.
[71] М. Е. Массон. К периодизации . ., стр. 158.

В IV — начале V вв. качество керамики еще более ухудшается. Ее широкое распространение по территории городища показывает, что почти все оно было заселено.

Получены довольно значительные комплексы материалов, характеризующих уровень материальной культуры в период эфталитского государства и в последующее время — до VII в. ; раньше были известны лишь отдельные находки этого времени. Качество керамики значительно улучшается, изменяется и состав изделий. Однако по их форме можно проследить еще преемственность традиций. К концу этого периода возникают крепостные стены уже средневекового города, описанные В. Л. Вяткиным и исследованные сотрудниками нашей экспедиции. В истории города данный период увенчался созданием замечательного памятника культуры — дворца с росписью, исследование которого начато в 1965 г.[72]

В VIII—IX вв. облик материальной культуры претерпел существенные изменения. Видимо, это было время наибольших изменений как в сфере социальных отношений — феодализм переходил в свою зрелую стадию, так и этнических — с переходом к оседлости тюркских племен. В наших материалах этот период представлен относительно слабо.

Исследование верхних наслоений (IX—XIII вв.) занимало большое место в работах экспедиции. В какой-то мере воссоздан облик средневекового города с его жилыми и ремесленными кварталами, разработана периодизация афрасиабской керамики.

Итак, восстановлены существенные черты истории города на протяжении двух с половиной тысяч лет, получены значительные материалы, характеризующие древнюю культуру народов Средней Азии. Дальнейшее исследование замечательного памятника—городища Афрасиаб—обогатит науку многими важными открытиями.

---

[72] В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница древней культуры, стр. 12.

Н. Б. Немцева

СТРАТИГРАФИЯ ЮЖНОЙ ОКРАИНЫ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

Стратиграфия культурных напластований городища Афрасиаб, как показали археологические работы последних лет, чрезвычайно сложна Существование города на одном месте на большом протяжении времени (V—VI вв. до н. э.— 20-е г. XIII в.) послужило причиной нарушения последовательности слоев с материальными остатками, а местами их уничтожения еще в период обживания городища.

Особенно сложной оказалась стратиграфия южной окраины Афрасиаба, территории, где расположен архитектурный ансамбль Шахи-Зинда, из-за перемешанности наслоений издавна (со второй половины XI в.) функционирующим здесь кладбищем.

Изучение ее тем не менее важно и интересно, так как связано не только с общей историко-топографической проблемой древнего Самарканда, но и с вопросом появления и развития культа Шахи-Зинда у мнимой могилы Кусам ибн-Аббаса, возникновением архитектурного комплекса и историей его сложения. Археологические исследования по изучению древнего и средневекового Самарканда, проводимые на Афрасиабе с конца XIX в.[1], почти не касались его южной окраины, и особенно территории ансамбля Шахи-Зинда.

---

[1] В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. Статья помещена в настоящем сборнике.

Вскрытия, производившиеся на самом ансамбле с начала 20-х годов нашего столетия и позже, также были весьма ограничены и разрешения вопросов стратиграфии не преследовали. Незначительные раскопки, как правило, не были привязаны к материковому слою.

Первые стратиграфические наблюдения в непосредственной близи от ансамбля были сделаны в 1947 г. А. И. Тереножкиным. Примерно в 30 *м* на восток от мавзолея Туглу-текин был заложен шурф, материал нижнего горизонта которого позволил говорить об обживании этой части городища уже в V—IV вв. до н. э.[2] Однако полная стратиграфия данной территории по-прежнему оставалась неизученной.

Впервые специальные исследования по выявлению последовательности культурных наслоений здесь были проведены в 1959 г. в связи с комплексным археолого-архитектурным изучением ансамбля Шахи-Зинда[3].

Уже первые находки указали на сомнительность утвердившейся среди исследователей гипотезы о времени возникновения кладбища и культа Шахи-Зинда у мнимой могилы Кусам ибн-Аббаса на Афрасиабе, относимых к раннему средневековью[4]. В частности, при раскопках мавзолея «Безымянный № 2» был заложен стратиграфический шурф, который показал, что фундаменты одного из ранних сооружений некрополя конца XI — начала XII в.[5] подстилают культурные слои периода обживания этой территории в X—XI вв., на чем мы подробно остановимся ниже.

В дальнейшем все археологические работы, проводимые нами с 1959 по 1965 гг. и связанные с непосредственным исследованием сооружений ансамбля, велись параллельно с изучением стратиграфии наслоений.

Было заложено 15 (из общего числа 34) стратиграфических шурфов, доведенных до материка, в разных пунктах ан-

---

[2] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 14.

[3] Работы проводились Управлением по охране памятников материальной культуры Министерства культуры УзССР. Археологические вскрытия велись под наблюдением автора этой статьи.

[4] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, ГИХЛ УзССР, 1958, стр. 108.

[5] Н. Б. Немцева. Раскопки на территории мавзолея «Безымянный № 2» в комплексе Шахи-Зинда, ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 156.

самбля и на территории, прилежащей к нему, а также семь небольших раскопов. В результате удалось зафиксировать культурные наслоения и составить относительно полную стратиграфическую колонку, охватывающую период с V—IV в. до н. э. до монгольского нашествия (20-е годы XIII в.).

Наиболее древние материалы, относящиеся к V—IV вв. до н. э., были получены в шурфе № 8 (16 *м* × 1,2 × 7,5 *м*), заложенном в 1963 г. на восточном склоне холма близ крепостной стены городища, примерно в 130 *м* по прямой, на запад от «средней группы» мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда (рис. 1).

Общая мощность культурного слоя здесь оказалась равной 7 *м*. Два с половиной верхних метра представляли собой слой, переотложенный кладбищем, включающий перемешанную бытовую керамику — от раннесредневековой до посуды конца XII — начала XIII в. В основании этого горизонта были обнаружены остатки гончарной печи XII — начала XIII в. и засыпанный углем и золой уровень двора этого же времени (рис. 2, ярус I—V).

Следующий горизонт мощностью 3,5 *м* содержал довольно значительные архитектурные остатки здания раннесредневекового периода, в нижней части которого прослежен двухметровый глинобитный стилобат, заключающий неполивную керамику, в том числе тонкостенную с красным лощением, относящуюся к первым векам нашей эры. На площади шурфа было 5 бадрабов X—XI и XII—XIII вв., прорезавших культурные наслоения примерно с уровня расположения гончарной печи.

Интересующий нас в данном случае слой, содержавший наиболее древние материалы, был обнаружен в самом нижнем культурном горизонте под стилобатом раннесредневекового здания, ниже которого шел материк. Слой прослежен на площади 5, 5 *м*², мощность его от 70 до 90 *см*. Он отличался значительно большей плотностью, чем вышележащие слои, желтоватым оттенком лесса со следами органического перегноя и горелой глины в виде зеленовато-серых и красных пятен.

Керамика слоя представлена комплексом цилиндроконических форм с подкошенным дном, хорошо известных в Сред-

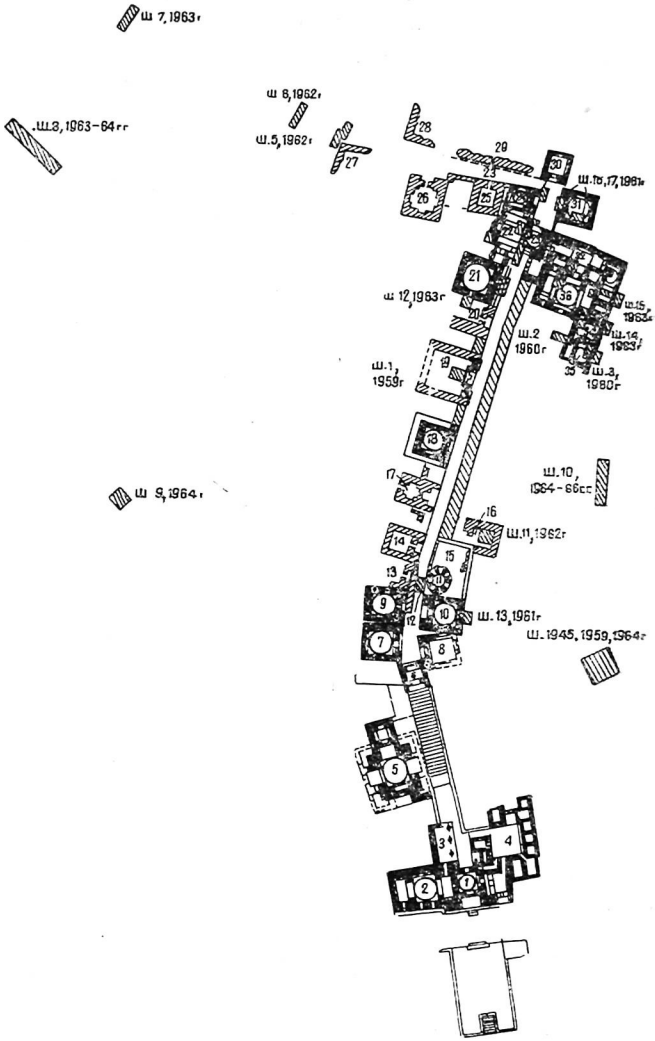

Рис. 1. Схема расположения шурфов на южной окраине городища Афрасиаб близ ансамбля Шахи-Зинда.

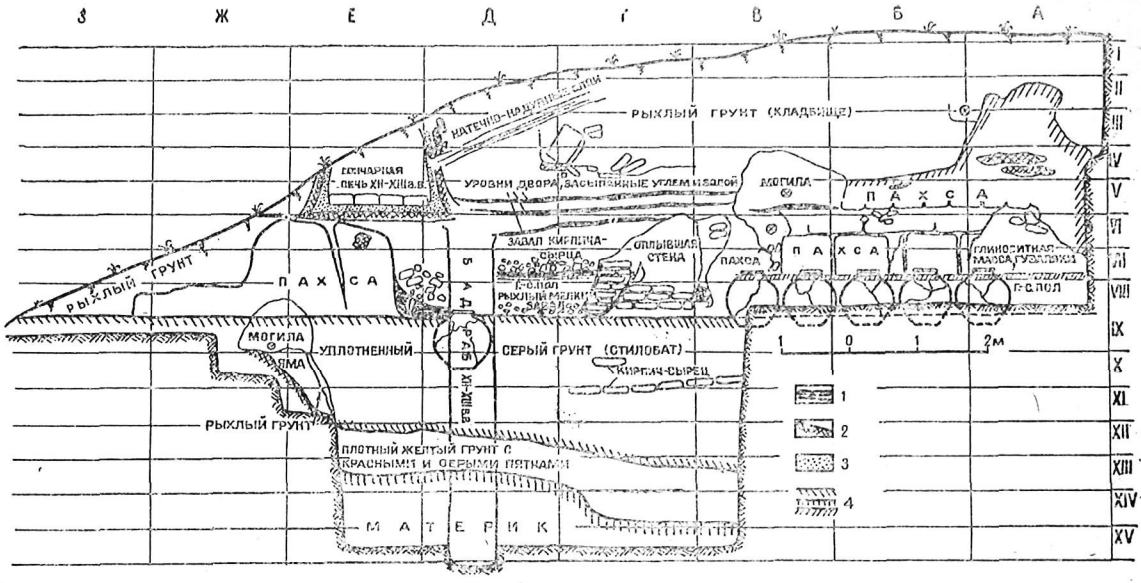

Рис. 2. Разрез южной стороны шурфа № 8:

1—зольно-угольные линзы; *2*—прокаленная (красная) глиняная обмазка печи; *3*—прокаленная до белого цвета обмазка, местами ошлакованная; *4*—условные знаки, отделяющие культурные слои.

ней Азии по ряду пунктов (Афрасиаб I[6], Яз-депа II—III[7], Гяур-кала[8], Анау IV[9], Кабадиян I[10], Халчаян[11], Кюзели-Гыр[12]).

Наиболее характерны фрагменты стенок с подкосом и манжетовидные уплощенные венчики хумов (рис. 3, *3, 5, 6, 9*). Небольшой фрагмент плоского донца (рис. 3, *7*) позволяет восстановить известный для этого времени кубок цилиндрической формы с зауженной средней частью корпуса, прямым заостренным венчиком и в разной степени расширенным относительно дна устьем.

Подобные кубки найдены в слоях АфрасиабI[13], Яз-депа II и III[14], на городище Кюзели-Гыр[15].

Интересен фрагмент плоской (толщина 3 *см*) крышки хума ручной лепки. На наружной поверхности крышки сохранилась часть процарапанной до обжига тамги (рис. 3, *2*).

Форма крышки весьма архаична и находит аналогии с плоскими крышками из слоя Яз-I (IX—VII вв. до н. э.)[16]. Переживание таких крышек отмечается и для Яз-II (VII—VI вв. до н. э.)[17]. Крышки же из Яз-III и Кюзели-Гыр, синхронные найденным на Афрасиаб I, имеют совершенно иную, коничес-

---

[6] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 155.

[7] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 39—41.

[8] Б. В. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве, Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, Изд-во ТуркмССР, 1945, стр. 34—51.

[9] R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, vol. I, Washington, 1908, p. 180.

[10] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кабадиан), МИА, 37, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 279—282.

[11] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, Ташкент, Изд-во «Фан», 1966, стр. 32—33.

[12] М. Г. Воробьева. Керамика с городища Кюзели-Гыр, Труды ХЭ, т. II, М., 1958, стр. 331.

[13] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, II, *5*.

[14] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. XII, *7*, табл. XXXVII, *1*.

[15] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, Труды ХАЭЭ, т. IV, М., Изд-во АН СССР, 1959, рис. 4, 9, 10.

[16] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. XXVII, 4 8, 9, 10.

[17] Там же, табл. X, *10*.

кую форму. Думается, однако, что идентичность найденной нами и крышек из Яз-I свидетельствует лишь об устойчивости

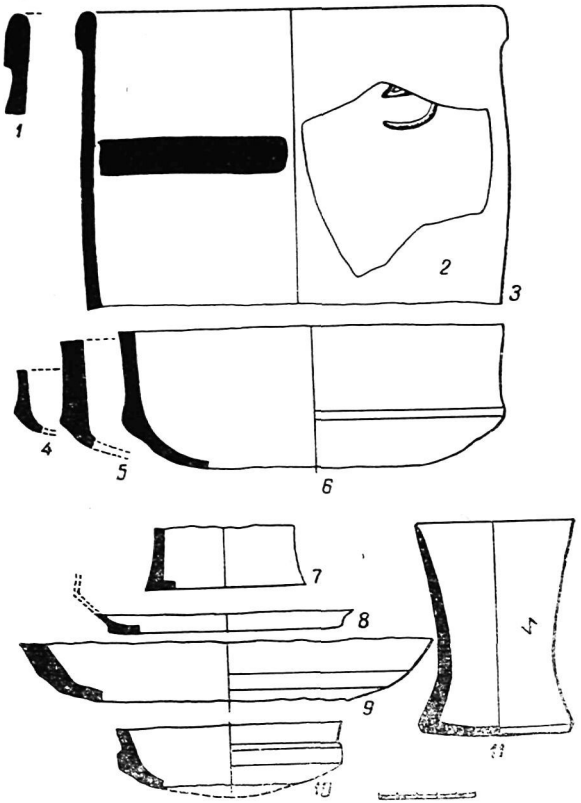

Рис. 3. Керамика V—IV вв. до н. э. из разных мест.

этой древней формы, но не о ее более глубокой датировке, чего не позволяет сделать весь комплекс керамики из шурфа, не выходящий за пределы V—IV вв. до н. э.

Кроме описанной керамики, в слое были найдены трубчатые кости животных, керамические шлаки, фрагменты стенок закопченного котла ручной лепки с большой примесью дробленого чупанатинского сланца, глиняное необожженное грузило со сквозной дыркой для подвешивания, бесформенный кусок глиняной массы с саманом (30 × 20 *см*), обожженный до состояния рыхлого красного теста.

Характерные для Афрасиаб I керамические формы были зарегистрированы и в других местах городища близ ансамбля Шахи-Зинда. На территории действующего европейского кладбища, в 200—250 *м* восточнее ансамбля, в обрезе культурного слоя под последней крепостной стеной Афрасиаба четко выделен зольно-угольной прослойкой уровень какой-то древней поверхности (видимо, двора), прослеженной более чем на 10 *м*. На этом уровне найдено значительное число фрагментов керамики V — IV вв. до н. э. (рис. *3, 1, 4, 8, 10*), в том числе археологически целый кубок с характерной вогнутой средней частью корпуса, прямым заостренным венчиком и чуть сферическим дном (рис. 3, *11*). Диаметр устья и дна кубка 15,5 *см*, высота 20,5 *см*, тесто красное, снаружи светло-кремовый ангоб.

Наиболее близкими ансамблю Шахи-Зинда пунктами обнаружения материалов времени Афрасиаб I являются упомянутый выше шурф, заложенный А. И. Тереножкиным в 30 *м* на восток от мавзолея Туглу-текин[18], и шурф № 10, заложенный нами в 36 *м* северо-восточнее мавзолея «Восьмигранник» в 1964—1966 гг. (рис. 1).

Наибольшее количество керамика V—IV вв. до н. э. было получено в основании шурфа № 10. В стратиграфическом отношении этот шурф очень интересен и показателен для городища Афрасиаб, и в частности для территории расположения ансамбля Шахи-Зинда. Если нижние, предматериковые слои (6—7,30 *м* от дневной поверхности) дали указанную выше керамику времени Афрасиаб I, то вышележащие переотложенные кладбищем наслоения мощностью 4,5 *м* содержали поливную керамику IX—XI вв., наибольшая концентрация которой приходилась на VIII—IX ярусы. Слой X—XII ярусов содержал очень мало каких-либо включений и, наконец XIII—

---

[18] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, стр. 128.

XIV ярусы — материалы только V—IV вв. до н. э., ниже чего шел материк.

Отсутствие хронологически последовательных культурных наслоений очень характерно для района ансамбля Шахи-Зинда, причем если верхние горизонты утратили эту последовательность в результате функционирования кладбища, то нижние наслоения местами, видимо, были уничтожены еще в древнее время, в период обживания городища.

Интересующий нас в данном случае самый нижний культурный слой представлял собой чрезвычайно плотный слежавшийся грунт, насыщенный золой, углем, костями животных, гумусными включениями и большим количеством посуды V—IV вв. до н. э. Слой залегал наклонным пластом с запада на восток и являлся, видимо, свалкой мусора.

Комплекс керамики из слоя замечателен тем, что не перемешан и дает большое разнообразие форм, впервые в таком количестве полученных на городище Афрасиаб вообще.

Посуда представлена большими и малыми цилиндрическими формами (он небольших кружек до хумча) с характерным коленчатым изломом в придонной части (рис. 4, *45—65)*.

Большая часть сосудов светлоангобирована, тесто хорошо промешано, доведено до красного обжига. Сосуды типа хумча и горшков с валикообразными утолщенными венчиками (рис. *4, 19—28)*. Крупным сосудам (хумы, хумча) принадлежат венчики манжетовидного и подтреугольного профиля (рис. 4, *1—16)*.

В слое найдено также значительное число крупных и мелких кубков с плоским дном и слегка зауженным в средней части корпусом, диаметром от 7 до 16 *см* (рис. *4, 29, 31—36*). Этим кубкам принадлежат прямые заостренные венчики, найденные здесь же.

В комплексе представлены и открытые миски, или тагора с прямым слегка утолщенным венчиком, диаметром от 18 до 40 *см* (рис. 4, *37—44)*. Судя по профилировке венчиков, отдельные сосуды этой группы (рис. 4, *38—40, 42)* послужили прототипом для более поздних мисок (III—II вв. до н. э.) с клювовидным нависающим венчиком. В слое найдены также прямые венчики котлов ручной лепки с большим количеством сланца в тесте и жаровни с низким толстым бортиком.

Таким образом, в результате заложения стратиграфических шурфов на территории городища в районе расположения

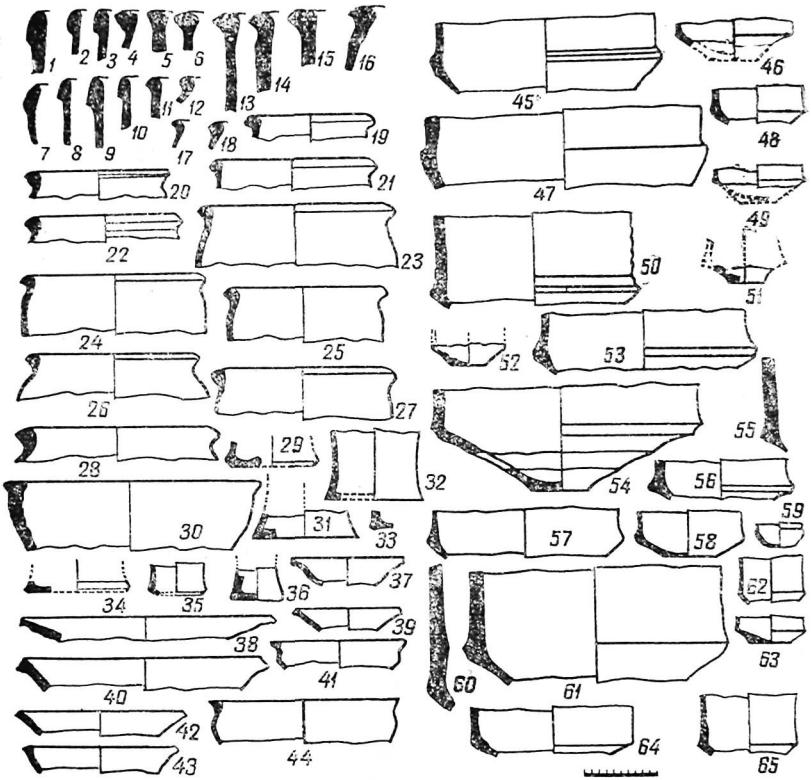

Рис. 4. Керамика V—IV вв. до н. э. из нижнего слоя шурфа № 10.

ансамбля Шахи-Зинда было зафиксировано 5 пунктов с бытовой керамикой V—IV вв. до н. э. в нижних слоях.

Отдельные фрагменты посуды этого периода были найдены в подъемном материале на территории кладбища, а также в наслоениях верхних горизонтов.

Все эти находки свидетельствуют об обживании южной части городища в этот период, причем крайние границы обследованных нами участков городища с запада на восток и

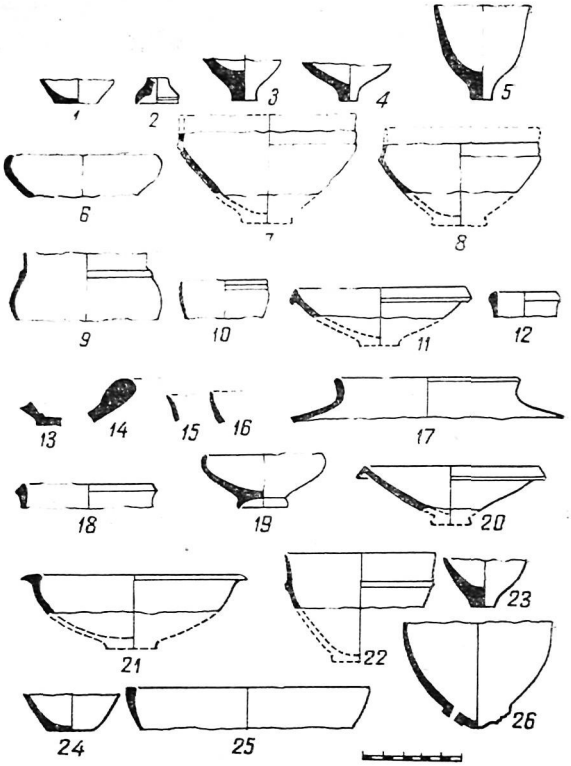

Рис. 5. Керамика первых веков до нашей эры.

юг протянулись на довольно значительное расстояние — 350—400 *м*.

Следы обживания территории юго-западного склона городища в следующий (III—I вв. до н. э.) хронологический промежуток времени обнаружены в трех шурфах западнее ансамбля Шахи-Зинда. Наиболее существенные находки были сделаны в шурфе №8.

Как уже говорилось, уровень пятого и шестого метров шурфа приходится на платформу-стилобат под раннесредне-

вековое здание, представляющее сплошную уплотненную глинобитную массу серого цвета (с большим содержанием золы и угля) с равным верхним горизонтом по всей площади шурфа (16 $м^2$), выше которой шли остатки стен и завалы самого здания.

Нижнюю, неровную границу платформы подстилает описанный слой с материалом V—IV вв. до н. э. В платформу при замесе глины попало некоторое количество сильно фрагментированной разновременной керамики (не позже V—VI в. н. э.), из которой выделяется комплекс тонкостенной с красным ангобом или лощением. К наиболее ранним формам относятся фрагменты трех красноангобированных кубков (рис. 5, *2—4*) и одного с двухсторонним темно-коричневым плотным ангобом (рис. 5, *5*). Кубки имели широкий корпус и устойчивую ножку со слабо профилированным поддоном. Это наиболее ранняя форма такого типа сосудов, которая, по мнению С. К. Кабанова, относится к III—II вв. до н. э.[19] Другой характерной для первых веков до нашей эры формой керамики, найденной в стилобате, генетически связанной с цилиндрическими сосудами более раннего времени, являются фрагменты тонкостенных чаш с коленчатым перегибом корпуса, на широкой ножке или поддоне (рис. 5, *7, 8*). Чаши были покрыты плотным красным ангобом. Диаметр их устья 15—17 *см*.

Подобные чаши в комплексе с кубками найдены во многих пунктах Средней Азии. Для Афраснаба, в частности, они известны по публикациям А. И. Тереножкина[20] и С. К. Кабанова, который считает их синхронными ранней форме кубков[21]. Очень близки нашим сосудам чаши из Китаба и Тулхарского могильника, которые соответственно датируются II в. до н. э.[22] и II—I вв. до н. э.[23] Как показали работы археологи-

---

[19] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, СА, 1964, 3, стр. 8.

[20] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, IV.

[21] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция . . , стр. 81 — 82.

[22] С. К. Кабанов. Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дарьи. Труды Института истории и археологии, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 108, рис. 23 *б*.

[23] А. М. Мандельштам. Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. VI, Душанбе, 1961, стр. 2, рис. 3; Он же. Кочевники на пути в Индию, МИА, № 136, М. — Л, 1966, стр. 156—157.

ческой экспедиции последних лет на западе городища[24], эта последняя дата (II—I вв. до н. э.) более всего, видимо, соответствует времени бытования наиболее ранних кубков и чаш с Афрасиаба.

Третья характерная форма раннего комплекса керамики из платформы представлена фрагментами небольших светлоангобированных мисочек диаметром 15—17 *см*. В шурфе №8 найдены миски двух вариантов: со слегка вогнутым внутрь венчиком (рис. 5, *6*) и с резко под углом отогнутым клювовидным венчиком (рис. 5, *11*). Поддон таких мисок, судя по более целым формам из других мест, кольцевой или невысокий, дисковидный. Миски, найденные на Афрасиабе в 1945—1947 гг., датируются IV—II вв. до н. э.[25]

Аналогичные нашему второму варианту миски с отогнутым наружу венчиком найдены в Туркмении на городищах Гяур-кала и Эрк-кала, которые по комплексу материалов датируются II в. до н. э.— I в. н. э. (Гяур-кала)[26] и II в. до н. э. (Эрк-кала)[27]. Глубокие чаши на кольцевой ножке из Мерва с близким по форме венчиком датированы Л. М. Рутковской III—II в. до н. э.[28], что более всего соответствует и нашей датировке, судя по другим комплексам с Афрасиаба.

В стилобате найден также небольшой фрагмент плечика красноангобированного кувшина с небольшим валиком в месте перехода горла в тулово и процарапанным линейным орнаментом в наиболее его выпуклой части (рис. 5, *9*). Аналогичные кувшины с Афрасиаба А. И. Тереножкин датирует IV—II в. до н. э.[29]

Остальная керамика фрагментарна и маловыразительна, чтобы судить о форме сосудов, однако ее технологические признаки (плотный красный ангоб, иногда полосчатое лощение,

---

[24] Работы Г. В. Шишкиной на раскопке 9.

[25] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, III, *3*; IV, *9—10*; V, *9—10*.

[26] З. И. Усманова. Раскопки мастерской ремесленника Парфянского времени на городище Гяур-кала, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1963, стр. 191, рис. 20 (*8, 15, 35*); рис. 24 (*37, 47*).

[27] Знакомству с неопубликованными таблицами датировкой керамики с Эрк-калы мы обязаны любезности З. И. Усмановой, за что приносим искреннюю благодарность.

[28] Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, Изд-во ТуркмССР, 1962, стр. 47, рис. 2 (*1—3*).

[29] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, IV; *4*.

фрагмент сероглиняной керамики с лощением) свидетельствуют о том, что она относится ко времени не позже рубежа нашей эры.

Вторым пунктом обнаружения тонкостенной керамики первых веков до нашей эры с лощением и красным ангобом является шурф № 7 (дл. 5, 75, шир. 1, 5 *м*, гл. 3,5 *м*), заложенный в 1963 г. на дороге, ведущей от ансамбля Шахи-Зинда к мечети Хазрат-Хызр (150 *м* от мавзолея Туман-ака). Шурф вскрывался для определения направления русла и размеров одного из арыков, снабжавшего водой эту часть древнего Самарканда, следы которого в 1962 г. были обнаружены двумя другими шурфами (№ 5 и 6) на этой же дороге, западнее мавзолея Туман-ака.

Шурф № 7 оказался наиболее сложным и интересным в стратиграфическом отношении. Вытянутый почти на 6 *м*, шурф поперек разрезал правую сторону водного канала[30], который функционировал на протяжении долгого времени, ремонтировался, укреплялся, менял свои размеры и глубину. Если в южной половине шурфа (рис. 6, кв. Б, частично В) наблюдались три разновременных береговых склона канала, существовавшего с глубокой древности, судя по скоплению керамики в русле, то вся северная сторона шурфа (кв. В, Г) пришлась на специально вырытую в канале яму самого позднего периода его функционирования. В результате наиболее ранняя керамика (III—I вв. до н. э.) по уровню залегания в шурфе оказалась выше самой поздней керамики (XII—XIII вв.).

Первоначально канал был вырыт в материке с крутым (45—60°) южным склоном, который затем троекратно капитально укреплялся. Поверхность склона канала каждого периода хорошо читается в разрезе шурфа (кв. Б, половина В) и характеризуется наклонной слоистостью мелкого осадочного грунта, известной по многим сухим руслам магистральных каналов и мелким арыкам, исследованным в Хорезме[31].

Внутри плотных укреплений берега, толщина которых у верхней части склона канала достигала 0,5—1 *м*, обнаружены скопления керамики, оказавшейся здесь, видимо, в результа-

---

[30] Левая (северная) сторона канала оказалась за пределами границы шурфа.

[31] Низовья Аму-Дарьи. Сарыкамыш. Узбой. История формирования и заселения, Материалы ХЭ, вып. 3, М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 120.

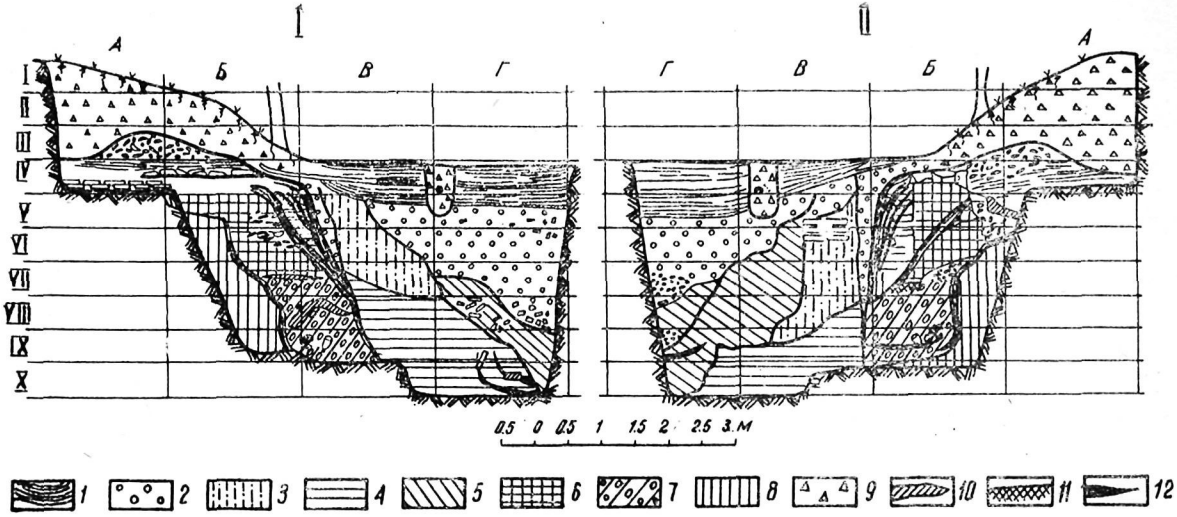

Рис. 6. Развертка стен шурфа № 7. I—западная, II—восточная сторона шурфа.

1—утрамбованный слоистый грунт дороги; *2*—рыхлый грунт с редким строительным мусором; *3*—плотный лесс, щели вертикального направления; *4*—средней плотности грунт, отбросы керамических печей конца XII—начала XIII в.; *4*—средней плотности грунт, строительный мусор, керамика конца XII в.; *6*—очень плотный грунт с керамикой VI—VIII вв. (укрепление бокового склона канала); *7*—плотный грунт, керамика первых веков до нашей эры и IV—V вв. н. э.; *8*—материк; *9*—рыхлый грунт, кладбище; *10*—обгоревший лесс; *11*—зеленовато-серые линзы; *12*—зольно-угольные линзы.

те чистки дна канала и укрепления его боковых поверхностей осевшим илом с керамическим боем.

Такой способ ремонта канала вызывал постепенное смещение его русла на север, уменьшение ширины, но в условиях сильно пересеченного рельефа городища в этой части — единственно возможный. Во всяком случае на южном берегу организация обычных в таких случаях валов мусора от чистки арыков исключалась, судя по микрорельефу местности, крутым подъемам бугра и отсутствию необходимой площадки.

Такова общая схема стратиграфии шурфа; каждого хронологического периода в отдельности мы коснемся в соответствующем разделе статьи.

В 2,5—3 *м* от дневной поверхности в южной половине шурфа на дне канала, вырытого в материке, найдена красноангобированная лощеная керамика, в том числе фрагменты кубка на ножке, чаша и две миски (рис. 5, *19—23*), аналогичные описанным выше формам из шурфа № 8 и датированные III—I вв. до н. э.

Очень необычен круглодонный сосуд яйцевидной формы со следами двух отростков (сосочков) в основании со сквозными отверстиями. Диаметр сохранившейся части корпуса равен 15 *см*, толщина стенок —0,5—0,7 *см*, наружная поверхность сосуда покрыта полосчатым вертикальным лощением по красному ангобу (рис. 5, *26*). Сосуд мог только подвешиваться, так как следов третьего сосочка нет.

Наиболее близкий по форме сосуд с двумя сосочками со сквозными отверстиями из Старого Чарджоу относится к III—IV вв. н. э.[32] Однако типологические признаки описанного сосуда из шурфа № 7 и условия его залегания в комплексе с керамикой первых веков до нашей эры позволяют датировать его этим же временем.

Скопление посуды примерно одного времени в русле первоначального канала, вырытого в материковом лессе, по всей видимости, исключает ее случайное попадание туда (намыв из культурного слоя), а свидетельствует об оседании в период функционирования. Сам факт скопления керамики, видимо, нужно рассматривать как признак некоторой запущенности ирригационной системы, связанной с нарушением нормального ритма жизни города.

---

[32] М. Е. Массон. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр, Труды ЮТАКЭ, т. XIII, Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1966, стр. 147, рис. 44.

Существование ирригационного канала уже с глубокой древности подтверждается в какой-то мере и данными двух других упомянутых шурфов (№ 5 и 6), заложенных в 1962 г. на той же дороге для определения стратиграфии. Оба шурфа, начиная с уровня 2,4—2,8 *м* и выше от поверхности земли, выявили прекрасно читаемое в разрезе ложе с иловым наносом и песком в несколько уровней, усыпанных керамикой.

Среди посуды самого нижнего, т. е. первоначального русла, вырытого в материке, относящейся преимущественно к раннему средневековью, в шурфе 5 найдено два венчика хумов загнутой внутрь формы с горизонтальной площадкой. Такие венчики хумов довольно распространены на городище Афрасиаб и по комплексу керамики отнесены А. И. Тереножкиным к IV—II вв. до н. э.[33] Работы последних лет на Афрасиабе, и в частности на юге городища, показали, что такие хумы отсутствуют в комплексе керамики V—IV вв. до н. э., это позволяет время бытования их ограничить пределами первых веков до нашей эры.

Несомненно, что все три шурфа, заложенные на разном расстоянии друг от друга, зарегистрировали ложе одного и того же канала. В этом убеждает и характер рельефа местности западнее ансамбля, не позволяющий предположить другого пути для русла, как место современной дороги от мечети Хазрат-Хызр к ансамблю Шахи-Зинда.

К сожалению, ни одним из трех шурфов не удалось определить точно ширину канала. Шурфами № 5 и 6 был разрезан северный или левый берег и ложе арыка, шурфом № 7— правый берег. Судя, однако, по размерам заложенных шурфов, первоначальная ширина его могла быть не менее 4 *м*, глубина около 1 *м*. Ирригационные каналы Хорезма последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры характеризуются большой шириной (не менее 7 *м*) и незначительной глубиной; лишь в первых веках нашей эры ирригационная система совершенствуется — от широких и мелких каналов переходит к более глубоким и узким с многочисленными разветвлениями и регулярной мелкой сетью[34].

---

[33] А. И. Тереножкин. *Согд и Чач, рис. IV, 7.*

[34] Б. В. Андрианов. Археолого-топографические исследования древней ирригационной сети канала Чермен-Яб. Труды X Э, М., 1958, стр. 314—320; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., ИВЛ, 1962, стр. 264.

По всей вероятности, этими же признаками отличались и искусственные каналы Согда.

Возможность существования ирригационной сети в Самарканде уже в кушанское время отмечалась А. И. Тереножкиным[35] и Я. Г. Гулямовым[36].

Изучая Афрасиаб, В. Л. Вяткин также останавливался на вопросе водоснабжения города. Не определяя во времени появление искусственных каналов на городище, он говорит о трех основных магистралях, по которым протекала вода, и сети многочисленных ответвлений[37]. Канал, обнаруженный на юге Афрасиаба, если не являлся магистральным, то, безусловно, был каким-то очень крупным ответвлением. Начинался он, судя по направлению дороги, где-то в районе мечети Хазрат-Хызр, т. е. от головного распределителя «Джуи-Арзиз».

Древнее русло канала с материалом III—II вв. до н. э. зафиксировано Г. В. Шишкиной на западе городища[38], а в центральной части городища магистральный канал примерно этого же времени специально раскапывался М. Н. Федоровым[39].

Все эти данные позволяют говорить о развитой ирригационной сети на городище уже в первые века до нашей эры.

Несколько последующих столетий в стратиграфической колонке, выявленной нами для южной окраины Афрасиаба, выпадает. Заложенными шурфами материалов, характерных для первых веков нашей эры, не зарегистрировано, что отнюдь еще не означает прекращения жизни здесь в этот период, а свидетельствует лишь о недостаточности проведенных раскопок.

---

[35] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, стр. 131.

[36] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 106.

[37] В. Л. Вяткин. Афрасиаб—городище былого Самарканда, Самарканд, 1926, стр. 13—14.

[38] Г. В. Шишкина. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. Статья помещена в настоящем сборнике.

[39] Автор работ датирует первое русло данного канала II — началом III в. н. э. (М. Н. Федоров. К истории водоснабжения домонгольского Самарканда, рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР, стр. 8).

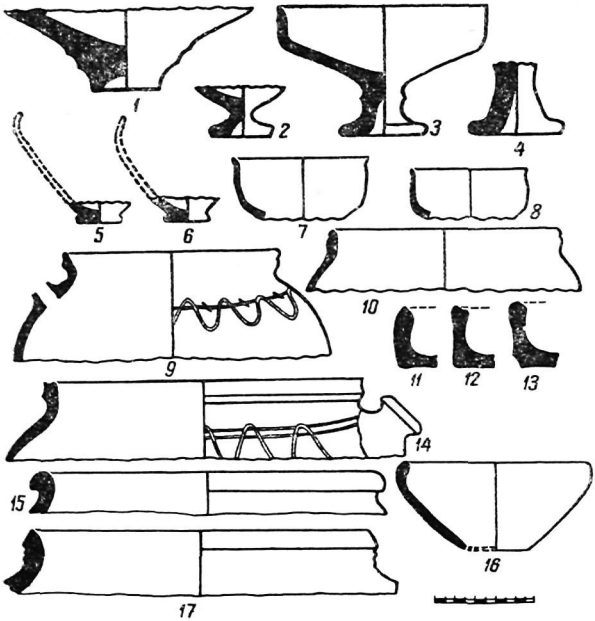

Рис. 7. Керамика IV—VII вв. н. э.

Период IV — начала V в. также представлен малым количеством форм и характеризуется в основном так называемыми вазообразными сосудами, причем найденными не в археологическом слое, а на дне канала (шурфы № 5, 6, 7) вместе с более поздней керамикой.

Несколько ваз обнаружено в южной половине шурфа №7 (рис. 6, кв. Б и В, слой 7) на глубине 2,5 *м* в уплотненном грунте между двумя боковыми склонами канала. Одна из ваз оказалась археологически целой, но и более фрагментированные черепки достаточно выразительны, чтобы судить о форме сосудов (рис. 7, *1—3*). Вазы имеют широкую верхнюю чашу (диаметр 20—21 *см*) с прямым венчиком и невысокую профилированную в средней части, полую внутри устойчивую ножку. Внутри и снаружи они покрыты плотным красным анго-

бом. Несколько иную форму вазы позволяют реконструировать сплошная ножка и фрагменты венчиков (рис. 7, *7, 8*) с отогнутым наружу краем. Те и другие вазы, представленные в материалах Талли-Барзу I и II[40], датированы А. И. Тереножкиным II в. до н. э.— I в. н. э.[41] Б. Я. Ставиский культуры Талли-Барзу I и II относит к концу II—III в. н. э.[42]

Найденные сосуды несколько напоминает ваза с городища Узбеконтепа, датированная Б. В. Зеймаль V--VI вв. н. э.[43], а также ваза из нижнего слоя Пянджикента, названная Б. И. Маршаком «кушанской чашей»[44].

Плотный, хорошего качества красный ангоб и на сосудах с Афрасиаба свидетельствует о не забытых еще традициях кушанского времени в обработке керамики.

В верхних и, как правило, в нижних слоях Пянджикента вазы отсутствуют.

Приведенные выше сравнения, а также последнее обстоятельство позволяют определить время бытования ваз на Афрасиабе: IV — первая половина V в. н. э.

Период раннего средневековья в южной части городища представлен большим количеством материальных остатков: керамикой, монетами, архитектурой, причем обнаруженными как в наслоениях, так и в подъемном материале.

Наиболее существенные данные получены в шурфе № 8 Как уже говорилось выше, 3,5 *м* среднего культурного горизонта этого шурфа (ярусы VI—XII) заняты остатками раннесредневекового здания (рис. 2).

Стены здания поставлены на специальную глинобитную платформу, характерную для архитектуры раннефеодальных кешков, высота которой на вскрытом участке достигала более двух метров и была прослежена по всей длине шурфа. Платформа характеризуется уплотненным серым грунтом с боль-

---

[40] Г. В. Григорьев. Городище Талли-Барзу, ТОВЭ, II, Л., Изд-во АН СССР, 1940, рис. 3*а*, *в*.

[41] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, VI, VII.

[42] Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Талли-Барзу, СА, 1967, 2, стр. 27.

[43] Б. В. Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине, Археологические работы в Таджикистане, вып. VI, Труды АН ТаджССР, т. XXVII, Душанбе, 1961, рис. 6, 9.

[44] Б. И. Маршак. Отчет в работах на объекте XII за 1955—1960 гг., МИА, 124, М.—Л., стр. 228, рис. 21, *1*.

шим содержанием золы и угля, а также наличием в ней разновременной сильно фрагментированной керамики, наиболее ранняя из которой была описана выше.

От верхних частей здания на высоту до двух метров сохранились оплывы пахсовых, глинобитных и кирпичных (сырец) стен. Толщина их из-за деформированности не определена. Одна из стен идет в направлении восток — запад с отклонением к северу на 25—30°.

На площади шурфа зафиксировано два помещения, частично расчищены их интерьеры. Помещение № 1 (рис. 2, кв. Е, Д, Г) с востока на запад имело протяженность около трех метров. Снаружи (с востока) оно ограничено оплывом пахсовой стены (кв. Е, Ж), изнутри (кв. Г) — стеной из сырцового кирпича размером 40 × 20 × 10 — 12 *см*. Судя по вкопанному в полы (первые полы — платформа) хуму и скоплению древесного угля у восточной стены, помещение имело хозяйственное назначение. Два уровня полов из тонких глино-саманных промазок с разницей в 50 *см* и ремонтная обкладка западной стены в 1,5 кирпича свидетельствуют о двух строительных периодах здания.

Помещение № 2 (кв. В, Б, В) было смежным с помещением № 1 и примыкало к нему с запада. Западная стена помещения № 2 внизу выложена из пахсовых блоков (80 × 50—60 *см*). Здесь также два уровня полов. В полы второго периода вдоль западной стены (35—40 *см* от нее) почти до венчика было вкопано 5 хумов с ганчевой обмазкой снаружи, что говорит о хозяйственном назначении и этого помещения.

Все венчики хумов разного профиля. Слегка вытянутая прямая шейка заканчивается округлым, заостренным и квадратным в сечении утолщением. Орнаментация сосудов состояла из цепочки косых мелких насечек на выпуклой части корпуса. В литературе уже отмечалось, что венчики хумов раннесредневекового времени даже внутри Согда имеют резкие локальные отличия, причем для хумов V—VI вв. характерны вертикальные венчики овального или прямоугольного сечения[45].

Хумы из шурфа 8 близки хумам из Пянджикента, которые А. М. Беленицкий сравнивает с хумами Талли-Барзу IV (V—

[45] В. И. Распопова. Гончарные изделия Чуйской долины, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, IV, М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 145, 158.

VI вв.) [46], а также хумам V—VI вв. из курганов бухарского оазиса[47]. Хумы, как говорилось, найдены в полах, так сказать in situ, что дает право датировать и постройку самого здания этим же временем, т. е. V—VI вв. Подтверждением той же даты служат фрагменты чашевидных кубков V—VI вв., найденные на уровне пола второго периода (рис. 7, *5, 6)*.

Один из них с двухсторонним темно-красным ангобом, другой с темно-коричневым на внутренней стороне. Эта весьма характерная форма известна как по Афрасиабу[48], так и по другим памятникам Согда (Талли-Борзу IV[49], Кулдор-тепа[50], усадьба близ Самарканда[51], нижний слой Пянджикента[52]) и во всех случаях датируется V—VI вв.

Время разрушения вскрытой шурфом № 8 постройки определяется керамикой из завалов здания, имеющей много общего с посудой верхнего слоя Пянджикента. В слое завала найдены хумы с венчиками подтреугольной формы (рис. 8. *1—3, 5)*, горшки с резко профилированным нависающим венчиком (рис. 8, *18, 19)*, датируемые VII—VIII вв.[53]

К этому же типу относятся светлоангобированные горшки с прямым или подтреугольным венчиком, иногда с процарапанным волнистым орнаментом или подтеками красно-коричневого ангоба по плечику; диаметр устья этих сосудов 20—25 *см* (рис. 8, *4, 6, 7*). По верхнему слою Пянджикента[54] хорошо известны также миски и кружка розоватого цвета, орнаментированная по округлому тулову каннелюрами (рис. 8, *17, 21)*.

---

[46] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента (1951—1953 гг.), МИА, 66, М. — Л., 1958, Изд-во АН СССР, рис. 21, стр. 127.

[47] О. В. Обельченко. Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса, ИМКУ, вып. 1, Ташкент, 1959, рис. 3, 4.

[48] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, IX, 1 и 2.

[49] Г. В. Григорьев. Городище Талли-Барзу, рис. 6, 9.

[50] Б. Я. Ставиский, М. Х. Урманова. Городище Кулдор-Тепе, СА, 1958, № 1, стр. 234.

[51] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 208.

[52] Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII, стр. 242.

[53] О. Г. Большаков. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III, МИА, 124, М.—Л., 1964, рис. 8; И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII—VIII вв.), рис. 1.

[54] И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пянджикента, рис. 17. и 21, *5*.

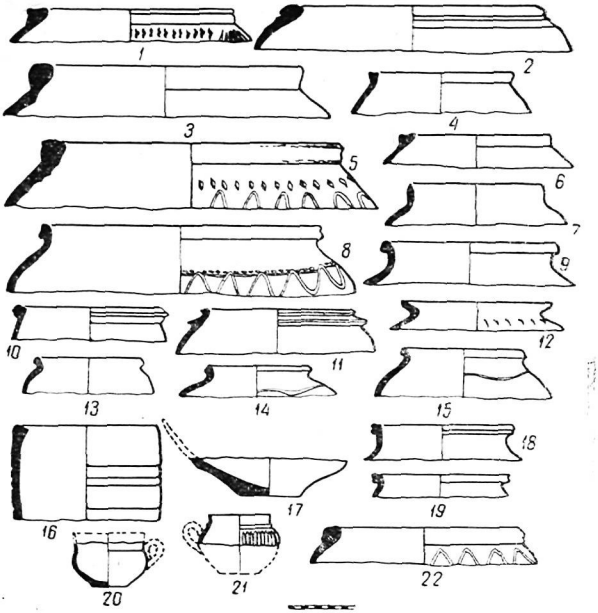

Рис. 8. Керамика VII—VIII вв. н. э.

Таким образом, весь комплекс керамики из завала может быть отнесен к VII—VIII вв.

Следы интенсивного обживания южной окраины городища в период раннего средневековья прослежены и в других пунктах западнее ансамбля Шахи-Зинда.

Тремя упомянутыми шурфами (№ 5, 6, 7), заложенными по дороге от ансамбля Шахи-Зинда к мечети Хазрат-Хызр, как уже говорилось, вскрыто русло ирригационного канала или арыка, снабжавшего город водой, судя по наиболее ранней керамике в русле, уже в первые века до нашей эры. Основная же масса керамики из канала, как показали шурфы № 5 и 6, относится к VII—VIII вв.

Шурф № 5 (4,5×1,30×2,60 *м*) был заложен в 46 *м* на запад от мавзолея Туман-ака. На уровне 0,90—2,60 *м* от дневной

поверхности был выявлен четкий левый (северный) берег и пологое русло канала, вырытого в материке. Ложе канала хорошо читалось по плотной корке илистых наносов с мелким песком и скоплению керамики, однако первоначальную ширину его не удалось определить, так как южная сторона оказалась размытой. Грунт в канале комковатый с зеленовато-серым оттенком органического перегноя.

На дне слоем от 15 до 30 *см* лежала битая толстостенная посуда, в том числе большое количество гончарных водопроводных труб (кубуров) диаметром до 25 *см* (рис. 8, *16*).

Основная масса керамики, кроме двух венчиков хумов III—II в до н. э. и ножки вазообразного сосуда IV—V вв., описанных выше, более позднего времени.

Комплекс керамики составляют фрагменты хумов с подтреугольным венчиком и волнообразным процарапанным орнаментом по плечику, горшки или хумча с венчиком того же профиля, кухонные котлы (рис. 8, *13—15*), жаровни (рис. 7, *11—13*), кружка с выпуклым туловом и прямым венчиком (рис. 8, *20*).

Все эти формы находят прямые аналоги с керамикой верхнего слоя Пянджикента[55] и датируются VII—VIII вв.

Вместе с керамикой в русле были найдены три медных согдийских монеты с квадратным отверстием посредине. Одна из них хорошо сохранилась и принадлежит ихшиду Вахшуману (650/655—696 гг.)[56].

Второе четкое русло канала этого же времени, суженное до 2 *м*, с керамикой описанных типов прослежено в том же шурфе на уровне чуть (15—20 *см*) выше первоначального. Значительно обмелев, это русло существовало вплоть до монгольского нашествия.

Мелкое (30—40 *см*) пологое дно, затянутое наклонно слоистым грунтом, с незначительным числом фрагментов поливной керамики X—XII вв., в том числе фрагмент голубой кашиновой чаши, прослежено на уровне 1 *м* от дневной поверхности; выше слоем в 50—60 *см* шел горизонтально-слоистый грунт существующей и теперь дороги.

---

[55] И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пянджикента, рис. 1 (*30*), 10, 21 (*7—8*); 23, 25 (*4, 9*).

[56] Определение сделано по таблице О. И. Смирновой. (О. И. Смирнова. Монеты древнего Пянджикента, МИА, 66, М., 1958, стр. 219).

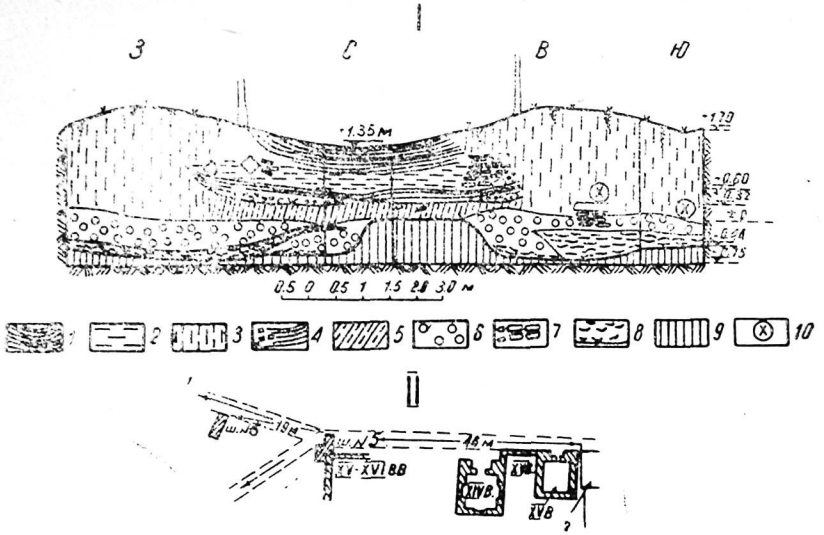

Рис. 9. Развертка стен шурфа № 6.

I

1—слоистый грунт дорога); *2*—натечно-надувной слоистый грунт; *3*—рыхлый грунт с редким строительным мусором, керамикой X—XII вв.; *4*—мелкий строительный мусор в русле канала (X—XII вв.); *5*—плотный серый грунт с редкими фрагментами жженого кирпича; *6*—иловый грунт водоема; *7*—кладка могильных ям; *8*—скопление керамики на дне водоема; *9*—материк; *10*—могила.

II

План-схема расположения шурфов: *1*—дорога к мечети Хазрет-Хызр; *2*—мавзолей Туман-ака.

Для получения более убедительных данных о размерах канала, его направлении, времени функционирования выше по дороге в 19 *м* от первого был заложен шурф № 6, размером 4,35×1,20×2,45 *м*.

В результате на глубине 2 *м* от дневной поверхности было вскрыто русло того же канала (рис. 9).

Здесь, как и в шурфе № 5, прослежен левый берег и первоначальное ложе канала, вырытого в материке, со всеми описанными выше признаками. Правый берег оказался также за пределами шурфа.

Скопление ила, мелкого песка, битой керамики и в этом случае фиксируют два уровня. Первое ложе на материке,

второе — смещено к югу на 1—1,20 *м*. Весь комплекс керамики со дна идентичен материалам из шурфа № 5, поэтому на описании его мы не останавливаемся.

Русло канала средневекового периода, значительно менее четко выраженное, чем в шурфе № 5, наблюдалось на уровне 1—1, 10 *м* от поверхности дороги. Ложе его, глубиной 30—40 *см*, затянуто наклонно-слоистым грунтом с поливной керамикой X—XII вв.

Выше, как и в шурфе № 5, прослежен горизонтально-слоистый уплотненный грунт дороги, которая появилась здесь, видимо, вскоре после разрушения монголами головного водного распределителя «Джуи-Арзиз» и прекращения функционирования арыка.

Дорога эта через Кешские ворота связывала город с действующей мусульманской святыней — ансамблем Шахи-Зинда.

Третий шурф (№ 7), связанный с изучением канала, был заложен по той же дороге в 150 *м* от мавзолея Туман-ака. Выше уже было дано его краткое описание в связи с характеристикой древней керамики. Указывалось, что наслоения лежат параллельно склону материка в южной половине шурфа с наклонной слоистостью на поверхности.

Характер наслоений позволил понимать их как береговые укрепления того же канала, что наблюдался в описанных шурфах № 5 и 6.

Керамика раннесредневекового периода обнаружена на уровне V—VI ярусов в кв. Б (рис. 6). Пологий боковой склон русла в этой части представлял собой очень плотный грунт с характерными слоистыми натеками на поверхности, что, по нашему мнению, являлось первым укреплением правого берега арыка. Толщина его в пределах шурфа колеблется от 50 *см* до 1 *м*. На первое укрепление было наложено второе, причем в этом случае оно было произведено, видимо, толстыми (до 9—10 *см*) кусками дерна, судя по отдельным швам, прослеженным в слое.

Керамика, найденная между обоими укреплениями берега, относится примерно к одному времени и аналогична комплексу VII—VIII вв. из двух вышеописанных шурфов.

Хумы представлены несколькими фрагментами венчиков подтреугольного сечения или в виде вытянутого округлого валика. Толщина их стенок 1,2—1,5 *см*. Черепок неравномерно-

го обжига, внутри серый, снаружи красновато-кирпичный, тесто средней отмучки с примесью дробленой гальки, ангоба, как правило, нет.

В слое была найдена также хумча с маленьким, четко профилированным, слегка нависающим венчиком, диаметром 31 *см* (рис. 8, *8*). Плечико сосуда орнаментировано прорезным орнаментом (комбинация волнообразной и прямой линий с насечками). По светло-ангобированной поверхности венчик расписан красновато-коричневым ангобом с вертикальными подтеками по тулову. Хумча совершенно идентична небольшому хуму из Пянджикента, датированному И. Б. Бентович VII—VIII вв.[57]

В шурфе найдены два широкогорлых сосуда с рожком (рис. 7, *9* и *14*). Диаметр устья 20—21 *см*. Венчик одного прямой, слегка оттянут наружу, слабо профилирован, венчик другого сосуда на уплощенной верхней площадке имеет слабую выемку для крышки. На плечике, местами на венчике сосудов—небрежные мазки темно-коричневого ангоба с вертикальными подтеками.

Эта форма сосудов, хорошо известная по памятникам Согда, кроме носика, характеризуется наличием небольшой вертикальной ручки у венчика имеет большой диапазон во времени бытования — с V по VIII вв.

Ближайшие аналоги для найденных форм усматриваются с сосудами из нижнего слоя Пянджикента[58], из усадьбы под Самаркандом[59], Калаи-Муг в Магиане[60], что дает возможность датировать их V—VI вв. К этому же типу может быть отнесена серия широкогорлых сосудов с прямым или подтреугольным венчиком. Они, как правило, покрыты светло-кремовым, иногда красным ангобом с темно-коричневыми подтеками по венчику.

---

[57] И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента, МИА, 37, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1953, табл. IX, 2.

[58] Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII, рис. 12, 23.

[59] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, рис. 9, 7.

[60] Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магин-Дарьи в 1957 г. Археологические работы в Таджикистане, V, Душанбе, 1959, рис. 5—7.

Найдено несколько фрагментов широкогорлых кувшинов (диаметром 7—9 *см)* с короткой шейкой и вертикальной ручкой, покрытых розовым или кремовым ангобом, а также кухонные станковые котлы с отогнутым наружу или сложно профилированным венчиком. По плечику иногда процарапана волнистая орнаментальная линия (рис. 8, *11, 12*). Аналогичная посуда представлена в верхнем слое Пянджикента (VII—VIIIвв.). Котлы датируют еще более поздним временем —IX—X вв.[61]

Вместе с этой посудой найдена и более ранняя: донце чашевидного кубка, фрагменты плоских сковородок, распространенных в Согде в V—VI вв. (Талли-Барзу IV, нижний слой Пянджикента, сельская усадьба под Самаркандом).

Из приведенных сравнений видно, что между укреплениями берега канала скопилась керамика с V по X вв., свидетельствующая о функционировании его на протяжении этого периода.

Таким образом, результаты проведенных археологических работ на территории западнее ансамбля Шахи-Зинда, в том числе большое количество раннесредневековой керамики, каменных жерновов, найденных в подъемном материале, свидетельствуют об интенсивном обживании этой части городища в раннесредневековое время. Получены, кроме того, весьма важные данные и историко-топографического порядка; установлено местоположение какого-то, видимо, крупного здания на платформе V—VIII вв., направление и время функционирования одного из каналов, снабжавшего водой г. Самарканд вплоть до разгрома его монголами в начале XIII в.

Некоторые данные по стратиграфии получены и на территории городища восточнее ансамбля Шахи-Зинда. В 50 *м* от верхней группы мавзолеев был заложен небольшой шурф № 4 (3,5 × 1 *м*), которым было установлено, что здесь на всю глубину культурного слоя (2, 70 *м*) располагалось многоярусное кладбище, и наши наблюдения ограничились лишь фиксацией много раз переотложенной керамики, в том числе раннесредневековой. Этого же времени материалы были получены в 1964 г. М. Пачосом при раскопках четвертой крепостной стены Афрасиаба восточнее ансамбля Шахи-Зинда.

---

[61] И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пянджикента, рис. 6, 10, 11.

Культурные слои средневековой поры с остатками жилья, поливной керамикой и другим бытовым инвентарем прослежены почти во всех стратиграфических шурфах, в том числе на территории непосредственного расположения ансамбля Шахи-Зинда, что очень важно, как уже говорилось, для понимания вопросов, связанных с его возникновением.

Всего на территории ансамбля было заложено 7 шурфов, доведенных до материка. Установлено, что мощность культурного слоя здесь в среднем равна 6—8 *м*. Почти на всю указанную глубину прослежено кладбище и лишь в самом нижнем горизонте обнаружены следы обживания территории, что дало нам возможность судить о времени появления кладбища и первых мавзолеев некрополя.

В 1959 г., как говорилось, при раскопках мавзолея «Безымянный № 2» со стороны интерьера был заложен шурф № 1, который показал, что общая мощность культурных наслоений здесь около 8 *м*. Верхний слой, примерно в 3 *м*, с остатками стен мавзолея XIV в. в основании, представляет собой кладбище, насыщенное строительным мусором, облицовочной керамикой XIV—XV вв., частично бытовой, и может быть датирован XIV—XIX вв.

Следующий горизонт в 2,5 *м* несет остатки стен и фундамент мавзолея XII в. Нижний горизонт, подстилающий мавзолей XII в. (около 2 *м*), оказался не потревоженным культурным слоем периода обживания городища. В основании его расчищены остатки стены, видимо, какого-то жилого дома из сырцового кирпича размером 18×30×7, рядом был завал того же кирпича, следы пожара (зола, угли, обгоревшие участки земли). Большое количество поливной бытовой керамики позволяет датировать слой в целом X — началом XI вв.

Некоторые наблюдения по стратиграфии были получены в 1960 г. при исследовании комплекса Кусам ибн-Аббаса, расположенного в северо-восточной части ансамбля Шахи-Зинда.

На стыке зиарат-ханы и гур-ханы со стороны западного фасада был заложен шурф № 2, которым установлено, что глубина культурного слоя здесь, почти полностью представляющего собой мусульманское кладбище XI — XIX вв., составляет 6,2—6,3 *м*.

Только в нижнем горизонте мощностью 1 *м* сохранился не тронутый могилами слой периода обживания городища с остатками глинобитной стены, вытянутой с запада на вос-

ток, и системой гончарных труб (кубуров), проложенных вдоль ее основания.

Сохранилось три кубура, раздавленных сверху, но несмещенных. Длина их 77—78 *см*, диаметр устья 18,5—20 *см*. Судя по отсутствию органического перегноя внутри труб, найденная система кубуров водопроводная.

Фрагменты поливной керамики (белофонная с эпиграфическим и пунктированным орнаментом, посуда с пятнистой желто-зеленой поливой по белому фону или зеленая с подглазурной гравировкой, краснофоновая с росписью и др). и медная монета (фельс Наср ибн-Ахмада, битый в Самарканде в 261 г. х.)[62] в целом позволяют датировать слой IX — началом XI в.

В 1961 г. для определения стратиграфии был заложен шурф № 11 близ последней крепостной стены, северо-восточнее «Восьмигранного» мавзолея (в 10 *м* от подпорной стены коридора ансамбля).

Мощность культурного слоя на данном участке оказалась около 6 *м*. Верхний слой в 1,5 *м* — кладбище, следующий примерно в 3,5 *м* содержал остатки стен мавзолея начала XV в. со склепом в подпольной части[63]. Ниже склепа (30—50 *см*) шел ярус могил XI—XII вв. в грунтовых ямах, обложенных сырцовым кирпичем 33 × 18 × 5 *см*.

Только в самом нижнем горизонте мощностью около 1 *м* (70—80 *см*) сохранился не тронутый кладбищем культурный слой с признаками обживания территории в IX—XI вв., ниже которого шел материк.

В этом культурном слое прослежен уровень двора с тонкой прослойкой светло-серого органического перегноя. На поверхности двора in situ сохранилась уложенная наклонно канализационная система гончарных труб для отвода нечистот в поглощающую яму. Длина трубы 68—70 *см*, диаметр 12—14 *см*.

Система кубуров вела с севера и на площади шурфа с помощью трубы-колена поворачивала на восток, заканчиваясь

---

[62] Монета прочтена М. Е. Массоном, за что автор приносит ему глубокую благодарность.

[63] Н. Б. Немцева. К истории «сложения средней группы» мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда. Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, вып. 1, Ташкент, Изд-во худож. литературы им. Гафура Гуляма, 1967, стр. 109.

небольшим резервуаром, стенки которого были выложены жженым кирпичом (21 × 21 × 3 *см*). Основание резервуара подстилал характерный для ташнау кирпич с отверстием. Труба, связанная с резервуаром, на выходной части имела решетку с пятью отверстиями для предотвращения засорения резервуара мусором.

Грунт вокруг резервуара рыхлый, комковатый, сплошь пронизан гумусными вкраплениями, золой и углем. Рядом обнаружено два бадраба на расстоянии 1,30—1,40 *м* друг от друга, вычищенных до глубины 3,5 и 4,5 *м*.

В резервуаре была найдена медная монета, битая в 425 г. х. (1033—1034 гг.)[64]. На уровне двора обнаружены три фрагмента керамического очажка, лицевая сторона которого орнаментирована стилизованными колонками по краям с диагональной сетчатой разделкой. Между колонками—стрельчатая арка, внутри которой в основании круг с пятью спицами, сверху трехпалая фигура. Орнамент выполнен в технике штампа. Такого типа очажки Г. А. Пугаченкова датирует VIII—X вв.[65]

Здесь же найдена весьма характерная для X — начала XI вв. открытая чаша с дисковидным поддоном и полусферическим бортом, покрытая прозрачной поливой по красному ангобу. Край чаши орнаментирован темно-коричневой каймой с белой надглазурной росписью косыми полосками. На остальной поверхности чаши кольцевыми рядами разбросаны мелкие темно-коричневые листья с белым точечным орнаментом.

Датирует слой также комплекс керамики из двух указанных бадрабов, в которых найдены: хорошо известные по Афрасиабу утолщенные чаши с поташной поливой и мутным голубовато-зеленым и коричневым орнаментом по серовато-белому фону (рис. 10, *3, 7)*, чаши с гравированным подглазурным орнаментом, зеленые и пятнистые желто-зеленые (рис. 10, *9)*, крупные и мелкие чаши, сосуды с носиком типа чайника с желто-зеленым мраморовидным орнаментом (рис. 10, *6, 8*), чираги и кувшины с зеленой поливой разных оттенков (рис. 10, *4, 5, 10)*, сосуды с пунктированным и эпиграфическим

---

[64] По определению М. Е. Массона, монета принадлежит Тафгач Бугра-хану.

[65] Г. А. Пугаченкова. Элементы Согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды Института истории и археологии, т. 2, Ташкент, 1950, стр. 47.

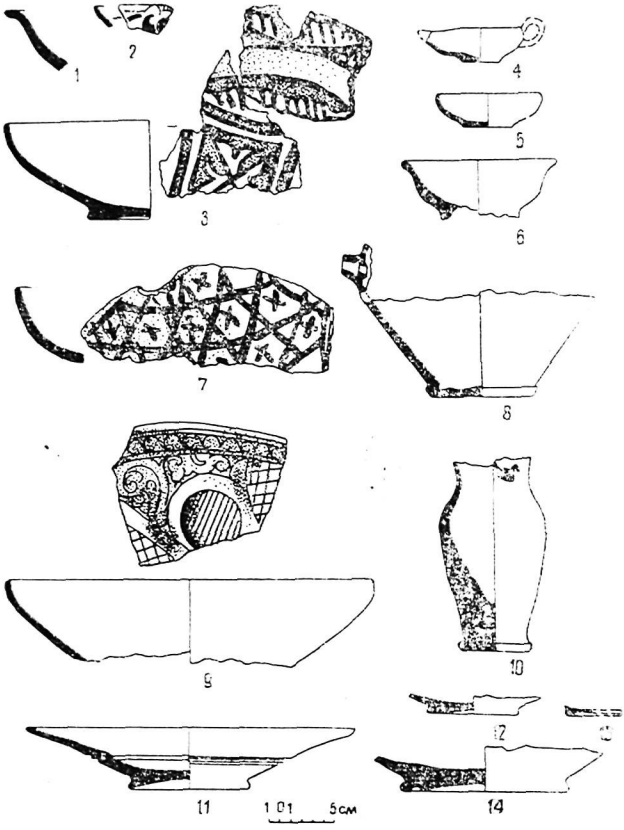

Рис. 10. Поливная керамика X—первый половины XI вв. из стратиграфического шурфа № 11 (бадраб).

орнаментом (рис. 10, 2). Все эти виды поливной керамики рассмотрены О. Г. Большаковым и Ш. С. Ташходжаевым и не выходят за пределы X — первой половины XI вв.[66]

[66] О. Г. Большаков. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник. Автореферат канд. дисс., Л., 1954, стр. 7, 9; Ш. С. Ташходжаев. Поливная керамика Афрасиаба второй половины X — первой половины XI в., Научные работы и сообщения АН УзССР, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 298—300.

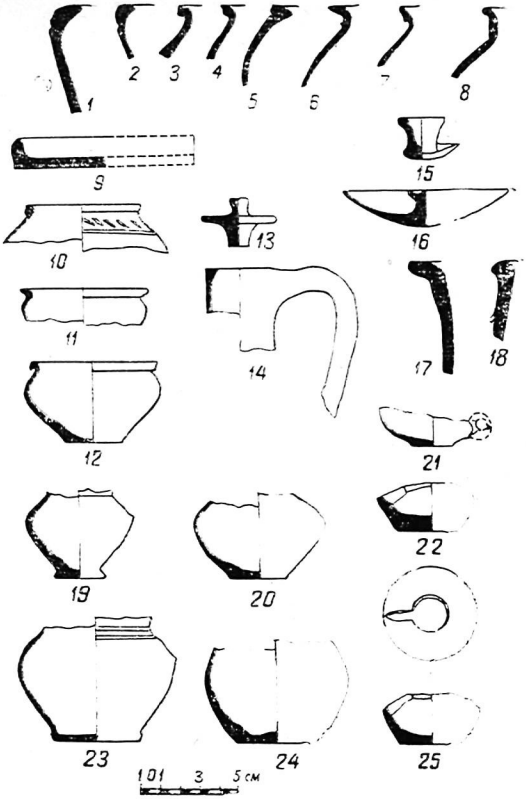

Рис. 11. Неполивная керамика X—первой половины XI вв. из стратиграфического шурфа № 11 (бадраб).

Неполивная посуда бадрабов представлена узкогорлыми кувшинами с одной ручкой, небольшими горшками с отогнутым венчиком (рис. 11, *10, 11, 12, 19, 20, 23, 24*), круглыми толстостенными чирагами с чуть намеченным носиком или без него (рис. 11, *21, 22, 25*), вогнутыми и плоскими крышками различных размеров, с ручкой-выступом посредине (рис. 11, *13, 15, 16*). Найдено большое количество котлов с сильно отогну-

тым профилированным венчиком из огнеупорной серой глины с дресвой (рис. 1, *6, 7, 8*). Эти формы, как и комплекс поливной посуды, были распространены на Афрасиабе и в других местах Мавераннахра в X — начале XI в.

Небольшой (1 × 1,5 *м*), но весьма важный по своему местоположению стратиграфический шурф был заложен в 1962 г. в подземной чилля-хане у южной стены, в непосредственной близи от захоронения под майоликовым намогильником в гур-хане (1,60 *м* по вертикали, 1,30 *м* по горизонтали от северного края могилы)[67].

Мощность культурного слоя в шурфе (от вымостки пола в чилля-хане до материка) оказалась равной 1,20 *м*. На всем протяжении слой представлял собой уплотненный суглинок с редкой описанных типов поливной керамикой X — начала XI в. и зольно-угольными линзами в верхнем горизонте.

В южной половине шурфа была частично расчищена поглощающая яма (бадраб), наполовину уходящая под стену чилля-ханы, заполненная рыхлым грунтом без признаков перегноя с незначительным числом бытовой керамики IX—начала XI в. В яме были найдены также обломки жженого кирпича размером 28×16×5 *см* и два бруска деревянной панджары.

Полученные данные свидетельствуют об обживании данной части городища в IX — первой половине XI в. и исключают возможность появления некрополя здесь раньше указанного времени.

Наиболее существенные материалы, свидетельствующие о жизни на территории городища, где расположен ансамбль Шахи-Зинда, были получены в небольшом раскопе у западного фасада мавзолея Туман-ака, заложенного в 1961 г.

Общая мощность культурного слоя здесь оказалась около 6 *м* (5,50—5,70 *м*). В верхнем горизонте (3 *м*) были обнаружены остатки стен мавзолея начала XV в. со склепом[68].

---

[67] В 1960 г. нами было частично исследовано захоронение под майоликовым намогильником и датировано второй половиной XI в. (Н. Б. Немцева. Заключение по шурфу № 3 в гур-хане мавзолея Кусам ибн-Аббаса. Рукопись, Архив Главного управления по охране памятников материальной культуры МК УзССР).

[68] Н. Б. Немцева. Исследование в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда, ИМКУ, вып. V, Ташкент, 1964, стр. 126—129.

Нижний горизонт (2,50—2,70 *м*) содержал остатки жилых глинобитных помещений с бытовым инвентарем, сверху местами попорченных могилами.

На площади 7×6 *м*, обусловленной размерами мавзолея, вскрыты остатки жилого комплекса из пяти небольших комнат, примыкающих к одной общей стене, идущей в направлении восток — запад с отклонением на север на 20°.

Размеры помещений не установлены, так как стены уходят в обрезы раскопа; можно лишь сказать, что помещение № 2 в одной из сторон равно 2,70 *м*.

Толщина стен варьирует от 60 до 85 *см*, сохранившаяся высота 1—2 *м*. Основная стена западно-восточного направления в основании выложена из ряда пахсовых блоков (1,20 *м* × 0,60 *м*), сверху из сырцового кирпича размером 40 — 46 × 20 — 30 × 7 — 8 *см*. Другие стены глинобитные в основании, сверху из того же прямоугольного кирпича, либо полностью из кирпича.

Все помещения оштукатурены глиной с саманом в 2—3 слоя и имеют один общий уровень полов из глино-саманных промазок (1—1,5 *см*).

В комнате № 1 в юго-восточном углу на уровне пола расчищены остатки очага типа тандыра. Круглое основание очага из двух глино-саманных обмазок было заполнено золой и углем слоем в 13 *см*. Стенки очага в сохранившейся части (18—20 *см*) состояли из двух керамических цилиндров — один из глины с дресвой (1,8 *см*), другой из глины с саманом (2 *см*).

Стенки были вмонтированы в основу из кирпича-сырца, конструкцию которой из-за плохой сохранности не удалось установить. Однако сверху эта кладка имела нависание, что свидетельствует об овальном завершении очага и сближает его с тандырами XIV в. на городище Таш-кала в Хорезме[69], а также с современными тандырами для выпечки лепешек. Пол рядом с тандыром был усыпан золой и углем.

Комната № 2 оказалась более чистой. В восточной стене ее (1, 60 *м* от юго-восточного угла) на уровне пола расчищен стенной очаг — ниша. Максимальная высота и ширина очага равна 45 *см*. В основании квадратное устье топки,

---

[69] Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала, Труды ХЭ, т. II, М., 1958, стр. 508.

(22 × 22 × 8 *см*), переходящее в округлую верхнюю площадку-полочку. Стенки очага прокалены, в устье слой золы. Следов копоти обнаружено не было, дымовой трубы также нет. Здесь можно предположить отопление по «сандальному» способу, характерному для современных староузбекских домов, когда в очаг приносят уже недымящие, раскаленные угли с золой. Близкие по устройству стеновые очаги обнаружены в Пянджикенте[70].

Рядом с очагом на полу стоял хум. В помещении 3, уходящем под стены мавзолея Туман-ака, у южной стены было найдено три хума, вкопанных наполовину в полы.

О комнатах 4 и 5, частично расчищенных в южной части раскопа, можно лишь сказать, что они так же, как и описанные три помещения, имели один общий с ними уровень полов с зольно-угольными пятнами и обживались одновременно.

Второй период жизни здания фиксируется значительным (60 *см*) повышением уровня полов, частично прослеженным в помещениях 2,3 и 4. Судя по однородности керамики на полах, эти два периода хронологически разделял небольшой промежуток времени.

Все обнаруженные в помещениях хумы были одного типа: яйцевидной формы тулово, высота 70—73 *см*, диаметр устья 33—41 *см*. Венчики сильно отогнуты, один хум орнаментирован по краю защипами, по плечику лентой S-образных штампованных фигур, другой—двойной процарапанной волнообразной линией.

Такие хумы встречались уже ранее в слоях саманидского времени на Афрасиабе[71], близки им хумы IX—X вв. с городища Ак-Бешим[72].

Среди кухонной посуды на полу помещений были найдены:

1) круглодонные, шаровидно-сплющенные котлы с налепными подковообразными ручками, украшенные насечками или защипами, в том числе котел с носиком (рис. 12, *8, 9*). Венчики котлов различные — от сильно отогнутых профилированных уступами до вогнутых внутрь. Последние широко были распространены на территории Средней Азии и бытовали

---

[70] В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пянджикента, МИА, 124, М. — Л., 1964, стр. 66.

[71] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 33—34, табл. 11.

[72] В. И. Распопова. Гончарные изделия Чуйской долины, стр. 159.

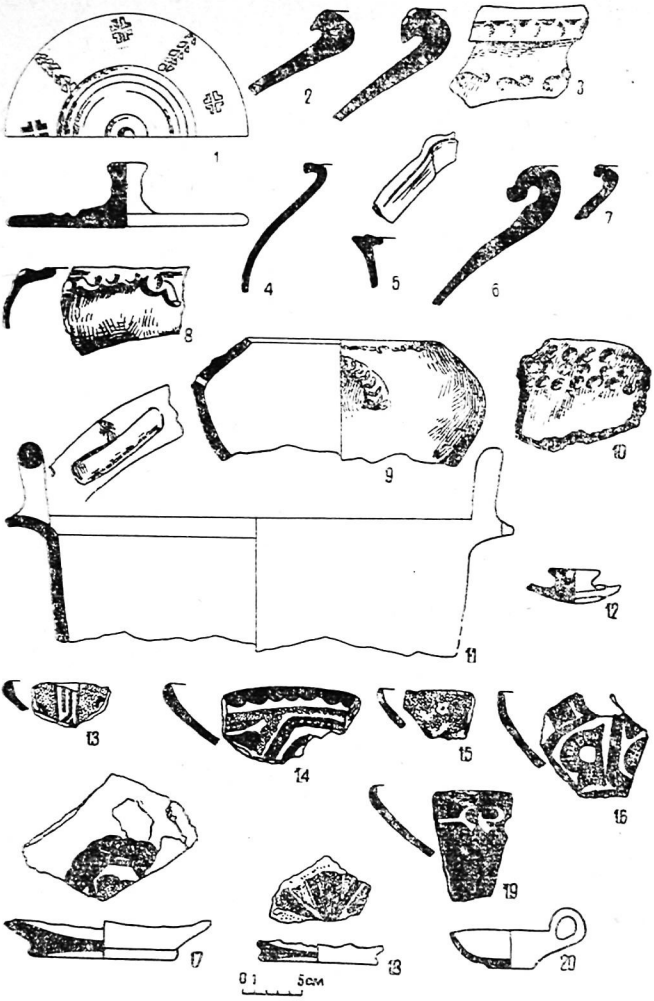

рис. 12. Керамика X—первой половины XI вв. из раскопа западнее мавзолея Туман-ака.

сравнительно большой промежуток времени — с IX по XII вв. На Афрасиабе они были найдены в слоях IX—X вв.[73], на Минг-Урюке[74] и в Семиречье[75] — в слоях караханидского периода;

2) вогнутые полусферические крышки и плоские крышки с ручкой-выступом, орнаментированные штампом или кольцевыми рядами пальцевых вмятин (рис. 12, *1, 10, 12*). Последний способ орнаментации был весьма распространен в XI—XII вв. как в Самарканде[76], так и в других местах Средней Азии (Минг-Урюк[77], Семиречье[78]). Наши наблюдения и комплекс сопровождающей керамики из раскопа позволяют ограничить их датировку для Афрасиаба второй половиной IX — началом XI в.

Поливная керамика из помещений представлена в основном фрагментами открытых полусферических блюд, пиал и небольших чаш с дисковидным поддоном, с прямым или чуть вогнутым внутрь венчиком и несколькими чирагами со смятым носиком (рис. 12, *13—20*). Посуда покрыта свинцовой поливой по красновато-коричневому и светло-кремовому ангобу. Полихромная роспись выполнена «тесемочным» или «пунктированным» орнаментом с волнообразной каймой по краю. Палитра красок включает красновато-коричневый, темно-коричневый, черный, белый и зеленый цвета. Здесь же найдены открытые сосуды с гравированным подглазурным орнаментом и мраморовидной (желто-зеленой по белому фону) поливой, а также фрагменты стеклянной посуды.

Среди других предметов быта обнаружены железный штырь, кольцо (дверное?), рабочая часть ножа, бронзовая ложечка, видимо, парфюмерного назначения и два бронзовых

---

[73] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 37; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, XII.

[74] Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1959 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды ТашГУ, нов. сер., вып. 172, Ташкент, 1960, стр. 137.

[75] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 14, М. — Л., 1950, табл. XXIX.

[76] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 34.

[77] Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды САГУ, кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 129.

[78] А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 130.

бубенчика или подвески с горизонтальным валиком посредине и плоской петлей для подвешивания сверху.

Керамика с уровня второго пола принципиально ничем не отличалась от вышеописанной.

Последний период жизни на этой территории характеризуется полной заброшенностью описанного сооружения и превращением этого места в дворовую часть с большим числом бадрабов, местами прорезавших сырцовые стены здания.

Уровень двора прослежен в трех метрах от дневной поверхности, некоторые участки его были вымощены битыми толстостенными черепками, битым кирпичом и усыпаны тонким слоем золы. Керамика с этого уровня представлена теми же формами, что и посуда из помещений.

На площади раскопа частично вычищено пять ям, причем одна почти не содержала керамики. Четыре других были забиты жирной гумусной желто-зеленой глиной с большим количеством глазурованной неполивной и стеклянной посуды IX— первой половины XI в. описанных выше типов (рис. 13, *1—17)*.

Керамический материал последнего периода обживания территории по существу не отличается от посуды первого периода существования сырцовых помещений, поэтому отделить начало обживания территории от периода запустения затруднительно.

В период запустения хумы из комнаты 3 были забиты кусками сырцового кирпича и бытовой керамикой. В хуме найдена целая мустахара, совершенно идентичная описанной В. Л. Вяткиным[79], со скошенным плоским туловом, с одной стороны, и выпуклыми орнаментированными прорезными кольцевыми линиями, с другой. Рядом с венчиком две петлевидные ручки для подвешивания. Аналогичная мустахара обнаружена в Семиречье и датирована А. Н. Бернштамом XI—XII вв.[80]

Из хума также извлечены фрагменты плошковидного чирага зеленой поливы с небольшим вытянутым носиком, два фрагмента керамических очажков со штампованным орнаментом, кусочки тонкой стеклянной посуды, медное блюдечко для парфюмерии (диаметр 4 *см*) и многочисленные

---

[79] В. Л. Вяткин. Афрасиаб.., стр. 36.
[80] А. Н. Бернштам. Указ. соч., табл. XCV, 212.

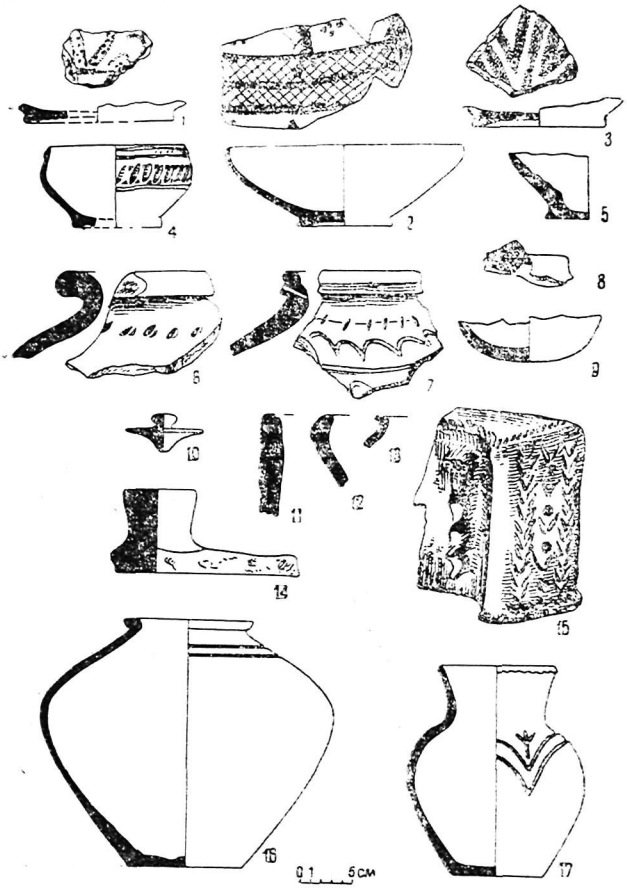

Рис. 13. Керамика IX— первой половины XI вв. из раскопа западнее мавзолея Туман-ака (бадраб).

фрагменты керамики с желто-зеленой поливой по белому фону и процарапанным подглазурным орнаментом, не выходящей за пределы X — начала XI в.

Не останавливаясь на описании стратиграфии других шурфов, заложенных на ансамбле Шахи-Зинда в связи с

исследованием отдельных мавзолеев, нужно отметить, что даже в тех случаях, когда культурный слой оказывался до основания перемещенным, переотложенные материалы, как правило, относились к IX—X — первой половине XI в. Все эти наблюдения чрезвычайно важны для установления времени появления кладбища на городище.

Многие исследователи, касаясь вопроса исторической топографии Самарканда и отмечая наибольший расцвет города при Саманидах, говорят о постепенном передвижении его на юг, на территорию рабада.

В. В. Бартольд, М. Е. Массон и А. Ю. Якубовский на основании изучения первоисточников и археологических данных считали, что уже в X в. самой населенной частью Самарканда был не шахристан, а квартал, расположенный к югу от него, в черте нынешнего города, хотя шахристан в течение X и даже XI вв. еще оставался жилой частью города[81]. Ко времени же монгольского нашествия Афрасиаб уже в значительной степени был покинут.

Что касается его южной окраины, то, как показали наши работы, отдельные участки городища уже к середине XI в. пустовали, что и позволило в пределах шахристана и городских стен разместить мусульманское кладбище.

Где-то во второй половине XI в. или в конце XI в. на месте существующего ансамбля в направлении перпендикулярном к городской стене, соответственно направлению улицы периода обживания этой части городища[82], выстраиваются первые усыпальницы караханидской знати, украшенные

---

[81] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 191; М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 165; А. Ю. Якубовский. Археологическое изучение Самарканда, ТВО, т. II, Л., 1940, стр. 304.

[82] О том, что на месте современной дорожки-коридора издавна была дорога (улица?), говорят данные шурфа, заложенного между мавзолеями Туркан-ака и «Восьмигранником». Здесь, на площади около 8 *м*², на уровне 80 *см* от современной вымостки и ниже основания постройки XII в., вскрытой шурфом, обнаружена мощеная чупанатинским сланцем дорога, аналогичная мощеным улицам в других частях Афрасиаба. Кстати, о вымощенных камнем улицах Самарканда X в. сообщает и Ибн-Хаукаль (Е. К. Бетгер. Извлеченная из книги «Пути и страны» Абул Касыма ибн-Хаукаля, Труды САГУ, IV, нов. сер., вып. CXI, Ташкент, 1957, стр. 16).

характерной для этого времени неполивной резной терракотой, фигурными изразцами.

Территория западнее «некрополя» в период функционирования кладбища продолжала обживаться вплоть до монгольского нашествия. Об этом, в первую очередь, свидетельствует подъемный материал XII—начала XIII в., в обилии выброшенный на поверхность при рытье могил, а во-вторых, предметы быта этого времени из шурфов.

Эти наблюдения в свою очередь позволяют локализовать размеры кладбища XI—XII вв. пределами непосредственной близости к архитектурному ансамблю, во всяком случае с западной его стороны.

Наиболее существенные материалы предмонгольского времени были получены в верхнем горизонте описанного выше шурфа № 8, заложенного на восточном склоне бугра западнее ансамбля.

Как уже говорилось, на уровне 2,5 *м* в основании верхнего культурного горизонта, перемешанного действующим кладбищем, расчищена поверхность двора, засыпанная углем и золой, и остатки средневековой гончарной печи.

С этого же уровня начинались четыре бадраба с материалом второй половины XII—начала XIII в., в том числе большое количество бракованной посуды, определяющей время функционирования керамической мастерской.

О том, что здесь была не одна печь, а целая керамическая мастерская, говорит обилие бракованной посуды и печного припаса, разбросанного по всей поверхности бугра.

Обнаруженная печь была расположена в 0,40—1,10 *м* от дневной поверхности на восточном склоне бугра (рис. 2, кв. Е, ярусы IV—V). Сохранилось круглое основание ее (диаметр 1,4 *м*, высота 30—40 *см*), заполненное золой. Стенки и дно печи были обмазаны глиной и прокалены на 3—5 *см* до белого, на 5—6 *см* до красного цвета.

Плохая сохранность печи затрудняет определение ее конструкции, но, судя по остаткам, печь не имела специальной топки, отделенной от обжигательной камеры перегородкой.

Видимо, по аналогии с печью, обнаруженной в восточной части Афрасиаба, найденная нами также имела одну большую камеру, в которой топка отделялась от обжиговой части небольшой полочкой по периметру стен.

Печь была заброшена еще в период функционирования мастерской. Об этом свидетельствует обнаруженный в ее южной половине бадраб с материалом второй половины XII — начала XIII в.

Прекращение работы мастерской связано с монгольским нашествием, разгромом Самарканда, разрушением головного сооружения ирригационной системы, снабжавшей город водой.

Большой интерес представляет гончарный брак времени работы мастерской, найденный в бадрабах и отвалах. Два бадраба были расположены в непосредственной близости от печи, два других — в 9 *м* западнее.

Не останавливаясь на описании комплексов каждого бадраба в отдельности, так как материалы всех четырех относятся примерно к одному времени, коснемся лишь характеристики отдельных видов этой керамики, являвшейся предметом производства расположенной на бугре мастерской.

Судя по всему, мастерская занималась специализированным производством дорогой (фаянсовой) посуды и сфероконических сосудов (симабкузача) в отличие от мастерской XII — начала XIII в., раскопанной в 1959 г. В. Д. Жуковым в средней части Афрасиаба, обжигавшей изделия только из глины[83].

Наиболее массовый материал представлен тонкостенными поливными чашами (пиала) на фаянсовой основе с высоким кольцевым поддоном и отогнутым наружу или полусферическим бортом. Диаметр чаш 9—11 *см* и 13—19 *см*. Одни из них имели слабо выраженный, другие довольно четкий перегиб в нижней части корпуса (рис. 14, *4, 5*).

Как известно, кольцевая форма поддона получает широкое распространение повсюду в Средней Азии в XII в., причем особенно характерна она для тонкой (фаянсовой) посуды. Форма корпуса найденных чаш также типична для указанного времени, наблюдается и в глиняной керамике. В частности, в синхронном комплексе из мастерской централь-

---

[83] Ш. Ташходжаев. Поливная керамика Самарканда второй половины XII — начала XIII в. Научные работы и сообщения АН Узбекской ССР, кн. 5, Ташкент, 1962, стр. 197—211.

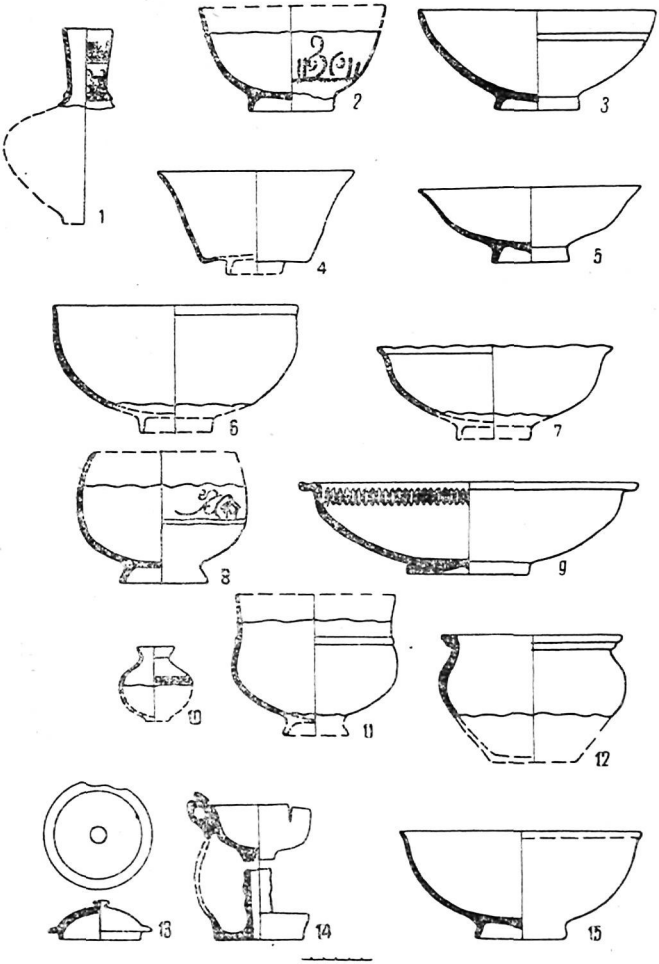

Рис. 14. Керамика конца XII—начала XIII вв. из шурфа № 8.

ной части Афрасиаба имеются аналогичные чаши[84]. Близки также чаши из Термеза[85] и особенно из Новой Нисы[86].

Посуда покрывалась двусторонней голубой или белой поливой с тонкой очень четкой росписью по внутренней или внешней стороне.

Одна из чаш была покрыта с обеих сторон кобальтом несколько неровного обжига и является исключением не только для данного комплекса, но и вообще редкой находкой.

Для XII — начала XIII в. посуда с синей поливой до сих пор была известна только по Мерву[87]. Кобальт как краситель, видимо, только начали вводить в производство, и массового спроса посуда подобной окраски еще не имела. Впрочем и позже, в XIV—XV вв., когда кабальтовая глазурь находит широкое употребление, лишь на архитектурном декоре наблюдается сплошное покрытие, в бытовую же керамику кобальт вводится лишь как составной цвет полихромной росписи или в качестве росписи по белому фону.

В орнаментации голубой и белой глазурованной посуды исследуемого комплекса большую роль играли стилизованная арабская вязь и растительные элементы, выполненные, как уже говорилось, тонким черным контуром.

Излюбленным приемом была лента с росписью или эпиграфикой по внутреннему краю венчика и роспись по донцу, заключенная в треугольные сектора. В качестве декора употреблялся также подглазурный штамп в зависимости от формы сосудов на внутренней или внешней стороне.

В одном из бадрабов было найдено несколько целых калыпов для штампа, состоящих из двух чашевидных продольных половинок для нанесения орнаментации на внешнюю сторону, а также мелкие овальные и треугольные лепешечки с орнаментом для отдельных оттисков. Керамические штампы уже отмечались для Афрасиаба В. Л. Вяткиным[88],

---

[84] Ш. Ташходжаев. Указ, соч., рис. I, II и III.

[85] Л. Н. Мережин. Керамика XII — начала XIII в. из старого Термеза, Труды ТашГУ, вып. V, Ташкент, 1960, рис. на стр. 184.

[86] М. Е. Массон. Южно-туркменская археологическая комплексная экспедиция, 1947, Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 56—57. рис. 45—47.

[87] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 355.

[88] В. Л. Вяткин. Афрасиаб . . , стр. 35.

но подробно не описаны, что затрудняет сравнение. Найденным калыпам близки некоторые формы из Мерва (вторая половина XII — начало XIII в.), в частности штампы с делением на дольки и отдельными цветами в них[89]. Такие штампы с Афрасиаба экспонированы в Эрмитаже в разделе Средней Азии и датированы X — XI вв.

Кроме чаш и небольших пиал, в мастерской выделывали фаянсовые светильники на высокой полой ножке, покрытые голубой поливой. Верхняя плошка чирага имела прямые борта и смятый, чуть вытянутый носик. Сбоку прикреплена ручка с декоративным налепом в виде петли и пуговицы сверху (рис. 13, *1, 4*).

Различные варианты такой формы светильников были очень распространены в XII — начале XIII в. Совершенно идентичный чираг по форме, материалу и поливе, даже со следами брака, хранится в фондах Эрмитажа[90].

Близкие по форме светильники были найдены на Афрасиабе А. И. Тереножкиным и В. Л. Вяткиным[91] на Новой Нисе (первые десятилетия XIII в.)[92], на Мунчак-тепа в слоях конца XII — начала XIII в.[93], а также в Афганистане на Лашкар-Базаре и в печах Буста[94]. Несколько более отдаленную аналогию можно усмотреть со светильниками XII—XIII вв. из Мерва[95].

В печах также обжигались миниатюрные (парфюмерные?) кувшинчики, покрытые голубой поливой, крышки для сосудов из фаянса (рис. 14, *10, 13*) и люстровая посуда.

С люстровой росписью были найдены фрагменты только двух сосудов: фрагмент венчика узкогорлого кувшина (диа-

---

[89] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в., рис. 35.

[90] Коллекция Шувалова, шифр СА, № 14257.

[91] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, XIV; В. Л. Вяткин. Афрасиаб . . , стр. 51.

[92] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949, рис. 29.

[93] О. Г. Большаков. Поливная керамика Мавераннахра VIII — XIII вв., сн. на стр. 6.

[94] I. C. Gardin. Ceramiques et Monnaies de Zachkari Bazar et de Bust, MDAFA, t. XVII, Paris, 1963, стр. 138.

[95] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в., рис. 80.

метром 4 *см*) с темно-коричневым рисунком в два яруса, заключающем следы арабских букв и элементы растительного орнамента, а также почти целая чаша диаметром 16,5—17 *см* (рис. 14, *1, 2*). Вся внутренняя полость чаши была расписана золотисто-коричневым люстром по белой с зеленым отливом поливе.

На дне чаши изображен крылатый четырехлапый сфинкс с женской головой и пышной волнистой шевелюрой, известный по многим керамическим изделиям Средней Азии, Кавказа и Ирана. Внутри стенки чаши орнаментированы мелкой растительной росписью, снаружи переплетением завитков, заключенных в трапециевидные сектора, разделенные двумя полосками и расположенные радиально по борту.

В настоящее время Г. А. Пугаченковой доказано местное происхождение люстровых изделий из Мерва, причем в трактовке отдельных элементов рисунка отмечено сильное влияние иранской школы, в частности Рейской[96].

Находка люстровой посуды на Афрасиабе, нам кажется, позволяет говорить о втором пункте местного среднеазиатского производства люстра в XII — начале XIII в.

Кроме описанной чаши с люстровой росписью, в бадрабе найдено несколько бракованных чаш с белой поливой, испорченных в процессе обжига (напеки от рядом стоящего в печи сосуда, деформация формы), без росписи.

Формы этих подготовленных под люстр сосудов аналогичны описанной чаше, а также сосудам с люстровой росписью из Самаркандского музея. Наряду с люстровой керамикой из Ирана и Месопотамии там имеются три чаши из Самарканда, датированные XII—XIII вв.

Одна из чаш по форме и характеру идентична найденной в бадрабе: тот же сфинкс на дне, трактованный в одной манере, снаружи те же завитки, заключенные в секторы. Люстровая роспись второй чаши значительно потерлась, но можно прочесть аналогичное антропоморфное изображение на дне. На дне третьей люстровой чаши изображена известная по Ирану птица с женской головой.

У всех трех чаш характерная форма корпуса с отогнутым краем и резким или плавным перегибом в нижней

---

[96] Г. А. Пугаченкова. К открытию люстровой керамики Мерва XII в., Известия АН Туркменской ССР, 4, Ашхабад, 1960, стр. 84.

части, а также примерно одного оттенка с нашей чашей желтовато-коричневый люстр.

Все эти признаки позволяют с уверенностью утверждать, что чаши из музея изготовлены в конце XII — начале XIII в. в мастерской, обнаруженной нами на юго-западе Афрасиаба.

Схожа с афрасиабской и чаша с люстровой росписью из Исфары[97], определенная Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским как привозная. Чаша из Исфары имеет одну с описанными сосудами форму: отогнутый сверху борт и крутой перелом у поддона. Очень близка также роспись по дну, изображающая сфинкса, хотя некоторая разница в общей композиции рисунка внутри чаши и имеется: наличие свободного поля между медальоном в центре и росписью по краю борта. Зато внешняя сторона чаши расписана точно теми же завитками, заключенными в сектора, что и на чаше из шурфа № 10.

Судя по небольшому количеству люстровой посуды, известной для Самарканда, производство ее было, видимо, незначительным.

Причем, если в мервском люстре наблюдается сильное влияние иранских традиций и в общем сюжете и в трактовке рисунка, то Самарканд, как город значительно более территориально удаленный от исконных мест люстрового производства (г. Рей, Кашан, Саве, Султанабад), в этом отношении был более самостоятелен. Здесь повторяется лишь общая характерная для Ирана тема, связанная с изображением сфинкса и человеко-птицы, кстати проникшая в области Средней Азии значительно раньше конца XII — начала XIII в.

На одном из фрагментов семиреченской керамики XI — XII вв. изображена вереница тех же фантастических существ с туловищем крылатой «львицы» и женской головой[98].

---

[97] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, Труды АН ТаджССР, т. XXIX, 1955, стр. 102, рис. 49.

[98] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции, стр. 133 и табл. XXXIV, 5.

[99] Два фрагмента с указанными изображениями были переданы нам для ознакомления С. Г. Хмельницким, за что приносим ему глубокую благодарность. Один был расписан золотисто-коричневым люстром по белой

Такие же изображения имеются на фрагментах с люстровой росписью, вставленные в виде инкрустаций в архивольты арочек сталактитов верхней части барабана мавзолея Текеша в Куня-Ургенче[99].

Эти находки, в том числе и люстровая посуда из Самарканда, лишний раз свидетельствуют о постоянном контакте и взаимовлиянии различных сфер культурной жизни ближнего Востока и Средней Азии.

Кроме описанной фаянсовой посуды, в бадрабах были найдены деформированные в процессе обжига сосуды из глины, покрытые голубой и зеленой поливой. Одно из блюд было покрыто характерной для данного времени полихромной росписью: по внутренней стороне стенки шла лента с подглазурным процарапанным спиралевидным орнаментом и пятнистой зеленой и коричневой окраской по кремовому фону, снаружи радиально расположены ленты белого и кирпично-красного ангоба. Керамика аналогичной расцветки хорошо известна для слоев XII—XIII вв. в Хорезме[100].

В одном из бадрабов шурфа № 10, а также в подъемном материале на бугре было найдено большое количество бракованных сероглиняных симабкузача, обжигавшихся в той же мастерской[101]. Размеры симабкузача в среднем варьируют в пределах 12—15 *см* по диаметру тулова и 16—18 *см* по высоте.

Орнаментация сосудов выполнена штампом и весьма разнообразна. Большая часть сосудов по верхней части корпуса украшена широкой лентой с вертикальной разделкой. Некоторые сосуды орнаментированы четырьмя — пятью концентрическими лентами, заполненными зубчатым штампом в форме розеток, треугольников и косых полос. Небольшое количество симабкузача, кроме указанного штампа по плечику, украшено четырьмя налепными выпуклыми ребрами.

поливе, другой—по голубой. По характеру росписей оба фрагмента больше тяготеют к мервским или иранским. Фаянсовое тесто черепка очень плотное, сероватого цвета.

[100] Н. В. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVIII вв.), Труды ХЭ, т. IV, М., 1959, рис. 27.

[101] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в., стр. 359.

На территории Средней Азии в XII в. сосуды с аналогичным украшением вырабатывались в керамических печах Мерва[102].

Печной припас мастерской на Афрасиабе представлен большим разнообразием форм. В верхнем слое шурфа, в бадрабах и подъемном материале, найдены небольшие керамические «сепая», штыри различных размеров, смятые, бесформенные лепешечки-подставки и высокие подтреугольной формы подставки круглые в сечении. Эти подставки до некоторой степени сходны с глиняными конусами печного припаса из Нового Сарая[103].

Наличие этих подставок, устанавливаемых лишь на горизонтальной плоскости, позволяет предполагать в мастерской печи различных конструкций. Возможно, были печи и с разделенными перегородкой топочной и обжигательной камерами.

Итак, весь комплекс материалов, связанных с работой мастерской, позволяет датировать ее второй половиной XII—началом XIII в.

К этому же времени относится и последний период функционирования арыка, причем в той части, где он был наиболее близок к мастерской; шурфом № 7 обнаружена большая яма со средневековым материалом, что позволяет предположить здесь чигирную яму, связанную с работой керамической мастерской.

В этой связи еще раз остановимся на стратиграфии шурфа № 7 и в частности на культурных наслоениях северной его половины (рис. 6, кв. В и Г).

Здесь, как уже говорилось выше, на всю глубину шурфа (3,5 *м* в этой части) прослежена яма с поливной керамикой XII — начала XIII в. в основании. Прослежены слабо выраженные наклонные наслоения, в принципе повторяющие три склона правого берега, описанного выше канала III в. до н. э. — VIII в. н. э., которые, видимо, являются ни чем иным, как руслом канала периода развитого средневековья. Скопления песка и керамики фиксируют три ложа

---

[102] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в., стр. 359.

[103] Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая 1959—1962 гг., СА., 1964, № 1, стр. 254, рис. 3.

канала этого времени. Горизонтальная площадка у правого берега в XII—XIII вв. была вымощена чупанатинским сланцем, на ней в 2,5 *м* от края канала обнаружен небольшой вал (2 *м*×0,5 *м*) мусора от чистки канала, содержащий окатанную, сильно фрагментированную поливную керамику XII — XIII вв.

В основании шурфа на уровне 3,5 *м* от дневной поверхности прослежено несколько зольно-угольных линз, керамические штыри и посуда XII в., в том числе фаянсовая с голубой поливой и черной росписью, аналогичная найденной в бадрабах шурфа № 8.

Судя по наслоениям, шурфом № 7 поперек разрезана не более чем половина русла канала XII в., составляющая поверху около 3 *м*. Глубина русла не установлена, так как основание его уходит за пределы шурфа.

Такие крупные размеры русла арыка XII—начала XIII в. в этой части в отличие от небольшого русла того же времени ниже по дороге к Шахи-Зинда (шурф № 5 и 6) объясняются, видимо, как уже говорилось, устройством здесь чигирной ямы.

Как сказано выше, южнее русла канала начинается склон большого бугра, где в XII — начале XIII в. располагались керамические мастерские, работа которых немыслима без постоянного водного источника. По всей видимости, вода из арыка на бугор, к керамическим печам, подавалась с помощью системы кубуров и чигирного колеса. С устройством последнего и могла быть связана обнаруженная в шурфе яма.

Чигирная система для подъема воды была известна в Хорезме уже в IX—X вв.[104] В одном из средневековых поселений у канала Чермен-яб найдены и чигирные горшки, по комплексу керамики отнесенные к XII—XIII вв.[105] Все это делает вполне вероятным предположение о чигирной системе и на Афрасиабе в предмонгольское время.

Никаких следов обживания Афрасиаба в его южной части после монгольского нашествия не обнаружено.

---

[104] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 246.

[105] Б. В. Андрианов. Исследования древней ирригационной сети Чермен-яб, стр. 325.

Итак, археологическими исследованиями на юге Афрасиаба, в районе ансамбля Шахи-Зинда, установлена почти полная стратиграфическая колонка культурных напластований с V—IV вв. до н. э. по 20-е годы XIII в.

Некоторые лакуны в хронологической последовательности материалов из культурных слоев на территории некрополя объясняются главным образом сложностью стратиграфии городища, типичной для многослойного археологического памятника, а также незначительностью проведенных вскрытий, ограниченных по числу пунктов и площади функционирующим мусульманским кладбищем.

В результате проведенных работ удалось получить и некоторые наблюдения историко-топографического порядка.

1. Материалы наиболее древнего периода обживания юга городища (V и IV вв. до н. э.) обнаружены в нижних культурных слоях в пяти пунктах — западнее и восточнее ансамбля Шахи-Зинда, а также непосредственно на территории архитектурного памятника.

Эти данные вместе с находками того же времени на севере, северо-западе и западе городища, обнаруженными археологической экспедицией АН УзССР в последние годы, подтверждают мнение А. И. Тереножкина о жизни в середине первого тысячелетия до н. э. на всей территории городища Афрасиаб.

2. В трех пунктах на дороге от мечети Хазрат-Хызр к ансамблю Шахи-Зинда археологическими шурфами зафиксировано русло крупного, по всей вероятности, магистрального канала. Время появления его и первоначального функционирования, судя по скоплению бытовой керамики на дне и в боковых укреплениях, относится к первым векам до нашей эры. Функционировал канал на этом месте и позже, вплоть до разрушения головного распределителя «Джуи-Арзиз» монголами в 20-е годы XIII в.

3. Западнее ансамбля Шахи-Зинда, на возвышенности близ последней крепостной стены городища, обнаружены значительные по своей сохранности остатки раннесредневекового здания, построенного на стилобате. Существовало оно, очевидно, с V по VIII в. и пережило несколько крупных строительных периодов.

4. Со второй половины XII в. до монгольского нашествия на этой возвышенности располагалась крупная керамичес-

кая мастерская, в которой обжигалась различная дорогая фаянсовая и люстровая посуда, а также симабкузача.

5. Есть основания предполагать, что в предмонгольское время примерно в 150 *м* западнее ансамбля Шахи-Зинда на канале была устроена чигирная система для подачи воды на возвышенность, где находилась керамическая мастерская.

6. Археологическими работами установлено, что территория непосредственного расположения ансамбля Шахи-Зинда обживалась вплоть до второй половины XI в.

В это время здесь, на юге средневекового Самарканда, мусульманским духовенством создается фиктивное место поклонения, связанное с именем одного из первых проповедников ислама в Средней Азии — Кусам ибн-Аббаса. Около мнимой могилы проповедника возникает кладбище и выстраиваются первые монументальные сооружения некрополя, которые располагаются с севера от комплекса Кусам ибн-Аббаса на юг к крепостной стене города соответственно направлению сохранившихся магистралей периода обживания городища.

М. И. Филанович

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДРЕВНЕЙШЕГО ПОСЕЛЕНИЯ НА АФРАСИАБЕ

В связи с одной из главных проблем археологического исследования городища Афрасиаб, поставленных самаркандским отрядом экспедиции АН УзССР, а именно изучением стратиграфии, особое внимание привлекла северо-западная часть первого городского укрепления. Именно эта территория была вторым местом на городище, где А. И. Тереножкин при разведках 1945—1948 гг. обнаружил пункты с самыми древними слоями обживания (Афрасиаб I) и материалом, отнесенным им вначале к III—II вв. до н. э.[1], а впоследствии к VI—IV вв. до н. э.[2] Кроме того, раскоп близ северного обрыва городища обнажил культурные напластования первых веков до н. э. — первых веков н. э.[3] Одного из первых исследователей Афрасиаба В. Л. Вяткина результаты раскопок именно в этой местности заставили изменить принятую им ранее точку зрения о возникновении города в IV—V вв. н. э. В. Л. Вяткин вынужден был признать наличие и более раннего периода культуры, который датировал II—III вв. н. э.[4], а затем углубил до I—II вв. н. э. В 1932 г. он окончательно

---

[1] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4, стр. 128.

[2] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 154.

[3] А. И. Тереножкин. Вопросы. . , стр. 129.

[4] Отчет о работе Узкомстариса за 1929—1930 гг., ЦГА УзССР, ф. 2296, оп. 1, № 16, стр. 8.

пришел к заключению, что основание Самарканда на Афрасиабе можно «безошибочно отнести к первым векам н. э.»[5]. Эти выводы, естественно, не попали в ранее вышедшую работу «Афрасиаб — городище былого Самарканда».

Таким образом, более подробное исследование территории внутри первого укрепления обещало пролить свет на время и историю начала заселения городища и первые века его существования. При общеизвестной многослойности и перемещенности стратиграфии Афрасиаба это было бы большой удачей.

По рельефу современной дневной поверхности вся территория грубо распадается на три почти равные части. В центре расположена возвышенность подпрямоугольного очертания площадью примерно 7 *га;* западнее — почти равная ей по размерам низина; к востоку — также низина, в которой над всей местностью господствует квадратная цитадель. По западному и северному краю западной низины сохранилась гряда городской стены, нависшая почти 40-метровым обрывом над протоком Сиаб, который омывает городище с внешней стороны. Далее к востоку стена, сливаясь с культурными слоями возвышенности либо вообще отсутствуя, в рельефе не видна.

К началу стационарных работ афрасиабского археологического отряда центральная возвышенность была уже сильно изрезана прежними раскопками. В. В. Бартольд[6] отождествлял по письменным данным этот массив с местом соборной мечети Самарканда X в. В. Л. Вяткин расчистил кое-что из руин последней мечети, уничтоженной в 1220 г. монголами[7]. Западная низина не тронута раскопками. Здесь почти в центре автором статьи и был заложен стратиграфический шурф (№ 3). Начатый весной 1961 г. он был продолжен в 1966 г. Как и следовало ожидать, здесь обнаружили мощные культурные слои. Шурф, вначале размером 2×2 *м,* затем расширенный до небольшого раскопа 7×4 *м,* имел

---

[5] В. Л. Вяткин. Дневники и записи. Тетрадь № 7, ЦГА УзССР, ф. 2296, стр. 59.

[6] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года, Соч., т. IV, М., 1966, стр. 131.

[7] В. Л. Вяткин. Дневники и записи. Тетрадь № 4, стр. 8, 12.

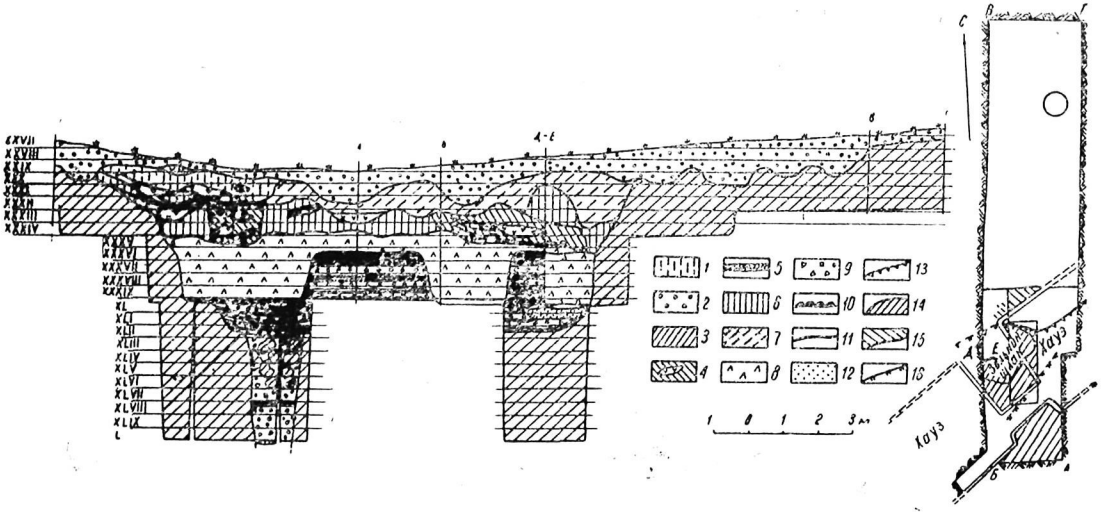

Рис. 1. План и развертка шурфа № 3:

1—слой с керамикой первых веков н. э., *2*—слой мусульманского кладбища, *3*—материковый слой, *4*—мусорная свалка III—II вв. до н. э., *5*—прослойка натеков, *6*—стерильный слой желтого лесса, *7*—смешанный слой, *8*—заполнение верхней системы хаузов, *9*—осадочный слой лесса, *10*—плотная бурая болотная глина, *11*—песчаная прослойка, *12*—зольник и отвал гончарного брака, *13*—линия берега второго водоема, *14*—часть хауза, вырубленная в натечном слое, *15*—часть хауза, вырубленная в материковом склоне, *16*—линия берега первого водоема.

глубину 10,5 *м*. Несмотря на его сложную стратиграфию, получены интересные материалы к характеристике древнего поселения на Афрасиабе.

Стратиграфия нижних слоев с XXXV по L ярус фиксирует три этапа земляных работ, проведенных в низине древними поселенцами. Выявлен древнейший склон лессового материкового обрыва, резко обрывающийся к югу в лощину. Этот склон со временем подтесывался, сохраняя, однако, общее направление юго-запад — северо-восток. На первом этапе работ он подтесан до гладкой, почти отвесной стенки под углом 84°. Есть основание думать, что был выкопан котлован, сохранившийся с середины XLII яруса на глубину 4,5 *м*. Заполнен резервуар мелким рыхловатым лессом. Однородность его в одном месте нарушена 20-сантиметровой прослойкой натеков, а в самом верху — огромными глыбами материкового лесса, оторвавшимися от склона. На разных уровнях в лессе рассеяны черепки посуды и куски пористых керамических шлаков. Характер заполнения ничего не говорит о назначении котлована, хотя отмученный лесс очень похож на осадочный слой.

На втором этапе земляных работ выше первого слоя, а частично и в нем был выкопан второй резервуар. Его стенка более пологая и дальше врезана в лессовый склон. Сохранившаяся глубина — 3 *м*. Заполнение резервуара резко отличается от нижележащего. Это — чередующиеся 20-сантиметровые и толще прослойки мелкого осадочного лесса, песка, натеков и плотной болотной глины бурого цвета. Все говорит о периодическом заполнении котлована водой и постепенном его заболачивании. В какое-то время, когда вода отсутствовала, в яму попал отвал золы, керамического шлака и брак гончарной продукции, что косвенно указывает на существование где-то вблизи берега резервуара обжигательных керамических печей.

Итак, второй резервуар похож на искусственно вырубленный водоем. В заполнении попадаются фрагменты керамики, составляющей вместе с браком гончаров и посудой нижнего котлована типологически единый комплекс.

Когда водоем заилился и обмелел, а возможно, после некоторого периода запустения на его месте были предприняты новые земляные работы (третий этап). В слоях старого

водоема и лессовом склоне было прорыто несколько небольших резервуаров. Частично расчищены два (один шириной более 4 *м*), сообщающиеся канальцем длиной 2,1 *м* и шириной 0,8 *м*. Резервуары сохранились на глубину до 2 *м* и имели наклонные берега (75°). На их стенках видны следы инструмента, использованного для копания. Это, очевидно, орудие типа кетменя с закругленным рабочим краем. Вся система вытянута в том же направлении, что и первоначальный котлован, слегка наклонена к северо-востоку.

Обследование берегов и дна, проведенное вместе с геологами[8], установило в углах резервуаров небольшие скопления болотной глины: на стенках на разных уровнях — следы водного потока, на дне канальца — небольшой слой мелкого песка с рисунком течения. По мнению геологов, резервуары служили водохранилищем, но в течение некоторого времени они были сухими, так как на берегах образовались высолы от длительного воздействия солнца и воздуха, а на дне скопился небольшой слой илистых натеков. Водоемы, очевидно, поддерживались в порядке, но использовались непродолжительное время. В силу каких-то причин вода туда перестала поступать, они оказались заброшенными и занесенными лессом. Признание верхних резервуаров водоемами подкрепляет подобное определение нижележащих котлованов. Таким образом, низина, где заложен шурф № 3, оказывается местом, где издревле было вырыто общественное хранилище воды для нужд близлежащего поселения. Оно поддерживалось, углублялось либо выкапывалось заново.

Направление, в котором вытянута верхняя система хаузов, и небольшой наклон дна указывают на то, что источник водоснабжения был на юго-западе, вода на участке шурфа шла самотеком в северо-восточном направлении, где археологически отмечены слои древнейшего поселения. Для определения времени существования системы водоснабжения обратимся к керамическому материалу из заполнения всех котлованов. В общем он единообразен, кроме нескольких выпадающих из общего комплекса форм, встреченных в за-

---

[8] Для консультации были приглашены сотрудники Самаркандской геологической экспедиции Н. Н. Салькова и В. С. Корсаков.

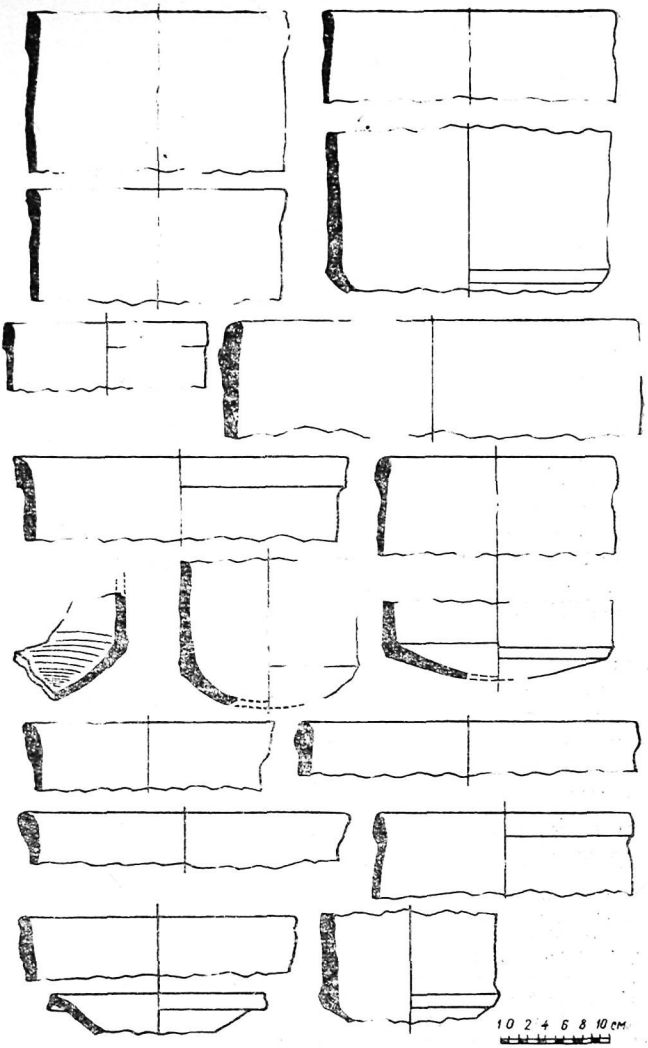

Рис. 2. Керамика VII—IV вв. до н. э.

полнении верхних хаузов. Основную группу составляют фрагменты толстостенных сосудов типа хумчей с перегибом стенки у дна и широким манжетовидным или валиковидным венчиком. Почти вся посуда с гончарного круга из плотной розовой глины с примесью блесток слюды покрыта беловатым ангобом. На днище сохранились следы песчаной подсыпки. Есть также черепки тонкостенных сосудов. Комплекс не столько повторяет ранее обнаруженный А. И. Тереножкиным, сколько дополняет его такими формами, как горшковидный кубок ручной выделки, кухонный котел со сфероидным туловом, отогнутым наружу венчиком и вертикальной петлеобразной ручкой. К известному ранее прибавляется огромное разнообразие профилей венчиков цилиндро-конических хумчей. Теперь, когда во многих областях Средней Азии исследованы слои с подобным однотипным, хоть и имеющим слабые локальные отличия керамическим материалом, общая его датировка VI—IV вв. до н. э. принципиальных возражений не вызывает. При общей близости афрасиабских форм посуды комплексу Кобадиан I в Бактрии, датируемому М. М. Дьяконовым VI—IV вв. до н. э. с оговоркой о возможности более древней даты[9], наибольшие элементы сходства обнаруживаются в археологической керамике Хорезма (в частности Кюзели-гыра VI—V вв. до н. э.[10] и особенно в материале древноей Маргианы[11]).

Афрасиабский комплекс из шурфа № 3 соответствует стадии Яз III (сер. V — сер. IV вв. до н. э.) с элементами более древней — Яз II (сер. VII — сер. V вв. до н. э.). Общую датировку его VII—IV вв. до н. э. подтверждает и обнаруженный С. К. Кабановым в слое на материке Р-6 (в 150 *м* к северо-востоку от шурфа № 3) бронзовый двуперый втульчатый наконечник стрелы[12].

---

[9] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган, МИА СССР, № 37, 1953, стр. 282.

[10] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1959, стр. 71, рис. 2, стр. 73, рис. 4.

[11] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА СССР, 73, 1959, стр. 208, табл. XI, 1, стр. 204, табл. XXXVII, *15*; З. И. Усманова. О времени возникновения поселения на месте городища Эркала, Известия АН ТССР, 1960, № 4, стр. 31.

[12] С. К. Кабанов. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, рукопись, стр. 51, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР.

Уже отмечалась некоторая особенность керамики из заполнения верхних хаузов. Среди обычных цилиндроконических сосудов здесь встречены фрагменты, тяготеющие к более позднему комплексу, стратиграфически выявленному в этом же шурфе и на других участках городища. Это — фрагмент тарелочки с отогнутым бортиком и горшковидного кубка. Сам по себе материал весьма незначительный, но в совокупности с данными других шурфов на той же территории позволяет поставить вопрос о переходном комплексе керамики, существовавшем в определенный период времени. Наиболее показателен в этом отношении шурф № 1 на Р-26, заложенный на центральной возвышенности весной 1966 г. Интересующий нас материал лежал здесь в слое на материке. Обращает на себя внимание малый процент крупных цилиндроконических сосудов. Появилась форма тагоры толстостенной с валикообразным венчиком. Почти все банки тонкостенные с венчиками в виде плоских валиков или заостренных манжет. Характерно уменьшение угла перегиба стенки в ряде сосудов, так что они скорее похожи на цилиндры. Тенденцию к сплющиванию банковидных форм отмечает для поздних слоев Яз-депе В. М. Массон[13].

Присутствует в комплексе миска с прямыми стенками. Встречены выступающие поддоны от сосудов, покрытых желтовато-красным ангобом, а также фрагмент кубка того же цвета, имевшего, видимо, высокую ножку, и чаши, возможно, на невысоком поддоне. Обе последние формы отличаются по цвету и оформлению и свидетельствуют о более высокой технике изготовления. Обе формы встречены на Афрасиабе в слоях III—II вв. до н. э.[14]

С. К. Кабанов, проследивший типологическое развитие обеих форм, пришел к выводу, что они появились в керамике Средней Азии в IIIв. до н. э., причем кубок, возможно, позаимствован местным гончарством у завоевателей-греков[15]. Опираясь на данные шурфа № 1 Р-26, можно отметить, что III в. до н. э. не является столь абсолютным хронологическим пределом для них.

---

[13] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы.., стр. 41.

[14] А. И. Тереножкин. Согд и Чач.., стр. 69. С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, СА, 1964, № 3, стр. 81, рис. 4 *(2, 3, 5)*.

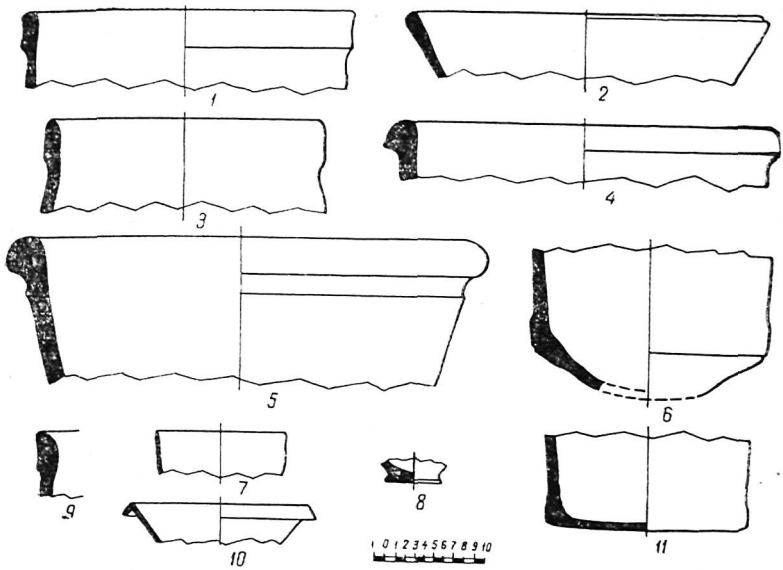

Рис. 3. Керамика IV в. до н. э.

Нахождение фрагментов этих форм в четко выделенном комплексе на Афрасиабе, хорошо зажатом стратиграфически (слой с этим материалом отделен в шурфе № 1 от вышележащего светлой грунтовой прослойкой, а керамика этого последнего имеет существенные отличия, хотя и продолжает эволюцию), свидетельствует о существовании переходного периода, когда архаичные формы посуды и формы будущего сосуществовали. Исходя из внутренней стратиграфии, представляется наиболее вероятным отнести его к IV в. до н. э. Черты переходности к более позднему местному разнообразию керамики подмечаются сейчас почти везде, где встречены цилиндро-конические формы посуды. Следова-

[15] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция.., стр. 85, 86.

тельно, сейчас с большим основанием можно ставить вопрос о верхней границе распространения этой керамики. В соседней с Согдом Бактрии в стратиграфии Калаи-Мира давно подмечено сосуществование баночной керамики с более тонкостенной, как пиалы, тарелочки, чаши на поддоне, присущей III — II вв. н. э.[16] Судя по опубликованным данным, материал близко связан с афрасиабским переходным IV в. до н. э.

Смешанность старых и новых черт в определенной группе керамики Бактр, древней столицы Бактрии, отмечает Ж. Гардэн и относит ее к III в. до н. э.[17] Возможно, датировка была бы точнее, если бы французская экспедиция исследовала стратиграфию методом обычных шурфов и раскопов, а не системой слишком узких зондажей.

Ту же картину дает ознакомление со стратиграфией культурных центров древней Маргианы и Тедженского оазиса. В шурфах Гяур-калы и Эрк-калы Старого Мерва выявлен переходный комплекс от Яз-III к раннепарфянской керамике, включающей формы чаши, тарелочки, кубка, широкогорлого кувшина, датируемых IV—нач. III вв. до н. э.

В Хорезме также выделяются комплексы — связующее звено архаической и кангюйской керамики. Это прежде всего материалы из верхнего слоя Кюзели-гыра, Калалы-гыра I, поселения у Дингильдже. Несмотря на присутствие здесь же строительных остатков из квадратного сырца, исследователи этих памятников считают пока возможным относить и материал, и слои к V или к рубежу V и IV вв. до н. э.[18] Лишь переходной комплекс из Хазараспа датируется IV—III в. до н. э.[19] Однако больше всего родственных черт

---

[16] Н. Н. Забелина. Раскопки на городище Калаи-Мир, МИА СССР, 1953, № 37, стр. 301.

[17] J. Gardin. Ceramiques de Bactres Memoires de la délégation archeologique française en Afganistan, v. XV, Paris, 1957, p. 44, 45, 93.

[18] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 112; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма.., стр. 78, Она же. Раскопки археологического поселения близ Дингильдже. Полевые исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., М., 1956, стр. 78.

[19] М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, вып. 6, М., 1963, стр. 175, 182, 199.

с афрасиабским комплексом обнаруживает керамика Халчаянского городища, где наряду с баночными формами встречены тарелочки, чаши на выступающем поддоне и отмечено покрытие красным ангобом. Керамика датирована IV—III вв. до н. э. Но в этом комплексе в отличие от афрасиабского нет фрагментов кубков[20].

Таким образом, археологически подтверждается, что повсеместно в областях древней оседлой культуры Средней Азии была не просто смена форм керамики, а появлялся характерный комплекс, бытование которого в общем приходится на IV в. до н. э.

Появление новых форм посуды, означающее переход от прежнего стойкого единообразия к будущему господству локальных культурных признаков, видимо, было не случайным или внесенным извне, и произошло еще до знакомства местных народов с греческой культурой. Оно было связано, очевидно, с усовершенствованием технологии и навыков гончарства, было естественным результатом процесса развития ремесленного производства. Сдвиги в этой отрасли ремесла — лишь частное проявление общих изменений в экономике, технике и социально-политической истории, которые начали проявляться в среднеазиатском обществе в IV—III вв. до н. э. вследствие завершения процесса разложения первобытно-общинных отношений и возникновения классового строя.

Итак, возвращаясь к характеристике стратиграфии шурфа № 3, отметим, что вся 8-метровая толща культурных напластований, состоящая из заполнения трех вырытых один над другим водоемов, приходится на VII—IV вв. до н. э., причем последний этап земляных работ следует датировать концом V — началом IV вв. до н. э. Тогда и была создана система сообщающихся хаузов. По сравнению с нижележащими примитивными котлованами она была уже достаточно сложным инженерным сооружением. Если нижние водоемы сравнимы с водосборными сооружениями поселений еще родового общества, отличавшимися, как например, бассейн Намазга-депе, обширными размерами и большой глубиной[21], то верхняя система конца V — начала IV вв. до н. э.

---

[20] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, Ташкент, 1966, стр. 32, 33, рис. 11.

[21] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркестана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 17.

представляется пока уникальной и, несомненно, связана с развитием техники классового общества. Есть упоминание бассейна этого времени на поселении у Дингильдже, но, судя по описанию, это был простой котлован небольших размеров[22]. Возможно, система афрасиабских хаузов — это своего рода отстойники для очистки воды. Обращает на себя внимание небольшое углубление (шириной 30 *м*) непонятного назначения в стенке одного хауза. Это не случайно, такой прием существовал в технике древнего ирригаторства, на что указывает и обнаружение подобного устройства в бассейне поры средневековья в Термезе, где в берег был вделан хум[23].

Жители поселения на Афрасиабе конца V—начала IV вв. до н. э. владели ирригационной техникой на уровне последних достижений своего времени. Это подтверждается и сооружением Арзиса — сложного длинного акведука со свинцовыми трубами, подводившего воду самотеком с юго — юго-запада[24]. На то же направление источника указывает и система хаузов более раннего времени. По стратиграфическим данным запустение ее приходится на IV в. до н. э. В слои заполнения хаузов врезается мусорная свалка материалом, непосредственно сменившим по времени переходный комплекс. Свалка также прорезала образовавшийся над водоемами почти метровый слой стерильного наносного лесса, который свидетельствует об определенном периоде запустения.

Керамика из свалки идентична комплексу, сменившему переходный, и керамике, обнаруженной в шурфе № 1 Р-26 на возвышенности. Преобладают фрагменты сосудов розовой глины, с беловатым ангобом, встречены черепки с черным, серым и красным ангобом. На некоторых красных черепках — следы вертикального лощения. Керамика обнаруживает дальнейшее развитие и увеличение форм, появившихся в переходный период. Широко представлены чаши на невысоком поддоне и кубки на высокой ножке, а также

---

[22] С. П. Толстов. По древним дельтам . . , стр. 106.

[23] В. Д. Жуков. Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей, Труды ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 143.

[24] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, Соч., т. III, М., 1965, стр. 188.

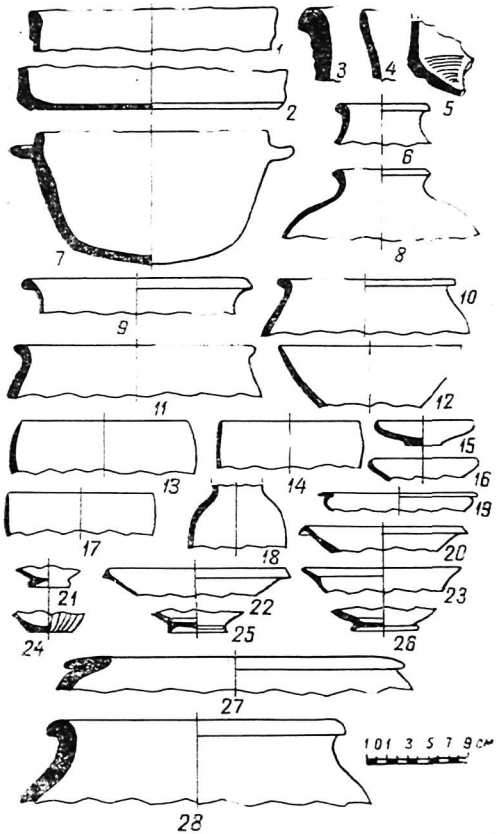

Рис. 4. Керамика III—II вв. до н. э.

торшки с узким и широким горлом и отогнутым венчиком, тарелочки и плоские пиалы тонкой выделки с манерно изогнутыми профилями венчиков. На дне чаш и тарелочек — выступ-углубление. К числу новых форм следует отнести также кувшин с довольно узким горлом и хумчу с яйцевидным туловом и горизонтальным плоским и широким венчиком. Последняя, возможно, относится еще к формам пере-

ходного периода. Аналогичный комплекс выявлен С. К. Кабановым на Р-6 вблизи шурфа № 3 и датирован им III—II вв. до н. э.[25]

Стратиграфия шурфов № 3 и № 1 Р-26 полностью подтверждает эту датировку.

Запустение бывших водоемов кончилось уже в III в. до н. э. Связано оно было, видимо, с запустением всего поселения. На это указывает стерильный слой лесса, перекрывший остатки водоемов. Здесь была свалка, а затем, видимо, просто пустая площадь, так как вся толщина оставшихся до современной дневной поверхности слоев, включая и мусульманское кладбище наверху, едва достигла 1,5 *м*.

В сочетании с материалами других раскопов в пределах первого укрепления данные шурфа № 3 убеждают в том, что ко времени прихода войск Александра Македонского в Среднюю Азию здесь уже было значительное поселение, ведущее свою историю по крайней мере с VII в. до н. э.

Общество, которому оно принадлежало, стояло на том же уровне экономического и технического развития, что и другие центры оседлой земледельческой культуры Средней Азии первого тысячелетия до н. э., о чем в частности свидетельствует устройство довольно сложной системы водоснабжения поселения. По всем признакам это поселение было частью Мараканды, столицы Согда, отождествляемой с Афрасиабом.

Была ли вокруг исследуемой территории городская стена столь глубокой древности или она проходила в другом месте, археологически пока не установлено. Следует внимательнее отнестись к сообщению Арриана об огромных размерах городов Согдианы[26] и к наиболее раннему описанию Мараканды Квинтом Курцием, который называет в ней цитадель (как и Арриан) и внешнюю стену до 70 стадий[27]. М. Е. Массон склонен видеть в ней стену городской округи, проходившей за пределами видимого сейчас укрепления

---

[25] С. К. Кабанов. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, стр. 58, 67.

[26] Арриан. Поход Александра, М.—Л., 1962, стр. 135.

[27] Там же, стр. 138; Квинт Курций Руф. История Александра Македонского, М., 1963, стр. 273.

Афрасиаба[28]. Возможно, территория, обведенная только в III в. до н. э. первой стеной, была древнейшим ядром Афрасиаба, незащищенным поселением у подножия цитадели. Такими были на той же стадии (в VII—IV вв. до н. э.) Яз-депе, Гяур-кала и другие пункты Маргианы, Элькен-депе[29], а возможно, и древние Бактры[30]. Разросшееся поселение могло потом быть обнесено стеной, а древнейшее ядро, собственно город, так и осталось неукрепленным рядом с цитаделью.

Около цитадели группировались не только жилые кварталы, но, как и в древней Маргиане (Уч-депе), и ремесленные кварталы[31]. Нечто подобное, видимо, существовало и в Мараканде. На возможное сосредоточение гончарного ремесла в западной низине невдалеке от водоема указывает отвал гончарного брака в шурфе № 3.

Вся эпопея борьбы согдийцев с македонскими завоевателями, особенно избиение их после второго восстания в 328 г. до н. э., должна была пагубно сказаться на жизни города. Возможным отражением этих трагических событий и является стратиграфически зафиксированный факт запустения системы водоснабжения в IV в. до н. э. Но, несомненно, уже в III веке до н. э. жизнь возрождается (по данным 4 раскопов на территории первого укрепления). Стратиграфия подтверждает высказанное ранее мнение М. Е. Массона о том, что в III в. до н. э. начинается период нового подъема городской жизни древнего Самарканда[32], в противовес точке зрения В. В. Бартольда, считавшего, что после разгрома Александром город на несколько столетий перестал существовать[33]. Только система водоснабжения никогда не была больше возрождена на прежнем месте. Свинцовый водопровод Арзис, пришедший ей на смену, был проведен, видимо, ближе к вновь обжитым районам города.

---

[28] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 158, схема 2.

[29] Г. А. Пугаченкова. Пути развития . . , стр. 17, 19.

[30] Marc Le Berre, Daniel Schlumberger. Observations sur les remparts de Bactres. Memoires de la délégation archeologique française en Afganistan, v. XIX, Paris, 1964, fig. 10 (1).

[31] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, стр. 68, 83.

[32] Там же, стр. 158.

[33] В. В. Бартольд. К истории. . , стр. 186.

Г. В. Шишкина

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВЫХ ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ ИЗ РАСКОПОК НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ АФРАСИАБА

В научной литературе сложилось представление о Самарканде как о крупном городе середины первого тысячелетия до н. э., занимавшем всю территорию городища Афрасиаб, отождествляемого с завоеванной Александром Македонским Маракандой[1]. Результаты первых лет работы на городище экспедиции сектора археологии АН УзССР поколебали это убеждение. Возникло предположение об освоении значительных пространств городища не раньше IX в. н. э.[2], что как будто подкреплялось исследованием городских стен. В этой связи участник экспедиции М. Пачос, исследовавший укрепления, вновь поставил под сомнение вопрос о локализации на Афрасиабе[3].

Районом, вошедшим в черту города не раньше IX в., представлялась и западная окраина городища между двойным кольцом укреплений и внешней городской стеной. Несколько шурфов, обследование ям и промоин не выявили

---

[1] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, М. — Л., 1950, стр. 155; М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 158.

[2] См. Я. Крикис, М. Пачос, Ш. Ташходжаев, М. Федоров Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афрасиаба, Научные работы и сообщения, кн. 7, Ташкент, 1963, стр. 235, 236.

[3] М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 16, 17. Против локализации Мараканды на Афрасиабе высказывались В. Л. Вяткин, В. В. Бартольд и Б.Я. Ставиский, позднее отказавшийся от своей точки зрения.

материалов и тем более слоев древнее IX—X вв. н. э. И только с расширением площади раскопов, сети шурфов и увеличением числа разрезов стен картина изменилась. Значительно умножилось количество пунктов с залеганием слоев середины первого тысячелетия до н. э., первых веков до н. э. и более поздних. Кроме того, стали известны остатки древних городских укреплений.

По северному и западному краю городища выявлены следы оборонительных сооружений, сохранившихся в виде террасы, открытой в сторону обрыва над Сиабом и ограниченной вертикальной лессовой стенкой со стороны городища. О времени функционирования этих укреплений дает представление скопившаяся на одном из участков «террасы» керамика середины первого тысячелетия до н. э.[4] На севере городища, на месте зачистки А. И. Тереножкина (пункт 43) под средневековой городской стеной зафиксирован внутренний край несколько более поздней, чем «террасы», пахсовой стены, внешняя часть которой вместе с подстилающими ее лессовыми пластами обрушилась в Сиаб (раскоп 12А, рис. 1). К внутренней поверхности стены прилегал значительной протяженности двухметровый толщины зольник[5]. Время возведения стены определяется керамикой из зольника[6], формы которой не позволяют датировать накопление зольника временем позднее IV в. до н. э. И сама стена, таким образом, должна датироваться не позднее этого времени.

Строго зафиксированные пункты обнаружения слоев середины первого тысячелетия до н. э. (Афрасиаб I) сосредоточены в северо-западной четверти и на юге городища. На северо-западе Афрасиаба между двойной и внешней городскими стенами к этому времени относятся: зольник, лежа-

---

[4] Разрез 6, где работы велись под наблюдением М. И. Филанович. См. также: М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаб, СА, 1967, № 1. На рис. 6 ясно виден культурный слой, лежащий на горизонтальной площадке «террасы» (на разрезе А—Б слева, на разрезе В—Г справа).

[5] Несмотря на прекрасную видимость остатков стены и в натуре, и на составленном под наблюдением автора работ чертеже, М. Пачос в своем исследовании об этой стене, а также более ранних «террасах» не упоминает.

[6] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, II, *1*.

Рис. 1. План Афрасиаба. Значками обозначены пункты отдельных находок и слои II периода, арабскими цифрами — номера раскопов.

щий на краю древнего оврага[7], находки А. И. Тереножкина на трассе дороги в аэропорт[8] и отдельные предметы из раскопа 9.

Исследование стратиграфии городища в этом районе дает более полное представление о последующих двух периодах — Афрасиаб II и III. Наибольшие результаты дали работы на территории раскопа 9, лежащего у западного края дороги Самарканд — аэропорт. До материкового слоя здесь доведены девять шурфов, большая часть которых, правда, незначительна по площади. Два шурфа с культурным слоем около 2 *м*, считая от пола X в., не дали выразительных материалов[9].

Три шурфа в восточной части комплекса выявили единую картину: материковый лесс здесь лежит на глубине около 5—5,5 *м* от реперной точки, VIII—IX ярусы содержат керамику VII—VIII вв., ниже слой около 1 *м* с красноангобированной, лощеной керамикой. Кроме того, расчищена яма, верхний край которой прорезает культурный слой[10]. Наиболее выразительную стратиграфию показали шурфы 2 и 3 (рис. 2). Шурф 2 вырыт у среза дороги Самарканд — аэропорт на пологом холме севернее объектов В. Л. Вяткина и открыт в сторону дороги. Заложен он в связи с тем, что при осмотре разрезов вдоль дороги были найдены следы канала: омытые, сглаженные водой поверхности материка, крупный окатанный песок и разной степени окатанности фрагменты керамики и костей животных. По-видимому, это — русло западного магистрального канала. Глубина шурфа от нулевой точки 6,8 *м* и от поверхно-

---

[7] Вскрыт в 1967 г. под наблюдением С. К. Кабанова.

[8] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, II, *2, 3, 4, 9, 10*.

[9] М. Пачос, Ш. Ташходжаев, М. Федоров. Отчет об археологических работах на Афрасиабе, осень 1960 г., рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР.

[10] Я. Крикис, М. Пачос, Ш. Ташходжаев, М. Федоров. Жилой комплекс IX—X вв. в западной части Афрасиаба. Научные работы и сообщения, кн. 7, Ташкент, 1963, стр. 235, рис. 2. Чертеж упрощен и упомянутый слой не отмечен.

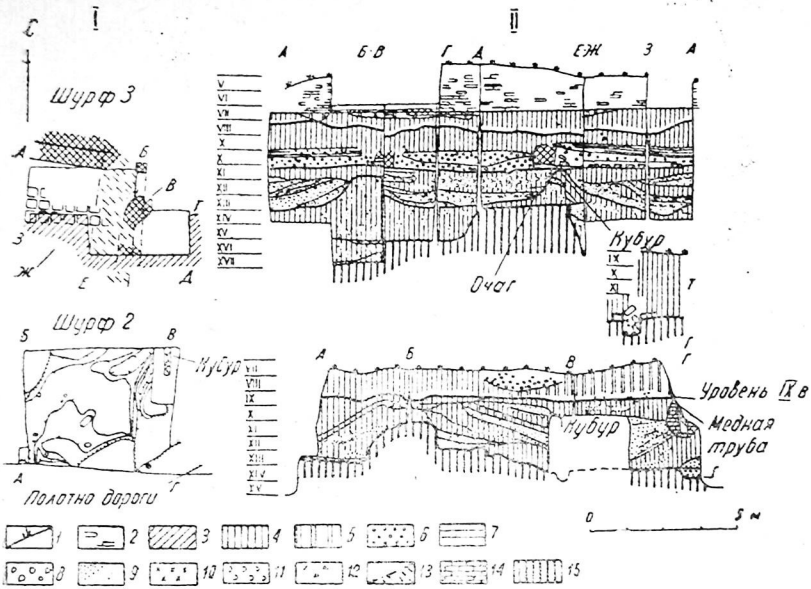

Рис. 2. Планы (I) и разверстки (II) шурфов 2 и 3:

1—задернованная поверхность; *2*—кладка из сырцового кирпича; *3*— разрезы сырцовых кладок IX—X вв.; *4*—плотный слой; *5*—рыхлый слой; *6*—крупный песок; *7*—слоистый натек; *8*—завал сырцового кирпича; *9*—зольники и отдельные включения золы; *10*—гумусный слой; *11*—фрагменты жаровен; *12*—жженый кирпич; *13*—глинобитная стена; *14*—плотная трамбовка водоотводного устройства IX в.; *15*—материковый лесс; штриховка клеткой — стены I—II вв. н. э.

сти 4,0 *м*. Верхний слой (VII — VIII, частично IX ярусы) содержит культурные остатки времени не позднее первой половины IX в. с незначительным количеством керамики VI—VIII вв. Ниже отделенные четким горизонтальным уровнем наклонно лежат многослойные зольники, образовавшиеся на берегу канала и постепенно заполнившие его русло. Керамика в зольниках более ранняя, с преобладанием краснолощеной. Насыщенность слоев керамикой довольно равномерная — 10—15 черепков на 1 $м^3$, не считая отдельных участков зольников и углублений на дне канала со сплошными скоплениями керамики.

От раскопа 9 на запад в направлении к городской стене проложена траншея шириной 2 *м* и общей протяженностью 36 *м*, на значительном пространстве которой стратиграфия слабо выражена и культурные наслоения представлены однородным плотным слоем без каких-либо границ. В то же время смена керамических форм от поздних вверху к более ранним внизу дает верную картину образования слоев. Однородность же структуры грунта объясняется, вероятно, медленным накоплением слоев на участках, не занятых строениями и не использованных под мусорные свалки. В шурфе 4 (в большом западном дворе здания IX—X вв.) грунт очень плотный. И в то же время создается впечатление, что он часто перемещался, поверхности нарушались, потому и невозможно выделить разновременные слои. Вполне допустимо, что отсюда, с пространства, так и оставшегося не застроенным, при возведении архитектурного комплекса IX—X вв. брали землю и замешивали глину на кирпич. Поэтому керамика здесь незначительна по количеству, фрагментарна и несет следы долгого пребывания в мокрой земле. Стенки найденных здесь больших сосудов покрыты слоем трудносмываемой тонкой глины. Изредка попадались кости животных, угольки, обломки жженого кирпича.

На уничтожение ранних слоев при строительстве IX—X вв. указывают постоянные находки в завалах и в теле сырцовых кирпичей мелких осколков краснолощеных сосудов, в том числе и профилированных кубков.

Более всего ранние наслоения пострадали в центре площади, занятой зданием IX в., где они лежали ближе к поверхности на естественном холме.

Расчистка одного из подземных помещений (раскоп 9, погреб 2) обнаружила, что своей нижней частью оно прорезало древний водоем, заполненный плотными слоистыми натеками. На берегу водоема лежал небольшой зольник, из которого извлечены плоское грузило из сырой глины, обломки слабообожженной жаровни, фрагменты краснолощеного и чернолощеного кувшинов.

Керамический материал из нижних слоев шурфов раскопа 9 показал, что выделенные А. И. Тереножкиным стадии Афрасиаб II и III характеризуются одними и теми же формами, и различие между ними устанавливается по массовому количеству кубков на профилированных ножках в сло-

ях Афрасиаб III. Нижняя граница периода Афрасиаб II определяется появлением новых типов столовой посуды, среди которой преобладает красноангобированная, лощеная. Верхняя же граница комплекса Афрасиаб III отмечена формированием нового типа кубка на неустойчивой ножке.

При рассмотрении II и III периодов жизни города на северо-западе Афрасиаба в основу положена стратиграфия шурфа 3 раскопа 9, как наиболее четкая из полученных до сих пор. Характер наслоений в шурфе позволяет выделить в периоде Афрасиаб II четыре стратиграфических этапа.

Наиболее ранний (первый этап) из слоев II периода зафиксирован в двух пунктах (вскрыты небольшие участки его) на северо-западной окраине Афрасиаба (раскопы 9 и 7). Культурный слой лежит на материковом холме и по структуре близок лессу, не содержит ни гумусных, ни зольных отложений. На раскопе 9 его толщина 10—30 *см,* а в шурфе раскопа 7 структурно он не выделяется из общей толщи культурных слоев, но по залеганию керамики соответствующих форм определяется пределами 50 *см.* Шурфом 2 вскрыто русло канала, проведенного в северном направлении и орошавшего западные районы города. Канал прорезал только материковый лесс, никаких следов культурного слоя, нарушенного его руслом, не отмечено. Вода из канала отводилась в водоем, находившийся в нескольких метрах западнее. Водоем занимал площадь более 3×3 *м* (пока выявлен один берег) при глубине 0,90 *м,* дно его немного ниже русла канала. Еще западнее проходил широкий овраг, на берегу которого тоже прослеживается слой первого этапа. Ширина канала из-за сильной размытости берегов определяется примерно в 3,5 *м,* глубина 0,90—1,5 *м.*

С поверхности упомянутого выше слоя опущено погребение, прорезавшее его верхним (0,16—0,25 *м*) краем (см. рис. 6). Ширина погребальной ямы 0,60 *м,* глубина 0,50 *м,* ориентация север — юг с легким отклонением к западу. Открыто погребение в длину только на 1,30 *м,* так как остальная часть уходит под срез раскопа. Костяк лежит головой на юг, лицом на запад. Мелкие кости сильно потревожены грызунами, а ребра попали в область таза и даже на 30—40 *см* выше костяка в завал перекрывавших могилу кирпичей. Оставшиеся на месте длинные кости правой руки вытянуты вдоль туловища. У головы поставлен банковидный бокал с

поверхностью, обработанной вертикально-полосчатым лощением.

По западному краю могильной ямы уложены обломки сырцового кирпича (сторона более 30 *см*, толщина 11 *см*). Кирпичное перекрытие обвалилось. Погребение, судя по инвентарю, представленному единственным сосудом, правда, хорошей выделки, принадлежало рядовому горожанину. Датировка по типу сосуда затруднительна, поскольку не определена дата начала изготовления подобных бокалов. Некоторые параллели можно провести с погребением Тупхона, где грунтовые могилы первых веков до н. э. иногда обкладывались и перекрывались сырцовым кирпичом. Костяк лежал вытянутым на спине, а у изголовья ставились один — два сосуда[11].

В этом же районе на дне канала среди окатанной керамики найдены два целых и обломки пяти человеческих черепов, а в водоеме западнее русла канала—крышка черепа, уцелевшая в стенке позднего погребка. Обломки еще пяти черепов найдены в трех слоях, перекрывших уровень с описанным погребением.

По предварительному определению В. Я. Зезенковой, череп из канала принадлежал женщине зрелого возраста, европеоидного типа. Наблюдаются смешанные признаки типов средиземноморского и среднеазиатского междуречья. Лицевая часть черепа низкая, видимо, средней ширины, с сильно выступающим носом и низкими глазницами овальной формы. Сравнительно хорошей сохранности череп мужчины зрелого возраста из погребения принадлежит брахикранному европеоиду, с указателем черепа 81, 25. На европеоидность указывают такие признаки, как хорошая профилировка лицевого отдела, сильно выступающий нос с высоким переносьем, глубокие клыковые ямки и слабо выступающие скулы. Фрагменты черепов слишком мелки и определению не поддаются.

Находки разрозненных черепов и их обломков в районе погребения позволяют предположить наличие здесь кладбища, разрушенного в течение последующих этапов.

---

[11] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, МИА, М. — Л., 1950, № 15, стр. 176.

Комплекс керамики, полученный из слоев первого этапа II периода, количественно невелик, но достаточно выразителен. К этому времени уже сложились все характерные керамические формы, производство которых не прекращалось на протяжении двух периодов. Из столовой посуды в слое первого этапа найдены: глубокие светлоангобированные чаши с утолщенным треугольным в сечении венчиком (рис. 3, *30*), светлоангобированные чаши с клювовидным венчиком (рис. 3, *29*) и с закругленным внутрь краем (рис. 3, *59*), очень тонкостенная чаша, покрытая черно-бурым ангобом по светлому черепку. Горизонтальный, слегка вдающийся внутрь борт последней тщательно залощен, а по внутренней поверхности лощилом проведены радиальные петли (рис. 3, *46*).

В нижнем слое шурфа на раскопе 7 встречен фрагмент светлоангобированного бокала с перехватом у устья и отогнутым краем (рис. 4, *3*), имеющего сходство с сосудами из Хорезма[12], датированными IV—II вв. до н. э. Найдены тонкостенные бокалы с полосчатым лощением на небольшом донце (рис. 3, *19*) и поддоне (рис. 3, *25*), кувшины с невысоким горлом, утолщенным и слегка отогнутым венчиком (рис. 3, *79, 79а*). Сосуды хозяйственного назначения представлены фрагментами манжетовидных венчиков и стенок с подправленным ножом ребром при переходе к округлому днищу (рис. 3, *101—103*). А в шурфе раскопа 7 найден фрагмент сосуда с двойными стенками и сквозным отверстием диаметром 0,5 *см* в наружной из них (рис. 4, *11*). Он принадлежит древнейшим формам с изломом тулова, донная часть сформирована на гладко обработанной болванке, линия излома подрезана ножом[13]. Оттуда же извлечена лепная низкая чаша округлой формы, подправленная ножом по внешней поверхности и покрытая красным ангобом (рис. 4, *8*).

---

[12] М. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, Труды ХАЭ, IV, рис. 17, 33—36, 39.

[13] Котел с налепной второй стенкой около устья входит в комплекс Кобадиан II (II—I вв. до н. э.) городища Кей-Кобад-Шах, причем в наружную стенку вделан слив (на афрасиабском сосуде — отверстие). А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., МИА, 66, М. — Л., 1958, стр. 300, рис. 6, 18.

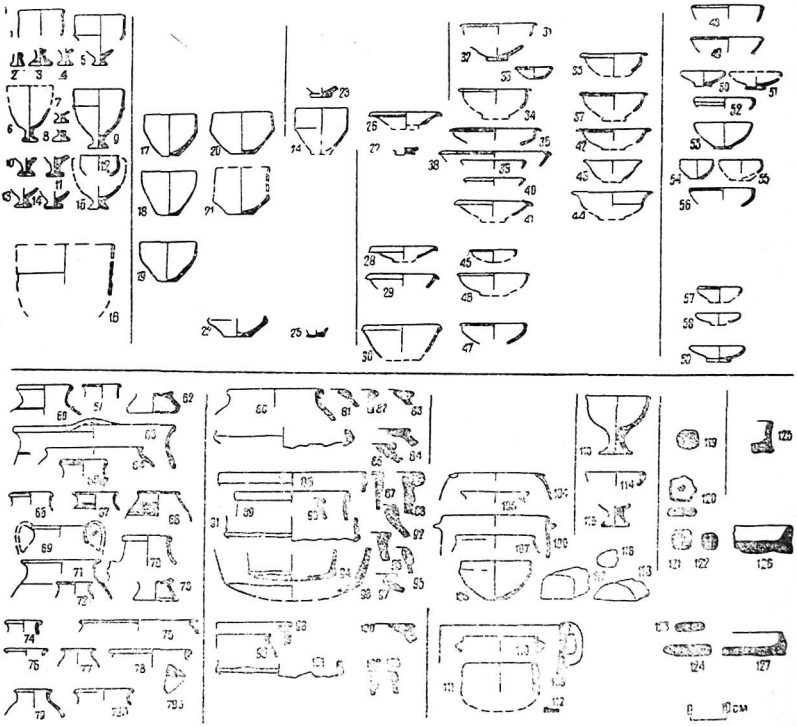

Рис. 3. Керамика из шурфов 2 и 3:

22, 47 — конец I периода; *19, 25, 29, 30, 46, 59, 79, 79а, 101—103* — первый этап II периода; *16, 58* — второй этап II периода; *28, 45, 57, 74—78, 79б, 98—100, 109—112, 123, 124, 127* — третий этап II периода; *6—15, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 34, 36—44, 50—56, 63—73, 84—97, 104—108, 114—118, 120—122, 126* — первый и второй этапы III периода; *1—5, 31—33, 35, 48, 49, 60—62, 80—83, 113, 119, 125* — третий этап III периода.

На втором этапе II периода жизнь у берега канала становится более интенсивной. Накапливается слой, содержащий мелкие угольки. Зольники и гумусные прослойки (рис. 2, шурф 3, ярусы XVI, часть XVII) свидетельствуют о близости жилищ. Поскольку на следующем этапе культурный слой частично срезан, мощность его неизвестна, ясно только, что толщина его превышала 0,70 *м*.

Среди керамики, повторяющей типы первого этапа, найден фрагмент большого (диаметр около 32 *см*) сосуда, возможно, типа кубка, с черным ангобом по красноватому черепку (рис. 3, *16*).

На третьем этапе II периода на участке шурфа 2 выравнивается ступенчатая поверхность с разницей в уровнях на 1 *м*. При этом срезается часть культурного слоя и верхушка материкового всхолмления. Над площадкой слой накапливается медленно, однородная и плотная структура его включает большое количество угольков (рис. 2, шурф 3, ярусы XIV и XV). Русло западного канала (шурф 2) начинает засоряться керамикой.

Столовая посуда третьего этапа представлена теми же типами вертикально-полосчатого лощения бокалов, чашами с клювовидным венчиком (рис. 3, *28*), лощеными чашами с Т-образным венчиком (рис. 3, *45*). Форма венчиков кувшинов изменяется, их очертания становятся угловатыми (рис. 3, *74—78*). Встречен фрагмент кувшина с волнистым процарапанным орнаментом (рис. 3, *79б*). Несколько фрагментов крупных сосудов хозяйственного назначения со слегка намеченным горлом, утолщенным и отогнутым венчиком не отличимы от сосудов I периода (рис. 3, *98*). Из кухонной посуды найдены фрагменты котлов с шишковидными налепами и сковороды (рис. 3, *110, 112*). Встречено большое количество плоских грузил из необожженной глины (рис. 3, *123, 124*) и фрагментов слабо обожженных жаровен (рис. 3, *127*).

На основании того же шурфа 3 в периоде Афрасиаб III на северо-западе городища выделены также три этапа.

В начале III периода на первом этапе у берега канала возводятся новые жилые постройки. Овраг заполняется культурными отложениями и отдельными зольниками. Вы-

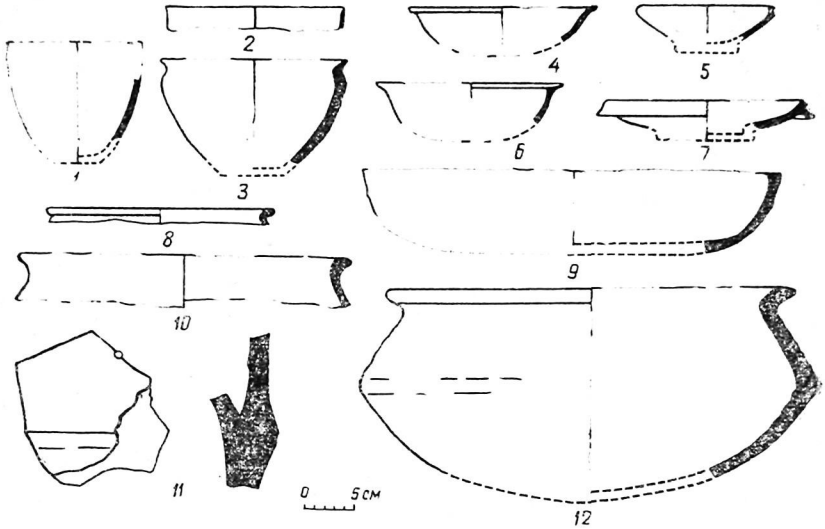

Рис. 4. Керамика из нижнего слоя шурфа раскопа 7.

явлена глинобитная стена шириной 1,5 *м*, окружавшая двор жилища. Стена по структуре неотделима от слоя, на котором стоит: та же плотность и насыщенность угольками и керамикой. Линия древней поверхности под стеной не прослеживается (рис. 2, шурф 3, ярусы XIV—XV). У самого основания стены во дворе сооружен глинобитный очаг, использовавшийся долгое время. Очаг заполнен тонкой белой золой, а его стенки сильно обгорели. Строительный комплекс, частью которого был окруженный стеной двор, обживался длительное время. Местами стена разрушилась, золу из очага стали выбрасывать тут же за пределы двора и она ссыпалась вдоль стены или задерживалась на ее разрушенном гребне. Но через некоторое время при ремонте стену расширили и в разрушенных местах надстроили.

Русло канала изрядно засорилось керамикой. Сильно окатанные фрагменты ее вместе с крупным песком заполнили вымытые быстрым течением лунки на дне русла. Затем сюда попали черепа, видимо, вымытые из погребений водными потоками. Некоторые из них пострадали от воздействия воды,

два же сохранились прекрасно. Один череп попал в водоем, к этому времени уже несколько затянутый глинистыми прослойками. Похоже, что присутствие черепов в канале послужило причиной расчистки нового русла, в старое же, ставшее теперь берегом, ссыпали мусор (рис. 2, шурф 2, ярусы XI—XIII). Как и на участке западнее канала зола и гумус накапливались быстро.

Через некоторое время, на втором этапе III периода в связи с перемещением жилья и двор, и пространство за его пределами стали использовать под свалку. Мусор накапливался быстро и скоро достиг гребня стены (рис. 2, шурф 3, ярусы XII—XIII). Зольные и гумусные прослойки оказались наиболее насыщенными керамикой. Обилие обломков слабообожженных жаровен указывает на широкое их использование. На этом этапе продолжается заполнение мусором старого русла западного канала.

Для слоев второго и третьего этапов характерно появление большого количества кубков на ножках, покрытых красным ангобом и сплошным лощением. Разнообразны варианты чаш с Т-образным (рис. 3, *38—41*) и плавно отогнутым бортом (рис. 3, *34, 37, 42—44*). Усложняется профилировка венчиков кувшинов, появляется клювовидный венчик (рис. 3, *70*), прежде у кувшинов не отмеченный.

На третьем этапе III периода свалка над упомянутым двором оставлена и постепенно затягивается лессовидным слоем с вкраплениями угольков (рис. 2, шурф 3, ярус XI). Слой, видимо, частично уничтожен при планировке площадки под здание I—II вв. н. э. Намечаются переходные формы к керамическому комплексу следующего периода. Меняется форма резервуара кубков, приближаясь к колоколовидной, появляется вариант неустойчивой ножки (рис. 3, *1, 2*). На смену тонкостенным чашам с горизонтально отогнутым бортом приходят более толстостенные и приземистые с углубленными полосками по борту (рис. 3, *35*).

Облик керамического комплекса II—III периодов определяется несколькими типичными формами: светлоангобированные чаши клювовидного профиля (рис. 3, *26—29*) и с закругленным внутрь краем (рис. 3, *50, 51, 57—59*), красноангобированные чаши Т-образного профиля и с отогнутым краем (рис. 3, *34, 36—44*), лощеные банковидные бокалы (рис. 3,

11—19), хумы с наклонными внутрь венчиками в виде горизонтальной площадки (рис. 3, *84, 85, 100)*, а для III периода еще и красноангобированные кубки на ножке (рис. 3, *6—15)*.

Столовая посуда отличной выделки из хорошо обработанной глины, часто со сглаженной поверхностью, покрывалась светлым или плотным красным ангобом. Сравнительно редка керамика с плотным густочерным ангобом и лощением на розовом черепке. Чаще встречаются темно-бурые ангобы, по интенсивности близкие к черному. Стенки некоторых сосудов, особенно лощеных чаш, иногда очень тонки (до 0,32 *см*).

Чаши с венчиком клювовидного профиля изготовляли на плоском, вогнутом или кольцевом поддоне, зеркало чаши часто с углублением (рис. 3, *26, 27*). Покрывались они только светлым ангобом. Для большинства чаш с закругленным внутрь краем характерен кольцевой поддон с утолщением в центре (рис. 3, *51, 59*). Такой формы поддон встречен в более раннем комплексе Маргианы—Яз II[14].

Чаши этого типа покрывались либо светлым, либо красным ангобом. Лощения на обоих типах чаш не отмечено.

Красноангобированные чаши обрабатывали лощением. У чаш с Т-образным бортом предварительно заглаживалась или слабо лощилась вся поверхность, после чего внутри лощилом проводились радиальные полоски или петли и до яркого блеска заглаживался борт[15]. Все четыре вида чаш были распространены на обширной территории в III—I вв. до н. э.[16]

Бокалы с рельефным пояском на поддоне (рис. 3, *24)* и баночной формы с плавной линией стенок (рис. 3, *17—19)* отличаются тщательностью выделки. Поверхность их обрабатывалась лощением. Верхняя часть второго типа бокалов

---

[14] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, № 73, М. — Л., 1959, табл. XXXVII, 16, XXXIX, 18.

[15] Рецидив этого способа орнаментации чаш отмечен для XIII—XIV вв. н. э. Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 года на средневековом городе Шемаха-кала Туркменской ССР, ТХАЭ, т. I, М., 1952, стр. 187, рис. 3.

[16] С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., МХЭ, вып. 4, М., 1960, рис. 42, *11—13*; З. И. Усманова. Раскопки мастерской ремес-

залащивалась горизонтальными почти сливающимися полосками, ниже лощилом проводились вертикальные линии разной частоты, а донце покрывалось беспорядочными петлями. Такие бокали с горизонтальным полосчатым лощением найдены восточнее Самарканда и датированы IV—II вв. до н. э.[17]

Вслед за светлоангобированными кувшинами со слегка утолщенным и отогнутым венчиком (рис. 3, *79, 79а*) появляются сосуды с более угловатой профилировкой горла с уступом или врезными линиями по плечику. Обычен орнамент врезной волнистой линией (рис. 3, *68, 79б*). На втором этапе III периода появились кувшины с резко отогнутым вниз венчиком[18], среди которых кувшины с широким сливом на плечике (рис. 3, *70*). Есть кувшины без ручек, с одной и двумя ручками. Пластинчатые ручки крепились к краю горла и плечикам. Найдена одна грубо слепленная ручка круглая в сечении. Кувшины часто покрывались красным ангобом в два слоя, первый из которых более рыхлый и блеклый, верхний же плотный, интенсивно-красный. Отдельные экземпляры отличаются прекрасной выделкой и покрыты сплошным лощением.

Баночная форма с резким, подправленным ножом ребром эволюционирует, ребро постепенно сглаживается и переходит в плавный изгиб стенки. Можно проследить последовательность развивающихся одна из другой форм (рис. 3, *22*→21→→ *20*). С определенного момента они идут параллельно двум другим типам бокалов (рис. 3, *17—19, 24*), но отличаются от

ленника парфянского времени на городище Гяур-кала, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, рис. 20, *6, 8, 15*. (Чаши клювовидного профиля у этих авторов представлены в виде крышек); Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 46, 47, рис. 1, 14; Она же. Парфянская керамика древнего Мерва, СА, 1958, 3, стр. 121, рис. 1, 9, 13, 14, 26, 27; К. Кацурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы, Труды ЮТАКЭ, т. XII, стр. 124, рис. 4, 6, примечание 15. J. C. Gardin. Céramiques de Bactres MDAFA, t. XV, Paris, 1957, pl. VII, 24 b. 23 a (i), a (2), pl. 19 b, 18 a, b.

[17] В. А. Ранов, Е. Д. Салтовская. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г., Археологические работы в Таджикистане, вып. VII (1959 г.), Душанбе, 1961, стр. 122, рис. 12 и 11, *4*.

[18] Клювовидная профилировка венчика кувшина зафиксирована в мервской керамике II в. до н. э. З. И. Усманова. Эрк-кала, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, рис. 30, *12*.

них сравнительно грубой выделкой, большей толщиной стенок, неангобированной или светлоангобированной поверхностью.

Крупные сосуды типа хумчи хозяйственного назначения сохраняют ту же форму, что и в предшествующий период. У них почти цилиндрическое тулово с манжетовидным венчиком по широкому устью и резким переходом толстых стенок к более тонкому округлому днищу (рис. 3, *86, 87, 89, 94—96, 101—103),* обычно сформованному отдельно в чаше и затем скрепленному со стенками[19]. Только к самому концу III периода перестают изготовляться сосуды с округлым днищем и ребром, а форма венчика изменяется, получая наклон внутрь сосуда (рис. 3, *81*). Один из сосудов с резким перегибом стенок (рис. 4, *12*) сформован из цельного куска глины на гончарном круге, в полусферической подставке, посыпанной песком. Плечики сосуда под прямым углом к днищу наклонены внутрь, широкий борт отогнут наружу. Лишняя глина в месте перехода к плечикам снята ножом горизонтальными срезами. Способ формовки донной части сосуда в пологой чаше существовал долгое время. И если в керамическом производстве Согда, судя по материалам Афрасиаба, он исчез к рубежу н. э., то в горных районах формовка посуды в деревянной чаше с зольной подсыпкой сохранялась до недавнего времени[20].

В Ферганской долине в X—XI вв. н. э. кухонные котлы иногда выделывались на гончарном круге в довольно глубокой чаше с рельефными концентрическими кругами[21].

В комплексах III периода встречаются кубки нескольких вариантов (рис. 3, *16—15)* — на полой и сплошной ножке разной профилировки, с гладким резервуаром и рельефным пояском. Всю поверхность кубка покрывали красным ангобом. Сплошным лощением обрабатывали наружную поверхность, но значительная часть кубков лощилась и изнутри.

Тип краснолощеного кубка на ножке формировался параллельно с бокалом баночной формы на поддоне и рельеф-

---

[19] Прием, отмеченный в материалах середины первого тысячелетия до н. э. в Хорезме. М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма.., стр. 177, 178.

[20] Е. М. Пешерева. Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 46, 47.

ным горизонтальным пояском по тулову. Последняя форма появилась, видимо, раньше краснолощеного кубка. Красноангобированный бокал с рельефным пояском есть в комплексе хорезмийской керамики архаического периода, по С. П. Толстову и М. Г. Воробьевой — VI—V вв. до н. э., по В. М. Массону — V — первой половины IV вв. до н. э.[22] Той же формы сосуд найден в Мерве в кладке стены Антиоха и отнесен к IV в. до н. э.[23]

Описанная керамика Афрасиаба обнаруживает большое сходство с керамикой Бактр, по времени следующей непосредственно за комплексом V—IV вв. до н. э., где есть чаши светлоангобированные с клювовидным венчиком и углубленным зеркалом на поддоне, чаши красноангобированные лощеные с плавно отогнутым и Т-образным венчиком, чаши с закругленным внутрь бортом и широкогорлые кувшины без ручек с простым профилем утолщенного и отогнутого венчика[24].

Обращает на себя внимание сходство согдийских чаш с греческой посудой V в. до н. э. и последующих веков. В V в. до н. э. среди местной и греческой керамики Мирмекия есть сосуды с Т-образным, горизонтальным и плавно отогнутым бортом на кольцевом поддоне с утолщением в центре донца. Так называемые рыбные блюда с венчиком клювовидного профиля и с углубленным зеркалом на кольцевом поддоне[25], массовое производство которых приходится на IV—III вв. до н. э., совершенно не отличаются от приземистых вариантов афрасиабских чаш. Сходство и даже идентичность согдийских и греческих сосудов с клювовидным, Т-образным, плавно отогнутым и закругленным внутрь венчиком вряд ли может быть случайным. В связи с этим правдоподобным кажется пред-

---

[21] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 46, рис. 11, *3*, *3а*. И. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв., ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 127, рис. 4.

[22] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 98; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма.., рис. 4, *2*; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура.., стр. 52—54.

[23] Ш. С. Ташходжаев. Разрез городской стены Гяур-калы, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1953, стр. 101, рис. 5, 6

[24] J. C. Gardin. Cèramiques . . , pl. VII, 246, a(?), pl. IV, 19c, 196.

[25] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг., МИА, 25, стр. 194, рис. 2—*3*; 115—*1*; 102—*2*, *3*; Е. И. Леви. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры; в сб.: Ольвия, М. — Л., 1964, стр. 3—15.

положение С. К. Кабанова о греческом влиянии на формирование среднеазиатского кубка на ножке. Надо полагать, основой общности керамических форм были культурно-экономические связи, особенно развившиеся после завоевания Средней Азии Александром Македонским.

Связь комплекса Афрасиаб II с I периодом, содержание в слоях III периода большого количества кубков, наиболее вероятная дата которых II в. до н. э.—I в. н. э.[26], общность столовой керамики Афрасиаба с греческой посудой V—I вв. до н. э. — все это дает возможность предложить дату для периодов Афрасиаб II и III в пределах III в. до н. э.— I в. н. э.

Наиболее полный комплекс керамики для Согда первых веков до н. э. пока получен только на Афрасиабе. Поселения центрального Согда этого времени еще слабо изучены. Можно назвать всего несколько пунктов, где выявлены соответствующие слои или сделаны находки отдельных предметов. В ближайших к Самарканду окрестностях Институтом искусствознания обследовался Кумышкент-тепа с мощными слоями интересующего нас времени. На исследовавшемся Б. Я. Стависким Кулдор-тепа найдены тонкостенные тарелки с отогнутым краем, часто украшенным полосчатым или сетчатым лощением, и донца чаш с углубленным зеркалом на плоском и кольцевом поддонах[27], характерные для керамических комплексов Афрасиаб II и III. К северо-востоку от Самарканда на городище Чилек зафиксирован слой с лощеной красно- и черноангобированной керамикой, в числе которой — бокалы и кувшины[28]. В юго-западной части Согда керамика первых веков до н. э. получена в небольших количествах при раскоп-

---

[26] Датировка согласуется с выводами А. М. Мандельштама о времени бытования кубков трех ранних типов. А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, МИА, № 136, М.—Л., 1966, стр. 157.

[27] Б. Я. Ставиский. Раскопки городища Кулдор-тепа в 1956—1957 гг., СА, 1960, 4, стр. 119, рис. 6, *5—7*. Б. Я. Ставиский, М. Х. Урманова. Городище Кулдор-тепе (работы 1955 г.), СА, 1958, 1, стр. 232.

[28] Я. К. Крикис, Б. И. Маршак. Полевой отчет об археологическом обследовании места находки серебряных чаш в Чилеке (1962 г.), рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР, стр. 7.

[29] В. А. Шишкин. Варахша, М., 1963, рис. 59, *10—18*, 68, *3—6;* С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг., ИМКУ, вып. I, Ташкент, 1959, рис. 20.

[30] О. В. Обельченко. Ляванда́кский могильник, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, рис. 13.

ках на городище Варахша, собрана в его окрестностях[29] и извлечена из курганов[30]. В долине Кашкадарьи керамика, аналогичная афрасиабской, найдена во многих местах. Значительные наслоения первых веков до н. э. отмечены на древнем городище в Китабе[31], в нижних слоях Мудин-тепа и Ер-кургана[32].

Согдийский комплекс керамики первых веков до н. э. имеет сходство с керамикой обширной территории, куда входят Бактрия, Маргиана и Хорезм. При всем местном своеобразии сходство выражается в почти полной идентичности ведущих форм и способах обработки поверхности сосудов.

Поскольку при нынешнем знании материала не всегда удается отличить слои Афрасиаба II от периода Афрасиаб III, дальше в описании топографии слоев первых веков до н. э. оба периода рассматриваются вместе.

В 1965 г. западнее шоссе Самарканд — аэропорт под наблюдением М. Пачоса произведена зачистка стенки глубокой траншеи, вырытой механизмами при прокладке трассы новой дороги, перерезавшей городище в направлении В—З. Культурные слои здесь сильно нарушены, а местами уничтожены ямами XIX—XX вв. На не затронутых ямами участках непосредственно на материковом лессе зафиксированы слои IX—XII вв. Здесь же расчищена донная часть ямы, вырытой в материковом лессе и заполненной кубками на профилированных ножках. В результате многочисленных планировок местности яма оказалась выше слоя IX в., лежащего рядом под лессовым обрывчиком. Этот факт свидетельствует о существовании в этом районе городища ранних слоев, уничтоженных позднее.

Севернее зачистки на раскопе 4 заложена траншея, проследившая материк (с двумя перерывами) на протяжении 26 *м*. Наиболее ранний из слоев датируется монетой первой четверти VIII в. Но в комплексе керамики VIII в. встречены

---

[31] С. К. Кабанов. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе, ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 44, 45, рис. 1, *9—12*, рис. 2, *6—9*; Он же. Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дарьи, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, рис. 21.

[32] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, табл. I, VIII, стр. 130; А.Ереножкин. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, 2, стр. 187.

две профилированные ножки и три фрагмента стенок краснолощеных кубков[33]. В шурфе, заложенном на месте раскопок 1925 г. (купольное здание, раскоп 7), выделить ранний слой оказалось невозможным из-за однородной плотной структуры наслоений под зданием X в., но в нижних ярусах найдена керамика первых веков до н. э.

На севере городища не позднее середины III в. до н. э. возведена крепостная стена с внутренним коридором. У основания стены скопился культурный слой, насыщенный керамикой, представляющей все основные формы комплекса. Интенсивная жизнь в этом районе продолжалась в течение периодов Афрасиаб II—III. В III периоде, видимо, не позднее I в. до н. э., на гребне заброшенной стены была вырыта хозяйственная яма, содержавшая керамику типа Афрасиаб III[34].

В пределах первого кольца городских стен материал конца VI—I вв. до н. э. в слабой степени выявлен в западной низине[35].

У подножия западного склона цитадели слой[36], включающий фрагменты краснолощеной керамики, достигает 1,5 *м*. Наиболее мощные слои Афрасиаб II—III отмечены на территории соборной мечети. Поскольку материал не обработан, нет возможности детально рассмотреть шестиметровые наслоения, верхняя часть которых приходится, по-видимому, на первые века н. э. В нижнем предматериковом слое расчищена обжигательная печь[37].

В ближайших окрестностях В. Л. Вяткин находил многочисленные черные и красные лощеные кубки на ножках[38]. В оплывах средневековой стены выше остатков стены IV в. до

---

[33] М. Пачос. Отчет о работе на городище Афрасиаб осенью — весной 1958—1959 гг., рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР, стр. 7. В публикации (М. Пачос. Стратиграфический раскоп в западной части Афрасиаба. Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, 1960, стр. 282—290) кубки не упоминаются.

[34] Раскоп 6, работы С. К. Кабанова, датирующего эту стену концом III — первой половиной II вв. до н. э.

[35] М. Филанович. Полевой отчет о работах в стратиграфическом шурфе, заложенном в низине в пределах первого кольца городских стен Афрасиаба, рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР.

[36] М. Федоров. Полевой отчет о работах над проблемой водоснабжения древнего Самарканда, рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР, отчет за 1963 г., стр. 160.

[37] Работы велись под наблюдением Я. Крикиса.

[38] Архив В. Л. Вяткина, тетрадь 2, стр. 100.

н. э. (раскоп 12 А) обнаружены фрагменты профилированной ножки кубка и кольцевые поддоны с углубленным зеркалом.

Несколько разрезов сделано по южному фасу первого оборонительного кольца. В 30 *м* восточнее цитадели (раскоп 15) в пахсовых кладках стены вместе с фрагментами керамики V—VII вв. н. э. найдены ножка красноангобированного кубка (названа автором вазой) и типичные для описываемого периода чаши с Т-образным профилем венчика и с закругленным внутрь краем.

Двойная стена Афрасиаба в западной части (раскоп 13) стоит на выклинивающемся к центру стены культурном слое толщиной 1,5 *м*, прослеженном только со стороны внутреннего фаса[39]. Время накопления слоя не выяснено. Однако в теле стены второго обвода (раскоп 10) вместе с керамикой V—VI и III—IV вв. н. э. найдены фрагменты тонкостенных краснолощеных кубков[40] и венчики хумов с широким горизонтальным бортом, переходящим к плечикам маленьким уступом[41].

Юго-западнее в зачистке над впадиной выяснилось, что третья охватывающая центр городища стена тоже стоит на культурном слое с керамикой «явно доарабского облика». Слой сохранился на толщину 1,5 *м* под наружным краем стены. В пахсе стены попадаются стенки сосудов с изломом[42]. На востоке двойная стена возведена над культурным слоем мощностью 2—2,5 *м* (раскоп 13 Г). Материалы из нижней части слоя относятся к двум периодам. Основная масса керамики — лощеные кубки на невысоких ножках, чаши клювовидного профиля, кольцевые с утолщением поддоны, фрагменты краснолощеных кувшинов,—принадлежит II периоду. Керамика эта отличной выделки. Поверхность сосудов вплоть до днищ кувшинов тщательно заглажена. Часть керамики (кубки на неустойчивой ножке, большие миски с широким отогнутым бортом) относится к периоду Афрасиаб IV. Такая

---

[39] М. Пачос. Из раскопок.., стр. 21. Он же. Автореферат канд. дисс., стр. 8.

[40] М Н. Федоров. III крепостная стена Афрасиаба, рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР, стр. 4.

[41] М. Пачос в ст. «Из раскопок на Афрасиабе» эти венчики отнес к III—IV вв. н. э., см. стр. 21, рис. 2—6.

[42] М. Н. Федоров. III крепостная стена..; стр. 13.

же керамика и в пахсовом теле стены, но там есть фрагменты кубков на профилированной полой ножке[43].

Восточнее (раскоп 13 Д), под стеной в материковом лессе вырыта обжигательная печь неизвестного времени, а в пахсовом теле стены найдено семь фрагментов стенок и ножек тонких краснолощеных кубков.

Внутри двойного кольца стен на востоке городища слои II—III периодов вскрыты в шурфе к западу от мазара Ходжа-Даниар[44]. В слое метровой толщины над материковым лессом найдены чаши с Т-образным профилем венчика отличного лощения по ярко-красному ангобу, чаши с закругленным внутрь бортом, кольцевые поддоны чаш с углубленным зеркалом, стенки сосудов с изломом в придонной части, одна из которых покрыта черно-бурым ангобом. В вышележащих слоях вместе с керамикой первых веков н. э. встречен фрагмент банковидного бокала с радиальным полосчатым лощением на стенках и петельным на плоском донце по красному ангобу. Этот тип сосудов обычен для первых веков до н. э.

В обрывах у мазара Ходжа-Даниар А. И. Тереножкин в течение нескольких лет производил зачистки и раскопки. Среди керамики IV в. н. э. из пункта 10, хранящейся в Музее истории в Ташкенте, есть фрагмент лощеной с Т-образным венчиком чашечки.

Южнее мазара Ходжа-Даниар под стеной, отгораживающей прямоугольное пространство вдоль восточной оконечности двойной стены, вскрыты слои мощностью до 4,5 *м*[45]. Два верхних слоя накопились в период средневековья. Нижний слой толщиной 0,5—1 *м* лежит на материке и содержит комплекс керамики II периода: профилированные ножки кубков, чашечки клювовидного профиля, фрагменты красноангобированных тонкостенных сосудов с трубчатыми носиками.

В центральной же части городища на площади, окруженной малой третьей крепостной стеной, слои Афрасиаб II—III прослежены ниже «дворца Самаркандских правителей» и северо-восточнее под домом с ганчевым декором. В одном из

---

[43] Материалы М. Пачоса.

[44] Работы велись под наблюдением М. Федорова. См. М. Н. Федоров. Стратиграфический шурф в восточной части городища Афрасиаб, рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР.

[45] Раскоп 14. Руководитель М. Пачос.

залов с росписью Ш. Ташходжаев в 1961 г. заложил шурф, в нижних слоях которого обнаружена краснолощеная керамика. Юго-восточнее этого пункта уже за пределами третьей стены в верхних слоях вместе с поливной керамикой попадались сосуды с перегибом стенок, а в нижних слоях в шурфе — краснолощеная и чернолощеная керамика.

На раскопе 25 к востоку за третьим кольцом городской стены в верхних слоях встречаются отдельные перемещенные фрагменты первых веков до н. э. Рядом, северо-восточнее, в овражке на краю впадины в 1946 г. А. И. Тереножкин выявил на полосе протяженностью 5 *м* и шириной 2 *м* десять последовательных слоев, нижний из которых, судя по находке в нем кубка на неустойчивой ножке, не раньше I в. н. э. Но в описании керамики приводится лощеная чашечка с Т-образным краем[46], а среди материалов, переданных частью в Музей истории в Ташкенте, частью в Самаркандский музей, есть ножки кубков ранних форм, фрагмент чаши с отогнутым бортом, покрытый радиальным лощением, тонкостенные широкогорлые горшки с утолщенным наружу венчиком, орнаментированные процарапанными волнистыми линиями и полосой красного ангоба по плечику (рис. 3, *68, 79б*)[47], котлы с прямой закраиной и налепы в виде валика или шишечки, плоский манжетовидный венчик хума.

Примерно в середине восточного фаса внешней городской стены в ее оплывах найдены три профилированные красноангобированные донца кубков[48]. В окрестностях Шахи-Зинда слой II—III периодов зафиксирован Н. Б. Немцевой в шурфе к западу от мавзолея Туман-ака. Здесь представлены все типичные для этого периода керамические формы, материал во всех деталях аналогичен соответствующим слоям на раскопе 9. Южнее на той же возвышенности керамика II—III периодов в большом количестве содержалась в предполагаемой платформе раннесредневекового здания (работы Н. Б. Немцевой). Фрагменты красноангобированных кубков найдены

---

[46] А. И. Тереножкин. Исследования.., стр. 10, 12, 14.

[47] Несмотря на некоторое сходство с раннесредневековыми, эти сосуды отличаются от них по качеству черепка, обработке поверхности и форме венчика.

[48] М. Пачос. Полевой отчет, Р-8а, Р-8б, Афрасиаб, весна 1960 г., рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР, стр. 2 .

Н. Б. Немцевой при шурфовке в интерьере мечети Туман-ака[49].

Северо-западнее Шахи-Зинда близ дороги Самарканд — Ташкент в 1883 г. В. В. Крестовский над материковым слоем на глубине немногим меньше 9 *м* нашел бронзовые стрелы и посуду из красной глины без полива и орнаментации[50]. Возможно, это были красноангобированные лощеные сосуды. В районе мечети Хазрат-Хызр П. Ф. Лифиренко находил фрагменты «кушанских бокалов»[51], а севернее А. И. Тереножкин расчистил яму, заполненную керамикой первых веков до н. э.[52] Древнее русло центрального магистрального канала было сплошь устлано мелкими фрагментами лощеной керамики, в том числе и кубков[53]. Скопление керамики на дне канала в течение длительного времени подтверждает интенсивность жизни во II периоде, не отрицая при этом существования канала в предшествующий период.

При раскопках квартала гончаров предмонгольского времени над юго-западной впадиной (раскоп 2) В. Д. Жуковым найдены предметы, относящиеся к периодам Афрасиаб II—III, среди них обломок трехгранного бронзового наконечника стрелы изящных пропорций со срезанными под тупым углом гранями и со скрытой втулкой. Специалисты по скифо-сарматской археологии[54] датируют их IV—III вв. до н. э. Другая находка уникальна. На овальном щитке красного сердолика изображены два воина, обращенные в одну сторону. Одеты

---

[49] См. упоминание о слоях с краснолощеной керамикой к западу от Шахи-Зинда; Н. Б. Немцева. Раскопки на ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде, СА, 1964, № 1, стр. 338.

[50] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, ТОВЭ, II, Л., 1940, стр. 288—289; М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 158; В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. Статья помещена в данном сборнике.

[51] П. В. Лифиренко. Дневник археологического надзора во время земляных работ на городище Афрасиаба, Архив Самаркандского музея, № 299, стр. 6.

[52] Материал, собранный при наблюдении за проведением трассы дороги (пикет 2, яма), хранится в Музее искусств в Ташкенте.

[53] М. Федоров. Центральный арык домонгольского Самарканда, рукопись, Архив Ин-та истории и археологии АН УзССР.

[54] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Walgagebiet, 1929, Taf. IX, 1, 2; XI, 1, 26; XII; c. f. k.

Рис. 5. Оболы Евкратида, найденные в 1911 г. на Афрасиабе.

сни в короткие туники, на головах — шлемы с гребнем. Один воин, по-видимому, раненый, припал на колено, в руках его круглый щит и короткий меч. Другой воин в быстром движении из-за спины первого, прикрывая его квадратным щитом, направляет копье в сторону врага[55]. Там же найдены терракотовая женская головка эллинистического облика и фрагменты тонкой краснолощеной керамики.

В Самаркандском музее и Эрмитаже хранятся предметы, в числе которых есть терракоты и геммы с Афрасиаба. Ни точное место, ни обстоятельства их находки неизвестны, но некоторые из них могут быть датированы первыми веками до н. э. К этому же периоду относятся и найденные на городище греко-бактрийские монеты (рис. 5)[56].

---

[55] Гемма утрачена и описана со слов М. Филанович и Р. Кривошей.

[56] О монетах Евтидема I упомянуто: М. Е. Массон. К периодизации.., стр. 158; В. М. Массон. К локализации Согда, Труды САГУ, гум. науки, кн. 3, нов. сер., вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 174, примечание 14; Н. И. Веселовский в числе прочих предметов купил у Мирзы Бухарина 7 греко-бактрийских монет с Афрасиаба, Архив археологической комиссии, фонд Н. И. Веселовского, д. 18, д. 467, л. 1—4.

Исследования последних лет на Афрасиабе показали, что древнейшие культурные слои нередко уничтожены на значительных пространствах. И все же известных сейчас пунктов с залеганием слоев III в. до н. э.— I в. н. э. и отдельных находок в разных частях городища достаточно, чтобы с уверенностью говорить об освоении в это время всей территории Афрасиаба. Археологический материал дает картину, отвергающую утверждение В. В. Бартольда о прекращении на несколько столетий жизни в Самарканде после похода Александра[57]. Напротив, город возрождается не позднее III в. до н. э. В это время на севере городища над Сиабом возводится городская стена с внутренним коридором и выходами на площадку над обрывом. Быть может, постройку этого прослеженного на значительной протяженности участка стены Самарканда следует связать со строительной деятельностью Антиоха после подавления движения местных народов[58]. Несколько столетий, следующих за разгромом Александра, приходятся на расцвет городской жизни, сказавшейся и в мощных укреплениях, и в размерах обжитой территории, и в высокоразвитом гончарном производстве.

В 1911 г. любителем-нумизматом Г. М. Пономаренко на Афрасиабе найдены два обола Евкратида. За возможность ознакомиться с ними приношу большую благодарность Д. А. Мошкову.

[57] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, Соч., т. III, М., 1965, стр. 186.

[58] История таджикского народа, стр. 279—283.

М. Н. Федоров

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ ШУРФ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

Осенью 1961 г. нами заложен стратиграфический шурф в малоизученной части городища—примерно в 250 *м* к западу от мавзолея Ходжи Данияра и в 150 *м* к северу от второй крепостной стены городища.

Цель раскопа — проследить стратиграфию в этой части древнего Самарканда и попытаться установить время начала интенсивного обживания территории городища между I и II крепостными стенами. Эти данные были бы немаловажны при разрешении вопроса о датировке II крепостной стены.

В 1945 г. на берегу оврага возле мавзолея Ходжи Данияра, неподалеку от нашего шурфа, А. И. Тереножкин произвел раскоп. К сожалению, в опубликованном им отчете о работах 1945 г. на Афрасиабе про этот раскоп сказано всего несколько слов. Упоминается лишь, что в этом месте были обследованы гончарные печи и топка одной из них заполнена отходами гончарного производства[1]. Точной датировки печей и керамики из них в упомянутой статье не содержится, хотя сравнение керамики из печей и из нашего шурфа было бы полезным.

Площадь шурфа 12 $м^2$ (6×2 *м*), он ориентирован по странам света. Шурф вырыт уступами, глубина его 6,5 *м*. Сразу под дерновым слоем — довольно плотный слой буроватого цвета (рис. 1). На глубину до 30 *см* находок почти не было,

[1] А. И. Тереножкин. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г., КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 117.

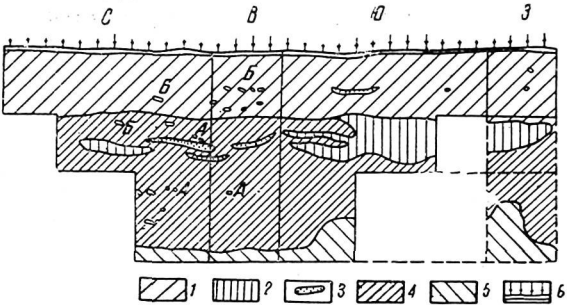

Рис. 1. Развертка стен шурфа:

А—куски обожженной земли; *Б*—жженый кирпич; *1*—плотный буроватый слой; *2*—слой из золы и керамических шлаков, *3*—прослойка земли, *4*—зеленовато-бурый слой, *5*—материк, *6*—дерновый слой.

ниже начали попадаться мелкие фрагменты посуды, изготовленной из кашина и покрытой голубой поливой с подглазурной росписью черной краской или подглазурным рельефным орнаментом. Голубая кашиновая посуда с черной подглазурной росписью появляется в конце XII и широко распространяется в XIII—XIV вв[2]. Она может служить надежным датирующим материалом. Реже встречаются фрагменты кашиновой посуды, покрытой белой с очень легким бледно-зеленым оттенком поливой. Иногда вдоль венчика, на этих фрагментах, имелась голубоватая полоса шириной 1,5—1 *см*. Насколько можно судить по незначительным обломкам, эти сосуды имели форму пиалы.

Встречаются также фрагменты керамики, покрытой гладкой без всяких росписей, голубой, густо-зеленой и бирюзовой поливой. Глазурью покрывалась внутренняя часть сосуда и широкая полоса вдоль венчика снаружи. Остальное, как правило, покрывалось красновато-коричневым ангобом. У некоторых поливных пиалообразных сосудов венчики орнаментированы защипами: гончар через небольшие интервалы сдавливал пальцами самый край венчика, в результате чего образовывалась волнистая линия. Встречаются обычно мелкие фраг-

[2] Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в., Труды САГУ, нов. сер., вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 95.

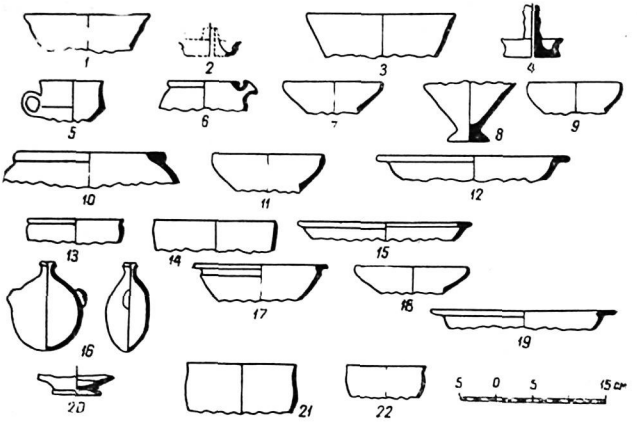

Рис. 2. Таблица керамики из шурфа:

1, 2—II ярус; *3—4*— III ярус; *5*—IV ярус; *6, 7*— V ярус; *8, 9*—VI ярус; *10, 11, 12*—VII ярус; *13, 14, 15*—VIII ярус; *16*—IX ярус; *17, 18, 19*—X ярус; *20, 21, 22*—XI ярус.

менты голубых кашиновых чирагов на тонкой, стройной ножке. В III ярусе найдена нижняя часть такого чирага (рис. 2, *4*). Начиная с III яруса кашин встречается реже и преобладает керамика. Вообще II, III и IV ярусы небогаты находками. Встречены фрагменты кирпича, покрытого голубой поливой. В III ярусе найден фрагмент кубура, но никаких намеков на жилой уровень нет.

В юго-западной части Афрасиаба в керамических отвалах и печах найдено множество керамики, подобной описанной нами, а также кашиновых изделий, среди которых встречаются чираги на тонких и стройных ножках. Особое место занимала керамика с бирюзовой поливой. В Д. Жуков, проводивший работы на этом участке[3], склонен датировать керамику XI—XII вв. В настоящее время мы можем внести уточнение в датировку этого керамического комплекса, для которого характерны керамика с бирюзовой поливой и голубые кашиновые чираги. Комплекс датируется XII — началом XIII вв.,

---

[3] В. Д. Жуков. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд), «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 4, стр. 56.

ибо вместе с этой керамикой в шурфе встречаются и фрагменты голубых кашиновых пиал с черной росписью, которые распространяются в XIII—XIV вв. Интересен тот факт, что шурф не дал керамики IX—X вв., почти нет керамики XI в.

В конце IV яруса начала встречаться керамика VII—VIII вв. Характерно, что в верхних слоях IV яруса еще попадали фрагменты керамики с голубой, густо-зеленой и бирюзовой поливой XII—начала XIII вв. Наибольший интерес среди керамики VII—VIIIвв. представляет фрагмент глиняной кружки с петлеобразной ручкой и остроребернымкорпусом (рис. 2, *5*). Такие же кружки встречены в слоях VII—VIII вв. в Пянджикенте[4], на Варахше[5] и в других местах.

В V ярусе пошел рыхлый слой, состоящий из керамических шлаков угольков, золы и фрагментов бракованной керамики. Мощность слоя местами до 1, 3 *м*. Здесь найдено несколько фрагментов статуэток всадников и два остракона, причем один из них неплохой сохранности (рис. 3). Надпись сделана согдийским шрифтом[6]. По-видимому, остракон относится к V—VI вв., так как он найден в слое с керамикой этого времени. Возможно, остракон представляет собой какой-то хозяйственный документ, принадлежавший хозяину гончарной мастерской, который был утерян или выброшен за ненадобностью и вместе с другим мусором(зола, шлаки) попал в отвалы.

Золистый слой, как и последующий, датируется керамикой V—VI вв. Характерны для этой керамики крынкообразные сосуды со сплюснутым сливом под венчиком (рис. 2, *6*). Такого типа сосуды обнаружены на сельской усадьбе у городища Кафыр-кала Самаркандской области и датируются V—VI вв.[7] Часто встречаются фрагменты чашеобразных и кубкообразных сосудов. Прослеживаются аналогии между кубкообразными сосудами из шурфа (рис. 2, *7, 8, 9*) и сосу-

---

[4] А. И. Тереножкин. Раскопки в Кухендизе Пянджикента, МИА, М.—Л., 1950, 15, стр. 86, 91 и табл. 41, *2*.

[5] С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг., ИМКУз, вып. I, Ташкент, 1959, стр. 121 и рис. 10, *2*.

[6] И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 203.

[7] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, ИМКУз, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 208, 212 и рис 9, *4, 5, 7*.

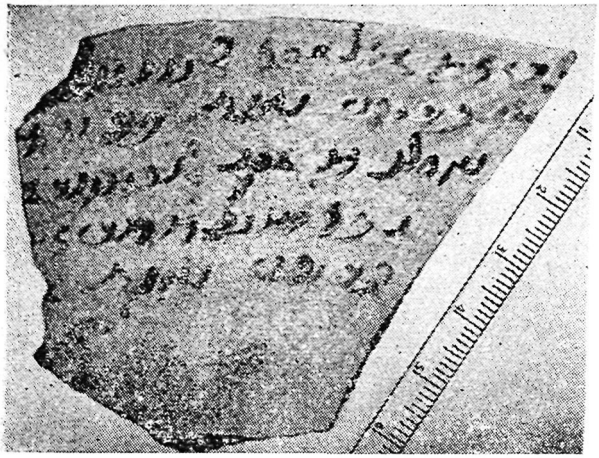

Рис. 3. Остракон, обнаруженный в отвалах керамического производства.

дами из Кухендиза Пянджикента[8], имеющими конический корпус и слегка вогнутые края. Интересны фрагменты крупных дастарханов толщиной до 3,5 *см*.

Под слоем золы и шлаков, а в северной части шурфа на одном с ним уровне идет плотный зеленовато-бурый слой. Он дает в основном ту же керамику, что и золистый слой, однако с VIII яруса и ниже в комплексе с этой керамикой начинают изредка встречаться фрагменты более ранней керамики, отличающиеся изящностью форм и хорошим лощением. Однако не найдено ни одного фрагмента тонкостенных кубков с ярко-красным лощением, наиболее характерных для первых веков до нашей эры. Материк по всей площади шурфа прослежен в конце XII яруса. Впервые материковый лесс встречен в X ярусе на западной стене III уступа шурфа. Очевидно, в материке была вырыта яма, дно которой находилось в XII ярусе. Яма имела зеленоватое заполнение. В последних ярусах количество фрагментов более ранней керамики несколько возросло.

---

[8] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента, стр.91, табл. 41, *3н*

Из особых находок, помимо уже отмеченных остраконов, следует выделить две терракотовые фигурки и миниатюрную флягу (рис. 2, *16*).

Первая (VIII ярус) из них — верхняя (по пояс) часть статуэтки, изображающей мужчину (рис. 4). Лицо узкое, удлиненное; высокий, убегающий назад лоб. Миндалевидные глаза обрамлены веками, зрачки не обозначены. Крутые тонкие брови, крупный с горбинкой нос, небольшой с припухшими губами рот и слегка выступающий подбородок. Расстояние между верхней губой и носом очень небольшое. Волосы опущены на лоб челкой, а по бокам лица образуют локоны. Головной убор напоминает по форме капюшон. Плечи покатые, грудная клетка узкая. Правая рука сохранилась целиком, а нижняя часть левой отбита. Задняя часть фигурки плоская. Голова сделана в формочке, а туловище и руки вылеплены. Глина желтовато-розовая, плотная, хорошего обжига. Фигурка покрыта белым ангобом. Статуэтка довольно необычная и редкая.

В Эрмитаже в собрании терракот Афрасиаба есть только одна, похожая на нашу, но руки у этой статуэтки отбиты[9]. Положение рук довольно интересно: правая рука поднята к подбородку и держит длинный узкий предмет треугольного сечения, левая, судя по остаткам, тоже была поднята в этом направлении. Горестно сжатые губы и заломленные брови придают лицу выражение глубокой скорби.

В непосредственной связи с нашей статуэткой, очевидно, находятся две фигурки из собрания терракот Афрасиаба в Эрмитаже — фигурки плачущих женщин. Первая рвет в отчаянии волосы на голове[10], вторая раздирает щеки[11]. Подобные персонажи имеются в живописи Пянджикента[12] в сцене оплакивания знатного покойника. Женщины рвут на голове волосы, а мужчины надрезают мочку уха длинным узким ножом. Правая рука сжимает нож, а левая придерживает ухо. Учитывая, что у нашей статуэтки только голова сделана в формочке, а туловище от руки, то можно согласиться с тем, что в руках фигурки грубое, схематическое и увеличенное

---

[9] C. Trever. Terracotas from Afrasiab, M.—L., 1934, p. 42, fig. N 110.
[10] C. Trever. Op. cit., p. 49, fig. N 186.
[11] C. Trever. Op. cit., p. 49, fig. N 187.
[12] См.: МИА, М.—Л., 1950, стр. 53 и табл. 58; Живопись древнего Пянджикента, М.—Л., 1954, табл. XX, XXII и стр. 81.

изображение ножа, иначе мастеру незачем было бы подчеркивать треугольное сечение предмета, переходящее возле руки в круглое (т. е. мастер дает условное изображение рукоятки ножа). Оно было изготовлено отдельно и прилеплено к руке фигурки. Очевидно, фигурки плакальщиц и рассматриваемая нами фигурка мужчины в трауре находятся в определенной связи с погребальным обрядом и оссуариями, но это не значит, что они обязательно прилепливались к оссуариям. Как известно, в греческих захоронениях встречались танагрские терракотовые фигурки[13]. Возможно, рассматриваемые в данной работе фигурки принесены родственниками и друзьями умершего и призваны были изображать их в глубоком горе, выражать их сожаление. Во всяком случае связь этого рода фигурок с погребальным обрядом вряд ли вызывает сомнение, а о применении их мы сможем высказаться более определенно после накопления достаточного количества фактов.

Рис. 4. Статуэтка мужчины, надрезающего мочку уха.

Вторая фигурка (IX ярус) — фрагмент одной из широко известных статуэток музыканта, в данном случае играющего на ситаре (рис. 5). Аналогии нашей статуэтке есть в Эрмитаже[14]. Сохранилась только нижняя часть статуэтки музыканта с ситаром, одетого в шаровары, достигающие почти до лодыжек, и кафтан, закрывающий колена. Фигурка сде-

[13] C. Trever. Terracotas from Afrasiab, M.—L., 1934, p. 22.
[14] C. Trever. Op. cit., p. 41, N 107.

лана в формочке, спина плоская, складки на кафтане и шароварах прорезаны по сырой глине острым предметом. Глина розовая, плотная, покрыта красным ангобом.

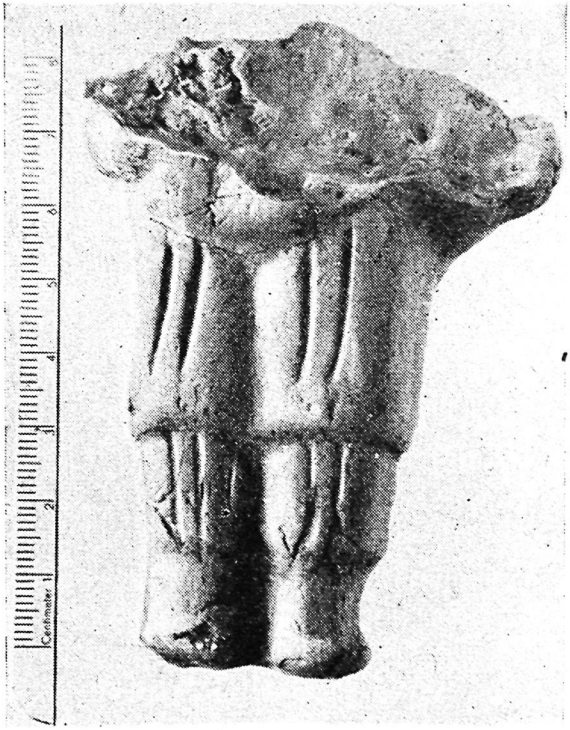

Рис. 5. Фигурка музыканта.

Опираясь на материалы, полученные из шурфа, мы можем установить ряд фактов по стратиграфии культурных слоев в восточной части городища в районе мавзолея Ходжи Данияра, позади II крепостной стены.

Верхние слои в основном накоплялись в XII—XIII вв., они довольно мощные, свидетельствуют об интенсивном обживании этой части города в XII—XIII вв. Для XI и особенно IX—X вв. на данном участке города мы отмечаем весьма слабый рост культурных наслоений. Возможно, в IX—X вв.

он оберегался от замусоривания и не подвергался застройке, как это могло быть с базарной или административной площадью.

В VII—VIII вв. эта часть города обживалась тоже слабо. В этом, возможно, повинны события, связанные с арабским нашествием.

В V, VI и начале VII вв. здесь были гончарные мастерские и отвалы керамического производства. По-видимому, печи, обнаруженные А. И. Тереножкиным[15], относятся именно к этому периоду. Таким образом, мы можем утверждать, что в предарабский период эта территория осваивалась гончарами и, возможно, здесь был квартал керамистов предарабского Самарканда. Слои этого времени самые мощные. Отсутствие мощных кушанских слоев[16] в данной части города говорит о том, что в кушанское время эта территория пустовала. Интенсивное освоение участка началось, вероятно, с конца IV— начала V в. и продолжалось по VII в. Завершающим этапом роста предарабского Самарканда было возведение вокруг новообжитых земель крепостной стены, которая, как удалось выяснить, построена в начале или во всяком случае не позднее I половины VII в.

---

[15] А. И. Тереножкин. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г., КСИИМК, XVII, 1947, стр. 117.

[16] В данное время кушанский слой с остатками архитектуры зафиксирован Самаркандским археологическим отрядом АН УзССР только в северной части городища. См.: В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), ИМКУз, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 39.

Л. И. Альбаум

О ГОНЧАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НА АФРАСИАБЕ В X—XI вв.

Безжизненные, необжитые холмы около Самарканда скрывают древнюю историю одного из крупнейших городов Востока. Изучение городища Афрасиаб уже на данном этапе позволяет сказать, что жизнь на этом месте была еще до появления здесь войск Александра Македонского.

Особый расцвет Самарканда на территории Афрасиаба приходится на IX— конец X вв. — время правления династии Саманидов. После завоевания его Караханидами в XI и XII вв. Самарканд продолжал занимать одно из ведущих мест среди городов Мавераннарха. Как показали раскопки последних лет, а также согласно письменным источникам, улицы города были вымощены камнем, почти все дома имели местную канализацию. Самарканд являлся крупнейшим центром ремесленного производства. Археологические раскопки, которые ведутся сейчас на городище, выявили целые кварталы гончаров, большое количество гончарных печей, где изготовлялись великолепные поливные сосуды и блюда, покрытые яркими красками и глазурью.

Предметы гончарного производства — наиболее распространенный материал, встречающийся во время археологических раскопок. Эти предметы труда зачастую являются единственными, по которым можно датировать тот или иной раскапываемый объект. В различные периоды керамические сосуды изготовляли и сбжигали по-разному, качество их то улучшалось, то ухудшалось. Находясь в земле, они дошли

до нас через тысячелетия в том виде, в каком их изготовляли гончары многие века назад. Эта керамика часто сопровождается монетными находками. Керамика дает так же определенный материал для разрешения некоторых политических, экономических и культурных вопросов.

Не менее важным вопросом является методика обжига керамики. Почти в каждой опубликованной археологической работе в какой-то степени затрагиваются вопросы технологии изготовления сосудов. Этому вопросу посвящаются и специальные исследования[1].

В. Л. Вяткин, раскопавший большое количество гончарных печей на городище Афрасиаб, пишет, что глиняную посуду обжигали «в особых печах, которых на Афрасиабе открыто пока свыше дюжины. Печи эти сложены из сырцового кирпича, в плане имеют круг или квадрат со стороной 2—3 аршина и высотой 3,5 аршина, перекрыты низким сводом с отверстиями, из которых одно большое. Некоторые печи имеют пол, выложенный из сырцового кирпича, и сквозную клетку, которая отделяет топку с большим отверстием, выходящим наружу. Часть печей не имеет пола и топка соединена с камерой»[2].

Это единственное, наиболее подробное описание устройства древних гончарных печей, обнаруженных на Афрасиабе.

Проводимые на городище Афрасиаб в 1947 г. большие земляные работы, связанные с прокладкой шоссейной дороги, дали новый материал для характеристики техники гончарного производства XI—XII вв.

Археологические наблюдения на новостройке вели А. И. Тереножкин и Л. И. Альбаум.

Вся трасса, где должна была проходить дорога, разбита на отдельные стометровые участки-пикеты. На этой территории — большое количество бугров, во многих местах трасса пересечена глубокими оврагами. На поверхности найдено много керамики и предметов, относящихся к припасам гончарного производства: треножки-сипая, штыри и т. д. Кроме того, обнаружены фрагменты бракованной посуды. Особенно

---

[1] Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XII, М.—Л., 1959; С. Б. Лунина. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1953; Керамика Хорезма, М., 1959 и др.

[2] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб, Ташкент, 1927, стр. 32.

много их на участке 7 пикета[3]. Все это позволяло предположить, что здесь находился квартал гончаров.

Остановимся на описании печей, обнаруженных на 7 пикете.

Печь № 1. От загрузочного помещения печи шириной 1 *м* 20 *см* сохранились стены высотой 50 *см*. Стены помещения, свод и пол выложены сырьевым кирпичом 26×15×4—5*см* и с внутренней стороны оштукатурены. В полу 12 круглых отверстий —8 по окружности и 4 в середине, диаметром 5—7 *см*, через них в загрузочное помещение попадал жар. В юго-западной и восточной сторонах печи — полукруглые проемы (20 *см*). Можно предполагать, что в верхней части загрузочного помещения, имевшего форму купольного свода, было круглое отверстие для выхода дыма, как это делается в современных гончарных мастерских[4], и для заполнения камеры керамикой.

Топочная камера, вырытая в земле, довольно вместительна, глубина ее 1 *м* 40 *см*, диаметр в нижней части 1 *м*, к середине камера расширяется до 1 *м* 40 *см*, верхняя часть выложена сырцовым кирпичом в виде конусного свода с отверстиями диаметром около 20 *см*, которые, постепенно сужаясь, выходят в загрузочные помещения. С южной стороны сразу же за стеной загрузочной камеры на уровне дневной поверхности расположено топочное отверстие шириной 50 *см*, резко опускающееся к нижней части пола.

Печь № 2 (рис. 1). От круглой загрузочной камеры сохранились пол и нижние части стен высотой не более 0,5 *м*. Диаметр печи 2 *м*. В полу 21 жаропроводящее отверстие диаметром в верхней части 5—10 *см*. К потолку топочной камеры эти отверстия расширяются. Располагаются они следующим образом: 15 по кругу вдоль стен, одно в центре и 5 вокруг него. Высота топочной части печи 1 *м* 30 *см* при ширине в средней части 1 *м* 80 *см*, а в нижней — 1,5 *м*. Устройство его очень интересно: напротив топочного отверстия, на полу, вдоль западной стороны сооружена перегородка высотой 30 *см* (кир-

---

[3] Это место отмечено А. И. Тереножкиным на археологической карте Афрасиаба пунктом 34.

[4] См. Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии, стр. 169, рис. 46-1.

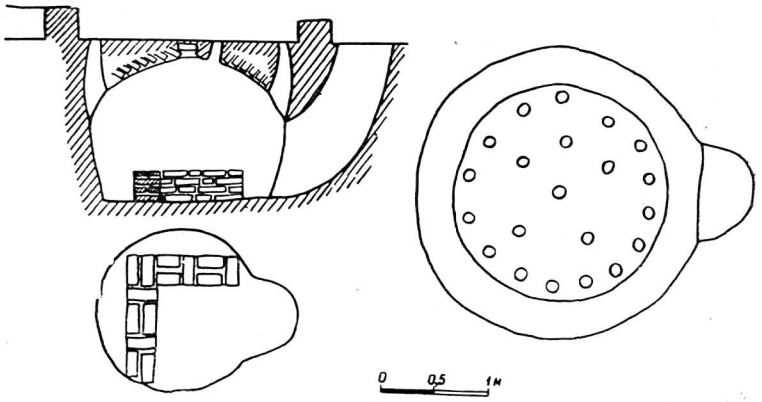

Рис. 1. Печь № 2.

пич 30 × 17 × 6 *см*), в северной части она поворачивает на восток, прямо к топочному отверстию. За перегородками — полукруглые отсеки шириной до 30 *см*.

При расчистке этой части печи извлечены сфероконические сосуды, часть из которых сильно спеклась. Это позволило предположить, не являлись ли данные отсеки местом, где обжигались сосуды. Для их обжига требовалась гораздо большая температура, чем для другой посуды. Вышеописанные перегородки предохраняли посуду от соприкосновения с золой и углем.

Сфероконические сосуды, как нам кажется, имели то же назначение, что и современные бутылки, т. е. использовались для хранения тех или иных жидкостей, начиная от различных масел и кончая ртутью. Существуют различные мнения о способе хранения сосудов. Большинство из них имеет заостренное донце, хотя нами на городище древнего Термеза найдены сфероконические сосуды с плоским устойчивым поддонцем[5].

---

[5] Сфероконические сосуды с небольшим плоским донцем найдены также близ Ташкента около Бозсу. Д. Д. Букинич. Новые данные о назначении загадочных сфероконических сосудов. «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1936, стр. 55—56. По сообщению И. Ахарова, такие сфероконические сосуды с плоским поддонцем найдены им в Ферганской долине.

Заостренные донца делались специально для предохранения «бутылок» от опрокидывания. Сосуды нельзя было поставить на плоскую поверхность. Как показывают этнографические данные, в кишлаках Бухарской области жидкие продукты (молоко, сметану и другие) хранили в сосудах, которые ставили не на донышки, а в специальные подставки в виде кружка, сделанного из проволоки и обмотанного материей или из прутьев.

С четырех сторон к кружку привязывали веревочки длиной до 0,5 *м*, концы их скрепляли вместе. В кольцо вставляли пиалу и подвешивали на веревочках. Часто на пиалу ставили фанерку, а на нее — вторую пиалу. Таким образом, иногда устанавливали три-четыре посудины. В некоторых случаях этим способом закрепляли не один кружок, а два и больше, один над другим. По нашему мнению, таким же образом в домашнем обиходе хранили и сфероконические сосуды (рис. 2). В тех случаях, когда сосуды перевозили с места на место, к их узким горлышкам привязывали веревочки и закрепляли у седла, а небольшие отверстия затыкали.

В загрузочном помещении печи № 2 обнаружены круглодонные котлы с орнаментом на нижней части донца.

Рядом с этой печкой А. И. Тереножкиным найдена форма-колыб для формовки котлов. Гончар закреплял ее на гончарном круге. Форму заполняли глиной, колыб же придавал дну необходимую округлость нижней части. Колыб имеет вид круглодонной массивной чаши — блюда, с сильно утолщенным краем. Он, в свою очередь, изготовлен на гончарном круге. Внутри, в центре—орнамент в виде круга, украшенного путем вдавления елочным рисунком и тремя круглыми вдавлениями. На стенках формы — следы прилипшей во время формовки котлов глины, диаметр формы 25,6 *см*, высота 6,6 *см*.

Котлы, обнаруженные в печке, изготовлены из глины с примесью толченого гранита средней обильности. Обжиг красноватый.

Тупово котла выпуклое, венчик вогнутый с полочкой для крышки, ручки в виде широких дужек. На уровне нижней части ручек—две горизонтальные черты, на уровне верхней—полоска красного ангоба с потеками ко дну. Нижняя наружная часть украшена концентрическими кругами. Диаметр венчика 27 *см*, диаметр тупова — 31,4 *см*, высота — 18 *см*.

Кроме котлов, в печи обжигались сосуды банкообразной формы с чуть выпуклым корпусом и прямым венчиком. С одной стороны они имели две массивные ручки, поставленные вертикально одна над другой. На уровне середины верхней ручки прочерчены две горизонтальные линии. Обжиг красноватый, ангоб — лессовая жидкая глина белого цвета. Диаметр венчика 13,7 *см*, дна — 8,4 *см*, высота 24,6 *см*.

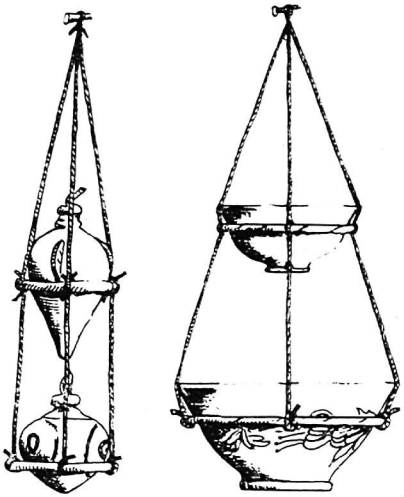

Рис. 2. Установка сфероконических сосудов.

Для чего употребляли данные сосуды? Как известно, в Средней Азии искусственное орошение имеет большое значение. В тех случаях, когда горизонт воды в канале был намного ниже уровня полей, применяли искусственное поднятие воды до уровня поливаемой поверхности. Для этого поперек канала ставили колесо на длинной оси, концы которой закрепляли на берегах. По краям колеса имелись лопасти для вращения колеса, а к нему привязывались сосуды. Эти сосуды наполнялись водой из канала и, поднимаясь, выливали ее в желоб, а из него вода поступала в арык. Этот способ орошения, называемый чигирным, широко распространен в Средней Азии. Иногда чигири приводят в движение впряженные животные. Как показал в своем исследовании по истории орошения Хорезма Я. Г. Гулямов, чигирное орошение существовало там в X в. н. э. Найденные нами сосуды предназначались для чигирей.

Печь № 3 расположена южнее второй. Она самая маленькая и сохранилась хуже других. Диаметр загрузочного помещения 90 *см*. Стены сохранились всего на 5 *см*. Средняя часть пола провалилась. Топочная камера высотой около 1 *м* 5 *см*,

топочное отверстие — с южной стороны. Северная стена пода провалилась и соединилась с полом второй печи еще во время их функционирования. Это отверстие размером 50 × 60 *см* заложено чупанатинским камнем, жженым кирпичом и кусками пахсы.

Предметы печного припаса в основном найдены нами в одной из печей на участке 7 пикета.

Печь № 4. После вскрытия верхнего слоя толщиной 10—15 *см* выявился круглый контур стен. Затем была расчищена внутренняя часть загрузочного помещения, на глубину 75 *см* заполненная кусками обожженного кирпича, земли и глины.

Большая часть стен не сохранилась даже в разрушенном виде, так как на месте, где находилась печь, долгое время сеяли богарную пшеницу, а при разравнивании площадки под посевы обвалившиеся стены были разбросаны.

Полное вскрытие печи дало новые интересные данные по вопросу их устройства.

Для устройства пода печи в земле была вырыта круглая яма глубиной 1 *м* 70 *см* и диаметром более 3 *м*. Дно ямы залито слоями жидкого раствора глины. Всего таких слоев обнаружено пять общей толщиной 12 *см*. После их высыхания стены ямы были обложены сырцовым кирпичом прямоугольной формы 30 × 15 × 5 *см*. Купольный под печи выложен кирпичом тех же размеров. В нем сделаны 16 круглых отверстий, через которые в загрузочное помещение поступал жар, диаметр их в верхней части 10 *см*, а со стороны пода до 25 *см*.

Стены загрузочного помещения выложены в один кирпич. Сохранилось 13 рядов кирпича. Вдоль стен, впритык к ним, сложена ступенька высотой в 5 кирпичей и шириной 30 *см*. Диаметр загрузочного помещения 2 *м* 40 *см*, а пола— 1 *м* 80 *см*. Внутренняя поверхность стен и ступеньки гладко оштукатурены. Толщина штукатурки до 4 *см*.

В одиннадцатом ряду кирпичей на расстоянии 3—4 *см* друг от друга расположены круглые отверстия диаметром 4,5—5 *см*, проходящие по всей окружности стены. Глубина отверстий 12—14 *см*.

При расчистке нижней части загрузочного помещения обнаружены следующие предметы:

1) глиняные круглые штыри длиной 35—40 *см* и толщиной 4—4, 5 *см*. Оба конца закруглены. Часть штырей находилась в вышеуказанных отверстиях;

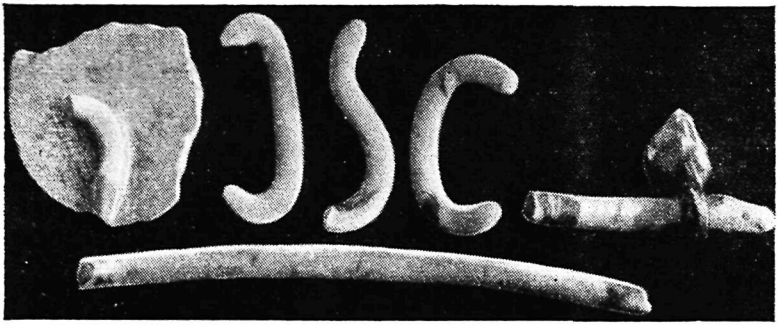

Рис. 3. Припасы керамистов.

2) С и S-образные держатели (рис. 3), на которые при обжиге подвешивали светильники (рис. 4). Эти держатели делали из глины, скатанной в круглую колбаску диаметром около 1 *см*, затем им придавали нужную форму, а концы с боков сдавливали. После высушивания их обжигали. На такие держатели подвешивали светильники с круглой чашечкой и узким, энахоевидным носиком. Один конец держателя просовывали в носик, а вторым зацепляли за обнаженную глиняную полочку того же диаметра в сечении. Концы этой керамической полочки лежали на двух выступающих из отверстий штырях. Глиняные штыри вставляли не во все отверстия, а в зависимости от длины полочек, которые они поддерживали;

3) при расчистке найдено 12 таких полочек длиной 30—35 *см*. Все они имеют изгиб к середине. На многих полочках мы обнаружили припекшиеся концы держателей, а в некоторых и припекшиеся ручки светильников. Эти светильники имеют круглую ручку с украшенным сердцевидным медальоном в верхней части, круглую чашечку и сильно вытянутый носик. Подобные светильники для обжига подвешивали на полосках через ручки (рис. 4), следовательно, на одной полочке могли обжигать два вида светильников. По мнению В. Л. Вяткина, эти тонкие «полочки из глины» укладывали на большие шты-

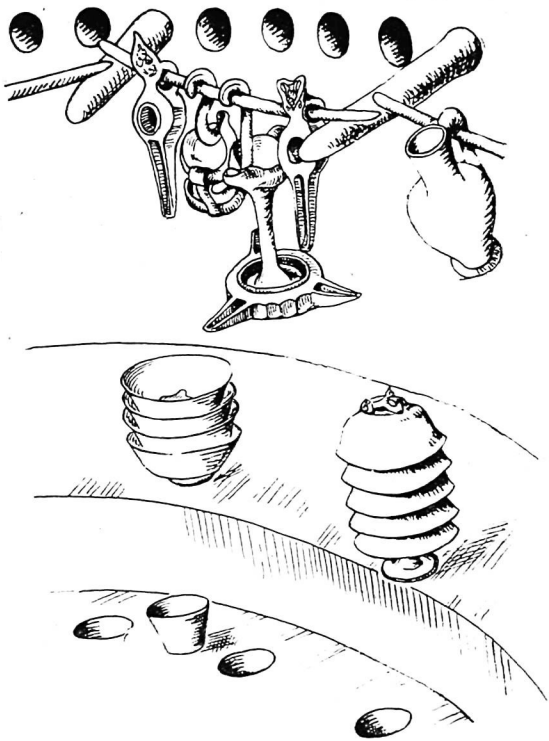

Рис. 4. Реконструкция загрузки печи.

ри, чтобы не провалились мелкие предметы[6]. При исследовании гончарных печей средневекового Мерва С. Б. Лунина обнаружила «коромыслица», очень похожие на наши полочки. Они, по ее мнению, предназначались для соединения и поддержания в равновесии стопок посуды[7].

Наиболее распространенные виды светильников имели следующую форму. Круглая или граненая чашечка, к которой с

[6] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб.., стр. 32.

[7] С. Лунина. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 363.

одной стороны прикреплен вытянутый, слегка приподнятый носик, один конец фитиля—в чашечке, а второй слегка выступал из носика. С противоположной носику стороны находилась ручка с сердцевидным картушем в верхней части. Эти картуши орнаментированы растительным орнаментсм. Нередко на них можно встретить изображения животных и птиц. Средняя длина светильника 14—15 *см*, высота 3,5 *см*. Полива голубого и коричневого цветов.

В печи встречены и другого вида светильники на высоких круглых ножках. Высота 15—20 *см*. Верхняя часть имеет круглую чашечку со слегка отогнутым носиком и небольшой ручкой с противоположной стороны, диаметр ее 6—10 *см*. Нижняя часть ножки прикреплена к центру чашечки диаметром 6—10 *см*. От верхней ручки чашечки к нижней проходит вторая прямая ручка. Полива этих светильников голубого или коричневого цветов. Уникален светильник, как бы соединяющий в себе две вышеприведенные формы. В его нижней чашечке имеется три вытянутых носика для фитилей и потому светильник мог служить своеобразной люстрой (рис. 4).

В печи найдено большое количество сипоя различной величины. Это говорит о том, что тут же обжигалась керамическая посуда — пиалы и каса, фрагменты которых обнаружены при раскопках. Все они покрыты глазурью. Часть сосудов большого размера; так диаметр донышка одного из блюд 11 *см*. Поддонце кольцевое и слегка выгнутое к середине. С наружной стороны блюдо покрыто белым ангобом, с внутренней — на белой глазури изображена птица, выполненная оливковым цветом. Детали прорисовки крыльев и туловища выполнены процарапанными линиями, заполненными белым ангобом. По-видимому, здесь изображен орел, а вокруг него на белом поле серовато-пепельным цветом дан геометрический орнамент.

Найдено много фрагментов от небольших пиал. Одна из них с внутренней стороны покрыта голубой поливой, с наружной стороны полива покрывает только верхнюю часть тулова. Диаметр 10, высота 3,5 *см*. Поддонце кольцевое. Вторая чашечка данного типа того же диаметра, высотой 4 *см*. С внутренней стороны полива белая, орнамент оливкового цвета. С наружной стороны поливой покрыт только верхний край, а остальная часть — белым ангобом, по которому проходит горизонтальная полоса, выполненная красным ангобом. Примерно так же украшена третья пиала, только орнамент с внутренней стороны выполнен коричневым и зеленым цветами.

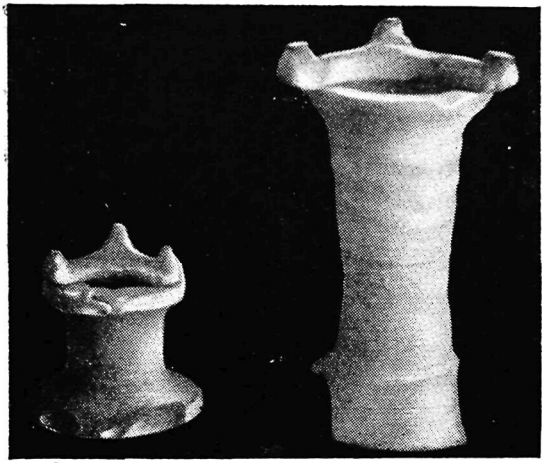

Рис. 5. Керамические подставки.

О том, что эти сосуды обжигались одновременно со светильниками, можно судить по тому, что на внутреннюю поверхность донышка одного из сосудов упал С-образный подвесок и спекся с зеленой поливой. Сосуды могли быть установлены на вышеупомянутой ступеньке.

Раскопки дают также интересный материал по другим припасам, употребляемым при обжиге сосудов. Помимо различной величины сипоя — треугольных подставок для прокладки между чашками, в печи найдены подставки под миски и пиалы (рис. 5). Они состоят из узкого трубчатого тулова диаметром 3—4,5 *см*, верхний и нижний края которого слегка отогнуты. Диаметр по верхнему краю 5—7 *см*, в нижней части 5—9 *см*. Высота их (5—13 *см*) зависит от глубины обжигаемого сосуда. Подставку устанавливали на пол или ступеньку в обжигательной камере, на нее ставили сипоя, а затем — чашку вверх дном, на нее снова устанавливали сипоя и т. д. Возможно, самую верхнюю чашку устанавливали вниз донышком и на нее мог упасть С-образный держатель, о котором мы говорили.

Температуру в загрузочном помещении мастер регулировал, затыкая отверстия в полу глиняными пробками. Пробки имели форму усеченного конуса диаметром 5—10 *см,* высотой 4—10 *см.*

Печи отапливали хворостом, который быстро охватываясь огнем, создавал высокое пламя при небольшом количестве дыма и копоти.

Все кирпичи загрузочного помещения и пола были сырцовыми, но за время функционирования печи они обжигались на толщину 15 *см,* остальная же их часть оставалась сырцовой. Верхние два ряда кирпичей ступеньки полностью обожжены.

Таковы некоторые сведения о гончарных печах X—XI вв., рабочем инвентаре гончаров и технике обжига, почерпнутые нами при наблюдениях на Афрасиабе в 1947 г. Работы, начатые на Афрасиабе в 1958 гг. и продолжающиеся до настоящего времени, дают более обширный материал, расширяют и уточняют круг вопросов, затронутых в данной статье.

Я. Г. Гулямов,
Ю. Ф. Буряков

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ В 1967—1968 гг.

История Самарканда, одного из древнейших городов Востока и крупнейшего археологического памятника Узбекистана, представляет большой интерес для исследователей Средней Азии.

Не случайно изучением его специально или попутно занимались многие ориенталисты и археологи, причем сведение воедино археологических материалов и данных письменных источников позволило осветить многие основные моменты истории города[1].

Стационарными археологическими исследованиями афрасиабского отряда в последнее десятилетие внесен ряд существенных коррективов в историю города[2], установлено, что динамика развития его была очень сложна[3].

---

[1] В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, ЖМНП, СПб, 1881; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. 1, М., 1963, стр. 134—144; Он же. История культурной жизни Туркестана, Соч., т. 2, М., 1963; В. Л. Вяткин. Афрасиаб—городище былого Самарканда, Ташкент, 1927; А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4; М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4.

[2] В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР, ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 36—43; Он же. Полевые работы Узбекистанской археологической экспедиции в 1960 г., ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 9—12, Он же. Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г., ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 11—18. Я. Г. Гулямов. Новый блеск древнего Самарканда, ОНУ, Ташкент, 1965, № 8, стр. 31—35.

[3] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, ТОВЭ, II, 1940, стр. 30.

Вместе с тем стало ясно, что при решении широких вопросов исторической топографии небольшие раскопы малоэффективны. Было решено сосредоточить усилия большого коллектива на комплексном одновременном исследовании широких площадей.

В 1967 г. и весной 1968 г. афрасиабская комплексная экспедиция сосредоточила работы в западной части городища в пределах четвертой городской стены, а осенью 1968 г. — в северной, в пределах первой оборонительной стены. В западной части раскопки были сосредоточены вдоль дороги аэропорта на площади более 600 *м* с севера на юг и от 40 до 80 *м* с запада на восток[4]. Полученный материал позволил уточнить и детализировать историю этой части городища.

Наиболее древние следы жизни на этой территории, представленные отдельными находками и их скоплениями без архитектурных остатков, были обнаружены на краю древнего оврага и в котловане в раскопках преимущественно 25/VI и в небольшом количестве в раскопах 15/V и 25/I. В нижних слоях на склоне оврага были найдены обломки хумов цилиндрической формы, крупных сосудов с подкошенным донцем, небольшой трехгранный со слегка выступающей втулкой бронзовый наконечник стрелы. Керамический комплекс находит аналогии в материалах V—IV вв. до н. э.[5], наконечник стрелы относится к группе наконечников, распространившихся в IV—III вв. на обширной территории, включая и Среднюю Азию.

---

[4] Нумерация раскопов дана на основе единой разбивки площади Афрасиаба на квадраты 200×200 *м*, а внутренних — 40×40 *м*. Нумерация больших квадратов дана арабскими цифрами, малых — римскими. Раскоп 14/VII вел Л. Г. Брусенко, 19/XXI — Т. Агзамходжаев, 24/I—X — Абдуллаев, 24/VI—VII, XI—XII — сотрудники проблемной лаборатории СамГУ М. Джуракулов и Я. Крикис, 24/XVI—М. Н. Федоров, 24/XXI—М. К. Пачос, 25/I и частично 15/X — Ю. Ф. Буряков и Ш. Шорахимов, 25/VI — С. К. Кабанов 25/XI—V — Алимов, 25/XVI — Д. П. Фархотова, 25/XXI — Г. Дадабаев, 26/I — Я. Амиров, 26/XI — К. Абдуллаев.

[5] С. К. Кабанов, Г. В. Шишкина. Древнейшие наслоения городища Афрасиаб, ОНУ, № 3, 1968, стр. 54; А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 153; Р. Кафирниган (Кабадиан) (1950—1951 гг.), МИА, 37, 1953, стр. 273—282, 285; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73, М.—Л., 1959, стр. 61.

Восточнее склона оврага расположен котлован диаметром до 12 *м*. Хронологически заполнение его представлено двумя этапами. Верхний комплекс находок разновременный, смешанный, сочетающий античную керамику с раннесредневековой, нижний мощностью до 2,5 *м* целиком состоит из ранней керамики. Он включает обломки хумов с небольшим загибом уплощенной закраины венчика внутрь и подкосом в придонной части, подцилиндрические котлы с налепом — ручкой в верхней трети тулова, цилиндрические и горшкообразные сосуды с подкошенным донцем. Эта группа находок характерна для IV—III вв. до н. э. К ней примыкает группа сосудов, ведущей формой которых являются неглубокие блюда и миски с небольшим плоским выступающим поддоном типа римских рыбниц III—II вв. до н. э.[6] Вместе с ними найдена масса костей животных[7]. Следующий по времени материал относится к периоду, начинающемуся с грани новой эры. Отдельные находки этого времени встречались на раскопах 24/XVI, 25/I, но четкий слой представлен на раскопе 14/IX, где в продолжении шурфа прошлых лет расчищены плохо сохранившиеся остатки здания грани новой эры. Материал подстилающего слоя представлен тонкостенными чашами и кубками с широким резервуаром на неширокой профилированной ножке.

Слой V—VII вв. представлен на раскопах также не на всей площади. Наиболее интересны находки в двух раскопах (24/XXI и 25/XXI), находящихся в 150 *м* друг от друга: остатки захоронений в оссуариях и хумах представлены, несмотря на сильные последующие разрушения, большим количеством костей, фрагментов оссуариев и групп сосудов. Корчаги невысокие, приземистые, широкогорлые с налепным орнаментом и небольшими ручками под плечиком. В украшениях фигурирует налепной пятилистник. Эта форма сосудов характерна для Согда VII в.

Оссуарии овальной формы, в украшениях доминируют горельефные антропоморфные изображения — головки человека, иногда в короне, сочетающиеся с S-образным орнаментом

---

[6] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963, стр. 121.

[7] Остатки фауны переданы на определение на кафедру зоологии СамГУ.

[8] И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII—VIII вв.), МИА, М.—Л., 1964, стр. 269.

и изображением несторианского креста[9]. Особого интереса заслуживает оссуарий из раскопа 25/XXI. Стены его украшены ромбообразными насечками, широко распространенными в парадной архитектуре (например во многих хавли под Самаркандом). Из стенки выступают три трехчетвертные колонки с квадратными базами, колоннадой, капителью, импостным элементом и полукруглой профилированной аркой, изображающей свод. Таким образом, и в форме, и в орнаментации оссуария ярко представлены элементы архитектурного сооружения[10].

Возможно, крышке оссуария принадлежит керамический фрагмент с изображением мужчины с поднятой к уху рукой. Это изображение напоминает описанную О. И. Смирновой «сцену оплакивания» в одном из храмов Пянджикента, где в частности изображены мужчины, режущие в знак скорби мочки своих ушей тонкими ножами[11].

Более поздние комплексы перекрывают всю вскрываемую территорию описанной части города, располагаясь иногда прямо на материке[12]. В северных раскопах они представлены пахсовой стеной, тянущейся с юга на север около 100 *м* с отходящими от нее поперечными стенами, образующими комнаты и коридоры. Находки состоят из неполивной глазурованной посуды, преимущественно IX—X вв. и нескольких монет. Назначение комплекса не совсем ясно. Не исключено, что перед нами остатки сооружения общественного назначения, типа караван-сарая, на что, кроме размеров, указывает и расположение его рядом с одной из центральных магистралей города близ северных ворот. Комплекс перекрывается мусульманскими погребениями, появившимися в период, когда здание уже лежало в развалинах.

К югу от описанных раскопов на широкой площади исследуется группа жилых, хозяйственных и производственных по-

---

[9] М. К. Пачос. Новые находки оссуарных захоронений на территории Афрасиаба, Проблемы археологии Средней Азии, тезисы докладов, Л., 1968, стр. 59—60.

[10] Г. Дадабаев. Оссуарий из Афрасиаба, ОНУ, Ташкент, 1968, № 10, стр. 44—46.

[11] О. И. Смирнова. Нумизматические заметки, ЭВ, XVIII, Л., 1967, стр. 35—36.

[12] Это подтверждает разрез, образованный прокладкой водопроводной траншеи вдоль шоссейной дороги, прорезавшей все городище с севера на юг от мечети Хазрат-Хызр до Сиаба.

мещений нескольких хозяйств, расположившихся густой застройкой вдоль вытянутой с запада на восток дороги, выходившей на центральную магистраль, которая шла к северным воротам. Дорога шириной 2,7 *м* была выложена чупанатинским камнем, на север и юг от нее на различных отрезках отходили узкие тупички, отделявшие одно хозяйство от другого.

Комплекс к югу от дороги состоит из пяти помещений с пахсовыми стенами и суфами. Парадные комнаты покрывались алебастровой штукатуркой и иногда окрашивались (в одном случае красной, в другом синей краской). Наряду с жилыми хозяйственными комнатами выделяются и помещения, вероятно, предназначенные для металлообработки (ювелирное дело).

В одной из комнат найдено множество сильно обожженных лунок и площадок перед проходившими вдоль длинных стен суфами. Там же обнаружен тигель в форме стакана из сильно прокаленной глины с шамотом. Судя по материалу, хозяйство функционировало с конца IX до начала XI вв., подвергаясь частичным перестройкам. Полы помещений лежат гораздо ниже синхронного им уровня улицы. Это характерно для всех хозяйств комплекса.

Севернее дороги вскрыто хозяйство, в помещениях которого были устроены пристенные лари и стояли хумы для хранения каких-то сыпучих тел и площадка со следами стоявших в два ряда кувшинов. Проход между ними вел к очагу. Парадная комната этого хозяйства, вероятно, украшалась резным, иногда окрашивавшимся в синий цвет штуком, фрагменты которого обнаружены в завале, полы имели фигурную выкладку жженым кирпичом.

Вдоль восточного отрезка дороги обнаружено хозяйство, связанное с гончарным производством. В него входит небольшая круглая в плане двухъярусная печь, рабочая площадка прямоугольной формы, а в южной части раскопа — небольшой отвал. Близ печи найдены предметы припаса керамистов—штыри и сипоя, полуфабрикаты, сформованная, но не обожженная посуда, прошедшая первичный обжиг и подготовленная к раскраске и глазурованию, и т. д.

Ниже расчищен еще один уровень с полами, водостоками, резервуаром и выложенным кирпичиками очагом. Он относится к более раннему периоду, когда стены помещения выкладывались из пахсы и крупноформатного сырцового кирпича.

Каковы датировка этих хозяйств и их соотношение с дорогой? Самые ранние материалы из шурфа датируются концом VIII—началом IX вв. Вероятно, во второй четверти IX в., если судить по керамике, было построено помещение из крупноформатного кирпича, а в конце того же столетия на его руинах выросло хозяйство керамиста. В период его функционирования и была вымощена дорога, подводившая к городской магистрали. В конце X в. гончарная мастерская была заброшена, в то время как соседнее хозяйство металлурга еще продолжало функционировать. Однако в XI в. забрасывается и оно, и весь этот район перестает существовать.

Вероятно, среднему горожанину принадлежала усадьба, состоявшая из группы жилых и хозяйственных помещений с хорошо спланированной системой водопровода и канализации, открытая в раскопе 24/XVI. Пахсовые стены покрыты гладкой алебастровой штукатуркой. С юга к усадьбе примыкал жилой дом[13] со стенами, сложенными из пахсы и сырцового кирпича, размером 40 × 20 × 8 *см*. Часть его комнат врезалась в древние слои, связанные с оссуарными погребениями. В результате оссуарии оказались разбитыми, кости разбросаны, один гробик попал в кладку стены дома.

Южнее вскрыты остатки сильно разрушенного жилого комплекса VIII — начала IX вв., представленного лишь уровнями полов с хозяйственными ямами, двумя подвалами — комнатами прохлады — и частями разрушенных стен[14].

Керамика с полов и из бадрабов представлена фрагментами котлов из глины с шамотом, изготовленных на гончарном круге медленного вращения, кувшинов с прямопоставленным венчиком и вертикальной, овальной в сечении ручкой. Обильно представлены кружки. Они имеют округлую нижнюю и цилиндрическую, чуть сужающуюся верхнюю часть тулова, а также кольцевую ручку. Место соединения половинок украшено полукруглыми вырезами[15].

Выше вскрыты здания общественного назначения. В юго-западной части они представлены 13 небольшими комнатками-камерами. Почти в каждой из них расчищена небольшая сырцовая или каменная суфа, очажок или яма для жаровни с

---

[13] Раскоп 24/XVI.
[14] Раскоп 25/I.
[15] Описание данной формы см. Б. И. Маршак.

углями. В нескольких камерах сохранились небольшие резервуары. Стены, полы, суфы и резервуары оштукатурены специальным водостойким раствором[16]. Система специальных кубуров отходила из комнаток в один поглощающий колодец глубиной 13,4 *м*, на дне которого расчищен полуметровый слой зеленоватой мыльной глины.

Для этих зданий характерно почти полное отсутствие в комнатках бытовой посуды. Керамика представлена в основном фрагментами круглодонных котлов различных размеров.

На двух суфах найдены бронзовые сурьмадоны в форме плоскодонных с округлыми стенками плошек со сливом и небольшими ручками. К северу от комнаток расчищены два глубоких очага диаметром 1,2 *м;* около них две больших широкогорлых корчаги для воды. Между очагами с востока на запад проходил специальный лоток для воды, выложенный из жженого кирпича различного стандарта. Водосто́к небольшой, ширина 18—20 *см,* высота его 8—10 *см*. Сверху лоток также перекрыт жженым кирпичом. В западной части раскопа он переходит в систему кубуров и уходит на запад за пределы раскопа. В лотке найдена масса обломков стекла, преимущественно флаконов синего и зеленоватого цвета, с округлым, иногда гофрированным туловом и выделенным массивным дисковидным поддоном. К этому же слою относится и золотая серьга в форме тонкой проволоки с небольшой жемчужной вставкой. На востоке лоток заканчивается около кирпичного завала. Здесь находилось здание, выстроенное из жженого кирпича нескольких стандартов (преобладает размер 39 × 19,5 × 7 — 8 *см)*. Стены украшались резным штуком, иногда окрашивавшимся в синий, красный и желтый цвета, последний возможно сочетался с позолотой. Наряду с керамикой в комплексе найдено несколько монет. Судя по находкам, описанный комплекс относится к концу IX—X вв. и представляет собой остатки бани.

Комнаты с резервуарами и суфами, вероятно, были номерами для мытья отдельных посетителей. Очаги и ямы для угля в них служили для поддержания температуры, индивиду-

---

[16] Анализ сделан Н. С. Гражданкиной в технологической лаборатории Института истории и археологии АН УзССР.

альной в каждой комнатке по вкусу посетителя, котлы предназначались для подачи горячей и холодной воды.

Подобные бани в этот период были широко распространены на Востоке. Ибн Сина, говоря о влиянии купания на организм, отмечает, что в его время лучшими считаются бани с отдельными ваннами и лежанками, где топку печи располагают сообразно натуре тех, кто хочет в нее зайти[17]. Таким образом, в каждом номере был свой очаг, в котором поддерживалась по требованию посетителей нужная температура. Крупные очаги служили для кипячения воды, а корчаги рядом — для ее хранения. Воду в небольших котлах разносили по номерам, где она могла стоять на очаге или в яме с угольями. Отвод грязных вод осуществлялся с помощью кубуров, сводившихся в один поглощающий колодец. При мытье использовались мыльные глины, слой которых найден в колодце. Наряду с ними могли использоваться и иные растворы — щелочи и соли, игравшие, по сообщению Ибн Сины, и лечебную роль[18].

Бани на Афрасиабе встречались и ранее. В. Л. Вяткин упоминает о бане из жженого кирпича против цитадели у южного конца насыпи, по которой вода входила в первое поселение[19]. Близка к нашему комплексу баня X века, располагавшаяся в восточной части городища близ пункта 16, состоящая из отдельных ванн с индивидуальной системой отопления и лежанками. За перегородкой, на уровне дна «ванны» располагался тандыр и рядом с ним хум для воды.

Большая баня с раздевальнями, мыльнями и комнатами отдыха вскрыта в западной части Афрасиаба Г. В. Шишкиной. Полы помещений и резервуары в ней также оштукатурены водостойким раствором, а в одной из ванн найдена серо-зеленая жирная глина, которая при смачивании хорошо смывает грязь[20]. Описываемая нами баня не столь парадна и значительна по размерам, но более удобна благодаря индивидуальной системе обогрева. Не противоречит назначению комплекса и парадное богато декорированное резным краше-

---

[17] Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки, кн. 1, Ташкент, 1954, стр. 196.

[18] Там же, стр. 198.

[19] В. Л. Вяткин, Афрасиаб, стр. 16.

[20] Г. В. Шишкина. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1968.

ным алебастром помещение из жженого кирпича. Оно могло служить комнатой отдыха; с другой стороны, по находке в выводящем из нее лотке обилия осколков стеклянных флаконов, служивших сосудами для мазей и благовоний, можно предположить, что в помещении располагались косметические комнаты. Этим целям служили и бронзовые сурьмадоны, найденные на суфах. В период запустения парадное помещение было почти целиком разобрано на кирпич. Остались лишь обломки жженого кирпича и завал алебастрового раствора и декора. В конце X в. к западу от бани был возведен жилой комплекс с полуподземным помещением, врытым в грунте с обкладкой стен жженым кирпичом. В нем найдена керамика конца X—начала XI в. Впоследствии, когда комплекс лежал в руинах, здесь появились редкие погребения по мусульманскому обряду.

В раскопах, примыкавших к описанному с юга, также сохранились отдельные жилые постройки IX—начала XI в., вероятно, располагавшиеся вдоль древнего естественного оврага, превращенного в канал. В раскопе 25/XI выявлено его ответвление, проходившее с запада на восток. На дне канала также отмечался комплекс посуды IX—X вв. Южнее расчищено плохо сохранившееся, смытое в овраг помещение с алебастровыми резервуарами и далее, начиная с раскопа 25/XVI, на юг уже идут отвалы керамического производства, а затем и гончарные печи.

Вскрыты остатки двух печей. Одна небольшая прямоугольной формы с интенсивно ошлакованными стенками, вероятно, играла подсобную роль (служила для обжига фритты), а вторая, круглая в плане, двухъярусная.

В завале близ печи встречена масса обломков глазурованных блюд XI—XII вв. Интересна целиком ушедшая в брак вследствие перегрева партия сфероконических сосудов различных размеров, позволяющая определить расположение сосудов в печи. Обилие печного припаса в виде штырей, сепоя, коромыслиц говорит об обширности ассортимента продукции работавших здесь гончаров XI—XII вв.

В раскопах к западу от древней северной магистрали вскрыты водоемы (квадрат 15/IX), комнаты прохлады, жилые и производственные помещения с резервуарами, обмазанными алебастром, и ларями, непосредственно примыкавшими к 4-й оборонительной стене Афрасиаба.

Осенью 1968 г. основные работы экспедиции были сосредоточены в северной части городища, к северу от цитадели, где в 1959—1966 гг. были вскрыты остатки оборонительной стены II в. до н. э. и слои VI—IV вв. до н. э.[21]

Общая площадь намеченных к вскрытию раскопов[22], вытянутых с запада на восток на 240 *м*, составляет около 10 000 *м*², из которых в нынешнем сезоне вскрыто 1000 *м*².

В раскопе 31/XVII исследована площадь 250 *м*². Верхний культурный слой густо испещрен древними могилами. Только на описанной площади вскрыто 67 могильных ям, перекрывающих друг друга на глубине от 0,2 до 1 *м*, иногда в три яруса. При общей северной ориентации направление их колеблется от 290° до 20°, преобладающая группа ориентирована в пределах 330°—360°. Почти все захороненные лежали в вытянутом положении головой на север, лицом на запад. Конструктивно выделяется несколько могильных групп: ямы, вырытые в земле с легким подбоем с востока; ямы, обложенные с востока кирпичом под наклоном, или обложенные с двух сторон,— и намогильные сооружения типа сагана — прямоугольник из сырцового жженого кирпича, иногда со специальной выкладкой в центре. Кирпич разноформатный (сырец размером 45 × 23 × 8, 40 × 20 × 8, 32 × 16 × 4 *см*, жженый — 32 × 16 × 4 *см*, 30 × 17 × 4, 35 × 23 × 7 *см*), характерный для IX—XII вв. н. э., часто встречаются обломки. Все это свидетельствует о том, что зачастую для обкладки могил использовали кирпич из руин заброшенных помещений.

Могильные ямы прорезают сагана, иногда с обкладками. В заполнении их встречены обломки керамики, самые поздние из которых с голубой бирюзовой поливой и иногда кашинным тестом характерны для XII — начала XIII вв.

Могильные ямы прорезали жилые слои. Вскрыты остатки сильно разрушенных помещений с двумя уровнями полов в конце и в середине VI яруса. Помещения нижнего уровня име-

---

[21] С. К. Кабанов, Г. В. Шишкина. Древнейшие наслоения городища Афрасиаб (к 2500-летию Самарканда), ОНУ, Ташкент, 1968, стр. 53.

[22] Нумерация расположенных площадок дается по общей квадратной стене Афрасиаба, Раскопы вели в квадрате 31/XVII.—Ю. Ф. Буряков, 31/XXV — М. К. Пачос, 31/XX — М. Сагдиев, 31/XXV — М. Н. Федоров, 41/XVI—Г. В. Шишкина, 41/XVII—Т. Агзамходжаев.

ют массивные сложенные из пахсы стены толщиной до 140 *см*. Вскрыты остатки шести комнат одного хозяйства, вытянутых с севера на юг вдоль основной стены. В них расчищены хозяйственные ямы и бадрабы, а также два подвала — комнаты прохлады—в северной и южной частях комплекса. Судя по материалу, первоначально был подготовлен подвал 2, но, вырытый в рыхлых слоях, он функционировал недолго и вскоре завалился. Тогда был сделан подвал 1 около комнаты № 3. Диаметр его составляет два метра. У входа с обеих сторон ниши для светильников.

Интересны находки из подвала № 1 и комнаты № 3. Это терракотовые очаги с прорезным ромбическим и штампованным орнаментом типа стилизованного несторианского креста, кружки позднего облика со следами черной краски и крышки сосудов, тигель из огнеупорной глины и небольшие кусочки шлаков, глазурованные чаши с мутно-голубым растительным и геометрическим орнаментом по сероватому фону, пиалы с зелеными растеками.

Здесь же найдены шаровидная стеклянная реторта и сосудик типа чашки с длинным носиком — ананбик. Такие сосуды, по сообщению ар-Рази, широко использовались алхимиками IX—X веков.

Комплекс находок этого слоя датируется не только керамикой, характерной для конца IX — начала X вв., но и двумя монетами, одна из которых относится к 870 г.

Затем наблюдается период запустения, после которого территория обживается вновь. Несмотря на значительную толщину, стены к этому времени частично разрушились. Наиболее массивные стены, в частности стержневые, проходившие с севера на юг, были использованы как основание. На них нарастили стены из сырцового кирпича, причем стены получились толщиной до 1,6 *м*, некоторые поперечные стены были одеты в рубашку, либо выполнены заново сырцовым кирпичом. Планировка комплекса частично изменилась. Сохранились четыре комнаты. Вместо помещения появился айван, а комната № 4 в западной части уменьшилась за счет закидки с запада.

Материал верхнего комплекса представлен небольшим количеством глазурованных сосудов. Это пиала голубой глазури, фрагменты чаши кашинного теста и бирюзовой поливы, светильник на высокой ножке также покрытый голубой поли-

вой и комплекс неполивной посуды хорошей станковой работы.

Все эти формы керамики характерны для XII — начала XIII вв.[23] Вместе с ними найдена бронзовая ножка светильника, характерная для конца XII в.[24], а также чираги с ручкой-бантиком, штамповавшейся в калыбе.

Для исследования более ранних слоев в восточной части раскопа был заложен шурф, опущенный на глубину до 4 *м*, до материка шурф не доведен.

Под метровым слоем, разрушенным могилами и содержащим находки IX—начала X вв. и XII—начала XIII вв., расчищена пахсовая стена метровой толщины и часть карчаги, украшенной по плечику жгутовидным налепом, S-образным и волнистым орнаментом и налепом под ручкой в виде пятилистника. Аналогичные формы характерны для Согда VII — начала VIII вв.[25]

С IX—X ярусов начинается более ранний слой, в котором найдены грубоватые кубки на широкой устойчивой ножке с раскраской потеками или покрытые темно-коричневым ангобом донца сосудов, подрезанные нитью. Этот комплекс характерен для середины IV—VI веков н. э.[26]

В XI ярусе встречены новые формы орнаментации керамики, раскрашенной переплетающимися лентами, образующими незамкнутые и замкнутые треугольники и «Ж»-образные фигуры. Эти орнаменты находят аналогии в Талли-Барзу II и могут датировать комплекс III в. н. э.[27]

Со второй половины XI яруса в шурфе расчищены два целых хума, уходящих в слои XII—XIII ярусов. Они имеют горизонтально поставленную, слегка закругленную сверху

---

[23] Ш. Тошходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда, Ташкент, 1967, стр. 125, 141.

[24] Аналогичная поделка найдена нами в 1959 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте в слое, датированном монетой Мухаммада Хорезмшаха (1200—1220 г.).

[25] И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента, стр. 269.

[26] Е. В. Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине, археологические работы в Таджикистане, вып. VI, 1961, стр. 130, 133; М. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе, Из истории культуры народов Узбекистана, Ташкент, 1965, стр. 21.

[27] Б. Я. Ставиский датирует слой ТБ—II второй половиной III в. н. э. Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Талли-Барзу, СА, 1967, № 2, стр. 27.

закраину шириной 6 *см*, с выступающим наружу бортиком. Стенка, чуть расширяясь, переходит к плечикам без горловины, чуть раздутое тулово имеет в диаметре до 70 *см*. Внизу тулово с легким подкосом переходит к донцу. Высота хума 125 *см*. Судя по стратиграфии хумы относятся к первым векам н. э.

Расположенный к востоку раскоп 31/XIX площадью 120 $м^2$ был развит в глубину. В верхних слоях здесь была вскрыта часть помещения XII—начала XIII, и IX—начала X вв. н. э. Интересные материалы дал стратиграфический шурф глубиной 9 *м*. В нем выявлено несколько уровней культурных слоев.

Верхний слой мощностью до 1,8 *м* включает материал IX—X вв. и XII—начала XIII вв. Ниже идет платформа из пахсы толщиной 1,2—1,5 *м*, в которой найдены обломки неполивной керамики—кринки со сплюснутым носиком, манжетовидные венчики хумов, характерные для VI—VII вв.[28] К ним примыкает материал лежащего под платформой более рыхлого слоя (толщина 0,7 *м*), для которого характерны широкогорлые горшки и кринки, покрытые кремовым или черным ангобом. Они подстилаются тонким (до 15 *см*) слоем пахсовой платформы — выкладки.

Под ними в XII ярусе идет третий слой, в котором имеются сосуды, характерные для V—VI вв., и масса ножек и венчиков кубков. Этот промежуточный слой, вероятно, следует датировать в пределах IV в. н. э.

Следующий слой ограничивается снизу в середине XIV яруса глинобитным полом. В нем преобладают кубки, чаши с Г-образным и Т-образным изгибом венчика, характерные для периода Афрасиаба III — (грани н. э.). Однако вместе с ними найдены стенка сосуда с носиком, завершающимся раструбом, терракотовые фигурки лошадей. Аналогичный сосуд был найден в Туданкалон в Таджикистане в слое III в. н. э. В раннесредневековых слоях Афрасиаба (III—IV вв.) широко распространяются терракотовые фигурки, аналогичные

---

[28] М. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе, стр. 22; Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 208, 209, рис. 9, 4—5; Б. И. Маршак. Отчет о работе на объекте XII за 1955—1960 гг., Труды ТАЭ, т. IV, МИА № 124, М.—Л., стр. 232, рис. 231, 12—13.

найденным. Все это дает основание автору[29] раскопа датировать слой III в. н. э. и считать ранние формы посуды перемещенными снизу из слоя XIV—XVI ярусов, которые следует отнести к I в. н. э.

В нижнем горизонте (XVII—XXII яруса) идет плотный слой, пересекаемый ямой с зольниками. В нем чаши на плоском и кольцевом поддоне, кубки, сосуды с пластинчатой ручкой, характерные для первых веков до н. э.

В XXII ярусе найдены фрагменты хумов и корчаг с подкошенным донцем, банкообразных сосудов с манжетовидным венчиком, котла цилиндрической формы с ручкой-налепом. Аналогичные сосуды были обнаружены на Афрасиабе в нижнем слое Р-6 из раскопа 25/VI, они характерны для V—IV вв. до н. э.

В раскопе 31/XX вскрыта вымощенная булыжником дорога трехметровой ширины, проходившая от жилых массивов на северо-восток под уклоном 60° по направлению к Сиабу. На мостовой найдены фрагменты бирюзовой поливы конца XII — начала XIII в. Вдоль Сиаба расчищена поверхность, пандусообразно опускающаяся к востоку. С востока к нему примыкает раскоп 41/XVI. В нем также расчищена дорога, вымощенная рваным камнем и булыжником. Она идет к северо-западу по направлению к низине, где с ней сливалась описанная выше мостовая, и вместе они подходили к краю городища. Вероятно, здесь находились ворота, выходившие к северному рабаду, который, как показали наши материалы, развивался с конца VIII—IX вв. н. э. Вероятно, к IX в. и относится вымостка дорог, на которых встречаются материалы IX—начала XIII вв.

Слои данного раскопа изучены в основном в доведенном до материка разрезе по краю обрыва к Сиабу. Под дорогой вскрыты слои VII—VIII вв. н. э., ниже смешанные с более ранними, а под ними сразу начинаются материалы времени Афрасиаб-II (III—II вв. до н. э.) В северной части разреза расчищена стена из сырцового кирпича античного стандарта размером 35×35×12—15 *см,* стоящая на прослойке пахсы. Их подстилает материковый лесс холма, резко опускающегося внутрь города. Сверху он перекрыт наклонными культур-

---

[29] М. Пачос. Полевой отчет о работах на раскопе 31/XIX, осенью 1968, рукопись отдела археологии ИИА АН УзССР.

ными слоями, под которыми расчищена примыкающая к лессовому обрезу холма стена из квадратного кирпича 36×36×14—16 *см*.

Это одна из самых ранних стен укрепления, возможно, относящаяся ко времени не позднее начала периода Афрасиаб II. Раскопом 41/XVII к востоку от разреза площадью 80 *м*² начато изучение остатков бедного жилого комплекса с кухонным очагом, сложенным из обломков жженого кирпича с кувшинами для воды и зерна. С юга от комнаты—дворик, тротуар вдоль стены вымощен жженым кирпичом размером 28×16×4; 23×23×5; 35×18×7 *см*. Налицо вторичное использование кирпича из разобранных построек. Интересна находка в вымостке терракотовой плиты с растительным орнаментом, употреблявшейся первоначально для облицовки стен парадного помещения. Стандарт кирпича и плитка характерны для XI—XII вв. Период их вторичного использования следует отнести к концу XII — началу XIII вв. Этим временем и датируется жилое помещение.

С юга к раскопу 31/XX примыкал раскоп 31/XXV. В нем на площади 100 *м*² раскрыта монументальная стена комбинированной кладки из сырцового кирпича размером 40×20×7×8 *см* и небольших блоков пахсы. Стена сохранилась на высоту 4 *м*, толщину ее определить пока не удалось. Она прикладывалась к ранним культурным слоям, облицовывая их с запада. Вдоль стены найдены обломки неполивной и глазурованной посуды. Последняя представлена чашами и пиалами с мутно-голубыми растеками по серому фону, характерными для IX в. н. э.

Кроме раскопок в северной части экспедиция продолжала исследование в центральной части городища, в южных пределах 3-й крепостной стены, там, где в 1965 г. был вскрыт дворцовый комплекс VII в. н. э. с прекрасной стенной живописью. Наряду с консервацией ранее открытых живописных сцен в текущем году была продолжена расчистка западной стены. Она дала новые интересные материалы, раскрывающие высокое мастерство согдийских живописцев.

Западная стена находилась прямо против входа, и на ней располагалась центральная живописная композиция. От цент-

---

[30] С. К. Кабанов. Отчет о работах в раскопе 25/VI осенью 1968, рукопись хранится в отделе археологии ИИ АН УзССР.

ра стены по обе стороны показаны фигуры дароносцев. Южная группа фигур, расположенная слева от центра, была изучена ранее и представляла собой чаганианское посольство. Вторая группа, расчищенная в этом сезоне, представляет также дароносцев, идущих к центру справа. Здесь изображены люди, одежда которых состоит из желтых легких тканей, на головах цилиндрические черные шапочки с кисточками, находящие аналогии в шапочках пянджикентских росписей. Фигуры трактованы как восточнотуркестанские чиновники. Один держит в руках предмет, напоминающий цветок, второй — дары.

Интересным моментом явилось открытие первоначальной композиции, сохранившейся под синим фоном. Здесь были расчищены контурные рисунки, сделанные уверенной рукой прекрасного мастера-живописца. Они представляют собой часть композиции. Изображались фигуры с дарами (какие-то плоды, напоминающие гроздья фиников), а дальше две фигуры, одна повернута спиной к зрителю, другая в профиль. На фигуре, стоящей спиной, обнаружено согдийское письмо очень плохой сохранности, не поддающееся прочтению.

Вероятно, эта композиция не понравилась мастеру и была закрашена. Часть группы (3 фигуры) была сдвинута влево и уплотнена, а две перекрыты новой композицией, развернутой вправо. Дароносцы идут вверх, направляясь, возможно, к правителю, который должен находиться в верхней центральной части западной стены.

В завале помещения были найдены остатки бордюра, оформлявшего парадную часть помещения. Они напоминают бордюр, окаймляющий композицию внизу стены.

Здесь же было расчищено изображение головы воина в шлеме и кольчуге, вероятно, из верхней композиции конных воинов, от которой на южной стене сохранились лишь копыта лошадей. Найдены также фрагменты живописной сцены, изображавшей слона (сохранилась лишь нога) и тигра (сохранилась только нога). Вероятно, композиция изображала сцену охоты (аналогично Варахше).

На полу были расчищены пятна баз деревянных колонн. Интересно отметить находку в этом слое 2-х согдийских монет. Дворцовый комплекс перекрывается кварталом керамистов IX—XI вв., изучавшимся в предшествующий период

Ш. С. Ташходжаевым[31] и М. Н. Федоровым[32]. В текущем году исследование его было продолжено. Раскопки сосредоточились к западу и к северу от зала с росписью.

Вдоль западной стены вскрыт комплекс жилых и производственных помещений керамиста, включающий парадную комнату, стены которой облицованы сырцовым кирпичом, а полы имели белое алебастровое покрытие. К югу от нее небольшой дворик с тандырами, открытыми очагами и углублениями для древесного угля, а с севера — группа производственных помещений. В одном приподнятая рабочая площадка, на которой стояли два терракотовых очажка для обжига (фритты).

В противоположном углу — большой обмазанный круг с несколькими выемками в центре и сильно обожженной ямкой для тигля. Здесь, вероятно, производилось глазурование и роспись посуды.

Вдоль стены сохранились необожженные, поставленные для сушки цилиндрические стержни из припаса керамиста. К северу и востоку группа помещений в основном складского назначения. В них расчищены пять хумов, в которых сохранились остатки жирных глин и глин, служивших для ангоба. На северо-востоке вскрыт отвал керамического производства, давший большое количество экземпляров бракованной на различных этапах изготовления посуды (от только сформованной на гончарном круге до неправильно обожженной после глазурования) и использованного припаса гончаров. Эти находки дают новые материалы, позволяющие говорить о высоком мастерстве самаркандской школы керамистов IX — начала XI вв.

Из отдельных находок 1968 г. на городище представляют интерес следующие. На юго-западном отрезке двойного оборонительного кольца стен на внешнем фасе первой стены расчищены следы четырех хумов, вытянутых с запада на восток. Расчищенный хум представлял собой сосуд средних размеров со слабо выделенной горловиной и уплощенным сверху венчиком. Эта форма типична для Согда VII—VIII вв. Внутри хума найдена медная монета с квадратным отверстием, также характерная для того времени.

---

[31] Ш. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда, Ташкент, 1967.

[32] М. Н. Федоров. Краткий полевой отчет о раскопках на Афрасиабе в 1966 г., рукопись отдела археологии ИИА АН УзССР.

Расположение хумов свидетельствует о том, что над крепостной стеной в VII—VIII вв. были построены хумхона, но возникает сомнение, почему они пристраивались к внутренней стене снаружи. Если в этот период двойное кольцо стен уже утратило свое оборонительное значение, тогда должен функционировать новый обвод стен внутреннего кольца. Раскопки этого участка стены должны ответить на этот вопрос, важный для выяснения оборонительной системы города.

Вторая находка сделана М. К. Пачосом в раскопе 13 и на внешнем кольце второй городской стены. Это целая терракотовая статуэтка Анахиты. Фигурка размером 17×4,5 *см* оттиснута в форме и подправлена ножом.

Из других находок следует отметить терракотовые статуэтки в оврагах восточной части Афрасиаба близ мазара Ходжи Данияра. Это несколько обломков оседланных лошадей и всадника. Фигурка всадника высотой 4 *см* изображает мужчину с усами, большим носом, узкими раскосыми глазами. Всадник одет в накидку с островерхим башлыком. По типу его следует отнести к статуэткам IV—V вв. н. э.

Для топографии города большой интерес представляет обследование его периферии. Большинство предшествующих исследователей ограничивалось изучением территории в пределах Сиаба[33]. В 1968 г. наряду с раскопками на Афрасиабе экспедиция продолжала изучение округи. Интересные материалы были получены на правом берегу Сиаба к востоку от цитадели. Здесь выделяются остатки тепе с культурным слоем, местами достигающим 8,5 *м*. Сохранившаяся площадь его немногим более 1 *га*, но судя по ареалу распространения подъемного материала, ранее составляла около 15 *га* (основная часть ныне занята под посевы и жилые дома).

Разведочные раскопки северо-восточной части тепе позволили выявить его стратиграфию[34].

Верхний полуметровый слой состоял из разрушенных строений и вымостки дворика рваным чупанатинским камнем.

---

[33] Исключение представляет работа М. Е. Массона, изучавшего площади к юго-востоку и северу от Сиаба. См. М. Е. Массон. К периодизации..., стр. 158—160, схемы 2—4.

[34] О нижних слоях раскопа см. Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. О кангюе-кушанских слоях Афрасиаба по материалам археологических раскопок 1968 г., ОНУ, 1968, № 8, стр. 58—60.

На полу дворика были найдены крупные горшки с утолщенным венчиком и сложным налепным орнаментом, характерные для конца VII—VIII вв. н. э.[35] Глазурованные сосуды представлены чашами с округлыми резервуарами на поддоне с легкой выемкой к центру дна, орнаментированными внутри зелеными и темноватыми разводами. Этот тип сосудов известен для конца VIII — начала IX вв.[36] Более позднего материала ни в шурфе, ни в подъемном материале не найдено.

С глубины 50 *см* расчищена монументальная пахсовая стена толщиной более 4 *м* (точно установить толщину не удается, поскольку ее внешний край разрушен. В высоту стена сохранилась на 3 *м*. В тепе ее найдены разновременные сосуды: фрагменты кубков на тонкой ножке, покрытые красной краской, невысокие ножки кубков и стенок чаш с красно-коричневой окраской и легким лощением. Черепок сосудов плотный, кремовый. Эта керамика характерна для первых веков н. э.[37]

Наряду с ними найдены фрагменты ваз на низких устойчивых ножках, вазообразные курильницы из глины с дресвой, плоскодонные чаши округлоконической формы с отношением диаметра устья к высоте 3:2, небольшие горшочки, покрытые снаружи черной краской с затеками внутрь и небольшим отверстием по плечику, стенки горшков с сероватым ангобом и черно-коричневыми потеками, придонная часть хума с легким подкосом в придонной части, вазы на низкой ножке характерные для Согда и прилегающих территорий в V—VI вв. н. э.[38] К этому же времени можно отнести и ножку бокала, аналогии которой дает Шортепе в Кашкадарье[39]. Для V—

---

[35] И. Б. Бентович. Керамика верхних слоев, стр. 269.

[36] И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, новая серия, XI, вып. 2, Самарканд, 1940.

[37] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII. М.—Л., 1950, рис. 69, раздел Афр. IV, Е. В. Зеймаль. Археологические раскопки в Гиссарской долине, 1961, стр. 134—135.

[38] Е. В. Зеймаль. Археологические раскопки в Гиссарской долине, стр. 130, 133. М. К. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе, исследование второй городской стены, Сб. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 21, рис. 2, 12—13.

[39] С. К. Кабанов. Раскопки на Шортепе близ Карши в 1952—53 гг., ИМКУ, 5, Ташкент, 1964, стр. 80, рис. 7, 8.

VI вв. характерна и керамика, покрытая потеками краски. Все это дает основание датировать возведение оборонительной стены временем не ранее VI в. н. э. Следует отметить, что характер кладки, материал в теле стены и толщина их сближает эту стену со второй оборонительной стеной Афрасиаба, возведение которой также относится к указанному времени[40].

Нижележащий полуметровый слой составляет платформу стены, в состав которой включена часть жилого комплекса предшествующего времени. В платформе и слоях жилого комплекса встречена керамика, аналогичная находкам в стене. Это округлоподкошенные придонные части хумов, покрытых снаружи серым ангобом, слегка вогнутые к центру, полые внутри ножки чаш высотой до 5 *см* и диаметром до 8 *см*, придонная часть кубкообразного сосуда с невысоким дисковидным донцем, грубо окрашенная с обеих сторон красной краской[41]. Интересен венчик небольшого кувшина с прямой горловиной и валикообразно утолщенным наружу венчиком.

Этот слой можно отнести к IV—V вв. н. э., а засыпку и возведение платформы ко времени строительства оборонительной стены.

Ниже, под слоем запустения вскрыт двухметровый слой, представленный остатками двух архитектурных комплексов, различающихся стратиграфически, но включающих похожие комплексы находок. Стены из сырца и пахсы, между ними оплывы, завалы и линзы зольно-угольных отложений, свидетельствующие о том, что появились они один на другом не сразу. Сверху тоненькая прослойка наносно-надувного слоя.

Находки из этих комплексов включают фрагменты крупных сосудов со слегка подкошенной придонной частью, кувшины и горшки из глины красного обжига с округлыми или слегка заостренными наружу венчиками и изредка с небольшими валиками по плечикам. Сосуды открытых форм представлены бокаловидными чашами на плоском выступающем поддоне и фрагментами краснолощеных и красно окрашенных кубков и чаш. Кухонная посуда представлена лепным котлом цилиндрической формы с ручкой-отростком и ножкой вазы-курильницы.

---

[40] М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 14.

[41] А. И. Тереножкин. Согд и Чач., рис. 69, № 11.

Придонные части хумов аналогичны целым сосудам, найденным нами в слоях первых веков н. э. в северной части Афрасиаба. Кубки и чаши характерны для Самарканда поры Афрасиаб III (I в. до н. э.— I в. н. э.). Исходя из этого, оба комплекса можно отнести ко времени I в. до н. э.— II в. н. э.

Под описанными сооружениями находится плотный, как бы сцементированный сверху, слой толщиной от 50 до 80 *см*, лежащий непосредственно на материковом лессе. В нем расчищен врытый в материк очаг округлой формы, и перед ним— ровная, слабо обожженная площадка со следами угля. На площадке и вокруг нее найдены масса костей преимущественно крупных домашних животных и мелкие (иногда в крошку) обломки сосудов. Это хумы яйцевидной формы с изогнутым внутрь венчиком и плоской площадкой — манжетом сверху, корчага с клювовидным венчиком, горшки и кувшины со слабо отогнутой наружу закраиной. Сосуды открытых форм — чаши, тщательно сформованные на гончарном круге, имеющие характерный Т-образный, реже — Г-образный профиль венчика. С обеих сторон они покрыты толстым слоем красной краски, напоминающей лак. Чаши подобных форм А. И. Тереножкин относит к поре Афрасиаб II, а крупные сосуды к периоду Афрасиаб III[42], однако, как показывают последние работы, они были широко известны с поры Афрасиаб II[43].

Характерно отсутствие кубков на высокой ножке, все сосуды плоскодонны, только в двух случаях найдены кольцевые выступающие поддоны чаш с отростком в центре.

Датировке слоя помогает находка бронзового втульчатого трехгранного наконечника стрелы с выступающей втулкой. Грани носят следы заточки. Подобные наконечники были характерны для больших территорий в IV—III вв. до н. э.[44]. Вместе с ними найдена поделка из темно-синего непрозрачного шлифованного стекла, вероятно, вставлявшаяся в перстень.

Приведенные аналогии позволяют датировать слой III—II вв. до н. э. и связать его с древнейшими комплексами северной части Афрасиаба.

---

[42] А. И. Тереножкин. Указ соч., стр. 69.

[43] Раскопки С. К. Кабанова в 1968 г. в квадрате 25/VI.

[44] К. Ф. Смирнов. Вооружение Сокроматов, МИА, 101, М., 1961. табл. III; К. А. Акишев и Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963, стр. 121.

Помимо описанной площади мощные всхолмления поднимаются на правом берегу Сиаба к северу и северо-западу от цитадели. Изучение их, сопровождавшееся зачисткой обрывов[45] показало, что основная толща культурных напластований составляет лишь 0,7—0,8 *м*, максимальная — изредка достигает 3 *м*. Из зачисток наибольший интерес представил пункт № 1 в 325 *м* от цитадели на северной окраине холма вдоль дороги, ведущей от магистрали аэропорт — город к небольшому селению.

Верхний культурный слой представлен остатками помещения со стенами, сложенными из сырцового кирпича размером 40×20×8 *см*.

На полу лежала керамика — обломки разбитого хума с высокой горловиной и донца глазурованных блюд с черным орнаментом по белому фону. Эта керамика характерна для X в. н. э. Ниже на глубине 2,1 *м* расчищен уровень пола второго комплекса.

На полу, преимущественно в яме, собран разнообразный комплекс находок. Металлические изделия представлены двумя железными однолезвийными черешковыми ножами с прямой спинкой (длина лезвий 17,5 и 12,5 *см*), медной округлой бляшкой диаметром 3,5 *см* и нечитаемой монетой.

В большом количестве встречены стеклянные предметы. Это крошечный кувшинчик высотой всего 1,5 *см* и шириной тулова 1 *см*, и цилиндрические стаканы мелкопузырчатого зеленоватого стекла, тонкостенные графины с высокой горловиной и флаконы красивого голубоватого стекла с шаровидным туловом на устойчивом кольцевом поддоне. Горловина узкая, стройная, иногда завершается фестончатым венчиком. Тулово орнаментировано налепами — жгутами, образующими концентрические линии и волны.

Керамика разнообразна — хумы яйцевидной формы с невысокой горловиной, котлы шаровидной формы. Кувшины различны: столовые небольшого размера; парадные сероглиняные с яйцевидным туловом, узким (до 2,5 *см*) цилиндрическим горлом с отогнутой наружу закраиной с изящной витой вертикальной ручкой, с шишечкой — налепом вверху и у основания. По изящности они мало уступают стеклянным. Крупные

---

[45] Осмотр площади к северу от цитадели проводили в 1968 г. Ю. Ф. Буряков и Г. В. Шишкина.

кувшины для воды имеют прямую, чуть расширенную кверху горловину диаметром 8—10 *см* и яйцевидное тулово. От венчика к плечику отходит массивная уплощенная в сечении ручка.

Глазурованная керамика представлена чашами, блюдами с округлым туловом на выделенном поддоне с углублением к центру. С обеих сторон под зеленой глазурью процарапаны геометрический орнамент или мутно-голубые разводы по мутно-серому фону.

Если стеклянные изделия и неполивная керамика укладываются в относительно широкий промежуток времени — IX—X столетия, то глазурованные сосуды значительно сужают эти рамки. Подобные чаши характерны для Самарканда конца VIII — начала IX вв.[46] и IX вв. н. э.[47]

Таким образом, оба архитектурных комплекса пункта № 1 могут быть датированы концом VIII (скорее началом IX в.) — концом X в. н. э.

Примерно в 50 *м* к востоку от пункта № 1 проведена вторая зачистка (пункт № 2). Расчищена стена из сырцового кирпича 40×20×8 *см*, стоящая на материковом лессе. На уровне пола найдена кухонная и столовая посуда IX в. н. э.

Восточнее пункта № 2 собраны жженые кирпичи с нескольких построек. Их размеры 32×32×4 *см*, 34×17×5 *см*. Посуда из подъемного материала представлена обломками глазурованных чаш с желтыми и зелеными разводами по процарапанному подглазурному рисунку, с голубоватыми полосами — потеками, коричневыми точками «гравировки» по белому фону под бесцветной поливой. Первые два типа орнаментации характерны для конца VIII—IX вв. н. э., третий — для первой половины X в. н. э.

В целом материал, собранный на холмах к северу и северо-западу от цитадели укладывается в рамки конца VIII — начала XI в. н. э. К этому периоду, особенно с начала IX в., и следует, вероятно, относить широкое обживание площадей к северу от 4-ой крепостной стены. Оно совпадает с периодом нового обживания территории северной части Афрасиаба, откуда две дороги, сливающиеся у крепостной стены, выходили

---

[46] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, стр. 133.

[47] Там же, стр. 134.

в описываемый нами пригород. На западе к нему подходила дорога от северной магистрали, вдоль которой площади также широко обживались (как это показали раскопы 23/XVI и 23/XXI) в IX — начале XI вв.

Территории к западу от Сиаба обследовались путем сбора подъемного материала, лишь на месте загородной мечети Намазгах был заложен небольшой шурф. Непосредственно к западу от Афрасиаба на краю оврага Отчапар в небольшом количестве найдена керамика VII—VIII вв. Более широко представлены материалы IX—XI вв. Это блюда с коричневым подглазурным орнаментом и надписями благопожеланий по белому фону под бесцветной поливой и чираги округлой и граненной формы с коричневым и белым подглазурованным покрытием, предметы припаса гончаров — сепоя и обломки бракованой посуды.

К западу все реже встречаются обломки посуды, характерной для XI—XII вв. (с зеленой и голубой глазурью). На месте загородной мечети Намазгах при постройке современного здания были найдены два микролитических отщепа неолитического облика, фрагмент симобкузача — стенка сероглиняного сосуда со штампованным орнаментом,— изготовленного в колыбе, а также мелкие кусочки шлака. Этот керамический материал относится к XI—XII вв. н. э. Здесь, по сообщению В. Л. Вяткина, встречались стеклянные шлаки и, вероятно, располагались мастерские стеклодувов.

Шурф, заложенный во дворе Республиканской больницы, вскрыл мощный горелый слой от печи, кусочки шлака и несколько обломков керамики XI—XII вв. К более позднему периоду XIV — начала XV вв. относится фрагмент глазурованной чаши с голубой росписью под белой поливой.

Весной 1968 г. проводились также наблюдения в западной части цитадели Тимура в связи с ее перепланировкой и закладкой здания Самаркандского облисполкома. В восточной части котлована фундамента был заложен шурф 4×1 *м*, доведенный до материка. Верхние 30 *см* — смешанный слой с находками начала XX в. Ниже до конца I яруса — зольник с алебастром и находками конца XIX в.

С глубины 50 *см* встречена керамика и обломки мозаично-майоликовой облицовки и уровень поверхности двора. Керамика представлена грубовато сформованными чашами,

украшенными, внутри по мутно-белому фону с завитками, разводами и разбрызганными каплями краски голубоватого и марганцевого цвета. Среди них находятся и более ранние фрагменты с тонко прорисованным орнаментом, включая заштрихованные листья. Эта группа относится к XV—XVI вв. н. э. Здесь же были найдены крупные обломки декора стен, майоликовая облицовочная керамика, окрашенная в голубые и красные тона с позолотой, белые глазки и завитки в черной окантовке. Судя по основному комплексу керамики, этот уровень разрушения зданий относится к XVIII в. Еще более интенсивный процесс разрушения зафиксирован в III ярусе, где встречен завал из 186 экземпляров облицовочных кирпичиков, покрытых синей и голубой глазурью. Материал слоя также мешаный. Это и кашинные сосуды с растительным орнаментом кобальтовой росписи, коса с дробным геометрическим и стилизованным зооморфным орнаментом синего цвета по белому фону. Подобная керамика характерна для тимуридской эпохи. Вместе с ней найдены сосуды с интенсивной зеленой глазурью и подглазурным орнаментом, с мутновато-синей глазурью, явно более позднего облика.

В IV ярусе выявлены архитектурные остатки двух параллельных стен, отстоящих друг от друга на расстоянии 46 *см*. Стенки сложены из жженого кирпича размером 25×25×5 *см* и 30×30×5,5 *см* и сохранились на высоту трех кирпичей. Здесь же вновь найдены фрагменты майоликовой облицовки красного и голубого цвета с позолотой и облицовочные кирпичики.

Майолика характерна для тимуридского периода. Керамика представлена сосудами с кобальтовой росписью по белому фону, на кашинной основе и тонким фарфором, также характерными для конца XIV—XV вв.[48] Таким образом, перед нами остатки выкладки подсобного сооружения, возможно, водопроводного лотка, подводившего к какому-то парадному зданию, от которого в шурф попали остатки облицовки.

Ниже идут серовато-болотные слои, подстеленные незначительным культурным слоем с керамикой, типичной для X века. Под ними начинается материковый лесс.

---

[48] Г. А Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в., Труды САГУ, вып. XI. Ташкент, 1950, стр. 94—95.

По сообщению геологов УзГИИТИ, на площади к западу от театра оперы и балета при закладке котлована под здание педагогического института были вскрыты остатки монументальной стены из жженого кирпича. Видимо, это западная стена шахри-бируна XI—XII вв., ставшая основой стены цитадели Тимура 1371—1372 гг.[49]

Восточный угол котлована пединститута попал на громадную зольно-угольную яму, в которой встречались металлические шлаки. Ямы, глубиной до 7 *м*, обнаружены и к востоку от пединститута при закладке фундамента для трех многоэтажных жилых домов.

В ямах найдена масса медных и железных шлаков, оруденевших предметов (куски железа и меди или каких-то поделок из них). Факт очень интересен. Не здесь ли, близ западной стены цитадели, размещались те крупные мастерские Тимура, где, по сообщению Де-Клавихо, царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, стрелы. На месте гостиницы «Самарканд» выявлен значительный слой с керамикой XIV—XV вв. По периодизации В. Л. Вяткина и М. Е. Массона, здесь располагался упоминавшийся Бабуром базар царевича Мухаммед Султана[50]. Все эти случайные находки делают перспективным дальнейшее изучение цитадели Тимура.

---

[49] М. Е. Массон. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои, Труды САГУ, вып. XXXI, Ташкент, 1956, стр. 59.

[50] Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде 1403—1406 гг., СПб, 1881.

К ВОПРОСУ О ВОДОСНАБЖЕНИИ АФРАСИАБА

А. Р. Мухамаджанов

При основании Самарканда, расположенного в сложнейших рельефных условиях, одной из главных проблем было водоснабжение. Предгорная равнина левобережья Зарафшана, в том числе и город Самарканд, с древних времен орошаются даргомской ирригационной системой, которая берет начало в местности Раватходжа, *расположенной в 42 км к юго-востоку от Самарканда.*

В целях выяснения времени строительства канала Даргом группа археологов во главе с академиком АН УзССР Я. Г. Гулямовым в 1967 г. провела археологические исследования в верхней части даргомской ирригационной системы и установила, что канал Даргом, главнейшая водная артерия левобережной части Самаркандского оазиса, был построен примерно две тысячи лет назад, т. е. через несколько веков после основания Самарканда. В период заложения фундамента будущего города не существовало также и какого-либо другого магистрального канала, отведенного из р. Зарафшан, который мог бы снабжать водой Самарканд и его окрестности. Естественно возникает вопрос — откуда Самарканд получал воду в древнейший период своего существования? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо прежде всего обратить внимание на орографическое положение местности.

Самаркандский оазис состоит из двух террас: пойменной и надпойменной. Пойменная часть представляет собой аллювиальную равнину (древняя долина р. Зарафшан), а надпой-

менная — пролювиальную. Город Самарканд расположен на пролювиальной равнине предгорной полосы, несколько возвышающейся над древней долиной р. Зарафшан. Самаркандская равнина простирается с востока и юго-востока на запад и северо-запад, т. е. от предгорьев к долине р. Зарафшан. Ее средний уклон не превышает 0,004. Примерно в том же направлении текут и водные источники Самарканда.

Территория Самарканда богата грунтовыми водами, залегающими на глубине от 1 до 20 *м*. По мере удаления от гор грунтовые воды приближаются к дневной поверхности, а в наиболее пониженных участках долины выклиниваются в виде родников со значительным дебитом. В древние времена родники были основными водными ресурсами г. Самарканда. Об этом свидетельствует верхнепалеолитическая стоянка, обнаруженная на правом берегу ручья Чашма Сиаб, питающегося из родников. Несомненно, родники, расположенные на территории, где намечалось строительство города, не могли не привлечь внимания древних градостроителей, поэтому вполне прав Я. Г. Гулямов, утверждая, что первоначально Афрасиаб не имел искусственного орошения, а его водоснабжение базировалось на р. Сиаб и родниках[1].

На территории Самарканда и сейчас имеются родники со значительным дебитом, причем несколько родников расположено непосредственно на границе Афрасиаба, на берегу р. Сиаб, близ могилы Ходжи Данияра. В северо-восточной части городища, на левом берегу арыка Оби-Машхад имеется родник с дебитом до 0,001 $м^3/сек$. Родники со значительным дебитом, расположенные на территории самаркандского винокуренного завода, близ городской крепости, у Комсомольского озера и во многих других местах, вполне могли обеспечить водой не только древнейшее поселение, но и выросший на его месте древний город Самарканд с многочисленным населением.

Вероятно, в глубокой древности родниковые водотоки проложили себе русло, прорезавшее в нескольких местах территорию современного Самарканда по меридиану. Образуя на своем пути в ложбинах небольшие лужи и болота, покрытые зарослями и камышом, родниковые водотоки впадали в речку

---

[1] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 106.

Сиаб и через нее в р. Зарафшан. Естественными ручьями родникового питания можно считать городские каналы Оби-Машхад, Новадон, Чашма-Сиаб, или Сиабча, и др. Это подтверждается и сведениями средневековых авторов. «Источник Оби-Машхад берет начало приблизительно в двух милях от Самарканда,—пишет Абу Тахир Ходжа,—подходит к городу с южной стороны, но с небольшим отклонением к востоку, протекает у основания городской стены и городища Афрасиаб и впадает в арык Сиаб»[2].

Видимо, естественные ручьи родникового происхождения послужили основой для создания древнейшей ирригационной системы Самарканда, снабжавшей водой главным образом городище Афрасиаб.

Самым многочисленным из ручьев Самарканда был Новадон, общий дебит которого равнялся 0,072 *м*³/*сек*[3] (или 72 *л*/*сек*, что составляет более 6 *мл. лит*/*сут*[4]). Такое количество воды могло удовлетворить бытовые нужды не только древнего Афрасиаба, но и густо населенного Самарканда эпохи Тимура и Тимуридов.

По описанию средневекового автора Абу Тахира Ходжи, этот многоводный «источник Новадон входил в город Самарканд извне, с южной стороны, протекая мимо городских ворот, называемых воротами Ходжи Ахрара. Пройдя по середине города, ручей этот впадал в Сиаб»[5].

Действительно, место расположения и направление ручьев родникового происхождения таких, как Оби-Машхад и Новадон, указывает на то, что Самарканд в период своего основания мог получать воду только из них. Поэтому не исключена достоверность сообщения автора исторического сочинения «Самария» о том, что «Новадон — тот самый родник, на котором построился Самар»[6]».

---

[2] Абу Тахир Ходжа. Самария, Пер. В. Л. Вяткина, СКСО, 1898, стр. 166.

[3] П. И. Бутов. К вопросу о водоснабжении г. Самарканда, М.—Л., 1932, стр. 37.

[4] Если среднесуточное потребление одного человека составляло 40 *л* воды, то указанное количество воды удовлетворяло потребности 150-тысячного населения.

[5] Абу Тахир Ходжа. Самария, стр. 166.

[6] Там же.

Несомненно, родниковые водотоки как основной водный источник играли исключительно важную роль в древнейшем Афрасиабе. Об этом в какой-то мере свидетельствует этнографический материал. С незапамятных времен на берегах «благодатных» вод Сиаба и Оби-Машхада ранней весной накануне новогоднего праздника Навруз проводились народные гуляния и торжества, например «козонтулди» (котел наполнился пищей), «бой булди» (стал богатым), «гунох тукилди» (смылись грехи), которые сопровождались различными церемониями и обрядами, связанными в какой-то степени с местными домусульманскими культами.

Таким образом, есть все основания предполагать, что до проведения магистрального канала Даргом из р. Зарафшан Самарканд получал воду из Новадона и Оби-Машхада, питающихся из родников, и древнейшая система водоснабжения города была создана благодаря этим небольшим ручьям, протекавшим по пролювиальной части Самарканда.

В Афраснаб вода поступала с южной стороны и дальше шла в основном по трем каналам: центральному, западному и восточному. Центральный канал направлялся сначала на северо-восток, затем возле мазара Шейха Басира сворачивал на север-северо-восток и далее шел по направлению к цитадели. Остатки его почти полностью сохранились до наших дней. На территории Афрасиаба на расстоянии около 1,5 *км* он хорошо прослеживается с начала до конца.

По описанию В. Л. Вяткина, у входа в город от центрального канала выделялся западный отвод, который от мечети Хазрата Хызра направлялся прямо на север к Бухарским воротам древнего города[7]. Остатки западного канала были уничтожены при прокладке шоссе к самаркандскому аэропорту.

У мазара шейха Басира с правой стороны от центрального русла в направлении на восток-северо-восток отходил восточный канал, ложе которого на значительном расстоянии почти полностью было разрушено при проведении почтового тракта Самарканд—Ташкент.

У мечети Хазрат Хызра от центрального русла выделялся один из боковых отводов, направлявшийся на восток. Он орошал южную часть городища Афрасиаб. Ложе его последнего русла хорошо сохранилось в западной части ансамбля Шахи-

---

[7] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб, Ташкент, 1927, стр. 14.

Зинда. Часть следов древней ирригационной системы Афрасиаба была зафиксирована на крупномасштабных топографических планах Афрасиаба еще до Октябрьской революции. Таким образом, до настоящего времени сохранились следы древнейших оросительных каналов Афрасиаба. Археологическое изучение их даст возможность выяснить систему водоснабжения древнего Самарканда.

В результате археологических раскопок 1959—1965 гг., произведенных Г. В. Шишкиной, Н. Б. Немцевой и М. Н. Федоровым, в нескольких пунктах по сухому ложу древней ирригационной системы Афрасиаба были установлены не только размеры главных русел городского канала, но и относительное время проведения, а также периоды его функционирования. В этом отношении особенно ценный материал дали раскопки М. Н. Федорова и Н. Б. Немцевой, заложенные в двух пунктах по центральному и в трех пунктах по южному боковому руслу. Как на первом, так и на втором участке обнаружены остатки двух каналов. Как удалось установить, один был сооружен в античный период, а другой в средневековой.

Древний канал вырыт прямо в материке: ширина его— более 6 *м* (по центральному и по южному руслу), а глубина 70—80 *см*. Таким образом, поперечное сечение русла древнегородского канала Афрасиаба было характерно для античных каналов, хорошо изученных в древнеземледельческих районах Хорезма. По наслоениям, образовавшимся над первоначальным ложем канала за счет культурно-ирригационных наносов, видно, что оба канала имели несколько периодов существования.

Во всех этих периодах от каждого из трех основных русел городского канала на территории Афрасиаба отходило несколько мелких оросителей, по которым вода поступала в небольшие водоемы, о чем свидетельствуют их остатки, обнаруженные в северо-западной и южной частях Афрасиаба.

Самый ранний керамический материал, извлеченный из нижних слоев русла канала, относится (по находкам Н. Б. Немцевой) к III—II векам до н. э. и (по находкам М. Н. Федорова) к I веку н. э. Культурно-ирригационные наслоения обычно образовывались с момента эксплуатации канала и особенно интенсивно увеличивались в период запустения его, когда вся городская система водоснабжения по каким-либо причинам оставалась без присмотра и регулярного ремонта,

поэтому вполне естественно, что древнейшая ирригационная система на Афрасиабе существовала и действовала еще задолго до образования культурно-ирригационных напластований на ее ложе. Возможно, она была сооружена в период основания Самарканда, т. е. на первом этапе жизни городища Афрасиаб. Однако общий дебит Новадона и Оби-Машхада, главных водных артерий древнего Самарканда, возводившегося на пролювиальной части предгорной полосы долины Зарафшана, был совершенно недостаточным для освоения больших земельных площадей вокруг городища Афрасиаб, поэтому преобладающая часть окрестности Самарканда в тот период, видимо, оставалась неорошенной, а основной посевной площадью древнего земледельческого Самарканда была аллювиальная равнина левобережного Зарафшана, т. е. долина Сиаба и орошалась она главным образом из многоводной речки Сиаб, питающейся из многочисленных родников.

На рубеже нашей эры в водоснабжении древнего Самарканда начался новый этап. В период Кушанской империи, когда рабовладельческий строй в Средней Азии достиг своего расцвета, началось широкое ирригационное строительство. В целях освоения предгорной равнины левобережья Зарафшана в центре Согда был прорыт магистральный канал Даргом, отведенный от р. Зарафшан. Благодаря этому каналу пролювиальная часть окрестности Самарканда полностью орошалась и возделывалась. Одновременно был создан специальный городской отвод, который переключал всю систему водоснабжения древнего Самарканда в Даргом. Древнегородской канал, по всей вероятности, проходил между ручьями Оби-Машхад и Новадон.

Таким образом, проведение канала позволило решить вопрос о водоснабжении не только Самарканда, но и его пригородов. В течение определенного периода, в результате постоянной эксплуатации лессовые берега и дно канала постепенно поднимались. На древнем ложе канала за счет культурно-ирригационных наносов образовался слой в 55—65 *см*. Затем в I в. до н. э. канал был заброшен. На рубеже нашей эры в связи со строительством канала Даргом и переключением водоснабжения города в эту многоводную магистраль была восстановлена древнейшая ирригационная система Афрасиаба. В этот период шестиметровое древнее русло почти не изменялось по ширине, но стало глубже (глубина достигла 1 *м*).

К концу IV—началу V вв. русло канала опять покрылось наносами. К этому периоду дно и берега его поднялись еще на 40 *см*. Канал окончательно обмелел, его дно поднялось на 1 *м* по сравнению с первоначальным дном.

Таким образом, древнейшая система водоснабжения Самарканда, основанная на небольших ручьях родникового питания, а затем переключенная в даргомскую ирригационную систему, в античный период имела три этапа существования, которые хорошо прослеживаются в культурно-ирригационных слоях, образовавшихся над ложем античного канала Афраснаб.

Древние ирригаторы Самарканда хорошо знали особенности местности и удачно провели древнейшее русло канала по сложнейшему рельефу территории Афрасиаба. Это подтверждается тем, что на протяжении всей истории, т. е. с момента образования города Самарканда до разрушения его Чингиз-ханом, направление главных водных артерий Афрасиаба не изменилось. С течением времени заброшенное русло восстанавливалось или вновь строился канал, который проходил, как это видно из археологических раскопок, по ложам античного канала Афрасиаб. Так было с городскими отводами средневекового канала Джуи-Арзиз.

К ИСТОРИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ

И. Ахраров

Весной 1965 г. мы вели археологический надзор за земляными работами в юго-западной части Афрасиаба близ 4-ой городской стены. Здесь через территорию городища намечалось провести шоссейную дорогу.

На участке были замечены следы трех хумданов — керамических печей, круглых в плане, диаметром 1, 4—1, 6 *м* с топочным устьем, расположенным с юга. Обмазка стен печей, сильно ошлакованная, местами имела серовато-зеленый цвет. Печи были сооружены из сырцового кирпича размером 40 × 25 × 10 *см* и располагались на расстоянии 1—1,5 *м* друг от друга по данной линии с востока на запад. Территория, где обнаружены хумданы, довольно ровная, по нивелировочным данным, находится на 50 *см* ниже уровня асфальтированной дороги, ведущей из Самарканда в аэропорт.

В самих хумданах и отчасти в отвалах (в 4 *м* южнее печей) найдены в большом количестве сепоя и другие печные припасы, керамические изделия, фрагменты стекла, фигурные глазурованные кирпичики. В отвалах много бракованной посуды, шлаков.

Собранный здесь археологический материал представляет определенный интерес, во-первых, как новая страница истории ремесла кулалов-керамистов средневекового Самарканда, во-вторых, как новые данные по исторической топографии Афрасиаба — городища былого Самарканда, поэтому мы считаем необходимым более подробно описать обнаруженную часть ремесленного квартала и, в частности, печные

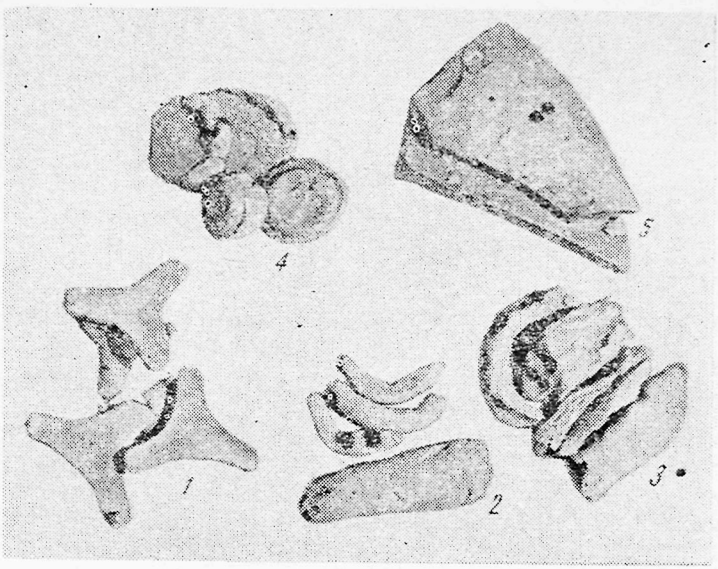

Рис. 1. Печные припасы:

1—сепоя-треножки; *2*—керамические штыри и маленькие штыри-коромысла; *3*—кулча-лепешки; *4*—комьи глины, используемые для прокладки между стопками посуды; *5*—часть диска.

припасы, собранные в большом количестве. Бросается в глаза их разнообразие: здесь и сепоя, и штыри, и круглые лепешки, и комки глины для подставки под посуду и др. (рис. 1).

Наиболее распространенный вид печных припасов — сепоя-треножки, использовавшиеся для прокладки между посудой, когда ее ставили одну на другую при загрузке в печь. Сепоя разнообразны по величине. Самые маленькие имеют в диаметре 5 *см*, а большие — до 11 *см*. Независимо от размеров сепоя имеет стандартную форму: три одинаковые плоские ножки, отходящие из центра по радиусу, находятся на одинаковом расстоянии друг от друга. Внизу ножки несколько суживаются и загибаются, получается нечто вроде подставки. Такие сепоя использовали в качестве прокладок между сосудами при обжиге. Посуду ставили на верхнюю плоскость сепои, загнутыми концами треножка упиралась в дно следующего сосуда. Так образовывалась стопка посуды,

которую загружали в печь. Соответственно размерам чаш, тарелок и другой посуды использовались и различные сепоя. У многих сепоя на концах ножек имеются застывшие капли глазури, отставшей от сосуда. В месте упора ножек обычно видны следы треножки — три кругляшка без глазури. Часто встречаются сепоя с каплями глазури на внешней поверхности. Всего их обнаружено более двух тысяч штук. Это основной вид печных припасов керамиста. Сепоя изготавливали с большой тщательностью, ангобировали и обжигали, после чего они становились важным вспомогательным предметом в керамическом производстве.

Второй вид печных припасов гончара — крупные керамические штыри и маленькие штыри-коромыслица (қозиқ, илмоқ). Крупные штыри длиной до 50 *см* имеют в диаметре в среднем 5 *см*, к концам суживаются. У мелких штырей конец часто изогнутый, удобный для подвешивания за ручку кувшинчиков. Штыри, как и сепоя, изготавливали вручную, но менее тщательно. На маленьких штырях видны следы пальцев гончара, степень изогнутости штырей не одинакова. Если сепоя использовали для обжига посуды типа чаш и тарелок, то штыри — для обжига посуды типа кувшинов и горшков с ручками. На некоторых штырях видны подтеки поливы.

Третий вид печных припасов — кулча-лепешки, на которые ставили посуду. Одни из них предназначены для кувшинов, другие — для устойчивой установки в печах стопок посуды. Кулча изолировали керамику от пола обжигаемой камеры. На их поверхности можно видеть капли глазури. Такие подставки-лепешки специально не заготавливали, их делали, когда появлялась в этом необходимость. Из комка серой необработанной глины вручную делали круглую лепешку. При обжиге у такой лепешки появлялось множество трещин, края получались рваными.

Четвертый вид печных припасов — комки глины, служащие для той же цели, а также используемые для прокладки между стопками.

Пятый вид печных припасов — большие диски диаметром 30—40 *см*, толщиной 1—2 *см*. Их часто делили на несколько частей еще в сыром виде (четверть круга, сегменты) таким образом, чтобы они умещались в пространстве между отверстиями пола. На поверхности дисков и на срезах отдельных частей имеются стекловидные капли глазури, стекавшие с сосудов во

время обжига. На некоторых дисках видны следы прилипших ножек сепоя, на которые ставилась стопками посуда.

Описанный нами комплекс печных припасов включает разные формы, но назначение их одно — служить керамисту при обжиге посуды. Печные припасы всех видов использовались многократно.

Круглая форма печей позволяла широко применять штыри, их втыкали в стены камеры обжига, а также использовали в топочной камере для обжига крупных толстостенных сосудов.

О некоторых видах описанных нами печных припасов не упоминается в опубликованной литературе, посвященной керамическому производству Афрасиаба. В частности, нет данных о печных припасах четвертого и пятого видов, поэтому наши наблюдения являются в некоторой степени дополнением к уже известным данным по керамическому производству древнего Самарканда.

Большая часть керамических изделий, обнаруженных вместе с печными припасами в печах и в отвалах, представляет собой брак производства (рис. 2). В числе бракованных изделий выделяется несколько форм: 1. Большие тарелки и блюда. От нечетко выраженного кольцевого поддона плавно отходят стенки, которые при переходе к венчику делают мягкий излом, переходя в слегка наклонный широкий бортик, заканчивающийся тонким венчиком. Диаметр венчика 30—36 *см*, высота 6—8 *см*, толщина стенок 0,6—1,1 *см*. Внутренняя поверхность тарелок покрыта голубой поливой. Снаружи, ниже бортика, тарелку покрывали густым ангобом бордового цвета. Есть тарелки с подглазурным орнаментом; в этих случаях полива применялась светло-желтая, а скупой подглазурный рисунок в зелено-коричневой и желто-коричневой расплывчатой гамме наносили с использованием техники граффити. Встречаются тарелки с высоко художественным подглазурным орнаментом. Блюда, обычно повторяющие форму тарелок, имеют усложненный профилированный бортик.

2. Чаши. От слабо выраженного кольцевого, слегка выступающего поддона, постепенно расширяясь, плавно отходят стенки сосуда, которые слегка изогнуты при переходе к прямо поставленному венчику, по краю венчика нанесена коричневая полоса. Есть чаши полусферических и конусовидных очертаний с прямыми и слегка вогнутыми внутрь сосуда венчика-

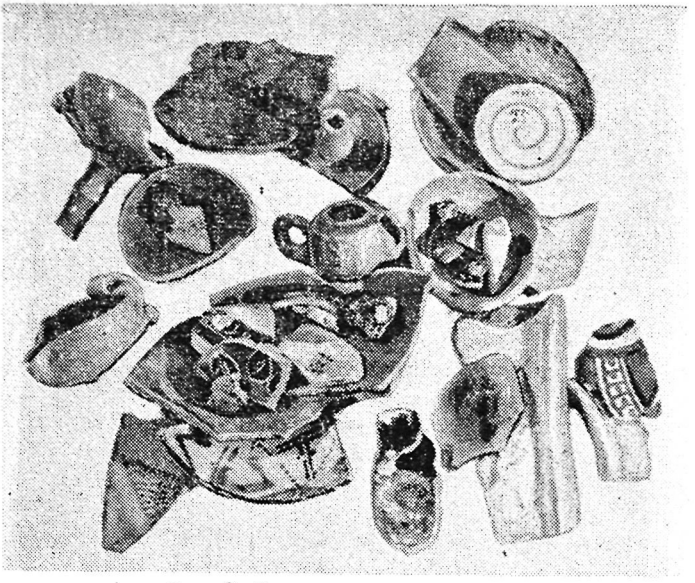

Рис. 2. Керамические изделия.

ми. Роспись подглазурная сделана разными красками (черная, коричневая, зеленая), глазурь голубая и зеленовато-желтая. Встречаются фрагменты чаш со стилизованным эпиграфическим орнаментом, нанесенным на коричневый фон белой краской, а также чаши с росписью коричневой и белой красками на белом и бордовом фоне. Диаметр чаш 10—17 *см*, высота 5—8 *см*, толщина стенок 0,5—0,7 *см*.

3. Кувшины. Встречаются единичные экземпляры кувшинов небольших размеров (высота 18 *см*, диаметр туловища 10 *см*, диаметр донца 5 *см*) с плоским донцем и полусферическим туловом, с одной петлеобразной ручкой, которая прикреплена к невысокой горловине со слегка утолщенным венчиком. С внешней стороны кувшины покрыты зеленовато-голубой поливой.

4. Светильники. Среди глазурованных предметов обнаружено большое количество светильников — чирагдонов с ножками и без них, с длинным носиком. Некоторые светиль-

ники с наружной стороны имеют корпус, разделенный на грани, резервуар по краю имеет слегка выступающий венчик. У чирагов имеется петлеобразная ручка, иногда с приподнятой пятой, на которую нанесен рельефный штампованный орнамент. Керамическим чирагам без ножек старались придать форму «металлических», это достигалось посредством вертикальных срезов на тулове.

Чирагдоны на ножках имеют круглую подставку в виде тарелочки с отогнутым вверх венчиком, которая соединялась с чирагом плоской петлеобразной ручкой. В открытом резервуаре чирага сделан приплюснутый носик для фитиля. Все чираги покрывались с двух сторон голубой и зеленовато-голубой поливой.

Среди неглазурованной посуды следует отметить небольшие хумчи с плоским венчиком, ниже которого идет штампованный орнамент в виде ромбиков, а также симобкузачи с богатым резным и штампованным орнаментом в основном геометрического характера.

Найдены также фрагменты кухонных котлов с отогнутыми наружу венчиками, орнаментированных линейным рисунком, идущим по кругу. По-видимому, хумча, симобкузача и котлы принадлежали самим гончарам; в их повседневной жизни и работе такая посуда была необходима. Судя по незначительному количеству этой посуды, мы полагаем, что котлы, хумча, симобкузача не являются продукцией вышеописанных печей.

Среди наших находок особое место занимает фрагмент кашинного сосуда молочно-белого цвета с тонким венчиком, слегка отогнутым в сторону, под которым идет выпуклый (рельефный) эпиграфический орнамент (рис. 3). В промежутках между буквами и ниже надписи под прозрачной глазурью прослеживаются сквозные дырочки; при просмотре на свет они образуют своеобразный орнамент. Местами с внешней и внутренней стороны нанесены вертикальные подтеки синей краской, хорошо впитавшейся в структуру кашина. Из-за фрагментарности сосуда надпись целиком не читается, но четко прослеживаются буквы «лям», «алиф», «каф» и «ро».

Среди керамики, поступившей из отвала, обнаружены элементы архитектурного декора, это в основном глазурованные кирпичики, видимо, изготовленные в этой мастерской, но бракованные: прямоугольные кирпичики при ширине 3,5 *см* сужа-

Рис. 3. Фрагмент кашинного сосуда.

ются до 2 *см*. Лицевая сторона кирпичиков делится глубоко прочерченной линией на квадраты (с голубой поливой) и прямоугольники, покрытые поливой грязно-серого цвета с темными крапинками. Такие кирпичики имитируют мозаичный орнамент, набранный из разноцветных глазурованных плиток. Они использовались в архитектурном декоре.

В числе находок имеются фрагменты стеклянных изделий; в основном донца графинов (диаметр 8—10 *см*), прозрачное стекло. Эти изделия не являются продукцией керамических печей.

Таков краткий перечень археологических находок в названном пункте городища. Некоторые из перечисленных выше изделий характерны для городища Афрасиаб и были предметом специального изучения археологов. Отдельные же отмеченные нами находки совершенно новые и потому мы считаем необходимым дать некоторый сопоставительный анализ.

Найденные на территории Афрасиаба керамические хумданы, круглые в плане, уже изучались; они относятся к XI—

XII вв.[1] Аналогичные печи обнаружены во многих районах Средней Азии, они датируются X—XIII вв.[2] Интересны работы ЮТАКЭ по изучению керамических печей на территории городища Султан-Кала в Мерве, которые датируются XIII—XIV вв[3]. Сепоя и штыри были обнаружены при изучении керамических печей Средней Азии, в том числе и на Афрасиабе, однако печные припасы третьего, четвертого и пятого видов (кулча-лепешки, комки глины без формы и большие диски), относящиеся к XII — началу XIII вв., в публикациях не отмечены.

При датировке хумданов и керамического отвала мы исходим прежде всего из керамического материала, найденного в печах и отвалах. Вся описанная нами выше посуда широко известна не только по Афрасиабу, но и по раскопкам на других территориях Средней Азии. Так, большие тарелки и блюда с голубой поливой—широко распространенный вид керамических изделий на Афрасиабе[4], в Фергане[5] и других районах Средней Азии[6], где они датируются XII — началом XIII вв. Что касается чаш, то и по форме, и по характеру орнаментации (по коричневой полосе идет по кругу стилизованный эпиграфический орнамент, выполненный белой краской, или по желтому фону выполнена орнаментация зеленой и коричневой красками) они имеют широкие аналогии и датируются также XII — началом XIII в.[7] Особенно широкие аналогии мы находим для чирагов с голубовато-зеленой поливой, которые дати-

---

[1] Ш. С. Ташходжаев. Поливная керамика Самарканда, Ташкент, 1967, стр. 5—6.

[2] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), Керамика Хорезма, М., 1959, стр. 261; С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве в X — начале XIII вв., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 217.

[3] С. Б. Лунина. Некоторые археологические данные по истории Мерва в XIII—XIV вв., СА, 1968, стр. 223, рис. 2. Там были обнаружены печные припасы третьего, четвертого и пятого типов, но они относятся к XIII—XIV вв.

[4] Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в., Ташкент, 1967, стр. 126.

[5] И. Ахраров. Керамика Ферганы IX— начала XIII в., Ташкент, 1967, стр. 126.

[6] Е. А. Довидович. Раскопки замка Калон-Боло, МИА, 66, стр. 90, рис. 16; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), Цит. соч., стр. 261; С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве..., Цит. соч., стр. 217.

[7] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики, Цит. соч., стр. 260; С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве..., Цит. соч., стр. 217.

руются у многих авторов XI—XII вв.[8], но, безусловно, продолжали бытовать и в начале XIII в.

Симобкузача (сосуды для ртути) характерны для XI—XII вв. и для последующего времени, когда их также украшали орнаментацией, поэтому наличие симобкузача в комплексе керамики XII—XIII вв. не является необычным. Найденный фрагмент кашинной керамики типа «qrain de riz» молочно-белого цвета имеет аналогии среди кашинной посуды этого времени и по другим пунктам Средней Азии[9], где она считается продуктом местного производства. Не исключено, что и на Афрасиабе будут установлены факты, свидетельствующие об изготовлении афрасиабскими гончарами такой высокохудожественной и дорогой посуды еще в домонгольский период.

Глазурованные кирпичики, найденные нами (рис. 4), несомненно, являются продукцией местной ремесленной мастерской, ибо они находились в отвале вместе с другими бракованными предметами. Керамист, видимо, принимал заказы не только на посуду, но и на изготовление глазурованных кирпичиков для облицовки архитектурных сооружений в Самарканде. Л. И. Ремпель считает, что еще в XI—XII вв. производилась «сборка» нескольких кирпичиков на одной плитке путем нарезки разделительных швов и что в XIV в. этот прием «гравировок» был продолжен и развит[10]. Учитывая, что кирпичики найдены в комплексе керамики XII — начала XIII вв., можно и наши глазурованные кирпичики отнести к этому же времени. Известно, что архитектурные памятники XII в. оформля-

---

[8] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб, Ташкент, 1927, стр. 51; В. Д. Жуков. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 4, стр. 54; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памира, МИА, 26, М.—Л., 1952, стр. 165; В. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., Цит. соч., стр. 261; С. Б. Лунина. Гончарное производство..., Цит. соч., стр. 217; М. Е. Массон. ЮТАКЭ, 1946 г., Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 69.

[9] Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв., Труды ЮТАКЭ, т. I, 1949, стр. 403; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., Цит. соч., стр. 320; С. Б. Лунина. Гончарное производство., Цит. соч., стр. 335.

[10] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 268.

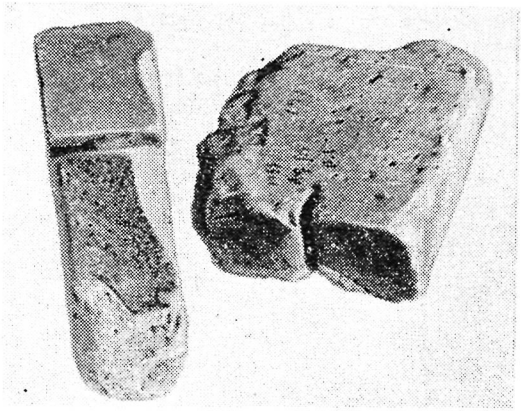

Рис. 4. Глазурованные кирпичики.

лись в основном шлифованным жженым кирпичом разных оттенков, резной терракотой, фигурными кирпичиками, а глазурованные кирпичики использовались главным образом для покрытия куполов. Производство поливных кирпичиков было ограничено, поскольку потребность в них была еще не большая.

Аналогичные кирпичики с голубой поливой обнаружены в раскопе на цитадели городища Афрасиаб; археолог М. Пачос относит их к XI—XII вв.[11] Причем, эти кирпичики были бракованными и использовались в качестве архитектурного декора. Это свидетельствует о том, что глазурованные кирпичики могли изготавливаться в наших хумданах для облицовки монументальных построек и цитадели. Именно в XII в. в цитадели заново перестраивалась соборная мечеть, воздвигался мавзолей Караханида Ибрахима бен Хусейна (1186—1199), и хорезмшах Мухаммед в 10—12 годах XIII в. начал строительство дворцового сооружения. Не исключено, что обнаруженные М. Пачосом изразцы предназначались для одного из упомянутых строений.

На территории средневекового Мерва, на городище Сул-

---

[11] М. Пачос. Находки архитектурного декора из цитадели Афрасиаба, Из истории культуры народов Узбекистана, 1965, стр. 29.

тан-Кала обнаружены хумданы, где наряду с керамикой обжигались и глазурованные облицовочные кирпичики двух цветов.[12] То же, видимо, было и на Афрасиабе. Вероятно, местный керамист не смог получить желаемого марганцевого цвета, у него получился грязно-серый с черными вкраплениями (хотя голубая полива вышла довольно удачной, того же оттенка, что и на посудной керамике), поэтому кирпичики попали вместе с бракованной посудой в отвал. Нам думается, что первые попытки изготовления в керамических мастерских облицовочных глазурованных кирпичиков для кирпичной мозаики и ее имитаций делались в хумданах на территории Афрасиаба еще в конце XII — начале XIII вв.

Этот период для Средней Азии был неспокойным в политическом отношении: Самарканд являлся объектом, притягательным для завоевателей. Тунгузо-монгольские племена каракитаев, двигаясь по пути, проторенному Баласагуной, смели раздробленные владения Караханидов; они нанесли полное поражение Сельджукиду Санджару и захватили Самарканд и Бухару (1137 г.). Воспользовавшись моментом, хорезмшах Махмуд в союзе с правителем Самарканда Караханидом Османом разгромил войска каракитаев (1210) и не преминул приобщить Самаркандские владения. При этом войска хорезмшаха бесчинствовали, грабили Самарканд.

Политическая обстановка привела к некоторому спаду экономической жизни города, отрицательно сказалось это и на ремесленном производстве. Глазурованные изделия по своему качеству в начале XIII в. заметно ухудшаются (если сравнить их с предшествующим временем). Чувствуется поспешность в изготовлении продукции, утрачивается своеобразие в декоре посуды; становится однообразной цветовая гамма, ухудшается глазурь. С другой стороны, в керамическом производстве, в результате творческих поисков мастеров, появляются новые виды печных припасов. Изготовление глазурованных кирпичиков свидетельствует о зарождении новой отрасли керамического производства, которая позднее получила широкое распространение и вызвала появление специальных хумданов по изготовлению полихромных облицовочных изразцов, прославивших архитектуру XIV—XV вв.

---

[12] С. Б. Лунина. Некоторые археологические данные по истории Мерва, Цит. соч., стр. 227. Автор относит эти кирпичики к XIII—I-ой половине XIV в.

М. Д. Джуракулов,
Я. К. Крикис

РАСКОПКИ ЗДАНИЯ IX—X вв. НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ

Археологический отряд проблемной лаборатории по историко-археологическому изучению городища Афрасиаб, созданный при СамГУ (руководитель — М. Д. Джуракулов) в течение двух полевых сезонов 1967 г. проводил археологические раскопки в западной части городища, в 30 *м* (вправо) от шоссе Самарканд — Аэропорт. Задача отряда подчинена общему перспективному плану археологического изучения Афрасиаба, составленному сотрудниками Института истории и археологии АН УзССР под руководством академика Я. Г. Гулямова.

В результате раскопок (780 $м^2$) вскрыты неполностью остатки здания из пяти помещений и двора с внутренней и внешней канализационной системой, а также небольшие отрезки двух прилегающих улиц, мощенных камнем. В исследованном здании установлено два строительных периода.

Первый период — это время первоначального строительства и обживания. Основным строительным материалом в этот период являлись блоки пахсы, размеры которых варьируют от 87×87×100 *см* до 90×100×115 *см*, в нижней части стен использовался сырцовый кирпич 50× ? ×8 *см*; такой материал применялся при возведении Пянджикентского шахристана VIII в.[1], а позднее в IX—XII вв. с некоторыми изменениями в размерах и в других постройках[2].

---

[1] В. А. Воронина. Архитектурное наследство, М., 1953, стр. 10.
[2] Там же.

Помещение № 1 находится в восточной части здания, занимает площадь 7,60×3,45 *м*. Оно вытянуто с севера на юг, стены оштукатурены глиной с саманом, толщина слоя 2—3 *см;* помещение № 1 соединено проходом метровой ширины с помещением № 3, расположенным южнее: у юго-западного угла расчищен колодец глубиной 4 *м,* пол помещения глиняный.

Помещение № 2 расположено западнее помещения № 1 и занимает площадь 6,30×3,50 *м*: двумя проходами соединено с расположенными западнее помещением № 4 и двором: у юго-западного угла расчищен колодец глубиной 5 *м,* из которого извлечено несколько фрагментов поливной керамики, которая появляется на Афрасиабе в VIII в.[3], среди них наиболее характерна верхняя часть чаши, покрытая мутно-белой поливой с орнаментом из расплывчатых полос, а также фрагмент сосуда конца VIII — начала IX вв., где на белый фон поливы нанесен орнамент в виде светло-зеленых потоков[4].

Помещение № 3 размером 13,5×3,55 *м* замыкает описанные помещения с юга. Оно вытянуто с востока на запад. Первоначальный пол не сохранился в связи с перестройкой, произведенной во втором периоде. Помещение имело два прохода: к помещению № 1 с севера и ко двору с запада; плохо сохранилась южная стена, которая подвергалась значительному ремонту.

Помещение № 4 квадратное в плане размером 4,50×4,50 *м* расположено к западу от помещения № 2; стены покрыты трехслойной глиняной штукатуркой с саманом толщиной 5—6 *см;* помещение соединялось проходами с помещением № 2 и помещением № 5, расположенным западнее.

Помещение № 5 занимает площадь 4,50×2,30 *м*. Здесь плохо сохранилась северная стена, на которой заметны следы ремонта, с юга и юго-запада здание замыкает двор, огороженный пахсовой стеной, сложенной из блоков размером 50×50 *см*. На северной стене двора был расчищен ход высотой 1,65 *м* и шириной 70 *см,* с наклоном 45°, который имеет девять ступеней, ведущих в подземную комнату, находящуюся под помещением № 2 на глубине 4,60 *м*. Длина хода 5,5 *м*.

---

[3] И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда. Труды УзГУ, серия 14, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 14.

[4] Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XII вв., Автореферат, Ташкент, 1964.

боковые стены его оштукатурены глиной. Подземная комната, круглая в плане, диаметром 2,40 *м* с куполообразным глиняным потолком высотой 1,50 *м*, была засыпана рыхлой землей на $^1/_3$.

Найденная на полу помещения № 1 медная монета аналогична монете № 820 (описанной О. И. Смирновой), выбитой в Самарканде в год 144 г. х. (761—762 гг.) в период правления в халифате Мансура (754—775 гг.) из династии Аббасидов[5].

Для денежного обращения в Согде второй половины VIII в. характерны аббасидские драхмы, чеканенные в подражание местным, выпускавшимся в Бухаре и Самарканде[6].

На основании вышеизложенного археологического материала и сравнительного анализа его мы датировали первоначальное строительство исследуемого здания началом IX в.

Второй период. Здание перестраивается, ремонтируется, претерпевает значительные внутренние конструктивные изменения, сохраняя при этом прежнюю полезную жилую площадь.

В результате перестройки в помещении № 2 появилась большая суфа высотой 35 *см* от уровня пола, длиной 5,50 *м* и шириной 70 *см*, которая занимала почти все помещение, с коридором в середине. Суфа сложена из четырех рядов сырцового кирпича размером 43×27×8 *см;* с запада ход в помещение № 4 был замурован и превращен в нишу; северная стена стала вдвое толще. В помещениях № 1 и № 4 расчищены два очага, занимавшие площадь 1,60×1,30 *м* и 1,35×1,05 *м*. Полы в этих помещениях выстланы жженым кирпичом размером 27,5×27,5×4 *см*, 40×20×7 *см*, 46×28×8 *см*. В помещении № 5 расчищен небольшой земляной ящик площадью 1,15×0,70 *м* и глубиной 50 *см*, дно и стенки которого облицованы жженым кирпичом размером 21×21×4,5 *см*. В помещении № 3 по всей его длине проведены цилиндрические глиняные канализационные трубы (кубур), конусообразные, каждая длиной 65 *см* и диаметром 13—17 *см*. Образцы таких водоотводов найдены в Варахше в слоях X—XI вв[7].

---

[5] О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пянджикент (Материалы 1949—1956 гг.), Институт народов Азии АН СССР, М., 1963, стр. 47.

[6] Там же.

[7] В. А. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии, СА, 1959, стр. 10, № 1.

Канализационные трубы, соединяя два поглощающих колодца, расположенных в восточной части помещения, глубиной 1,50—2 *м* каждый, на западе выходили во двор. Устья колодцев облицованы опрокинутыми хумами и выстланы жженым кирпичом размером 22×22×5 *см* и 21×21×4,5 *см*. Жженый кирпич такого формата характерен для культурных слоев Варахши[8] и Нисы[9], относящихся к X в.

Во втором периоде перестает функционировать подземная комната, ход в нее закладывается пятью рядами сырцового кирпича, размером 45×22×8 *см*.

С севера и запада здание выходило на улицы, мощенные камнем, что и подтверждают сведения арабских географов о том, что улицы Бухары и Самарканда в X в. имели каменное покрытие[10].

Сохранился северный отрезок улицы длиной 26 *м*, шириной 2,70 *см*. Он имеет вид желоба глубиной до 12 *см* (в середине) для стока дождевой воды и отвода ее на восток к большому хаузу. Этот желоб предохранял от размывания прилегающие здания и другие постройки.

Западная часть улицы сохранилась лишь местами; под улицей на глубине 1,50 *м* обнаружен арык длиной 22 *м*, шириной 16 *см* и глубиной 21—24 *см*, идущий параллельно западной стене здания. Арык облицован жженым кирпичом размером 21×21×5 *см*, 40×20×8 *см* и 22×22×4 *см*, местами деформирован оседанием почвы, он находится на том же уровне, что и внутренняя канализация. Очевидно, арык являлся частью канализационной системы квартала.

Два небольших шурфа внутри и вне здания показали, что оно стоит на коренной породе почв; культурные слои древнее IXв. не обнаружены. Керамика этого периода представлена фрагментами чаш, блюдцев, светильников с преобладанием белой поливы так называемого саманидского типа. Буквенный или растительный орнамент, нанесенный коричневато-

---

[8] С. К. Кабанов. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 95.

[9] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, ЮТАКЭ, т. I, стр. 151—252.

[10] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху домонгольского нашествия, соч., т. I, стр. 142.

черной краской, датируется X—XI вв.; аналогичная керамика найдена в Пайкенте[11], на некоторые изделия нанесен геометрический орнамент, выполненный зеленой и желто-коричневой краской, что характерно для X—XI вв.[12]

Буквенный орнамент на керамике, поражающий красотой почерка, выполняли среднеазиатские керамисты, каллиграфы IX—X вв.,[13] в том числе и самаркандцы.

В помещении № 2 на уровне суфы найдена медная монета хорошей сохранности, которая датируется временем Наср, ибн Ахмада II (304 г. х.) 916 г. Вторая монета, обнаруженная на полу в помещении № 4, датируется временем Наср ибн Ахмада I (256 г. х.) 869 г.

По фрагментам керамики и монетам второго периода можно заключить, что в X—XI вв. здание подверглось значительному ремонту, особенно западная и южная стены, была проложена канализация, которая связана с канализационной системой квартала.

Вскрытое здание IX—X вв. стоит на лессовом слое. Археологические раскопки дали некоторый материал относительно дорожного строительства, канализации и планирования квартала в западной части Афрасиаба.

---

[11] М. М. Дьяконов. Керамика Пайкента, КСИИМК, XXVIII, изд. АН СССР, стр. 93.

[12] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX—XVII вв.), КСИЭ АН СССР, вып. XXII, М., 1950, стр. 90.

[13] В. А. Крачковская. Эволюция куфического шрифта в Средней Азии, КСИИМК, XXVIII, М., 1949, стр. 94.

Т. С. Ёрназарова

О МОНЕТНЫХ НАХОДКАХ В АФРАСИАБЕ В 1965 ГОДУ

Первые раскопки на городище Афрасиаб были начаты в 1883 г. и с того времени ведутся (правда, с большими перерывами) по сей день. Однако до настоящего времени не только не составлено систематическое описание монетных находок на Афрасиабе, но нет даже описаний отдельных экземпляров. Между тем, монеты разного времени, найденные на городище за весь этот период, являются первоклассным материалом, который проливает свет на прошлое древнего Самарканда.

Остановимся на монетах, обнаруженных на городище в 1965 г. во время раскопок здания с замечательными росписями, сопровождающимися согдийскими надписями. В его помещениях (в том числе и украшенных росписями) обнаружено 22 монеты разного происхождения и времени, из них 16 согдийских и четыре арабских, а среди последних омейядский дирхем 84 г. (703 г. н. э.) — времени первого похода Кутейбы ибн Муслима за Амударью. Кроме этих монет, в 1965 г. были найдены еще сасанидская монета, арабский дирхем, битый по типу бухархудатских монет и несколько саманидских монет, которые будут опубликованы отдельно.

Публикуемые материалы, как и все монеты с афрасиабского городища, принадлежат Институту истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, и в данных ниже описаниях указываются соответственно инвентарные и коллекционные номера собрания института. Нумерация монет дается сплошная по рубрикам: серебро и бронза.

§ 1. Сасаниды

1. Пероз I. (457 — 489 гг.); монетный знак ـــ. На л. ст. в поле в рубчатом круге бюст царя вправо. На голове корона. Над короной вертикальный стержень, к верхнему концу которого прикреплен полумесяц, со „священным огнем“ в виде шара, выходящего за пределы монетного поля. В ухе царя серьга, переданная тремя точками, перед лицом царя обычная пехлевийская надпись, содержащая имя царя Пероза: Mazdayasn kadi piioči. На об. ст. в поле алтарь, узкий в середине, кверху и книзу расширяющийся уступами; узкая часть украшена лентами. Над алтарем пылающий

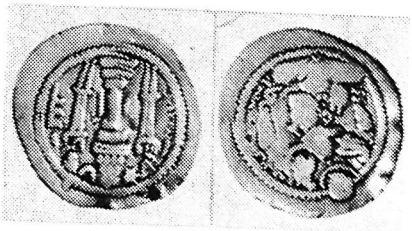

Рис. 1

огонь, слева от которого звездочка, справа — полумесяц. По сторонам стоят стражи (мобеды) с фигурными головными уборами, у каждого над плечами по точке, а за плечами видны ленты диадемы (рис. 1).

Надписи: слева — год царствования, справа буквы ـــ — Ai Airan. Сер.; *д.* 26; в. 3,51; C_1. Предположительно найдена в разрыве строящейся дороги к западу от шоссе к аэропорту. Инв. 5301, колл. № 98/I. Ср. D. Poruck. Sassanian coins. Bombay, 1924, plXV № 29.

§ 2 Омейяды

2. (Абд-ал-Малик), Дамаск, 84 г.х. (703 г. н. э.). На лицевой стороне (рис. 2) в поле в трех строках первая половина символа веры: لا اله الا الله || وحده / لا شريك له

„Нет божества, кроме Аллаха единого и нет сотоварища ему“.

В поле под буквой ر в слове شريک между ней и буквой م в слове „дирхем“ круговой надписи точка.

Круговая легенда: بسم / الله / ضرب / هذا / الدرهم / بدمشق
سنة / اربع / و / ثمين

„Во имя Аллаха чеканен этот дирхем в Дамаске в 84 году“.
Круговая легенда, начинающаяся над словом „Аллах“, заклю-

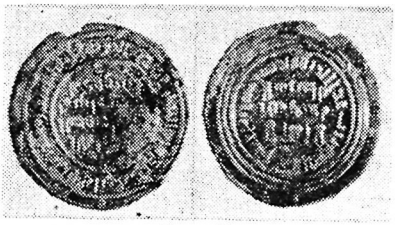

Рис. 2

чена в тройной ободок, отделенный от четвертого (по краю монеты) кружками.

На об. ст. в поле: الله / احد / الصمد / لم / يلد / و || [و / يلد / لم / يكن] اله / كفوا / [احد]
لم / يولد / و / [لم / يكن] اله / كفوا / [احد]

„Аллах един; Аллах вечен; не рождает и не рожден, и нет ему равного никого“.

Круговая легенда: محمد / رسول / الله / ارسله / بالهدى / [و]
دين / الحق ل[يظهره / ع]لى / الدين / كله / و / كو / كره / المشركون

„Мухаммед посланник Аллаха, который послал посланника прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, несмотря на сопротивление многобожников“.[1]

Сер. д.25; в.2,35; C_1 VII ярус, завал помещ. II. Инв. 5314, колл. №99/13. А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа, СП(б), 1896, №24. В. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата, СП(б), 1873, №306.

---

[1] Изречение из 33-го стиха 9-ой суры и 9-го стиха 62-ой суры Корана.

3. С именем халифа Мухаммада ал-Амина ибн Харуна(?). 193—198 г х. (809—813 гг. н.э.).

На л. ст. подражание портрету Варахрана. Погрудное изображение царя передано схематически штрихами и точками (рис.3); над короной царя кружок. Основание шеи и плечи подчеркнуты рядом тесно поставленных точек. Вокруг

Рис. 3

портрета куфическая надпись в точечном круге. Надпись начинается у правого плеча царя;

بسم / الله / محمد [ر]سول / الله / محمدية / مما / امر / به / الامين / على / سليمن / اله

„Во имя Аллаха, Мухаммадия . . . То, в отношении чего приказал ал-Амин . . .?“

Об. ст.: подражание оборотной стороне бухархудатских драхм. Посредине алтарь с двухступенчатым основанием, над ним в пламени голова царя(?), обращенная вправо, над головой царя полумесяц с точкой над ним в языках пламени. С двух сторон алтаря фигуры стражей (мобедов?). Все в мелкоточечном круге.

Сер; *д*. 24; в. 2,80; C_1. Найдена рабочим в 1965 г. при работах в юго-западной части городища. Инв. 5048, колл. № 81/3. J. Walker. A catalogue of the arabsassanian coins. London, 1941, pl XXIX—XI; p. 168, №№ 344—345.

4. Неопределенная сцифатная монета с неясными следами ободка и какого-то рисунка на лицевой стороне. На

оборотной стороне следы точечного ободка[2]. Сер.; *д.* 18; в. 1,8; C_4. Найдена в завале помещ. III. Инв. 5298, колл. № 96/7.

II. Бронза

§ 1. Согдийские подражания некоторым монетам

1. Монета без имени правителя, обозначения года и места выпуска. Первая половина VII в. Бухара (?).

Об. ст: Над квадратным отверстием знак . По краю монеты и краю квадратного отверстия гладкий ободок.

Медь; *д.* 23, в. 3,75. C_1. Найдена в IX ярусе, помещ. II, в завале. Инв. № 5311, колл. № 99/10. О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет, ЭВ. VI, 1952, М.—Л., стр. 21.

§ 2. Цари Согда

2. Шишпир (не позже 642 г.). Без обозначения места и времени выпуска (Кеш).

Л. ст.; Династные знаки согдийских ихшидов, расположенные по сторонам квадратного отверстия, едва заметны. Над квадратным отверстием дополнительный знак , под отверстием второй дополнительный знак в виде кружка . На оборотной стороне едва читается надпись šyš-руг MIK' „Ихшид Шишпир". Квадратное отверстие заключено в такую же рамочку, как на лицевой стороне, по внешнему краю кружка узенький ободок.

---

[2] Согласно заключению заведующей лабораторией археологической технологии ЛО ИА АН СССР И. В. Богдановой-Березовской, монета отчеканена из серебра с большой, но естественной примесью меди, а не из сплава меди и серебра.

Медь; *д.* 25, в 3,00. C_3; В кусках. Завал помещ. I. Инв. 5293, колл. № 96/3. О. И. Смирнова. Каталог, №№ 31—40.

3. Мастан-Авиан (?) (698—700?). Без обозначения места (Самарканд) и времени выпуска.

Л. ст.: Два династийных знака — варианты знаков на монетах Вархумана, расположенные как на монетах Шишпира.

У-образный знак заканчивается округлым завитком, соприкасающимся с нижней стороной рамочки, обрамляющей квадратное отверстие; верхние его концы загнуты под острым углом. По краю кружка — широкий ободок.

На об. ст. согдийская надпись в две концентрические строки m'stn 'wy'n MIK'; квадратное отверстие заключено в такую же рамочку как на лицевой стороне; края неровные.

Медь; *д.* 26; в 3,26; C_4; в кусках. Помещ. II, завал возле пола. Инв. 5292, колл. № 96/1. О. И. Смирнова. Каталог № 137—143.

4. Тархун (700?—710 гг.). Без обозначения места (Самарканд) и времени выпуска.

На л. ст. едва заметны два династийных знака, расположенных с двух противоположных сторон квадратного отверстия, заключенного в широкую рамочку; слева У-образный знак, повернутый вправо, справа знак с ромбовидной центральной частью, схожей со знаком князей Панча. По внешнему краю кружка почти стертый ободок.

Об. ст: — отчетливая надпись в две концентрические строки trγwh/MIK'; "Ихшид Тархун". Квадратное отверстие заключено в широкую рамочку. По краю кружка неровный широкий ободок. Края неровные.

Медь; *д.* 23; в. 2,43; C_3. P = 23; участок „д". Инв. 5302, колл. № 99/1. О. И. Смирнова. Каталог №№ 144—160.

5. То же.

21, в. 1,83; C_3. Найдена в помещ. II на полу. Инв. 5303, колл. № 99/2.

6. Тургар (738—750 гг.).

Тип. Б. Без обозначения места (Самарканд) и времени выпуска.

На л. ст. над квадратным отверстием помещен знак в виде полукруга, обращенного расширяющимися концами к внешнему краю монеты, схожей со знаком „ногтя" на китайских монетах (рис. 4). Справа находится едва заметный

У-образный знак, повернутый вправо; слева — вариант бухарского знака. Рамочка и ободок узкие.

Об. ст.: Надпись в две концентрические строки twrγ'r MIK'; квадратное отверстие заключено в узкую рамочку, такую же, как на лицевой стороне. Ободок узкий.

Медь; *д.* 18; в. 2,47; металл окислен, C_3. Найдено на завале. Инв. 5304, колл. № 99/3. О. И. Смирнова. Каталог №№ 198—297.

7. То же. Два обломка (рис. 5).

Медь; *д.* в. 1,75 C_4. Металл окислен; монета слоится. Помещ.I; найдена в пахсе западной стены. Инв. 5295, колл. № 96/4.

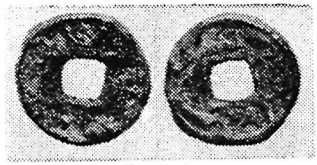

Рис. 4

8. Подражание (?) монетам Гурека. Без обозначения места и времени. Место выпуска неизвестно, первая половина VIII[3].

На л. ст. в поле посередине прямоугольная рамка. По сторонам рамки концентрически расположены два знака; справа от рамочки — династийный знак ихшидов Согда, обращенный в левую сторону , слева — ромбовидный знак монет Тархуна, в отличие от которых он несколько вытянут; знак с широко расходящимися нижними концами (рис. 6).

По краю кружка ободок, сверху и справа срезанный краем кружка. На об. ст. в поле посередине такая же рамочка как на лицевой стороне; кругом согдийская надпись 'wγrk MIK'; по краям монеты ободок.

---

[3] Не лишено вероятности, что такие монеты выпускались от имени самого Гурека.

Медь; *д.* 23; в. 1,71, C_1. Найдено в начале IX яруса, помещ. II. Инв. 5309, колл. №№ 99/8. О. И. Смирнова. Каталог №№ 695—733.

9. То же.

Медь; *д.* 16. в. 1,41; C_{2-3}. Найдена в завале, помещ. II. Инв. 5307, колл. № 99/6.

10. То же.

Медь; *д.* 21: в. 1,52. C_3. Найдена в завале помещ. II, IX ярус. Инв. 5306, колл. № 99/5.

11. То же.

Медь; *д.* 21; в. 1,82. C_1. Найдена в завале помещ. I, X ярус. Инв. 5306, колл. № 99/4.

12. То же.

Медь; *д.* 22; в. 1,55; C_3. Найдена в завале помещ. II, IX ярус. Инв. 5308, колл. № 99/7.

13. То же.

Медь; *д.* 22; в. 1,40; C_{2-3}. Найдена в помещ. II, IX ярус. Инв. 5310, колл. 99/9.

Рис. 5

14. Неопределенная монета.

Медь; *д.* 21; в. 1,25; C_4, металл окислен. Помещ. II, завал с керамическим браком. Инв. 5312, колл. № 99/11.

15. То же.

Медь; *д.* 17; в. 1,02; C_4, металл окислен; в двух кусках. Помещ. I, завал. Инв. 5296, колл. № 96/5.

§ 3. Монеты Чача

16. Л. ст. стерта. На оборотной стороне в поле посередине вилообразный знак с чуть сближенными концами ство-

рок , над знаком и под ним согдийская надпись из двух слов:

γw [βw] tr ['β']

Остальная часть надписи не читается. Края обрезаны.

Медь; д. 18; в. 1,72; C_3. Найдена в завале IX яруса, Инв. 5313, колл. № 99/12. Ср. О. И. Смирнова. Каталог № 747.

§ 4. Аббасидские фельсы времени халифа Мансура (754—775 гг.)

17. Ал-Аш' ас, сын Йахиа, Самарканд, 144 г. х. (761—762 гг.).

На л. ст. в поле в точечном круге: لا/اله||الا/الله||/وحده

„Нет бога, кроме Аллаха единого". Круговая легенда частично стерта, частично обломана, сохранилось ее начало: بسم/الله/مما

На об. ст.: в поле в точечном круге: محمد/رسول[ال]له

Рис. 6

„Мухаммад посланник Аллаха". Под надписью знак согдийских ихшидов, изображенный в горизонтальном положении

От круговой надписи сохранилось только два слова: فى ولية. Монета по краям обломана.

Медь; д. 20; в. 2,12; C_3. VII ярус, помещ. II. завал. Инв. 5316, колл. №39/15. О. И. Смирнова. Каталог.. Табл. XVIII. 863.

18. Неопределенный фельс[4].

На л. ст. в поле в мелкоточечном круге в трех строках первая часть—символ веры: [لا] اله / الا الله || وحده

Над словом „Аллах" точка; вторая точка внизу под буквой, в слове وحده. Круговая надпись не сохранилась, стерта и обломана.

На об. ст. в поле в точечном круге в трех строках محمد / رسول || الله || Круговая легенда не сохранилась.

Медь, д. 23; в. 3,45; C_3. Помещ. II. Инв. 5315, колл. №99/14.

Как следует из вышеприведенного описания монет, наиболее ранняя из числа обнаруженных в 1965 г.—сасанидская драхма Пероза (459—484 гг.), место находки которой точно не установлено.

Весь комплекс монетных находок 1965 г. в целом охватывает период со второй четверти VII в. до третьей четверти VII в. включительно (фельса Ал-Аш'аса)' 144 г. х. (761—762 гг.).

Находка в Средней Азии сасанидских монет—явление не редкое. Довольно часто эти монеты встречались в долине Зарафшана. М. Е. Массон указывает на большое количество монет Пероза и кладов сасанидских монет[5]. Один из таких кладов, по его словам, был найден в 1910 г. в Джизаке. Кроме того, немало сасанидских монет, в частности, монет Пероза, как видно из архивных материалов, поступало из Самарканда еще в конце XIX в. в хранилища Петербурга от частных коллекционеров[6].

Принято считать, что буквы, стоящие на оборотной стороне сасанидских монет (слева от алтаря), обозначают начальные буквы названия того города, в котором отчеканена монета. Против такого объяснения возражал в свое время Е. А. Па-

---

[4] Аналогичных монет в собрании Гос. Эрмитажа мы не обнаружили.

[5] М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, Труды САГУ, новая серия, вып. XXIII, гуманитарные науки, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 95.

[6] Т. С. Ерназарова. Архивные материалы о поступлении монет из Средней Азии в хранилища Петербурга в конце XIX в. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛОИНА АН СССР, Ленинград, 1968 г. стр. 13 Архив ЛОИА, д. 66, оп. 1, ф. 1, 1888 г.

хомов, считая, что оно совершенно произвольное и ничем не доказано[7].

На нашей монете на указанном месте стоят буквы, которые, по мнению Порука, являются начальными буквами названия Ирана. Большинство исследователей полагает, что в данном случае речь идет не о городе, а о стране Иран, и что это название на монетах указывает лишь на то, что такие монеты отчеканены царем Ирана. Мордтман считает, что в данном случае под Ираном подразумевается сасанидская столица Истахр. Существуют и другие мнения[8].

Найденные в 1965 г. согдийские бронзовые монеты, по сравнению с уже известными, новых типов не дают, некоторые из них обращают на себя внимание стилистическим вариантом бухарского знака на оборотной стороне. Из 16 согдийских монет 2 монеты Тархуна и 6 монет Гурека (или подражания его монетам). Как известно, при этих царях были предприняты первые походы арабов в Средней Азии (походы Кутейбы ибн Муслима). В этой связи интересно отметить находку в завале помещ. II—омейядская монета 84 г. х./703 г. н. э. (№ 2 нашего списка). Эта монета времени халифа Абд ал-Малика (68—86 г. х/685—705 гг. н. э.), чеканенная в Дамаске, вероятно, попала в Самарканд во время первого похода Кутейбы (703 г. н. э.). Таким образом, наша монета является первым по времени омейядским дирхемом, обнаруженным в долине Зарафшана. В кладе серебряных монет, найденном в Пянджикенте[9] в 1962 г., оказалось пять омейядских монет, среди которых имеется монета, отчеканенная, как и наша самаркандская, в Дамаске, но годом позже—т. е. в 85 г. х. (705 г. н. э.). Наш дирхем хорошей сохранности, но несколько потерт, тогда как, по словам А. М. Беленицкого, омейядские монеты из пянджикентского клада хорошей сохранности и в обращении почти не были[10]. К сожалению, в его статье описание монет отсутствует.

Аббасидская бронзовая монета, отчеканенная на самаркандском монетном дворе в 144 г. х. (761—762 гг. н. э.), даю-

---

[7] Е. А. Пахомов. О сасанидских монетных знаках. Доклады АН Азербайджанской ССР, Баку, 1945, т. I, стр. 44.

[8] См. Д. Poruk. Sassanion, Bomboy, 1924, p. 136.

[9] А. М. Беленицкий. Клад серебряных монет из Пенджикента, ЭВ, XVII, М.—Л., 1966, стр. 122.

[10] А. М. Беленицкий. Указ. работа, стр. 193.

щая для нашего комплекса наиболее позднюю дату, принадлежит к числу наиболее ранних самаркандских бронзовых монет с арабскими надписями, содержащими имена аббасидских чиновников. Один из этих чиновников Ал-Ашас, как известно, продолжал помещать на монетах, битых от его имени, в Самарканде знак согдийских ихшидов. В настоящее время, благодаря раскопкам на пянджикентском городище таких монет известно довольно много. За 1948—1956 гг. здесь обнаружено более 100 монет (битых в Бухаре и в Самарканде), среди которых большую часть составляют монеты Ал-Аш'аса. На некоторых его монетах знак стилизован под куфический шрифт.

Монет, отчеканенных ранее 143 г. х., то есть года, предшествовавшего тому, в котором была отчеканена наша монета, до сих пор не обнаружено[11].

Особое внимание археологов должна привлечь монета Тургара (№ 7 нашего списка), обнаруженная в пахсе помещения 1 здания со стенными росписями. Эта монета позволяет предположить, что стена, в которой она обнаружена, возведена во всяком случае, не раньше, чем была отлита сама монета Тургара, т. е. не ранее 738 г. В этом году, по данным древних источников, Тургар был утвержден царем Самарканда.

Конечно, наш вывод относительно стены, в которой найдены монеты Тургара, правилен, только в том случае, если она не была реставрирована. Возможно, монета Тургара окажется датирующей и для соответствующей части здания, которое датируется археологами VII веком.

На южной стене зала роспись сопровождается надписью, прочитанной В. А. Лившицем, повествующей о посольстве чаганианского царя, где посол выступает и в качестве представителя хуннского (?) царя Авархумана к царю Самарканда[12]. По мнению О. И. Смирновой, в надписи идет речь об известном самаркандском царе Авархумане, имя которого именно в такой форме прочитано ею на одной из согдийских мо-

---

[11] О данных выпусках аббасидских монет с именами арабских чиновников в Средней Азии см. О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, стр. 47—48.

[12] В. А. Лившиц. Надписи на фресках из Афраснаба. Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии, 15—20 ноября, Л., 1965, стр. 6.

нет. Если это так, то роспись должна датироваться во всяком случае не ранее, чем 50-ми годами VII века.

Случайной находкой является интересный аббасидский дирхем, чеканенный в подражание монетам бухархудатов. Относительно надписи на нем нет единого мнения исследователей. Одни считают, что такие монеты выбиты наместником халифа ал-Махди амиром Али (сыном) Сулеймана. А. К. Марков считал, что в надписи на монетах слово «ибн» (сын) упущено. Того же мнения придерживается М. Е. Массон[13]. Иначе читает эту часть надписи Дм. Уокер: вместо титула الامير — ал-амир (имя) الامين —ал-Амин, т. е. имя халифа Амина (809—813 гг.), за которым следует, по его мнению, имя чиновника Али Сулеймана Илах. Как указал М. Е. Массон, вопрос требует специального исследования.

Таковы предварительные наши соображения относительно монет, обнаруженных при раскопках на Афрасиабе в 1965 г., и случайных монетных находок того же года. Другие какие-либо монетные находки за 1965 год нам неизвестны.

В настоящее время мы подготавливаем к изданию монеты из раскопок А. И. Тереножкина на Афрасиабе в 1947 г.

---

[13] Относительно разных толкований надписи см.: М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» муссейяби. Труды Института истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1955, вып. 6, стр. 175.

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. 3
В. А. Шишкин. Кал'а и Афрасиаб. 122
Н. Б. Немцева. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб 153
М. И. Филанович. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. 206
Г. В. Шишкина. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба 221
М. Н. Федоров. Стратиграфический шурф в восточной части городища Афрасиаб. 247
Л. И. Альбаум. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв. 256
Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. 268
А. Р. Мухамаджанов. К вопросу о водоснабжении Афрасиаба. 294
И. Ахраров. К истории керамического производства на городище Афрасиаб. 301
М. Д. Джуракулов, Я. К. Крикис. Раскопки здания IX—X вв., на городище Афрасиаб. 312
Т. С. Ерназарова. О монетных находках в Афрасиабе в 1965 году. 317

Коллектив

Афрасиаб

Выпуск I

Редактор Н. Зиганшина
Художник Д. Файзирахманов
Художественный редактор В. Тий
Технический редактор Х. Карабаева
Корректор О. П. Фомичева

Р09420. Сдано в набор 19/II-1969 г. Подписано к печати 17/IV-1969. Формат 60×84 1/16=10,375 бум. л.— 20,75 печ. л. Уч.-изд. л. 18,0. Изд. № 2379. Тираж 2500 Цена 1р. 53к.

Типография Издательства „Фан" УзССР, Ташкент, ул. Черданцева, 21. Заказ 44.
Адрес Издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Афраснаб. Афраснабская комплексная археологическая экспедиция. Отв. ред. акад. АН УзССР. Вып. 1. Я. Г. Гулямов. Вып. I. Т., «Фан», 1969.
(АН УзССР. ин-т истории и археологии).
Вып. I. 1969. 331 с.
Тираж 2500.

902.6